

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Н.А. СЕЛУНСКАЯ

**КОММУНА
ИТАЛЬЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ**

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, УНИКАЛЬНОСТЬ
ЛОКАЛЬНОСТЬ

А К В И Л О Н

УДК 94 (100-87) (09)

ББК 63.3 (04) 4

С 29

Рецензенты

доктор исторических наук М.В. Бибиков

кандидат исторических наук О.В. Ауров

СЕЛУНСКАЯ Н.А.

Коммуна итальянского средневековья в историографической оптике: универсальность, уникальность, локальность (Монография). — М.: Аквилон, 2023. — 376 с.

Монография посвящается теме средневековой итальянской общины в многообразии ее проявлений и исторических следов, от сферы права до поля религиозных представлений, интерпретации взаимосвязей мира коммуны и сеньориального мира, а также мира церкви. Анализ историографических традиций и проблем составляет основу работы.

Научное издание

© Н.А. Селунская, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

© Издательство «Аквилон», 2023

ISBN 978-5-6050283-4-5

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ВВЕДЕНИЕ

Цель работы состоит в том, чтобы определить основные пути и традиции изучения «comune» – коммун (общины) итальянского средневековья, проблемы и ограничения, которые встречаются на пути исследования, а также сформулировать собственный подход к данной историографической теме в виде описательной модели для регионального казуса общины итальянского средневековья.

В монографии анализируются традиции изучения средневековой итальянской Comune (Civitas) и в «универсальном», и «локальном» измерении истории, уделяется внимание, как общим схемам, так и разнообразию интерпретаций в рамках указанных парадигм. Акцент, однако, делается на разнообразии интерпретаций микроисторического уровня исследований. Сделать историографический очерк проблем исследований итальянской коммуны предполагается, акцентируя взаимоотношение двух историографических традиций: Италии и России, которые имели, на авторский взгляд много общих точек пересечения, даже при учете позиционирования прошлого в качестве «собственной» и «чужой» истории.

С особым вниманием рассматриваются аспекты, относящиеся к микроисторическим и региональным исследованиям. Такие подходы дают возможность снять разделение между интерпретациями общин статуса коммун (обычно городских и имеющих наибольшее число свобод и привилегий) и иными формами общин, вовлеченных, в т.ч., в отношения вассальной зависимости. Объединение данных проблем интерпретации в общее поле видится важным для дальнейшего развития дисциплины, формулирования стратегий исследования, совершенствования подходов и методов работы по одной из основных тем медиэвистики, какой является история средневековой общины. Для достижения этой цели в данном труде поставлены исследовательские задачи как конкретно-исторического, так и общетеоретического характера. Рассматриваются разноплановые исследовательские вопросы изучения истории общины, которые либо возникают в процессе работы с конкретными казусами, либо являются сквозными

направлениями, проблемными полями всего труда. Сквозным направлением является анализ терминов, используемых в различных историографических традициях, а также формируемые этими традициями представления и стереотипы.

❖ План работы:

I. Средневековая итальянская община и сеньория: параллельные историографические традиции.

1. Как пересекаются линии изучения социальной истории и истории права?

2. Коммуна и сеньория итальянского средневековья в контексте локальной истории: проблема взаимосвязи.

3. Универсалии *civitas* vs локальные особенности. Община и Территориальное государство: традиция правового подхода, но вая локальная история и проблема Государства Церкви (*civitas* и *universitas* в Землях Св. Петра 13-15).

II. Локальный дискурс: общие вопросы историографии и частные ответы

Помогут ли казусы и исключения написать историю средневековых итальянских общин?

III. *Libertas* «Свободы», «верность» и привилегии: Какая свобода?

Помогут ли казусы и исключения написать историю средневековых общин?

IV. Все дороги ведут в Рим? Коммуна, элита, «народ» Рима.

«Город» и города: проблемы архетипа и мифы городской традиции

V. История *civitas* в личностном измерении.

1. Поможет ли индивидуальная история отразить историю коммуны?

2. Предприниматели, благотворители и моралисты века коммун и Черной смерти: Датины и Тоскана.

3. Поможет ли история роскоши представить историю города? Новая городская идентичность.

Уточняющие и вспомогательные вопросы, которые необходимо рассматривать в ходе настоящего историографического исследования более многочисленны, чем это можно отразить в структурирующем содержательном плане.

В сферу интереса исследователя, занимающегося ключевыми проблемами средневековой итальянской общины, входят, на мой взгляд, следующие позиции:

1) выявление и анализ документированных средневековыми источниками социальных практик, представлений, институтов, связанных с **сеньорией** и коммуной (общиной);

2) возможности и инструменты историка-медиевиста в исследовании социума (в т.ч. проблема социальной стратификации);

3) возможности конструирования (выявления) классификационных признаков и специфических черт при описании локальных примеров сеньории (сильной, слабой, территориальной, банальной), и общины, в том числе, общности со статусом коммуны;

4) сравнительный анализ представления о сеньории и общине в историографии;

5) выявление исторических моделей и стереотипных, представлений и норм бытования и коммуникации социумов сеньории и общины;

6) выявление и анализ новых идей и моделей коммуникации, привнесенных со стороны сеньоров, в том числе Церкви, а также роли и формы участия низов, самих представителей общин в осуществлении правовых и социальных нововведений и установления правовых и институциональных практик;

7) анализ линий изучения сеньории и общины (важнейших средневековых социумов) – в поле истории правовых отношений и обозначений, и в сфере интерпретации общих основ символического наследия (свободы, независимость, порядок, справедливость);

8) вопросы саморегулирования общины, регламентации деятельности членов общины ради общего блага (от хозяйственного до семейного вопроса) и моральные и правовые ограничения излишних трат и борьба против роскоши;

9) проблема изучения коммуны через индивидуальную историю и образ новой городской идентичности и религиозности.

Разумеется, такое разнообразие сюжетов исследовано не в равной мере, а, самое главное, не обязательно в сходных стилистических и жанрах исследования, по отдельным вопросам историографический профиль не очерчен до конца, размыт или наоборот, включает слишком много точек отсчёта. Исследования, которые велись по одному из этих аспектов и публиковались на итальянском языке или русском языке, либо оказывали существенное влияние италоязычную и русскоязычную историографию интересуют автора данного труда в равной мере. Предполагается охватить работы, которые делались и историками, и историками права, а также и авторами историографических изысканий.

Исследователя развития истории и историографии итальянской *civitas*, который, как и я, рассчитывает написать большой и относительно связный очерк исторических исследований по истории коммуны ожидает проблема выбора, ограничительных линий. Решать эту задачу можно разными способами, но ограниченные области задач и использования средств описания неизбежно.

Мне думается, что историографическая ситуация заставляет обратиться к иллюстрациям в виде казусов собственных исследований, а также держаться особенно выразительных линий развития региональных штудий, которые можно назвать также трендами микроисториографий. Этими выраженными ярко традициями историографий микроисторических исследований, являются, например, линии исследования Тосканы (с историографическим мифом об особой силе, свободе и независимости коммун, а также и ее противовес, исследования коммун и общин Папских земель, прежде всего, Лация и его соседей. Историографическая антропология или микроисториография – это один из возможных способов обозначения особой традиции историографической интерпретации, введённый в научный оборот совсем недавно.

Именно такая формулировка, которая уже была удачно найдена методологами истории¹ – микроисториография, мне кажется привлекательной. Принять термин микроисториография мне хочется не в силу стремления к новизне и не из желания усложнить аппарат исследования, но потому, что я нахожу это

¹ Репина 2018, с. 31; Свак 2019, с. 11.

определение наиболее адекватным для описания реальной историографической ситуации, уже сложившихся традиций изучения итальянской средневековой коммуны как цепочек региональных и локальных казусов. Кроме того, данный термин, благодаря его аналогии с микроисторией, видимо, подходит для характеристики более «пристального чтения», фокусирования определённых страниц историографии.

История конкретной средневековой коммуны земель Италии и история изучения понятий и представлений о средневековой коммуне составляют в настоящий момент два разных поля исследования. Разумеется, одна составляющая работы историка не имеет смысла без другой и требуются усилия для преодоления искусственно возникших жестких разграничений историографии и конкретно-исторического исследования.

Следует сделать уточнение, что в рамках раскрытия перечисленных выше проблем для данного исследования являются приоритетными и расцениваются как актуальные следующие моменты и задачи:

1) постановка вопроса о взаимосвязи микро- и макро- исторического исследования

А) специфика универсального и локального контекстов изучения цивитас; микроисториографические традиции (изучения коммун Тосканы и Папской области).

Б) разнообразие историографических школ итальянской исторической культуры и традиций отечественной исторической науки по изучению цивитас.

2) вопрос о роли различных типов источников в разработке темы средневековой итальянской коммуны и общины; историки vs правоведы.

3) специфика роли права: осмысление понятий свободы и привилегии, а также функций и репрезентаций коммуны или ее малой группы,

4) изучение взаимоотношения структур коммуны и сеньории, города и округа; практики социальных отношений и возникшие под их влиянием институты социальной адаптации и коммуникации.

Актуальность темы и новизна исследования определяются рядом факторов научно-практического, и эпистемологического.

Историографическое развитие сопряжено с необходимостью поиска новых методов и подходов к изучению и реконструкции важнейших элементов общества прошлого, в области средневековья (в городе и в контадо), их культуры, институционального и правового развития, и социальной истории отдельных малых групп, входивших в общину. Поиски новых ракурсов исследования исторических феноменов или причины отсутствия таких смен век в историографии, поиски альтернатив традиционно изучаемым историками, например, трактовке истории общины лишь посредством письменных и преимущественно правовых свидетельств – требуют всестороннего анализа и объяснения в целях дальнейшего развития исторической дисциплины.

* * *

В чем была своеобычность и в чем традиционность объединений, которые в источниках средневековой эпохи называются *civitas*, *comunitas*, *universitas*? Как выразилось сходство и различие данных типов объединений между собой? Насколько показательна или, напротив, обманчива употребляемая историческими (в основном правовыми) источниками терминология? Как определяется граница частного и публичного, когда речь идет о деятельности представителей *цивитас*, общины, коммуны? Как проявляются или, наоборот, затушёвываются черты кровнородственных связей при развитии общинной солидарности? Как можно объяснить и описать сосуществование коммуны и сельской сеньории на одной и той же территории? Кажется, что один только список вопросов, адресованных исследователю истории и историографии коммуны бесконечен.

Один из спорных вопросов касается и раскрытия понятия «институт» (применительно к истории коммуны/общины). Начать, на мой взгляд, следует именно с этого вопроса, который с неизбежностью будет возвращать нас ко всему описанному выше ряду других crucialных проблем анализа. Достаточно долго с понятием «института» связывали систему административных должностей и функций, зафиксированную в письменном праве или хотя бы в обычае. Возможно, однако, понимать «ин-

ститут» и в более широком смысле: как концентрированное выражение корпоративного духа и группового интереса. В таком случае, характеристика коммуны как института или институтов коммуны зависит от интересов элитарной группы, выдвигающей из собственной среды исполнителей распорядительных функций, формулирующей идеи и задачи, которые придают смысл самому существованию объединения.

Нетрудно убедиться при самом поверхностном знакомстве с историографической традицией, что первая и основная тема, которую привлекают при обсуждении специфики средневековой итальянской коммуны – это история городской жизни. Справедливо ли это предпочтение? С одной стороны, как и всякий стереотип, это распространенное представление несет в себе рациональное зерно: городская жизнь средневековой Италии – это одна из самых примечательных страниц средневековой истории в целом. Однако можно ли утверждать, что городская округа была антиподом городского мира, или же частью взаимосвязанной системы город-контрадо?

Во всяком случае, необходимо изменить то «школьное» представление о коммуне средневековой Италии, которое под обманчиво доступным образом «города» охватывает понятие «*urbs*», а не «*civitas*». При этом известно, что именно общины, а не поселения приобретали особый юридический статус, например, статус «*civitas*» и «*universitas*». Поэтому стоит задуматься о том, насколько незыблемой была связь между величиной и другими характеристиками самого поселения и размерами привилегий и свобод, которыми пользовалась община жителей.

В последние годы двадцатого столетия, в области исследований и историографии средневековой коммуны, как и в исторической науке в целом, усилился интерес к сфере изучения терминологических проблем, истории концептов, в частности, фокусируется проблема словоупотребления «*цивитас*» в средневековой документации. Есть «за» и «против» развития указанного подхода, но можно отметить, что, таким образом, стал складываться особый историографический дискурс.

В данном контексте укажем лишь, что термин «*universitas*», который используют источники применительно к объединениям

жителей поселений, не имевших статуса «civitas, будет переводиться нами как «община». Термин «каструм» в средневековых итальянских источниках также может обозначать особый правовой статус общины обитателей замка, который был ниже статуса «цивитас», но выше, чем статус «universitas».

Далее исследователю открывается круг вопросов о наличии стадильности в развитии общины и коммуны, возможности трактовать как стадии особенности основных постов в системе управления и самоуправления общины в тот или иной период, наличие или отсутствие общего собрания и коллегиальных органов-советов.

Это далеко не полный перечень основных вопросов, возникающих при анализе данной исследовательской темы. Но мы вынуждены еще более жестко ограничить нашу задачу, надеясь, что здравое толкование хотя бы нескольких аспектов поможет четче увидеть картину в целом. На мой взгляд, важнее всего прояснить два историографических сюжета: тему взаимосвязи города и контадо и проблему внутренней организации сообщества жителей локального центра, которое автор исследования определяет нейтраль-но в качестве малого социума². Если принять такую постановку вопроса, то можно подтвердить или опровергнуть тезис о том, что взаимодополняемость и полифункциональность систем организации города и округа реализовывалась как связи коммуны (общины) и сеньории.

Историография темы *сеньории (как сельской, так и городской)* принципиально отлична от интенций и традиции исследования коммуны, во многом изначально базировавшейся на демократическом мифе. Эта разделенность нередко наблюдается и тогда, когда проводятся исследования локального порядка: коммуны города или крупного замка и ближняя округа, пронизанная системой сеньориальных отношений. На мой взгляд, по сути, в сфере внимания исследователей должен находиться один и тот

² Этот термин: социум, малый социум – лишен строгих юридических границ и определений правовых статусов, избыток которых не дает объединить в одну категорию в сущности однотипные общности жителей локальных центров тех или иных средневековых итальянских земель.

же объект и вопрос развития объединения (малого социума) в его взаимодействии с внешними социальными силами.

Главную проблему исследований средневековой сеньории на протяжении десятилетий составляет интерпретация двух типов господства: юрисдикционного и поземельного. В современной историографии, иначе говоря, проведено четкое разграничение юрисдикционной и поземельной сфер отношений, что имеет важное значение с точки зрения развития и специализации историографии. Для углублённого изучения той и другой сферы – это разделение имеет смысл. Вопрос в том, были ли совместимыми и взаимозависимыми эти системы связей в одной конкретной сеньории или же, напротив, являлись принципиально различными и разноплановыми.

При разборе вопроса о сеньории обычно прибегают к следующей классификации подвидов: 1) *Signoria domestica*; 2) *Signoria fondiaria*; *Signoria territoriale (di banno)*. Названия отражают область распространения сеньориальных прав. Первый случай небольшой и патриархальной сеньории не вызывает споров и не так интересен нам. Важно отметить, что, согласно данной классификации, во втором случае, который представляет собой «сеньория фондиария», сеньор имеет права лишь в отношении держателей, получивших от него земельные участки. Третий же тип характеризуется тем, что под сеньорию банна подпадает все население окрестных земель.

Классификация сеньории по видам представляется вполне схоластическим приемом, даже если построение кажется стройным и логичным. Как может быть названо универсальным то или иное описание, если в основе, как правило, лежат региональные казусы изучения? Да, современные способы хранения данных и работы с большими выборками подвигают границы прежних возможностей историков. Предположим, что конвенция достигнута и общая модель описания существует. Однако, существовал ли такой прогресс сеньории в исторической реальности или классификация видов сеньории – это чисто схоластический прием? Я как практикующий историк считаю, что условное деление на подвиды сеньории и общая модель «развития» коммуны(общины) – это метафора и условность, которая и служит более для нужд пре-

подавания, но не является удачным способом описания любого локального варианта, любого сегмента исторических земель. В исторической реальности должно было происходить смешение форм и возможностей трансформации средневековых институтов.

Однако отказ от поисков общего языка описания и общих моделей не приводит к положительным результатам, как и фиксация на схеме. Имея общую схему и договорившись о способах периодизации, историки должны осознавать и подчеркивать для читателей, что они имеют дело с моделью, отражающей традиции изучения коммуны или сеньории, но не пути развития средневекового итальянского социального мира. Историки, используя или не используя общие клише и глобальные подходы, либо следуя в русле микроисторических исследований, в любом случае, встречаются на пути своего исследования препятствия – опасности и подводные камни, которые можно и предвидеть, и зафиксировать, и преодолеть, владея определенным инструментарием, что создается теоретиками науки. Увлекаясь общей схемой, можно создать иллюзию стадиальности процесса развития коммуны или сеньории, можно противопоставить мир «демократических» и «независимых» коммун миру сеньориальной зависимости. Изучая казус, в сущности, можно сделать то же самое.

Если говорить о различиях представлениях различных «школ» современной историографии, то, кажется, что итальянские историки в большей мере, чем их иностранные коллеги считают с многообразием региональных и локальных особенностей и лишь нехотя мирятся с универсальностью применяемых моделей описания. Отрицая необходимость соотнесения регионального материала в ходе конкретного исторического анализа с общими вопросами исторических исследований, мы лишаемся не только опции компаративного анализа, но и возможности сделать результаты изучения казуса общезначимыми для исторической дисциплины в целом. И четко понимая условность общих схем, можно и нужно стремиться к пересечению траектории развития историографии региональных казусов с историографической традицией описания глобальных процессов и больших длительностей. Ряд обобщающих трудов по истории Италии намечал такие попытки, но все же историография средневековой коммуны в

Италии продолжает развиваться в русле регионального и локального.

Помимо вопросов классификации, важнейшей проблемой является периодизация развития и сеньории, и эволюции средневековой коммуны. Сама хронология процесса формирования сеньории в представлениях большинства итальянских исследователей связана с рядом локальных особенностей и вариантов, не тяготеет и не тяготела раньше к поиску общей модели периодизации, по крайней мере, не в учебной литературе. Итальянские региональные особенности в любом случае не помещаются в рамках, принятых в англоязычной и франкоязычной литературе договоренностей. Эти особенности историографии, так сказать, с национальным, даже региональным акцентом, необходимо учитывать. Не в последнюю очередь интересует автора работы и само сравнение подходов историков и специалистов по истории права к вопросам развития средневековой общины и коммуны, а также, а также сеньории. Это – весьма любопытный и парадоксальный сюжет исследования, как мне представляется. Насколько разными могут быть выводы ученых, сделанные на одной и той же источниковой базе, в зависимости от разницы их базового образования и традиций исторической дисциплины? Насколько подвижны эти представления внутри дисциплинарных рамок, какие перемены в смежных дисциплинах отражаются в новых дискурсах исследователей медиевистов?

В связи с заявленными конкретными проблемами интерпретации истории общины и сеньории, которые показывают серьезные различия дискурсов исследователей, автору невольно приходится иметь дело с общими вопросами социологии знания: о том, как пишут историки, как высказывают свои мысли исследователи-гуманитарии, насколько изменчивы их представления и своеобразная «научная мода».

Кажется, что независимо от решения каждого узкого историографического вопроса, можно признать общее влияние «социологии знания» как особой сферы и предмета изучения для развития исторических дисциплин с 60-х-70-х годов прошлого века

и до нынешнего дня³, но, при ряде достижений, остается вопрос о том, как осуществлять исторические исследования, не подменяя труд историка трудами и методами работы социолога. Автору данного исследования, и, думается, всей корпорации историков, прежде всего, важна именно сфера циркулирования теоретических идей, которые создаются на почве конкретных исторических исследований т.е., ради собственных нужд и решения задач этих исследований. В исторических дисциплинах, в традиции историографии могут применяться и сосуществовать вместе с собственно историческими методами и принимаемые извне тренды – например, приемы социологических наук.

С одной стороны, повторюсь, расширение границ и сфер интересов историка, (которое произвели количественные методы в исторических дисциплинах, а также, например, лингвистический и пространственный поворот), способствует, по мнению большинства историков, развитию, продвижению исторической науки. С другой стороны, ситуация зависимости, неопределённости территории истории, не может долго удовлетворять историков, которые предпринимают решительные попытки освободиться от господства заимствований, засилья методов, чуждых собственно исторической специфике. В частности, показательным являлся призыв микроисториков покончить с усилением социологического тренда в исторических исследованиях, преобладанием методов, свойственных социологии⁴. Но наконец есть и

³ Среди многих интересных работ, посвященных осмыслению данной темы, выделю коллекцию статей, которую отличает четкость изложения и практическая направленность проекта общего исследования: *Sciences and cultures. Anthropological and Historical Studies of the Sciences* / ed. E. Mendelson and Y. Elkana. London, 1981. В особенности полезным представляется основной подход работы публикатора сборника: Elkana Y. *A Progmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge*. Ibid. P. 1–73.

⁴ Леви 2004, с. 25–31. В частности, что по поводу работы Дарнтон, указывается: это характерный пример неисправимо «другого» способа прочтения социальной истории, чем тот, которым пользуюсь я и, надеюсь, многие читатели «*Quaderni Storici*». Также подчеркивается, что «контекст и значимость установлены в главах этой книги заранее. Остальное часто всего лишь любезное и изысканное переписывание философии истории, замкнутой в порочном кругу». С. 31.

еще один маркер: насколько собственно история интересна современному читателю. Именно научная активность и популяризаторская деятельность микроисториков в 80-е и 90-е годы прошлого века, думается, помогла основательно изменить историографическую картину. И уже социологи, прежде всего социологи знания и интеллектуальной культуры, в свою очередь, стали жаловаться, что книга по классической истории воспринимается как интересный подарок в широком мире читателей-любителей, в то время как труд по социологии интересен только профессиональному сообществу и не годен для рождественских обменов презентами.

Можно с оптимизмом предполагать, что существует своеобразная «золотая середина» между высокими абстракциями и конкретикой частных исследований, между конспектированием и классифицированием «чужого» знания (что было свойственно традиционному историографическому очерку) и теоретизированием и проблематизированием аспектов, которые относятся уже к философии истории, а не к истории, и не к отдельным ее составляющим, например, средневековью. При этом всегда есть достаточно устойчивый слой исследований, которые ставят и решают те теоретические вопросы, которые ставит перед учеными научная практика. Есть брать варианты развития исторической мысли как практики и для практики исследований, то наиболее примечательным на итальянской почве будет, скорее всего, названо появление микроистории. Как мне представляется, весьма удачно определение микроистории, которое предложил Жак Ревель: «Микроистория – это не комплекс общих идей, не научная школа и тем более не автономная дисциплина, как слишком часто торопились утверждать. Микроистория неотделима от практики историков, от тех препятствий, с которыми они сталкиваются в ходе своих исследований»⁵. Именно такое знание и должно быть особо выделено в ходе историографического анализа ключевых проблем истории изучения коммуны и сеньории в средневековой Италии.

⁵ Ревель 1996, с. 111.

Работая над темой средневековой общины и сеньории в историографии, нельзя не заметить, что некоторые позиции, отраженные в литературе, обусловлены общими установками и традициями той или иной национальной школы исторических исследований в большей мере, чем накопленным конкретным автором работы материалом и логикой источниковедческого анализа. Удивительно, насколько различными бывают суждения ученых специализирующихся, не просто по сходной тематике, но даже по одному кругу исторических источников, насколько один и тот же типичный материал может быть разнообразно проинтерпретирован. С учетом этого обстоятельства представляется не только необходимым осветить некоторые ключевые историографические позиции, но и раскрыть особенности интеллектуальных биографий отдельных авторов и даже целых поколений историков, внёсших вклад в исследования традиции средневековой *civitas* и сеньории.

Темы, которые фокусируются автором исследования при разборе традиции изучения соотношения мира средневековой *civitas* и мира вассально-сеньориальных отношений, могут быть перечислены следующим образом:

Целью данной работы, как было сказано, является исследование историографических традиций изучения средневековой итальянской коммуны и возможных методов описания истории коммуны. Различные подходы, углы зрения и «оптики» рассматривания общего и особенного в феномене развития общины и коммуны итальянских земель. Все стержневые возможности сделать это в общем виде, либо от противоположного, методом фокусировки исключений, приводит нас практически к одним и тем же трудностям, к той же проблеме описания и понимания. Стоит, вероятно, счесть и такой результат важным. У истории коммуны и общины нет и, вероятно, не будет единой объяснительной и описательной схемы, но единые проблемы этого описания должны просматриваться и при попытках работать на макроуровне, и при желании остаться на уровне микро-исторического приближения, работать с казусом, с массовыми источниками, с индивидуальным и личностным.

Всякая история итальянской коммуны будет фрагментарна, зато всякая история отдельной коммуны всегда будет принадлежать, и локальному, и универсальному. В неизбежности такого двойственного положения мы убедились, рассматривая ряд примеров и аспектов бытования *comune*, всякий раз убеждаясь, что на уровне источников община и отдельные ее структуры и группы принадлежат и городу, и *контадо*. Пытаясь создать картину коммуны, мы видим необходимость вписывать ее и в истории общинной «свободы», и в ее якобы антипода – миры зависимости, миры отношений подчинения и соподчинения.

Первый миф или схема – свободного и все более демократичного пути развития коммуны (в смысле расширения демократии) связан в основном с регионом Тосканы⁶, а далее всего Центра и Севера. Противовес базируется на примере Папских земель, юг же Италии вычеркивается из схемы вовсе, будучи связан с успехами централизации власти.

В определённой мере можно признать, что такие разграничения имеют некоторые исторические резоны и смысл с точки зрения исследовательских практик и может быть использовано, собственно и будет использовано с некоторой оговоркой и данным труде. Но все резонное в первом приближении, при более пристальном анализе требует корректировки или хотя бы пояснения. Дополнительным аргументом против такого схематического

⁶ Здесь, в начале пути, мне хотелось бы отметить не подтверждающие примеры, которые слишком многочисленны, а интересные историографические исключения. *Signori, regimi signorili e statuti nel tardo medioevo* a cura di R. Dondarini, G.M. Varanini, M. Venticelli, Bologna, Pàtron 2003, pp. 217–242.

Lo stato territoriale fiorentino (secoli XIV–XV). Ricerche, linguaggi, confronti (Atti del seminario internazionali di studi, San Miniato, 7-8 giugno 1996), a cura di A. Zorzi, W. J. Connell. Pisa, 2001.

Zorzi A. *L'organizzazione del territorio in area fiorentina tra XIII e XIV secolo*, in *L'organizzazione del territorio in Italia e Germania: secoli XIII–XIV*, a cura di Chittolini G. e Willoweit D., Bologna 1994, pp. 279–349.

деления может быть анализ взаимосвязи тех социальных структур и организмов, которые в правовом поле определялись как коммуны (общины) и сеньории.

Как это и заявлено в названии начальных подразделов монографии, основной проблемой следует считать изучение баланса сеньориальных и общинных сил. Такой сложный баланс, в частности, олицетворял феномен коммуны «в вотчине Св. Петра», то есть, в землях, формально находившихся под доминием церкви. Этот пример локальной истории, тем не менее, имеет отношение и к истории универсальной, истории Церкви и ее политической и социальной роли. Именно поэтому теме уделено было так много внимания. Таким образом, в работе был дан общий подход к изучению проблемы взаимодополняемости, соприкосновения двух принципов организации локального уровня: коммуны и территориальной сеньории. Не упуская из виду этой комплиментарности двух начал социальной организации, мы, затем выделили и рассмотрели проблемы юридического статуса общины и коммуны, корпоративных привилегий их членов, и привилегий отдельных групп, полученных по воле сеньора.

Постараемся кратко суммировать основные положения работы. Автору представлялось необходимым отметить яркую палитру историографических оценок указанных феноменов. Историографическая ситуация отнюдь не статична, но, на мой взгляд, необходимо отразить преемственность, а не только и не столько моменты т.н. революционных прорывов в историографии. Определенные вопросы задаются повторно и многократно, некоторые проблемы не снимаются на протяжении многих десятков лет, а общепризнанные на определенном отрезке развития исторической мысли пути, затем представляются тупиковыми.

Именно конкретно-исторические интерпретации на уровне микроанализа и общих историографических контекстов дают возможность составить целостные представления по таким темам как континуитет и инновация в развитии общин. Как было отмечено, значимые в средневековье центры, как города, так и замки, и другие укрепленные пункты, в большинстве своем имели в основе античные поселения, виллы, или прямо соответствовали

древнеримским центрам цивитас. Развитие общинных институтов и системы правовых норм социальной жизни имело длительную традицию.

Важно было отметить, что в некоторых случаях терминологически выраженное сходство (например, в названиях общественных должностей), являлось полностью формальным, в других же случаях мы к тому же можем уверенно констатировать намеренность, нарочитость употребления древнего термина, ранимированного модой. Естественно само по себе наименование не гарантирует того, что в историческом контексте разных эпох одноименные институты имели родственную природу. Разумеется, можно выделить и устойчивые, практически неизменные способы или цели функционирования общественных должностей, например, в том, что касается поддержания в порядке дорог, охраны ночного покоя жителей. Постоянная общая потребность в регламентации таких сфер жизни социума как, торговля или сборы податей и исполнения общественных повинностей, вызывала к жизни в разные эпохи то сходные, то различные институты и типы контроля.

Для многих сходных исследований камнем преткновения являлся концепт корпоративного развития, само понятие о корпоративности, по мнению одних, унаследованное итальянским средневековьем от античности практически без изменений, по мнению иных, существенно адаптированное к новым историческим условиям. Но мне кажется доказательным лишь то соображение, что в рамках правовой терминологии и исторических свидетельств правового характера подобные заключения неисторичны и невозможны.

Более важным представляется мне анализ взаимоотношения община-элита, которое, бесспорно, является определяющим и для развития цивитас античности, и для средневековой цивитас.

Если речь идет о средневековой истории римского региона, то эту тему, естественно, ярко раскрывает история знатных семейств Города. Недостаточно сказать, что римская знать безраздельно господствовала в городе на протяжении всего средневековья. Это ясно показывают такие источники, как перечень средневековых римских сенаторов и статуты римской коммуны, а также и статуты окрестных общин.

Важно помнить, что знатные – «нобили» –имели не только высшие посты в войске, в суде, городском управлении, но даже распоряжались делами церкви. Епископами и кардиналами, настоятелями крупных монастырей становились отпрыски знатных римских фамилий.

Нередко и главой вселенской церкви делался ставленник знатного римского рода, тут же жаловавший доходные церковные должности своим родственникам. Отношения между людьми и коллективами людей в истории цивилизации, представляющие собой дуализм власти и свободы, также, как и перспективы исследования взаимосвязи мирского и сакрального компонентов социальной культуры, являются предметом изучения таких гуманитарных дисциплин, как социальная история, социология, история права, и т.д.

Как было продемонстрировано, мы должны иметь в виду, по крайней мере, три специализации исследователей и три круга вопросов, связанных с темой власти средневековой церкви и средневековых пап в Италии. Это, во-первых, идея папской власти в контексте развития сакрализованных политических теорий средневековья, что и изучают историки политических течений, философы и историки церкви. Затем должна быть указана тема правовых вопросов (отношений по поводу юрисдикции), которые разрабатываются историками права в целом и историками канонического права, в частности. И, наконец, существует традиция изучения социальных контекстов осуществления папской власти, анализируемая историками-медиевистами.

Сферы исследования канонистов и историков средневековых политических доктрин существуют достаточно обособленно, они как бы замкнуты сами на себя. Медиевисты, напротив, в силу самой интердисциплинарности исторического знания, та или иначе затрагивают сюжеты и интересы двух названных платформ историографии. Именно поэтому историческим работам, на мой взгляд, стоит уделять наибольшее внимание любому читателю, который хочет увидеть многообразие взаимосвязи светского и сакрального в социальной жизни средневекового «государства Церкви», составляющих его социумов и систем отношений соподчинения.

Вопросы, связанные со светской властью церкви, интересовали нас не сами по себе, но как интересная перспектива исследования систем связей и отношений личной и коллективной зависимости, конституировавших определенное, динамичное единство, которое далеко не полностью раскрывают простые обозначения «Римский регион» или «Римская Провинция», «Папская область».

К этому ряду вопросов относится прежде всего изучение исторических форм осуществления светской власти папства, сеньории Церкви. В круг рассматриваемых в этой связи сюжетов также включается феномен индивидуальных и коллективных присяг верности сеньору, и клятв-присяг на верность коммуне со стороны вступающих в общественные должности, формулы и ритуалы эти не отличались сложностью, но имели огромное структурирующее значение для средневекового социума. Еще одна составляющая проблемы взаимосвязи светского и сакрального – это тема, церковного прихода, объединения прихожан вокруг местной церкви. Меня особенно интересовали подходы к интерпретации данной темы, которые пытаются найти исследователи истории социального.

Исходя из того, что обе признанные в средневековье составляющие власти церкви – светская и спиритуальная – находили необычайно яркие формы отражения именно в правовой сфере, в письменных источниках нормативного плана, особое внимание в историографии вопроса было закономерно уделено этим вопросам, но также и правовому урегулированию отношений церкви (отдельных церковных институтов с различными социальными группами и общностями). Были многократно рассмотрены и конкретные казусы, и общие доктрины, но, обычно, в виде двух отдельных аспектов, непересекающихся линий развития историографии. Соединения традиционно обособленных в схоластических целях сюжетов, которые явно связаны между собой в истории, возможно добиться коллективными усилиями историков, но не в виде глобальной историографической схемы, а на уровне обобщения микроисторических исследований, что можно назвать жанром микроисториографии.

Думается, что внимание со стороны историков, интересующихся темой коммуны, к историческим сюжетам, в которых Церковь выступала в роли сеньора по отношению к различным коммунам и общинам, является более чем оправданным. Видимо, нужно подчеркнуть и те казусы, когда отдельные представители церковной иерархии, будучи одновременно представителями нобилитета, включались в более чем мирскую систему вассальных отношений. Разумеется, историографический интерес представляют и исследования казусов, при которых индивидуальные сеньоры и консортрии, небольшие родственные объединения выступали равноправно по отношению к большим группам и объединениям, институтам (например, городской общине) утвердившим свою власть в округе.

Персональные и коллективные связи покровительства и подчинения – интереснейшая «сквозная» тема изучения истории общества. Неисторичным было бы акцентировать эти отношения зависимости как атрибут феодального или средневекового мира, но необходимо конкретизировать какие формы проявления феномена были характерны в тот или иной исторический момент. Фокус исследования был смещён из известных городских центров в контадо, и уже с этой точки зрения были рассмотрены разнообразные социальные иерархии и структуры власти, в т.ч. роль и функция города и городской элиты по отношению к округе. Была показана и обратная связь: важная, если не определяющая роль округа в социальном развитии города и городской цивитас.

Особенности развития Лация, Кампаньи и некоторых других регионов наиболее наглядно демонстрируют значение аристократического элемента в век коммун. Точнее, традиции и даже мифы историографии закрепляют такую репутацию исключительно за особыми регионами, хотя локальные казусы могли демонстрировать такую черту повсеместно. Нет нужды объяснять, что значение войны и роли вооруженной силы как составляющей социальной жизни в средневековом мире было огромным и постоянным, это было бы слишком простой задачей. Труднее перечислить все проявления воздействия военного ремесла на уклад жизни общества и его структуру.

Автору предлагаемого исследования представляется необходимым рассмотреть проблему военной повинности, обращая

внимание на взаимосвязь средневекового города и округа, с использованием не только историографических наработок, но и источниковыми примерами. Особым блоком вопросов удалось выделить взаимосвязь организации военного дела и формирование общественных институтов, должностей и правовой регламентации жизни общины. Историографическая картина представлений об особенностях средневекового городского нобилитета и коммунальной элиты, сложившаяся в современном научном мире, во многом определяется возможностями базы опубликованных и неопубликованных исторических источников, сохранившихся от того или иного периода. Можно отметить расхождения линий исследования медиэвистов, которые детерминированы традиционными принципами национальных школ

Тема континуитета организации форм социальной жизни, хотя и является сквозной, требует конкретизировать ряд вопросов на материале отдельных исторических земель, более того, даже в пределах папской области можно указать региональные особенности. Конечно же, социально-правовое развитие средневекового Римского региона и всего комплекса земель Папской области не может быть понято и определено однозначно как традиционное или совершенно новационное, без точек соприкосновения с формами и институтами, устоявшимися в предыдущий период. С одной стороны, было показано, что в целом конституирование средневековых общин в Папской области и, особенно в Римской Провинции имело специфику, отличную от наиболее известного типа развития демократических коммун Тосканы.

С другой стороны, относительная компактность избранных территориальных рамок исследования не исключает существенных различий между вариантами развития общинных структур, сложившихся в Лации, Сабине и других областях, как в городах, так и в контадо и дистретто. Выделенные примеры общин и коммун призваны были продемонстрировать различные модели развития, черты своеобразия социальных связей и взаимоотношений.

Дальняя округа Рима представляла собой интересный баланс черт общего и особенного. Стремление папского престола к осуществлению светской власти из единого центра не пресекло

тенденций сеньориальной раздробленности структур осуществления власти на территориях, простиравшихся вокруг Рима⁷.

Рим, по крайней мере, с XII в. стал претендовать на прямое подчинение «дистретто», т.е. дальней округи. Однако попытки собирания территорий в округе скорее усилили роль рыцарского нобилитета, составлявшего основу военной силы в регионе, чем утвердили и закрепили центростремительные тенденции.

Процесс же консолидации коммун, который ассоциируется с демократическими преобразованиями, скорее усилил роль рыцарского нобилитета, составлявшего основу военной силы в регионе, чем ослабил позиции аристократии.

Важно отметить, что воинская повинность не только составляла основу системы вассального подчинения, но и являлась объектом правовой регламентации, причем и представители элиты (рыцари), и простолюдины стремились в письменной фиксации размеров военной повинности⁸.

Естественно, существование правовой системы вовсе не стоит приравнивать к системе неукоснительного соблюдения прав.

Даже попытки римской курии регулировать отношения между отдельными сеньорами и коммунами оказывались несостоятельными, объявления мира и войны папской властью сплошь и рядом не соблюдалось коммунами Патримония, в т.ч. и римлянами. Поэтому мы пришли к выводу, что данные попытки римской курии стать суверенным законодателем войны и мира – это далеко не единственный системообразующий элемент регламентации социально-политической жизни региона для периода XIII–XIV вв.

Точнее говоря, это общеизвестное и общепринятое положение вещей в сфере господства и подчинения не было системой в современном смысле. Не существовало не только равенства перед законом, но и неподвижных, незыблемых норм, которые, напротив, создавались и пересматривались ситуативно.

⁷ Подробнее об этом см.: Селунская 2001, с. 245.

⁸ Селунская 2003, с. 95–141.

Но это не значит, что со стороны исследователя будет неправомерным конституирование и применение неких общих понятий и представлений, которые не стремились создать используемые источники и исторические акторы (вне зависимости от того, осуществлялась ли власть индивидуальным или коллективным, светским или церковным сеньором).

С рациональной точки зрения историка для исследуемого комплекса территорий и исторического периода применимо обобщённое понятие господства в виде сеньориальной власти, построенной на системе вассальных отношений, которое имело ряд более или менее четких юридических выражений в источниках. Мы проследили, как действовали и правовым образом регулировались механизмы системы вассальной зависимости. Также было показано, в каких именно правовых документах в различные периоды фиксировались отношения и обязательства сеньора и вассала.

Интересно, что разнородные социальные силы (церковь, нобилитет, коммуны), наделенные властными полномочиями, которые могли бы реализовываться в самых разнообразных формах, тем не менее, действовали принципиально схожим образом. Иначе говоря, все участники играли «по одним правилам» и держались определенной правовой нормы, хотя конкретные методы реализации вассальных отношений были весьма специфическими, а границы нормы подвижными, задаваемыми меняющимися социальными реалиями, а не наоборот.

Нельзя не отметить то, насколько разнообразно описывали сущности вассальных отношений медиевисты в истории исторической науки, почти каждое десятилетие в рамках европейской медиевистики выдвигался некий общепринятый тренд или критерий оценки вассалитета, но одновременно сохранялись и особенности национальных школ историографии. В этой связи, на мой взгляд, оправдано рассматривать с особым тщанием, как реагирует итальянская историография на выдвижение концепций иностранных ученых, прежде всего, представителей влиятельной в мире англоязычной науки. Вне зависимости, от того насколько можно считать принципиально важной позиции конкретных ученых, любопытно оценить, насколько важны были в различные де-

сятилетия споры вокруг представителей англо-саксонской традиции медиевистики, а именно, оксфордской школы, занимавшихся сюжетами истории коммуны и вассалитета.

По моему мнению, первое имя, которое следует упомянуть, это имя С. Рейнольдс, ведь полемика, которую вызвали публикации Рейнольдс, остается заметным явлением историографии средневековой истории в целом на протяжении долгих лет. Следующим важным моментом соприкосновения национальных историографий и другим известным именем той же оксфордской традиции следует признать итальяниста Криса Викама с его трудом 2015, переведенным на итальянский в 2017. Еще один достаточно показательный на мой взгляд, момент “вторжения” англо-саксонского критицизма в бурное течение собственно итальянской медиевистики был связан с публикацией Э.Колеманна. Правда, в этом случае, речь шла о достаточно провокационной статье, а не о законченном концептуальном труде, да и имя зачинщика дискуссии было не так известно, как уже весьма авторитетные труды Рейнольдс и Викама⁹.

Эти труды являются и цитируемыми, и весьма часто критикуемыми. Наиболее распространенные историографические тезисы стали общим местом именно со времени выхода в свет в 80-х – нач. 90-х г. фундаментальных трудов С. Рейнольдс: либо благодаря построениям и суждениям исследовательницы, а в противном случае, в силу того, что формулировались критически, отталкиваясь от заключений Рейнольдс. Вот почему, на мой взгляд, именно Рейнольдс принадлежит положение одного из самых влиятельных и авторитетных исследователей средневековой истории, в частности мира феодальных отношений и вассальных связей и также мира общин на средневековом Западе в целом.

При всей полемической заостренности воззрений этой исследовательницы, труды которой, казалось бы, перевернули все традиционные позиции: и методы позитивистской социально-институциональной истории, и подходы формального исследования истории права, тем не менее, ей изначально использовалась достаточно банальная и известная формулировка феодализма, но

9

использовалась именно для дальнейшего развития исследовательских построений и теоретических посылок. О революционности здесь можно говорить только в самом средневековом смысле, в смысле воскресения некогда отмиравшего, поворота на 180 градусов.

Если признавать, что у любого концепта или определения есть право на существование, то следует использовать и общее определение понятия «вассалитет». Судя по традиции изучения региональных казусов, можно заключить даже по небольшим выборкам источников, что разнообразие существовало даже в рамках вассальных отношений на локальном уровне. Можно выделить типы внутри обозначенной модели «вассалитета», корректируя общие положения «большой историографии», теми наработками, которые представляют микроисториографии вопроса, это не сделает употребление общего определения бессмысленным.

Обращает внимание роль замка в процессе складывания и отношений коллективной вассальной зависимости, и процессов образования общин. Поэтому целесообразным будет, по моему мнению, избирать замковый центр точкой отсчета в системе координат, отражающих функции отношений вассальной зависимости. Можно отметить, что взаимоотношение город-деревня осуществлялось через замковый центр. При этом замок не стоит представлять в виде посредника этого взаимодействия, некоего «третьего лишнего».

Точнее будет сказать, что на региональном и локальном уровне мы можем описать эти взаимоотношения в виде общей схемы с небольшими вариациями, особенно, если становимся в этом описании на точку зрения историка права. Например, «деревня» в Папской области, Римской Провинции XIII–XIV вв. – это и есть замок, т.е. укрепление с принадлежащей к нему округой. Окрестные земли – деревни и общины в т.ч., попадали под юрисдикционное влияние замкового центра. Правовое влияние города по отношению к округе также сказывалось в различных аспектах. Таким отражением, являлось, например, правовое оформление землевладения в не только на преобладающей территории контадо, но даже и в дистретто, по принципам, близким тем, что были присущи городскому землевладению данного центра.

Реализация системы правовых норм города осуществлялась в наиболее активном виде, когда возникали вопросы вассального подчинения. Важнейшим в этом плане являлось законодательное воспрещение как опасных для развития городской коммуны и несовместимых со статусом члена *цивитас* отношений личной зависимости от сеньориальной власти нобилей не только в городе, но и в городском контадо.

Запрет принесения присяг и установления отношений вассалитета, который фиксировало законодательство средневековой городской коммуны, как всегда, свидетельствует, конечно, не об отсутствии воспрещаемого явления, но о распространенности феномена. Видимо и употребляемые термины были не абстрактными определениями, но вполне конкретными и распространенными названиями запретного. Средневековые итальянские судьи и нотариусы, которые и принимали участие в составлении статутов, не были склонны воспрещать или разрешать абстракции, они, если можно так выразиться, маслили казусами. Статуты, даже если не упоминали конкретное лицо или обстоятельство, то подразумевали именно такие ситуативные моменты, а не выводили обобщения.

Итак, на представленном историческом материале я пока не пытаюсь создать обещающую формулировку «вассальных отношений», но считаю важными и не бессмысленными те названия, к которым с упорством апеллировали создатели рассматриваемых исторических источников.

Совершенно определено, будучи автором исторического исследования локального охвата, я считаю, тем не менее, полезным поиск общих смыслов, используемых источниковых терминов и историографических определений, в том числе, в рамках историко-компаративных и микро-исторических исследований. В частных случаях и локальных казусах, насколько это возможно, мной были прослежены, и общие, и особенные черты взаимодействия общины и сеньории. Однако мой специфический материал не может служить основой обобщений, а лишь показывает узловые проблемные точки, общие для исследований и подходов различной направленности.

К сожалению, и историографическое развитие не благоприятствует осмысленному развитию тенденции к синтезу. Общие подходы и понятия сохраняются скорее, как дань традиции академического изложения и насущная потребность упрощенной педагогической практики. Особенно эта черта заметна в историографии проблемы сеньориальных отношений и проблемы изучения «феодального». Примечательно развенчание классических представлений о феодальном мире, выдвигаемые тезисы о неправомерности видения феодализма как целостного исторического явления и провозглашение средневекового феодализма мифологемой.

Дискуссии о феодализме нельзя назвать безрезультатными, были введены новые рамки и границы, уточнена область определения результатов исследований, что ранее не оговаривалось так строго. При этом некоторые термины не стали употреблять с большей корректностью или осторожностью, но просто перестали из осторожности произносить совсем. В настоящий момент не только нет попыток создавать кардинальные исторические парадигмы, но и искать новые значения бывших в употреблении терминов. Именно поэтому компромиссный вариант «новой локальной истории», способной, как к анализу, так и к синтезу, а также требующей исследования принципов построения историографических концептов представляется важным трендом.

При этом очевидно, что «бои за историю», как их понимали во времена Марка Блока, временно прекратились в академической среде и перетекли в сферу, связанную с массовыми коммуникациями... Сложившаяся историографическая ситуация, после острых дискуссий о феодализме 1980-х гг., представляется двусмысленной, а принятое решение вопроса о феодальных отношениях – половинчатым. Напомним, что основной причиной пересмотра теории описания феодальных отношений являлись вопросы правового характера конструирования концепта. Но при этом не оговаривается обычно тот непреложный факт, что наиболее распространенную источниковую основу исследования средневекового социума в романском мире составляют (и всегда будут составлять), свидетельства, закреплявшие правовой характер изучаемых отношений социальной коммуникации.

Таким образом, большинство используемых в медиевистике концептов и источниковых терминов имеют правовой характер и происхождения. Отказ от термина феодализм в таком случае является странным исключением из продолжающего существовать правила. Единственным разумным выходом в таком случае является не отказ от имеющегося историографического наследия, но сознательное его использование с перспективой конкретизации кластера значений. Данное исследование проводилось в русле историографического тренда новой локальной истории с учетом контекстуального анализа и примеров исследования истории отдельных концептов.

В частности, феномен вассалитета и роль клятв-присяг в процессе конституирования социально-правовых отношений в средневековых землях Св.Петра, рассмотренных контекстуально на материале исторических источников правового происхождения, представляется актуальным. Трактовка термина вассалитет, согласно полученным выводам, может быть двоякой: сами авторы источников пользовались конкретными казусами и подразумевали частные черты проявления феномена вассалитета, но возможно и правомерно введение общего определения для описания феномена на основе анализа спектра источниковых терминов. Такая процедура была бы невозможной в обратном случае: если бы средневековые нотариусы применяли всегда обобщенные понятия вассальных связей.

Правовая регламентация вассальных обязательств и сеньориальной власти, фиксируемая законодательством коммуны, без сомнения, заслуживает особого внимания, и поскольку изучение данного вопроса позволяет показать и общие основы консолидации общины во взаимодействии с сеньорией: и специфические черты различных объединений равноправных участников, и степень подчиненности общины как коллективного вассала сеньориальной стороне.

Было бы опрострачивым игнорировать качественное своеобразие структур организации власти (как институтов власти коммуны, так и сеньориальных структур) даже на уровне различных локальных центров ареала Папских Земель, однако необходимо учитывать также фактор влияния единой социально-правовой традиции Средиземноморья, основанной на рецепции римского

права (или, по крайней мере, стремлении к формальному возрождению элементов римского права) и континуитете институтов общественного самоуправления.

Нельзя оспорить, тот факт, что отдельные элементы систем социальной организации общин и сеньорий XII–XIII вв. могли функционировать (и действительно существовали) гораздо ранее изучаемого времени. Но указанные века можно выделить как время качественного формирования целостной парадигмы отношений господства и подчинения в рамках правового поля, отличного от предыдущего и последующего этапов правовой истории итальянских земель.

Представляется, что именно сеньориально-вассальные отношения составляли единственную общую основу социальной организации и структурирующих связей в региональном масштабе. Инструменты правового регламентирования социальной жизни, прежде всего статутное право, представляют собой важный и интересный объект не только исторического исследования, но и источниковедческого исследования.

Важность и репрезентативность этого вида источника доказывает следующее положение: именно статуты, и городов, и замков региона, ярко рисуют механизмы функционирования сеньориально-вассальных отношений; никакие иные свидетельства (нарративного или статистического характера не могут заменить собой столь ценный и известный, но не достаточно полно используемый исторический источник, как законодательство общин и коммун, в которых мы нашли и описание процедуры заключения договоров между сеньориальной и вассальной стороной и формулы и ритуалы принесения вассальных клятв верности и присяг, и сведения о вариациях форм коллективного подчинения, соподчинения и осуществления коллективной сеньории.

Интересно, что статуты периода широко известных реформ по централизации и унификации правовых структур Папской области, могли не содержать существенных изменений по сравнению с предшествующим «поколением» локальных статутов, изученных в данной работе. Сеньория – универсальная тема, но Папской области, отличается разнообразием социальных, правовых и

экономических характеристик сеньориального режима, и позволяет вывести некоторые важные заключения относительно трансформации сеньории в изучаемый период Дученто и Треченто.

Традиция изучения общин и коммун Средиземноморского региона в средневековье достаточно богата и плодотворна, но, как это часто бывает, очевидно, что бурное развитие историографии мешает адекватному и своевременному усвоению ее достижений. Естественно, столь важная тема средневековой социальной истории как тема коммуны не могла избежать обычного пути академического изучения: все большего усложнения терминологии и проблем интерпретирования.

Смена исследовательских парадигм в области изучения коммуны, не только постоянно происходила на протяжении почти двух столетий, но и сейчас происходит на наших глазах. В частности, в изучении проблемы соотношения коммуны и элиты, которая была особо выделена автором данной работы, можно отметить определенные изменения.

При этом обилие литературы по предмету не всегда позволяет выделить новаторские инициативы, особенно, когда они не декларируются как таковые, но подаются в классической манере изложения материала, как это свойственно, например, итальянской школе историографии. Вот почему весьма важным представлялось выделить актуальные проблемы интерпретаций, которые имеются в современной и классической историографии по теме и четко определить собственные приоритеты исследования.

Несомненно и то, что на этом пути предстоит не только разрешить накопившиеся вопросы и противоречия, но и осознать еще немало задач. В частности, требуют интерпретации и реинтерпретации многие концепты, порой принимаемые даже историками за некую данность. Я имею в виду, прежде всего, понятия «региона», «локальной истории», «казуса», самих ключевых терминов «коммуна» и «сеньория».

Кроме того, сам объем накопленной информации уже таков, что с трудом может быть освоен и использован в учебном процессе и индивидуальном исследовании по смежным темам, эта историографическая ситуация требует постоянных усилий переработки, рефлексии и классификации по тематической направленности и ключевым словам.

В работе были определены рамки применения различных исследовательских методик, принципов построения исследовательской перспективы изучения общины и коммуны. Одним из важнейших был представлен способ изучения общины не отдельной общины как таковой, но в процессе ее встраивания в уже существующие структуры социальной иерархии и системы персональных связей.

И, очевидно, что дополнительная задача: показать характер индивидуальных и коллективных вассальных отношений (именно в таком интересном иерархическом устройстве, как средневековая Папская область) -представляется оправданной и открывает важные перспективы исследования темы, положенной в основу данной работы – средневековой коммуны.

Через изучение многообразия вариантов развития грандиозного феномена средневековой коммуны во взаимодействии с сеньориальным миром, как представляется, можно приблизиться к более глубокому определению специфики итальянской средневековой коммуны и общины. Несмотря на то, что заявленные региональные и хронологические рамки не очень широки, никак нельзя счесть данное исследование примером составления локальной истории. С любой позиции: историка социального, историка политического строя или историка права, не может не обнаружиться общий интерес к важнейшему моменту изучения характера взаимосвязи малых социумов и общностей, их иерархий, структур соподчинения или доминирования отдельных корпораций и назначение, происхождения и функции институтов коммуны.

Эти важные темы, на мой взгляд, пока не находят должного и развернутого изложения в историографической традиции, несмотря на всё ее богатство и насыщенность как исследованиями казусов, там и работами общего плана. Проблема видится в том, что здесь необходимо совмещение нескольких крупных планов исследования, чего современная узкоспециализированная наука часто избегает. Попытки каждый раз сложить заново, подобно пазлу, из множества фрагментов, некий большой контекст хороши исключительно тем, что позволяют и даже заставляют перетасовывать сами эти представления, пересматривая обманчивые и в действительности подвижные «константы». Тот единый

контекст, который выстраивается из интересующих автора работы исторических сюжетов, весьма обогащает восприятие каждого отдельно взятого вопроса исследования. При исследовании многосторонних «историй», пытаясь выстроить иерархию взаимосвязанных феноменов, с неизбежностью убеждаешься в том, что, условно говоря, пограничье «территории историка» вдруг становится центральной ее частью, темой, доминирующей во многих проявлениях.

Отдавая себе отчет в условности и рукотворности того, что историки называют контекстом, или же разочаровываясь и снова очаровываясь возможностью выстраивания большого нарратива, мы движемся вперед, к некоторому приращению знания, одновременно накапливая опыт поучительных ошибок и развенчанных заблуждений.

Можно и нужно полагать, что исследования казусов, совершенно как будто бы не связанных между собой, окажутся, в конечном итоге, объединенными в один ряд усилиями многих ученых. Есть все предпосылки к тому, что, объединяя различные поля исследований, историки смогут адекватно и полно отразить взаимосвязанные исторические феномены, традиционно изучаемые по отдельности.

Есть ли в современной историографии труд или коллективное исследование, в котором раскрываются все обозначенные выше темы и проблемы? Думается, нет, именно в таком виде постановки вопросов не формулируются и ответы не постулируются, думается, что нет и необходимого, с точки зрения автора данной работы соотношения примеров локального и универсального характера. Все эти перспективы и планы исследований, однако, неявно, неартикулировано существуют в историографической традиции, находятся как бы в толще исследований: их нельзя просто подметить и скопировать, но можно вычленить дополнительным анализом, при всем этом, анализ должен касаться не конкретного труда или даже узкой выборки работ, а большой совокупности трудов итальянистов, если можно так сказать, взятых в большой длительности, в динамике историографического развития, а не одномоментно, скажем в срезе десятилетия. Оговоримся, и это при условии того, что исследовательский исторический синтез изначально был заложен в неписанные программы

и кодексы историков начала прошлого века и в России, и в Италии, и благодаря тому, что соединение разных перспектив исследований становится в последнее время более принятой нормой для публикаций медиевистов.

Разумеется, всякое расширение территории историка, территории нашего исследования – не является конечным достижением, целью и абсолютной истиной, которую нельзя было бы пересмотреть в дальнейшем, хотя бы и в сторону неких апробированных в прошлом методик исследования, показавшихся на каком-то этапе архаическими. Однако, изобретать новые контексты для старых казусов истории, не только необходимо, но и достаточно для динамичного развития дисциплины.

Что касается взаимоотношений историков «практиков» и «теоретиков» и их попыток увидеть и показать общую или частную историю коммун, то им одинаковым образом придется пойти на уступки друг другу. Практики и сторонники изучения казусов, исключений, локальных частных, вынуждены признавать, если они честны, наличие тех же проблем исследования, с которыми имеют дело и которые артикулируют «теоретики». Свободное плавание их будут свободным, пока им не потребуется точно определить положение своего объекта описания в той или иной системе координат.

Вопрос Comune

I Универсалии цивитас vs локальные особенности

1. Образы коммун города в сфере изучения Всеобщей истории и традиции цивильности

2. Средневековая итальянская община и сеньория: параллельные историографические традиции. (Параллельные линии изучения социальной истории и истории права)

3. Коммуна и сеньория итальянского средневековья в контексте локальной истории: проблема взаимосвязи.

4. Община (Малый социум) и Территориальное государство итальянского позднего средневековья как исторический объект: традиция правового подхода, новая локальная история и странственный поворот (*civitas* и *universitas* в Землях Св. Петра 13-15).

Все перечисленные пункты, все объекты изучения, так или иначе подводят к проблеме и всеобщей, и локальной или региональной истории, но, в то же время с понятиями истории, а казус Земель Св.Петра (и попытки его описания в историографии) наглядно показывают, как именно эти связи вопросов локальной и универсальной истории реализуются, даже, можно сказать, реализуются двойным образом в исследованиях, что, надеюсь, мы и проследим взглядом внимательного читателя литературы по этому вопросу.

Правовой подход к определению объекта исследования, четкая система правовых статусов, почерпнутых их источников – это и плюс, и минус. Узкое определение *civitas/castrum* в отношении общин, выделение общин, закрепивших свои права и обязанности в виде статуса и в виде хартии вольностей – указывают именно на юридические статусы в логике средневековой эпохи. Исследователю невозможно опираться только на эту систему, иначе невозможным будет обозначить всю совокупность жителей данного локального центра, включая временных переселенцев, лиц, не обладающих полным правовым статусом и привилегиями. Ни одно из четких наименований, данных строкой исторических источников нельзя применить к этой совокупности, иначе это будет вольностью, некорректным использованием термина. Термин придется изобрести или использовать именно такой, который не имеет особого содержания, а именно содержания правового. Для этой цели вполне подойдет наименование социум и малый социум. Социальные, а не строго правовые отношения внутри этого социума получают в таком случае шанс быть увиденными, а коммуна средневековья с ее несомненной спецификой сможет вписаться в ту картину, которая включает и современную роль итальянской коммуны в государстве.

Немаловажно указать, что в данном случае, т.е., при изучении развития коммуны и изучения истории ее историков, не кажется риторическим вопрос о том, насколько актуально изучение указанной темы средневековой истории. Естественно, историческое знание всегда актуально, т.к. предохраняет от популярной и популистской вульгаризации и искажения истории в угоду сиюминутной идеологической моде или политической ситуации.

Естественно и то, что это наследие не могло потерять свое значение, даже став пережитком прошлого, но, напротив, именно тогда и дало т.н. «плод коллективной памяти», создало предпосылки особо самовосприятия в качестве «наследников традиции» цивильности.

Знание о формах и способах социальной организации прошлого, механизмах общественного согласия и разрешения конфликтов, развитой системе правосознания людей прошедших эпох, представляется действительно необходимым элементом исторического образования гражданина правового общества. Современные формы построения европейского государства не понятны без изучения социальных феноменов средневекового мира. Даже если речь не идет об историческом континуитете, тогда вступает в свои права континуитет воображаемый, воссоздаваемый усилиями наших современников, но от этого не менее значимый для них.

«Коммуна» в итальянском языке, как в научном, так и бытовом сознании – одно из базовых понятий, которое не равнозначно нейтральному в русском дискурсе термину «муниципалитет» или местное самоуправление. Это символ независимости, автономии, суверенных прав гражданина, который является, прежде всего, членом коммуны (*comune*), и лишь в силу этого – членом государства (*stato*). Само же современное итальянское государство определяется как совокупность коммун, развитие которых признается основополагающим для существования государственности. Вопрос развития средневековой общины и утверждения ее в социально-правовой иерархии, затрагивает принципы социальной организации «по инициативе снизу».

Итак, очевидно, что тема средневековой истории коммуны имела в прошлом и до сих пор имеет значимый характер. Такая актуальность всегда создает и ряд сложностей на пути научной интерпретации исторического феномена. Что же касается научной актуальности проблемы изучения средневековой коммуны и общины современной исторической дисциплиной и историографией, то, можно сказать, что именно традиционность тематики парадоксальным образом требует инноваций научных разработок и методик. Масса исследовательских методик, находящихся в арсенале современных историков, была отработана в середине-

конце прошлого, двадцатого века, именно медиевистами и специалистами, изучавшими традиционные объекты исторической науки: например, жизнь средневековых горожан, их общин и церковных миров.

Представление о локальной и региональной перспективе рассмотрения истории стереотипно связывалось с фрагментарным и казуальным исследованием, и даже примитивным архаичным краеведением. По мнению же адептов «новой локальной истории» применить такой метод – значит, воссоздать некую целостную картину, в частности, картину историографических представлений. В данной работе анализируются возможности и границы использования данной парадигмы исторических исследований.

Частной задачей при этом ставится – вписать в контекст локальной истории общие черты развития и особенности локальных центров коммуны и сеньории Папской области. Таким образом, в результате требуется охарактеризовать специфику Папской области как системы малых социумов общин и сеньорий – по отдельным казусам, вопреки фрагментарности свидетельств исторических источников и однотипности наиболее массовых свидетельств, а также, несмотря на разнородность и противоречивость многочисленных существующих историографических направлений, разрабатывающих концепты коммуны и сеньории.

В отечественных публикациях ряд концептов, задействованных в исследовании, например, «регион» или «территориальный комплекс» – трактуются достаточно вольно или используются без терминологического анализа, в произвольном значении. Однако, несомненно, что отсутствие проблематизации термина не позволяет осознать, ни феномен т.н. «регионального государства» (*stato regionale*) в итальянских землях в целом, ни конкретных казусов складывания территориального (земельного) единства, например, развития социума Папской области.

Само по себе название «Папская область» или Земли Св.Петра также является условным термином, понятием, которое следует рассматривать в различных контекстах: социокультурном, правовом, институциональном. Кроме того, локальная история как парадигма изучения истории не только задает определен-

ные рамки видения феноменов, но и создают особые исследовательские принципы и иерархии ценностей. Для универсалистского подхода естественно искать объяснения частному случаю социального развития или феномену – в неких, предварительно воссозданных «общих» принципах, обоснование закономерности и роли отдельного события или казуса находится в рамках некой предварительно созданной глобальной системы. Возможна, однако, и иная логика или, точнее, следование логике исторических свидетельств локального характера, четко привязанных к отдельно взятому центру или местности.

Однако локальная история при этом не предполагает анализ событий местного значения. В перспективе локально-исторического анализа события мирового значения или распространенные явления должны быть раскрыты и оценены с точки зрения последствий локального характера. В центре исследовательских предпочтений также оказывается прояснение локальных частных факторов влияния, нередко создававших прецеденты мирового значения и влияния. К таким особым социально-историческим объектам применима парадигма новой социальной истории. В таком ключе бесспорно можно рассматривать исторические судьбы Папских земель в сердце Италии: осуществление в данном историческом ареале любых социальных инноваций, проявления континуитета или конституирования новых институтов. В частности, отношения элиты и общины Рима, взаимоотношение сеньориальной власти и власти коммуны, расширение и институализация прав Церкви (в качестве права светской сеньориальной власти), а также отдельные события, например, проведение «римских юбилеев», имели, как специфические локальные основы, так и последствия не только местного, но общеисторического, цивилизационного значения.

В Папских землях – в областях центра и части континентального юга Италии, отсутствие четких выделенных и неизменных на протяжении веков центров, так же, как и постоянное видоизменение форм и функций власти сопутствовало бурному развитию социальных и правовых конфликтов и временных консенсусов локальных социумов.

Основные отправные посылки исследования, которые касаются проблем локального и регионального в истории *цивитас*, самой методики выстраивания регионального исследовательского казуса или объекта формулируются следующим образом:

Данная работа направлена преимущественно на изучение исследовательских традиций и историографических дискурсов, сформировавшихся благодаря трудам многих поколений историков в процессе анализа истории средневековой общины (*civitas*, *universitas*) Италии, поскольку этот пласт историографии итальянской общины и коммуны весьма весом и значим не только в общем объеме исследований по медиевистике, но и как пример взаимодействия поля академической науки и общественной культуры, поля политики и истории.

История изучения *цивитас* выводит исследователей на вопросы о глобальной и локальной истории, месте индивида в социуме, особенностях средневекового социума, способах использования исторического наследия и его реактуализации. Тема исследования общины-коммуны затрагивает большой объем историографических проблем, образует тот оплот трудов, который может быть определен как несущая конструкция всего здания медиевистики, и, более того, важная часть проблематики всей исторической науки. Есть в перекличке историографических традиций и такой важный для автора исследования страт: отражение идеи *цивитас*, а также восприятие итальянской истории и историографии в русской науке и культуре.

История городской общины (коммуны) средневековья вписывается в парадигму универсальной истории: основной такого подхода является противопоставление городской цивилизации и деревни, городской свободы и феодальной зависимости. *Цивитас* (коммуна) также представляется в историографии как новый участник в борьбе универсальных сил – империи и папства, сформировавшийся в результате такой борьбы, но затем эмансипировавшийся, ощутивший себя равноправным членом взаимодействия, более того, добившийся определенных преимуществ по отношению к империи и папству, изменивший традиции общего права в пользу собственного.

Пласт исследований, предполагавших рассмотрение истории коммуны как универсальной истории, разумеется, весьма важен историографически, вне зависимости от того, насколько количественно велик ряд подобных трудов. Но не менее, (а на мой взгляд, и более) важны и значимы для исторической дисциплины в методологическом плане опыты и образы исследования локальных и региональных контекстов развития общины, что особенно показательно именно для Италии с ее полицентризмом.

Известны и привычны изложения историографических посылок по периодам и национальным школам, по особенностям методов и подходов, используемых идеологических клише, по позиционированию историографического тренда в отношении больших исторических длительностей или же выделению казусов времени и пространства. В самое последнее время был обозначен и назван один из возможных способов историографической интерпретации – историографическая антропология или микроисториография¹⁰. Именно такая формулировка и этот формирующийся тренд мне кажутся наиболее адекватными для описания ставимых мной задач и объектов исследования, которые реконструируются в данном труде.

Кроме того, данный термин, благодаря его аналогии с микроисторией, видимо, подходит для характеристики более пристального чтения определенных страниц историографии вопроса, в частности, италияязычной и русскоязычной традиции изучения средневековой коммуны, которые, по моему мнению, имеют переклички: например, темы локальной истории, значимы равным образом для той и другой. Я полагаю возможным, как это и призывали делать микро-историки, фокусируя приближение и задавая план микроуровня, тем не менее, ставить некоторые общие вопросы. В избранном для исследования поисковом поле это означает: поставить общие задачи исследований *цивитас* и общины, позиционировать новейшие исследования относительно давних и устойчивых традиций описания, исходя из некоторой исторической картины локального и регионального уровня.

¹⁰ Репина 2018, с. 31; Свак 2019, с. 11.

История конкретной средневековой коммуны земель Италии и история изучения понятий и представлений о средневековой коммуне составляют два разных поля исследований, как будто бы самостоятельных и обособившихся в силу развития и спецификации, отдельных составляющих дисциплины. Разумеется, одна составляющая работы историка не имеет смысла без другой и требуются усилия для преодоления искусственно возникших жёстких разграничений историографии и конкретно-исторического исследования. Собственно, только в силу разграниченности данных сфер так живучи историографические стереотипы, а результаты конкретных исследований не отрефлексированы и не обобщены.

Когда историк или его читатель, наделенный общим гуманитарным образованием и эрудицией историка, встречается с темой истории средневековой коммуны, эта встреча происходит и на уровне частных историй, в которых фигурируют древние локальные центры притяжения социальной жизни, и как узнавание самой глобальной идеи цивилизации. Здесь, можно сказать, возникает парадокс. С одной стороны, понятие «коммуна» вписывается в ряд основополагающих демократических понятий и образов: свобода, независимость, традиция цивилизации, и цивитас, т.о., фигурирует как антагонист феодального мира, мира вассальных зависимостей. С другой стороны, с точки зрения конкретного исследования местной истории средневековая община существует именно там, где существует и центр вассальных связей, один и тот же член социума может быть вовлечен в равноправные отношения круговой поруки соседей, вступивших в общину и быть участником отношений вассальной верности, как и сотоварищи-общинники. Ряд образов: цивитас, город, свобода – принадлежит универсальной истории, понятия о системе связей подчинения и соподчинения на местах в условиях вековой децентрализации – принадлежат разряду региональной или локальной истории, а также парадигме микроистории.

Однако, достаточно давно интеллектуалы, пытавшиеся постулировать возможность универсальной и частной истории, пришли к выводу о том, что антитеза историй (т.е., частной и универсальной истории) – слишком ригидна. Ни той, ни другой реа-

лизации в чистом виде не существует, ни универсальной, ни частной истории нет, мы можем говорить лишь о представлениях историков и избираемом ими угле зрения. При этом универсальная история – «только термин для обозначения представлений историка об истории». По собственным понятиям автора работы это верное определение историографической традиции, попыток создания и осмысления общих моделей истории.

Что касается т.н. «частной истории», то и ее можно интерпретировать различным образом, понимая, как историю «фактическую», «казуальную», «локальную», и т.д. Разумеется, все это тоже термины и понятия, но также и модели. При этом модель локальной истории или же микро-истории может быть использована как самодостаточная и превалирующая описательная модель. Так или иначе, и универсальная история, и ее якобы антипод, в равной мере являются конструкциями историков, т.е. изменчивыми представлениями историков об истории, (хотя до сих пор и самым серьезным образом продолжают заведомо бессмысленные споры о том, какая именно парадигма или описательная модель из этих двух является исторической реальностью).

Представление о локальной и региональной перспективе рассмотрения истории стереотипно связывалось с фрагментарным и казуальным исследованием, и даже примитивным архаичным краеведением. По мнению же адептов «новой локальной истории» применить такой метод – значит, воссоздать некую целостную картину, в частности, картину историографических представлений. В данной работе анализируются возможности и границы использования каждой из обозначенных выше парадигм исторических исследований. Задачей ставится – объединить историографический план и план специализированных методов исследования коммуны. Поэтому при работе с традиционным, региональным уровнем исследования итальянского средневековья возникает указанная выше парадоксальная ситуация: локализуя и изучая общину и ее высшую форму коммуну как социум и сеньорию конкретного исторического центра, исследователь должен обнаружить на этой небольшой территории не две разные структуры, а в сущности, одну: одних и тех же людей, которые испытывают на себе влияние власти и местной общины (коммуны), и

сеньории, а также являются и полноправными (равноправными) членами общины, и вассалами.

Коммуны и сеньория, мир города и мир феодальный, это исторические парадигмы, два различных поля историографического изучения, разные универсальные модели описания истории. Поэтому так трудны и подчас невняты добросовестные попытки историка оставаться в зоне конкретно-исторического и локального, не вырабатывая собственных теоретических концептов, а заимствуя хотя частично инструментарий универсалистского дискурса, понятия историографии, которые являются обобщениями и абстракциями высокого порядка. Для историографической традиции коммуны и сеньории – это два разных мира, точнее сказать: миры-антагонисты. В плоскости региональной истории, однако, простая логика заставляет заключить, что поселение весьма часто знаменует собой общность, элементы которого являются строительным материалом того, что в научной традиции называется «коммуной», как и того, что обозначается как «сеньория». Иными словами, наблюдая этот социум с разных сторон, отражая его в разных проекциях, мы можем назвать одних и тех же индивидуумов членами коммуны или же подданными, верными сеньора. Да, это один локус и один социум, вовлеченный в несколько систем связей и осуществляющий ряд функций.

В этом плане локальная, т.е., частная история, парадоксальным образом предстает более многомерной, чем история универсалистская. Кроме того, одна сфера неуловимым образом соприкасается с другой, в таком случае, пересечения, казалось бы, параллельных направлений локальной, частной и универсальной истории – неизбежны. Отдельная *цивитас*, коммуна небольшого локального центра могла играть в какой-то исторический момент либо даже и на «большой длительности» роль в т.н. «мировой» истории: занимая определенную позицию по отношению к Империи и светской власти папа, осуществляя свою функцию в борьбе всеевропейских политических акторов: партий гвельфов и гибеллинов. Разумеется, Рим, Вечный город, одновременно имел свою историческую долю и в локальной, и в глобальной истории. Тема права общины и коммуны, разумеется, требует разбора в общем контексте развития *ius proprium vs ius comune*. Правовые аспекты

так ценны в общей панораме, поскольку, во-первых, представлены огромным разнообразие письменных свидетельств, а во-вторых, как следствие этой ситуации с историческими источниками, играли достану важную роль в историографии истории средневековой итальянской коммуны.

Исходя из этих соображений, будут подвергнуты разбору и анализу те работы (историков и историков права), в которых так или иначе ставится и исследуется проблема правовой идентификации и самоидентификации особого социума итальянских земель: средневековая община и составляющие ее группы. К этому блоку вопросов в данном исследовании относим систему ограничений и самоограничений социума (прежде всего, правовую регламентацию вассальных связей и свобод), а также «должную», причисляющую и «недолжную» роскошь со всеми узловыми представлениями о них.

Борьба отдельных коммун с роскошью и расточительством членов сообщества, сама по себе также может и должна рассматриваться и как локальный феномен, но и как историческое явление глобального, универсального плана, традиция античности, континуитет или возрождение которой, проявляется в средневековой Италии, начиная с XIII в.

Итак, в задачи автора данного историографического анализа входит изучение и общих и частных планов описания общины, и те работы медиевистов, в которых акцентируется «коммуна» и городская история, а также универсалистский подход, противопоставляющий город и феодальный мир, и исследования историков, которыми та же «Община» понимается и принимается во всей совокупности ее институциональных основ и систем внутренних и внешних связей, в том числе и в частности, во взаимосвязи с институтами местной сеньории (*signoria, senioria*).

Речь в моем исследовании не идет о предпочтении, позитивной и негативной оценке или стремлении вовсе отрицать тот или иной подход, а лишь о конкретизации историографических позиций и уточнении возможностей каждой из выявленных историографических практик. Скажем, следует учитывать, что в некоторых историографических традициях итальянская коммуна воспринималась, (как и сейчас воспринимается) только в контексте

городской традиции и структур урбанизма. В то же время в случаях конкретно-исторических работ локального уровня обычно выделяются коммуны города, коммуны вне города, общины контадо и замков, вне зависимости от генеральных принципов описания истории общины на уровне учебных пособий и энциклопедий. Не ставится задачей в моей работе составить перечень историографических школ, либо исследователей, так или иначе работавших над темой истории итальянской общины средневековья. Выделяются определенные проблемные блоки исследований. В частности, выделяются именно моменты переключек между как будто бы параллельным развитием историографии в России и Италии, моменты пересечения локального дискурса изучения с глобальным видением проблемы и т.д.

Автор данной работы, интерпретирует, разумеется, не все существующие работы по истории коммун итальянского средневековья, но именно традиции описания коммуны (общины), при этом акцентируются избранные под определённым углом зрения проблемы и вопросы, которые эти традиции интерпретируют. К данному спектру принадлежат, прежде всего, исследования правовой истории развития общины, институциональная история, политическая, социально-экономическая, а затем история частная, бытовая, связанная с внутренним ритмом жизни общины и отдельных ее элементов. Что касается источниковедческих аспектов, в первую очередь будет выделена традиция изучения правовых аспектов и свидетельств, и только затем традиция изучения нарративов. В заключительной части будут рассматриваться возможности изучения отдельных тем истории общины сквозь призму визуализации, с акцентом на визуальные источники.

Автор исследования анализирует возможности и функции изучения социальной истории в ее «локальном» измерении на примерах, прежде всего, знаковых работ русской и итальянской медиевистики. Особенная важность италоязычной историографии понятна, разумеется, отечественная история является предпочтительным объектом изучения для каждой национальной исторической школы. Но, также можно сказать и о том, что приобщение к «чужой истории», стремление к Образу Другого, всегда является модусом раскрытия собственной идентичности.

Для русской интеллектуальной культуры и научной исторической мысли образ Италии и ее история были необыкновенно притягательны, но наиболее важным моментом является то, что русские медиевисты и итальянисты пришли около века назад к созданию особой парадигмы изучения локальной истории теоретически и практически. Прежде всего, речь идет о работах плеяды медиевистов, прошедших семинары профессора Гревса, и о т.н. экскурсионном методе, который являлся и истинно научным, и практическим. Кроме того, выстраивая теоретические и практические основания экскурсионного метода, Гревс и его последователи пришли, в сущности, к методике изучения региональной истории Италии. Это страница истории исторической науки требует особого внимания, изучению этой (прерванной) традиции будет отведена особая рубрика.

В данной работе анализируются возможности и границы использования методов изучения средневековой общины (коммуны), а также особенности дискурсов и парадигм исторических исследований средневековой цивилизации и сеньории. Задача – объединить историографический план и план специализированных методов исследования коммуны.

Для конкретизации задачи требуется вписать в контекст локальной истории общие черты развития и особенности коммун и сеньорий, в частности, выделяя «конкретный» пример, реконструируя казус Папской области. При этом автор работы отстаивает условность противопоставления метода локальной истории подходу универсальной истории. Папская область – это конкретная территория Италии Средневековья и Возрождения, но, с другой стороны – этот «исторический объект» есть выстраиваемое на протяжении веков понятие. Таким образом, на первый взгляд, практическая и частная, казуальная попытка охарактеризовать специфику Папской области в качестве системы коммун, как системы малых социумов (общин и сеньорий) в полной мере является теоретической задачей общего порядка: поиска методов и моделей реконструкции истории региона, определения локального и регионального исторического объекта.

Планируемый анализ регионального и локального уровня формирования общин и коммун, линии развития традиции цивили-

тас, представляется возможным, вопреки фрагментарности свидетельств исторических источников и однотипности наиболее массовых свидетельств. Но, поскольку речь идет именно о массовых исторических свидетельствах, в первую очередь, памятниках правового характера, требуется найти и указать те аналитические составляющие источниковедения, которые влияют на историографию вопроса. Сложнее всего, думается, проложить путь исследования историографии коммун, преодолевая разнородность и противоречивость многочисленных существующих историографических традиций, учесть несхожесть направлений исследований, разрабатывающих концепты коммуны и сеньории.

Историографический и т.н. конкретно-исторический анализ неразделимы при исполнении поставленных в данном исследовании задач. Начинать эту двуединую работу по исследованию средневековой итальянской общины, взятой в контексте ее локальной истории, следует, на мой взгляд, не с иллюстративных казусов, а с наиболее общих проблем историографии (вопросов истории изучения средневековой коммуны или общины, но также и вопросов определения микро-исторического и регионального или локального исторического объекта).

Поскольку в принципе, так называемый, «исторический объект» всегда есть объект ре-конструирования, то и для исследователя, не интересовавшегося специально проблемами методологии истории, важно, показать, каким образом строится его собственная реконструкция и какими приемами, пусть и не обозначенными четко, иногда не отдавая себе отчет в том, пользовались предшественники, исследуя сходные сюжеты истории. Автор исследования также фокусирует особенности интерпретирования контекстов локальной истории: эта локальная и региональная составляющая историописания давно не может больше опираться на наивную традицию краеведения, но требует переосмысления, и уже получает новые импульсы развития.

Специфика историографии итальянской коммуны связана с изучением сюжетов истории права, которое необыкновенно плодотворно развивалось в Италии в Средние века и оставило множество следов и памятников, отразивших особенности правового менталитета людей той эпохи. Однако, несмотря на развитую традицию изучения истории права с позиции правоведения, этот

же исторический материал требует новых интерпретаций развития институтов коммуны и общины с точки зрения историка социального мира средневековья. Таких работ достаточно много было именно в русской традиции изучения *цивитас* и города итальянского средневековья, она берет начало в дореволюционный период развития отечественной историографической школы и продолжается в советские и постсоветские годы.

Автор работы рассматривает проблемы источниковой базы исследования коммун – правовых свидетельств – а также и работы, анализирующие исторические контексты создания этих документов, свидетельств. В монографии внимание уделено комплексному осмыслению правового наследия общины и *сеньории*. В частности, нормы статутного права рассматриваются не только и не столько как исторический источник, в котором могут быть подмечены некоторые данные о хозяйстве или размерах штрафов. Это историческое свидетельство более широкого плана, которое может пониматься как специфическое проявление правового менталитета на самом низовом уровне в среде простолюдинов, которое может восприниматься и как символ и успешного развития малого социума в Италии.

Процесс формирования собственного права общин, который проявлялся неравномерно и продолжался для различных локальных центров итальянских земель с конца XII – до начала XV вв., так или иначе отражен в ряде работ историков-медиевистов, которые, на мой взгляд повлияли на формирование некоторых историографических постулатов и представлений, чему, соответственно, будет уделено особое внимание в данном труде. Будут рассматриваться и примеры историографических стереотипов, и изобилие описательных конструкций, существующие в современной исторической литературе, и некоторые сюжеты из числа мало артикулированных в историографии тем.

В частности, необходимо будет пояснить, как и почему историками с особым вниманием рассматриваются источники, правовые свидетельства, связанные с ранним этапом истории проникновения норм письменного права в жизнь общин, каким образом от этих сюжетов конкретных работ зависели общие определения средневековой общины и коммуны. И правоведы, и историки имеют свои специфические интересы и подходы к одному

и тому же историческому материалу, которые должны быть пояснены и конкретизированы.

Эволюция взглядов историков здесь наиболее показательна и значительна. За время жизни двух-трех поколений историков-интерпретаторов в некоторые периоды менялось несколько исследовательских парадигм, в другие же не происходило никаких существенных изменений принятых понятий и стратегий изучения общины и ее права. Далеко не сразу историки пришли к пониманию того, что правовые нормы и формулы, разумеется, не отражают прямым образом «историю как она была на самом деле», историческую ситуацию, но зато четко передают ориентиры сообщества, представления о социально приемлемой норме и способах осуществления правосудия и поддержания мира и порядка в социуме.

Следует констатировать, что наиболее распространенными способами описания данных «правовых» аспектов истории продолжают оставаться позитивистские подходы, при незначительном различии нарративов, создаваемых правоведами и историками-источниковедами.

В то же время, для автора, предлагаемого вниманию исследования очевидно (и это будет показано), что ряд перспектив изучения при таком подходе закрывается. Особенно важно подчеркнуть, что, ни с точки зрения прикладных специализированных задач источниковедения, ни в рамках традиционного изучения истории права невозможно раскрыть развитие юридических основ общины (в частности статутного права) как символа социума, как одной из его репрезентаций.

Эта важнейшая (с точки зрения автора) перспектива изучения возможна только при условии, что в фокусе исследования находится как право, так и другие символы, и репрезентации малого социума, для выявления которых анализируются представления членов общины и способы выражения нормы, свободы, привилегии, статуса, коллективной идентичности; что и планируется осуществить в данном м труде.

Автор работы, в качестве логического развития, так называемого «конкретно-исторического исследования», ставит задачи анализа распространенных подходов и методов изучения и опи-

сания средневековой итальянской общины, и сеньории, препарирует используемые в историографии концепты, представления, стереотипы в контексте локальной истории.

Рассматриваемый комплекс вопросов, в соответствии со спецификой полицентризма средневековой Италии вписан в контекст локальной истории с ее особенностями и своеобразными моделями выделения частных объектов на локальном уровне: традиционное краеведение, локальная история и новая локальная история, микро-исторический анализ.

Исследование такого сложного исторического социума как средневековая община с ее глубокими корнями и традициями, а также обширным правовым и институциональным наследием, предполагает наличие нескольких уровней исторического и историографического анализа. Многообразие подходов к изучению проблемы общины помогает конкретизировать и рассмотреть и ряд общих проблем развития исторических дисциплин и междисциплинарных исследований.

В частности, для расширения возможностей интерпретации понятий *communitas*, *comune*, *civitas*, *universitas*, которые употреблялись для обозначения общин в средневековье, следует суммировать те наработки, которые проявились в развитии отдельных современных гуманитарных наук и трендов историографии, т.е., те достижения, которые вырабатывались в рамках социальной истории, истории права, истории концептов.

В задачи работы входит также постановка вопроса о соотношении методов социальной истории и истории права, (как в общем виде, так и на конкретных примерах развития средневековой общины и сеньории с их правовыми установлениями).

Особое значение, по мнению автора, имеет одновременное рассмотрение общины и сеньории как социума, а также характеристик права малого социума не только как свода юридически оформленных правил, но и как символа идентичности этого социума, создаваемых в этом социуме образов власти, верности, необходимой нормы. Под таким углом зрения будут рассматриваться примеры трудов по истории права, посвящаемые теме коммуны. Анализ историографических посылок будет сопровождаться разбором казусов исследований. Такое историко-правовое

исследование можно понимать, как своего рода микро-историографию, гибкий метод и способ изложения историографических посылок без отрыва от источниковедческого анализа и без противопоставления «историографии» и «исторической конкретики».

1) В Италии после рубежа тысячного года образование общин (коммун) и сеньорий в ситуации политического полицентризма и территориальной раздробленности представляло собой основной способ организации, как экономической, так и социально-политической жизни на локальном уровне.

2) Взаимодействие и взаимосвязь структур, которые в научной литературе определяются как сеньория и община представляют собой и фокус моего исследовательского интереса (на уровне отдельных объектов-казусов) и общий способ рассмотрения средневековой социальности, и основную тему историографического анализа.

3) Развитие малых социумов при отсутствии центральной власти, взаимодействие напрямую полярно заряженных сил локальной сеньории и общины, породило основной тренд локального развития.

Синтез накопленного материала относительно локальной истории земель, сформировавших Папскую область, должен позволить охарактеризовать общие принципы осуществления средневековой власти и свобод в их правовом слежке на локальном уровне, и при этом обратиться к рассмотрению права не только как средства выражения власти (неважно, в форме подчинения или независимости), но именно как коммуникативной системы, выстраиваемой различными социальными акторами – участниками взаимодействия.

В предлагаемой работе, таким образом, выделена осевая проблема исследования локальной истории, а именно, – взаимосвязи коммун и сеньории, также рассмотрено разнообразие систем связи на локальном/региональном уровне. Иными словами, мной акцентирована проблема взаимодействий, которые задавало или хотя бы потенциально могло задавать прямое взаимодействие множества малых социумов в поле «больших» правовых, политических, экономических систем. Осуществление права является таким взаимодействием малых групп и социумов,

а не только отражением в письменных установлениях определенных реалий, поэтому входит в зону ответственности историка-медиевиста, а не только наших коллег, историков права. Но также и символическая репрезентация единства социума, визуализация в произведениях искусства, в архитектуре определенных аспектов развития социума (например, власти семейства магнатов или независимости городской общины) является коммуникативным средством (как и выстраивание правовых систем).

Иначе можно сказать, что темы средневековой общины и сеньории, основополагающие для изучения итальянской средневековой истории, будут рассмотрены в данном исследовании как взаимосвязанные, причем логика этой связи может быть прослежена и показана с определенной точки наблюдения: на уровне малого социума. Эта методика является авторской, т.е., автор монографии именно таким образом формулирует для себя предпочтительную модель работы по исследованию истории средневековой общины, а также видит пусть и неформализованную, но длительную традицию изучения средневековой итальянской и сеньории именно в такой перспективе: на уровне малого локального социума во множестве вариаций. Автора данной монографии интересуют, в первую очередь, работы историков и историков права, которые проводили исследования в русле данной проблематики.

Разумеется, можно сразу возразить, что выделение вопроса малых социумов коммуны и сеньории – лишь одна из возможных исследовательских стратегий определения особенностей средневековой социальной жизни, который требует развернутого обоснования. Но для оправдания такого восприятия образа средневековой социальности через призму организации малых групп и соотношения их статуса, действительно, много причин.

Прежде всего, средневековые исторические источники полны отражений групповых статусных различий и свидетельств, связанных именно с репрезентацией статуса малых групп: и низовых социумов, и элиты (но не индивидуальных статусов). Демонстрация статуса социума проходила и в правовом, и экономическом поле, а также через систему визуальной и символической репрезентации. Тематика изучения малых социальных

групп охватывает, в частности, широкий спектр форм осуществления власти по отношению к коллективу, и способов самоуправления малого социума. Кроме того, и любую общину, и сеньорию следует определить, как социум или иерархию малых социумов.

Вопрос о малом социуме сеньории и общины раскрывает перспективы изучению многих смежных исторических сюжетов: в частности, вопросы, так называемой институциональной истории (принимая также во внимание широкое и уже общепринятое определение института, как воплощения традиции группы и корпоративного духа). Можно также сказать, что общество не просто состояло из малых социумов различных типов, но и признавало нормой для индивидуума самоидентификацию через проявления особого статуса малых групп.

С другой стороны, системы персональных взаимосвязей и отношений коллективного подчинения и соподчинения, особенности иерархии малых социумов, на мой взгляд, и составляют те основы, которые можно определить, как фундамент любого территориального единства. Изучение этой иерархии социумов, их взаимосвязи, представляется и весьма важной, и, в то же время, увлекательной исследовательской задачей. Увлекательной и в том смысле, что позволяет ощутить границы применения многих современных методик интерпретации источников и использования историографических концепций. Задачей ставится – уточнить возможности и границы применения определенных стратегий исследования, т.е. произвести позитивную критику историографических разработок и некоторых «самоочевидных», принимаемых без доказательств посылок и определений.

Бесспорно, средневековый мир знал весьма сложные, дифференцированные формы организации социальной жизни и социального деления, которые трудно описать в категориях, применимых к особенностям общества Нового и Новейшего времени. И к изучению Папских земель как историко-территориального комплекса, и к вопросу взаимоотношения общин и сеньоров, и к самому понятию город или община я обращаюсь, не принимая ни одно из понятий за «очевидную данность», не требующую дополнительных вопросов (т.е. проблематизации).

Немаловажно указать, что в данном случае не кажется риторическим вопрос о том, **насколько актуально изучение указанной темы средневековой истории**. Естественно, историческое знание всегда актуально, т.к. предохраняет от популярной и популистской вульгаризации и искажения истории в угоду сиюминутной идеологической моде или политической ситуации. Естественно, это наследие не могло потерять свое значение для коллективной памяти и самовосприятия наследников традиции, даже став пережитком прошлого.

Знание о формах и способах социальной организации прошлого, механизмах общественного согласия и разрешения конфликтов, развитой системе правосознания людей прошедших эпох, представляется действительно необходимым элементом исторического образования гражданина правового общества. Современные формы построения европейского государства не понятны без изучения социальных феноменов средневекового мира. Даже если речь не идет об историческом континуитете, тогда вступает в свои права континуитет воображаемый, воссоздаваемый усилиями наших современников, но от этого не менее значимый для них.

Весьма интересной проблемой представляется, таким образом, сам историографический дискурс, связанный с развитием изучения коммун, поскольку он отражает основные этапы развития исторических дисциплин многих десятилетий. Те разработки и концепты, которыми при этом приходится пользоваться исследователю, требуют специальной рефлексии. Можно отметить, что историографические и методологические предпочтения, даже сами тематические лакуны или излюбленные темы академических исследований многое говорят о стереотипах восприятия прошлого, господствующих в современном обществе. Собственно, и само по себе параллельное, обособленное существование историографических традиций изучения общины и заслуживает внимания и объяснения.

Нельзя забывать, что история идей, это все же, прежде всего, история людей, носителями любого историографического дискурса являются люди с определенными вкусами, потребностями, научными и дружескими связями. Внимание к такой стороне

научного процесса иногда уводит в сторону от изложения собственно историографических дебатов, но, в конечном итоге, позволяет подготовить и приблизить читателя к восприятию самых замысловатых или скучных лишь на первый взгляд историографических картин.

Особую роль в этой связи представляют на авторский взгляд такие аспекты как:

1) Русская медиевистика (дореволюционная традиция и 20-е годы).

2) Пересечение пути русской (в особенности, СПб, столичной школы) медиевистики с итальянской традицией медиевистики накануне Великой войны и в период послереволюционной эмиграции, трансляции идей и научной коммуникации.

3) Экономико-юридическая школа и фашизм в Италии. Связь времен и интеллектуальных течений.

4) Послевоенная итальянская историография коммуны: споры и коллективные труды. Коммуникации советской и европейской медиевистики.

5) Современные публикации и каналы их распространения.

При этом под «историографическим направлением» или «концепцией» я понимаю не декларацию о создании методологии, а реальную значимость постановки вопроса для уточнения общей картины феномена средневековой коммуны. Кажется, уже не нужны рассуждения и о том, что любая техника изучения источника, приверженность «новому» или, напротив, «традиционному» методу, а в особенности, лукавые и стилизованные присяги на верность букве источника являются интерпретацией, более или менее осознанной перспективой построения исследования.

Глава I

Средневековая община и сеньория: параллельные историографические традиции

«Коммуна» в итальянском языке, как в научном, так и бытовом сознании – одно из базовых понятий, которое не равнозначно нейтральному в русском дискурсе термину «муниципалитет». Это символ независимости, автономии, суверенных прав гражданина, который является, прежде всего, членом коммуны (*comune*), и лишь в силу этого – членом государства (*stato*).

Само же современное итальянское государство определяется как совокупность коммун, развитие которых признается основополагающим для существования государственности. Вопрос развития средневековой общины и утверждения ее в социально-правовой иерархии, затрагивает принципы социальной организации «по инициативе снизу».

Итак, очевидно, что тема средневековой истории коммуны имела в прошлом и до сих пор имеет значимый характер. Такая актуальность всегда создает и ряд сложностей на пути научной интерпретации исторического феномена.

Что же касается научной актуальности проблемы изучения средневековой коммуны и общины современной исторической дисциплиной и историографией, то, можно сказать, что именно традиционность тематики парадоксальным образом требует инноваций научных разработок и методик. Масса исследовательских методик, находящихся в арсенале современных историков, была отработана в середине-конце прошлого, двадцатого века, именно медиэвистами и специалистами, изучавшими традиционные объекты исторической науки: например, жизнь средневековых горожан, их общин и церковных миров.

Весьма интересной проблемой представляется, таким образом, сам историографический дискурс, связанный с развитием изучения коммуны и сеньории, поскольку он отражает основные этапы развития исторических дисциплин многих десятилетий. Те разработки и концепты, которыми при этом приходится пользоваться исследователю, требуют специальной рефлексии.

Можно отметить, что историографические и методологические предпочтения, даже сами тематические лакуны или излюбленные темы академических исследований многое говорят о стереотипах восприятия прошлого, господствующих в современном обществе. Собственно, и само по себе параллельное, обособленное существование историографических традиций изучения общины и сеньории заслуживает внимания и объяснения.

При этом под “историографическим направлением” или «концепцией» я понимаю не декларацию о создании методологии, а реальную значимость постановки вопроса для уточнения общей картины феномена средневековой коммуны. Кажется, уже не нужны рассуждения и о том, что любая техника изучения источника, приверженность «новому» или, напротив, «традиционному» методу, а в особенности, лукавые и стилизованные присяги на верность букве источника являются интерпретацией, более или менее осознанной перспективой построения исследования.

Методы исследования городской коммуны и сельской сеньории, даже частные их случаи, обозначенные в работах, не претендующих на методологический характер, представляют собой важное наследие современной исторической науки, и могут и должны служить объектом пристального изучения. Более того, просто невозможно и неправомерно абстрагироваться от рассмотрения проблем инструментов и методов исторического исследования, имея дело с конкретным случаем изучения общины или сеньории.

При анализе имеющейся литературы, особое внимание я уделяю тем работам, результаты и идеи которых могут быть использованы разнопланово, в различных исследовательских контекстах. Речь идет о свойстве локальной и микроисторической и перспективы быть поисковым полем для формулирования вопросов общего порядка и значения без попыток обобщать и экстраполировать результаты. В свете этого опыта микроистории, о котором неоднократно говорил, например, Джованни Леви, можно утверждать, что, если отправная точка интерпретации и сама система исследовательских координат избраны и обозначены четко, то, как правило, Если сам процесс микроисторического анализа проводится последовательно, без подмен понятий, то и он выводит исследование в ряд общезначимых и интересных не

только для исследователей сходных казусов, но и для всей корпорации историков, а также и для их читателей.

Любая ограниченность исследовательских задач и принципов все же не мешает сделать результаты анализа значимым для общей картины историографии, даже, если речь идет об изучении отдельных специфических объектов, например, крупного монастырского хозяйства, сеньории римского барона, или памятника правовой культуры. Мешает этому лишь подмена общих значимых вопросов, частностями, полная удовлетворенность иллюстративным казуальным способом работы, либо желание исследователя делать глобальные выводы из этих частных исследовательского опыта. Микроисторическая перспектива исследования, точно так, как и микроисторическая методика историографического анализа не препятствуют постановке общих теоретических разноплановых задач. Думается, не мешает этим общезначимым задачам истории и вовлеченность историка в изучаемые «истории», попытки пропустить исторический материал через собственный жизненный опыт и опыт своих современников, ведь актуализация и реактуализация истории происходит и должна происходить.

Кроме того, историческая картина, намеренно нарисованная «без пристрастия» может быть настолько безликой, что отсутствие авторского взгляда неизбежно помешает и читателю найти свою точку зрения. Я полагаю, что именно субъективный авторский вкус и стиль, как в выделении значимости работ коллег, так и в интерпретации отдельных аспектов историографии, дает читателю возможность если и не приобщиться, к историческим реалиям, то снять груз веков и гнет временных границ, подойти к собственному пониманию исторических феноменов. Эта позиция вовлеченности знакома и описана, в т.ч., благодаря современному развитию интеллектуальной истории как стремление к «транзитивному диалогу» (с самим прошлым, и с вариантами его интерпретации)¹¹, но, интересно отметить, что сходными вопросами отечественная историческая наука задавалась уже век назад.

¹¹ См. напр.: Николаи, Кобылин 2011. Вып. 34, с. 31–44.

В частности, в трудах итальянистов П.М. Бицилли и Л.П. Карсавина ставились вопросы коммуникации автора и читателя друг с другом и с людьми прошлого, оставившими исторические свидетельства. Бицилли, например, писал, предваряя основное изложение в Элементах: «Несколько слов о характере изложения. Автор старался сделать таковое “доступным” и освободить его от всех устрашающих атрибутов “ученого труда”. Однако он не уверен, чтобы это ему вполне удалось. Свойства заинтересовавшего предмета таковы, что ему волей-неволей приходилось заставлять изучаемых им людей обращаться к читателю с их собственными словами. Часто случалось, что автор чувствовал себя бессильным дать перевод, более или менее приближающейся к подлиннику. Мы мыслим, а следовательно, и говорим существенно иначе, чем люди XII–XIII веков»¹².

Идеи Карсавина, выраженные в его Философии истории, перекликаются с идеями Бицилли, сформулированной в предисловии к Элементам: Таким образом, и русская историческая мысль на изломе самой истории России находит свою манеру, осознанно субъективную, как наглядно демонстрирует Карсавин. Но и автор этих строк вслед за Карсавиным, считает, что Трейчке был прав: кто пишет историю, тот должен писать ее «cum ira et studio»¹³.

Но историку следует отметить и то, что и историки коммуны, которые являлись живыми свидетелями средневекового развития городских общин, те самые люди XII–XIII веков различия, с которыми не дают покоя современным ученым и методологам, способны в своих нарративах не только на эмоции, но и на манерность и простодушные вставки и переносы красивых «бродячих сюжетов в нарративы, которые в школьных учебниках именуют подлинными свидетельствами истории. Этот важный аспект блестяще разобрал в своей работе 1917 г. Бицилли, говоря о конфликте в городе, а также их описании в анналах и хрониках.

Публикация Бицилли по социальной истории итальянского средневековья в ЖМНП, вышла в год двух революций, и привлекает мое внимание тем, что посвящается теме социального про-

¹² Бицилли, 1995. с. 3.

¹³ Карсавин 1993, с. 238–239.

теста и противоборства в средневековом городе, а также и проблеме описания этого протестного движения современниками событий. Не случайным кажется и выбор для диссертационного исследования в качестве основной темы историю фра Салимбене и его эпохи, того именно века, когда социальные движения и контрасты были весьма сильны. Отдельные материалы из этой большой работы ученый акцентировал и развивал, наработки прежних лет вошли в публикацию, которая была посвящена сюжетам социальных контрастов средневековья (XI и XIII в.). Итак, именно в 1917 г. в правительственном издании ЖМНП – Бицилли опубликовал свою рафинированную работу под названием: «Общественные движения в изображении средневековых историков»¹⁴.

Публикация Бицилли в ЖМНП состоит как бы из двух тем исследования, главная и большая по объему тема отражает образ итальянского города в зеркале конфликта. Эта историческая работа примечательна тем, что средневековую хронику итальянист начала прошлого века читает не как достоверный источник, не требующий верификации, а как произведение, в котором применяются, в сущности, литературные приемы: с бродячими сюжетами и заимствованиями.

В момент публикации работы о конфликте в средневековом городе Бицилли уже преподавал историю Западной Европы (в т.ч. на Одесских высших женских курсах), знал о потребностях и проблемах педагогов и учащихся, нехватке ресурсов на русском языке, пригодных для учебного процесса. Вероятно, материал, подготов-

¹⁴ ЖМНП Новая серия. ч. 69. №5. 1917, с. 67–88. Не так давно статья была воспроизведена (в новой орфографии, что ценно) и было бы логичным цитировать работу именно по этому современному изданию: П.М.Бицилли. Избранные труды по средневековой истории России и Запада. Языки славянских культур. 2006. Однако, сверка с оригиналом статьи в ЖМНП необходима, так как новая публикация вышла с некоторыми неточностями передачи латинского текста многочисленных выдержек из источников, (видимо, по вине процесса сканирования). В оригинале же работы, несмотря на трудности революционного времени, заготовки в типографии и т.п., никаких существенных погрешностей или опечаток нет.

¹⁴ Бицилли, с. 87.

ленный Бицилли для Журнала Министерства народного просвещения (ЖМНП), был ориентирован на возможности использования текстов на семинарских занятиях. В работе Бицилли 1917 г. проблемы восприятия средневековья и его ре-актуализации, как и тема революции и реакции, отразились при разборе казусов социальных переворотов и общественных движений, а также способов их изложения средневековыми хронистами. Такого рода специализированная работа с углубленным вниманием к материалу средневековых латинских источников не могла, (да и не сможет никогда) стать популярной: в смысле часто и легко цитируемой, понятной достаточно широким кругам читателей, но, однако, очевидно, что в этом труде присутствовали и мотивы учительства, идеологизации, и интенция диалога с читателем, ожидание реакции на описания протеста и социального столкновения в городе.

Заключение, написанное к этой работе историком начала прошлого века, кажется прологом к теме исследования, и прологом, высказанным весьма современным языком: «Если мы узнаем в каком-либо комплексе явлений «революцию», «реформацию», «реакцию», у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее «революций» и так далее. Но в средние века это делалось грубее и наивнее. Повторю также, что легко разобраться с этой в кавычках «наивностью» мог только блестяще подготовленный ученый, латинист. Это очень сложная источниковедческая работа, в которой задействованы и методы работы историка и филолога, проводится всесторонний анализ изучаемого текста и казусы вписываются в более широкий контекст.

Однако, проделывал ученый эту работу, очевидно, желая, не только найти поздние вставки в ранние хроники средневекового города, но полагая сопоставить историю и современность, пусть и не в явной и лобовой манере сравнения. Думается, и читатели, и сам медиевист в 1917 г. могли считать тему растущего социального напряжения в городе важной. И для себя самого, и своего читателя историк находит исторические параллели прошлого и современной ему действительности, нисколько не педалируя их. В единый контекст, в общее поле зрения историка этих

лет попадали и источники по истории средневековья, повествующие о социальных кризисах (о крестовом походе детей, возмущении простолюдинов от поборов на Крестовый поход) и кризис современной ученому социальной системы. Особым вниманием Бицилли отмечен итальянский город Пьяченца и средневековые нарративы, исторические источники по истории города. Городская среда и культура дана Бицилли в динамике, а не в статике, полна драматизма и контрастов.

Не меньшую эмоциональную вовлеченность предполагал подход И.М. Гревса, одного из учителей и Карсавина, и Бицилли. Гревс сформулировал и два метода работы, которые весьма важны для образования и науки 20 столетия: это т.н. экскурсионный метод, т.е. практический метод познания истории, а также метод, близкий современному подходу case studies и изучению биографий в микро-историческом дискурсе. Этот метод раскрытия эпохи через отдельную личность И.М. Гревс и называл «биографическим методом». Нет сомнений, что и Забугин, и Бицилли использовали эти идеи основоположника столичной университетской школы медиевистики-итальянист Гревс, и его более молодые коллеги Карсавин, Забугин и Бицилли, принадлежат к разным поколениям, но к одной и единой традиции гуманитарного (историко-филологического) знания, так или иначе интерпретировали некоторые общие темы и образы средневековья, в т.ч., образы города. Представители университетского, академического знания использовали также и методику изложения, которая призвана была просветить читателя, популяризировать и как бы приблизить историю, дать читателю или ученику опыт личного приобщения и «сопереживания» европейского исторического прошлого.

Итак, историография темы средневековой цивитас (как, впрочем, и тема феодализма, вассальных отношений) – не только отражает академические подходы, данная проблема очевидным образом окрашена эмоционально. Однако это никак не препятствует развитию исследований, скорее, наоборот, стимулирует их.

Проблема с изучением традиции цивитас средневековья, скорее, заключается в том, что даже подготовленному читателю и даже по отдельным частным вопросам, например, связанным с

темой истории сельской коммуны и сеньории, городских центров Италии, сложно создать целостную картину. Это вызвано не малым числом опорных исследований, но напротив, некоторым их перепроизводством, т.е., точнее, отставанием аналитических исследований от набора и ввода в научный оборот нового материала.

Как пересекаются линии изучения социальной истории и истории права

Задачи и сами масштабы исследований, весьма существенно различаются, причем не только в связи с индивидуальной авторской позицией, но и в зависимости от общей стилистики национальных историографических школ. Британские и американские итальянисты, за редким исключением, рисуют историческую картину более широкими мазками, иногда используют почти очерковую манеру, нередко акцентируют вопросы медиэвализма и реaktуализации.

Итальянские ученые чаще подчеркивают дробность и мозаичность исторической картины, используют иной дискурс исторического описания. Многие итальянисты в качестве специалистов по собственной, отечественной для них истории не выходят за рамки локального контекста или казуса. Есть, однако, случаи, когда авторская оптика нарочито фокусируют исследование на более мелких объектах, но исследователь держит в поле зрения общую проблематику и задает себе теоретические и общезначимые вопросы, как это делали микро-историки. Но чаще разбор конкретного локального казуса происходит даже без каких-либо вводных частей, даже упоминания предшествующих историографических достижений весьма сужены пределами данной специфической темы, т.е., очевидно, что для автора, принадлежащего историографической школе, связанной с определенным научным центром интересно вписать свои штудии исключительно в эту традицию, а не сопоставить свой труд с общим развитием национальной линии историографии.

Кажется, что практически невозможно совместить такие заостренные на частные объекты системы описания. И, даже когда

речь идет о сходных объектах исследования или об одном временном и региональном пространстве, одно исследование может оказаться бесполезным для другого. Анализу стилистически и методологически разнородного исследовательского материала, помогает лишь заранее составленное представление об исторических контекстах, в которые вписывались результаты данных исследований, но авторы не облегчают никак ни читательскую задачу, ни задачу комментатора.

Тем не менее, анализ разноплановых работ по истории средневековой итальянской коммуны и сеньории, а также и составляющих их малых социумов – это нелегкая, но выполнимая задача, а систематизация накопленного материала – полезное упражнение, которое следует предпринимать итальянистам. И именно создание такого «нарратива для специалиста» и основной формой осуществления заявленной исследовательской работы. Я обязуюсь, несмотря на авторские имеющиеся предпочтения, которые было бы странным скрывать, дать по возможности более широкий обзор аспектов и направлений исследований, представленных в историографии, в том числе и исследовательских стереотипов.

Известно, что современная историческая мысль представляет собой разнообразие интерпретаций, а не только лишь некоторое суммарное «позитивистское» знание. Именно поэтому признаю, что я не принимаю участия в поисках наиболее «объективной» позиции или оценки, но стараюсь дать наиболее подробный отчет о том, как выстраивалась исследовательская перспектива. Более того, я специально предполагаю сосредоточить внимание на историографических аспектах и методиках исследования, чтобы показать их роль в формировании таких терминов и понятий, которые ошибочно принимаются в качестве некоторой данности. Например, такими исследовательскими концептами являются не только историографические понятия: «казус исследования» и «локальная история», или источниковые термины – «цивитас», «сеньория» и т.д., но также и «регион», «территориальность». Термины, употребляемые в источниках, в свою очередь, становятся историографической проблемой в связи с тем, каким именно образом данные названия используются в научной и учебно-популярной литературе.

Кратко суммируем вначале наиболее известные трактовки, касающиеся темы общины (коммуны), поскольку именно данный тип социальной консолидации представляется наиболее сложным, вариативным и проявляющим черты локальной специфики. Можно указать на то, что термин «civitas» в средневековье обозначал и сам город (обычно – центр епископии), и общину полноправных горожан¹⁵. Термин «comune» (коммуна – от вульгаризированной формы *comunio, comunia* – общий) чисто средневековый, появляющийся в источниках только после рубежа тысячелетий. При этом термин «civitas» не вытесняется им совершенно, но употребляется все реже.

Отметим, что большинство исследований по истории коммуны за точку отсчета обычно принимает городской социум в определенный момент его развития. Но возможна и обратная логика: сфокусировать анализ развития общины на процессах, шедших в городской округе, рассмотреть общие процессы с точки зрения наблюдателя, которого интересует жизнь контадо. Такая перспектива может быть построена, учитывая то основание, что взаимосвязанные изменения социально-политического развития системы «город-округа» нередко сказывались преимущественным и первоочередным образом именно в контадо.

Если сконцентрировать внимание именно на особенностях развития общин, а не города как такового и исключительно структур урбанизма, если выделить проблему объединений жителей городской округи, и их роль во взаимодействии города и контадо, то картина развития общин получится иной. Нельзя забывать, что и в средневековой Италии, «стране городов», как ее иногда называли, городской уклад все же не был преобладающим. Если говорить не только о физическом масштабе городской структуры, но и о степени влияния города на округу, то картина несколько раз менялась и приобретала новые яркие краски на протяжении X–XIV столетий.

Однако, так называемый «деревенский мир», хотя бы в силу своих масштабов, никак не мог быть пассивной, страдательной

¹⁵ Понятие о *civitas*, как о совокупности сограждан, а не просто как о граде, четко прослеживается у такого первостепенного для средневекового латинского мира автора, как Августин.

стороной взаимодействия между городом и контадо. Кроме того, этот мир деревни не был однородным, он состоял из поселений, имевших различные функции: укреплений, торговых перевалочных пунктов, местных рынков и локальных центров ремесла, из общин различного юридического статуса и подчинения.

Что касается терминологических особенностей, то сельские общины обычно обозначались как «universitas», в некоторых случаях фигурировал новый термин «communio». Особо выделялись общины замков: «castrum». Причем в этом случае, термин являлся правовым, статусным понятием, т.е., замок являлся общиной, обладавшей большими привилегиями, чем «universitas, но меньшими, нежели «civitas».

Территория, на которой существовала община, нередко подпадала под действие сеньориальной власти, что терминологически обозначалось как «dominium» или «senioria» (signoria, если употреблять не латинскую форму, а просторечную форму нарождающегося итальянского языка).

Заметим, что, несмотря на простоту и очевидность указанной идеи, именно эта тема исследований предстает одновременно и наиболее важной, и наименее четко объясненной. Взаимосвязь коммуны и сеньории даже в специальной литературе по итальянской медиевистике раскрыта еще недостаточно полно, а в учебной литературе просто игнорируется.

Мне не удалось отыскать ни среди печатных изданий, ни среди размещенных в сети Интернет¹⁶, такого общего ресурса материалов по средневековой истории (истории права и социума), в

¹⁶ Приведу названия наиболее, на мой взгляд, интересных и популярных Интернет-ресурсов: Reti Medievali остается на протяжении уже двух десятков лет наиболее полезным для исследователей итальянистов и романистов, связанных со средневековьем. Этот ресурс соединяет различные элементы дидактики, текстоведения, обзора новейших работ с полнотестовым бесплатным доступом.

Более ориентированы на преподавательскую деятельность были: The Labyrinth: the Resources for Medieval Studies (Georgetown Univ., USA) •ORB – On-Line Reference Books for Medieval Studies •Digital Librarian – Medieval and Renaissance Studies •Galaxy – Humanities Resources •NetSerf: Internet Connection for Medieval Resources (Catholic University

которых была бы представлена научная аналитика и рефлексия над уже созданной традицией изучения итальянской коммуны и общины в ее взаимодействии с сеньорией, хотя есть ресурсы, на которых достаточно полно представлена тема взаимодействия средневековых городских коммун Италии и общин контадо с одной стороны, и взаимоотношений сеньории и общины с другой (в частности, дидактический раздел портала *Reti Medievali*).

Речь идет не о тематических лакунах, а об отсутствии определенной проблематики, во всяком случае, о недостаточно четкой постановке проблемы в историографии, что сужает круг задач и интерпретаций. А именно, возможно и необходимо рассмотреть малый социум средневековья как основной объект и отправную точку изучения общины и сеньории в их взаимосвязи. Институциональный подход к изучению общины и сеньории, таким образом, имеет альтернативу в подходе социальной истории на уровне микроанализа.

Если же сфокусировать исследовательский интерес на проблеме малого социума, то это, в свою очередь, потребует конкретизации объекта и методики его изучения. Весьма сложной для интерпретации является роль кровнородственных групп в социальной жизни, включая экономические, политические и правовые аспекты воплощения систем родственных связей и реализации групповых интересов. Однако, исследования такого плана многочисленны. Позиции из авторов разнородны, некоторые полагают, что развитие кровнородственных групп прямо сказывалось на создании общин, но большинство считает, что в развитое средневековье не происходило стадийного развития малых групп от кровнородственных объединений к собственно социальным группам. Однако, одновременно указывается, что, даже если

of America) • WWW Medieval Resources (by D.W. Mosser) • Internet Medieval Sourcebook (Fordham University Center for Medieval Studies).

Важно, что в авторитетных научных периодических изданиях давно уже появляются серьезные аналитические работы, посвященные Интернет-ресурсам, ориентированным на нужды гуманитарного исследования, причем этот процесс происходит не только в университетской культуре Америки, но и достаточно традиционно академическом мире Италии. См. например: *Archivio Storico Italiano*, 2002, disp. III, p. 589–609.

учитывать структуру общества раннего периода средневековой эпохи – объединения сородичей уже играли множество социально-политических ролей, выходящих за рамки семейных интересов. Но и при такой постановке вопроса, роль кровнородственных связей, (в особенности, городских аристократических групп, и родственных объединений нобилей в контадо, необходимо учитывать и при анализе отношений города и округа, а также изучении особенности городской и сельской коммуны, поэтому данная тема включена в наш историографический обзор.

С исследовательской позиции историка, изучающего кровнородственные связи, возможно рассматривать и такие системы, как коммуны или сеньории. При этом анализ происходит на микроуровне и как бы с точки кровной группы, подчеркивая роль этих малых объединений, включенных в обе «большие» системы социальных связей эпохи: т. е, и в строй сеньориальных отношений и в структуру и зону влияния коммуны. Я полагаю необходимым включить эти составляющие темы семьи и родственных групп в поле исследования историографии коммуны (когда эта проблема историографии рассматривается с точки зрения поисков объективного, реального и постоянно актуального).

Коммуна и сеньория итальянского средневековья в контексте локальной истории: проблема взаимосвязи

В начальных главах своего революционно смелого и без сомнений все еще актуального и свежего Опыта Эпистимологии истории Поль Вен писал: «почему так часто говорят о разрушении предмета истории, о кризисе объективности в истории, и, в то же время так редко говорят о разрушении объекта географии и субъективности географии?.. Однако же очевидно, что регион – это реальность не менее субъективная, чем событие, мы выделяем его по своему усмотрению»¹⁷.

И этот аспект важен по нескольким причинам. Во-первых, мне кажется ценным показать, насколько при работе с локальным казусом необходим выход на общие проблемы исследования со-

¹⁷ Вен 2003, с. 45–46.

циального мира средневековья, насколько сам сложный исторический материал диктует необходимость методологического оснащения и историографической рефлексии. Особого обоснования требует включение в историографическое исследование темы средневековой коммуны конкретных материалов по истории общины и сеньории в землях Св. Петра или Государства Пап, как этот условный регион центральной Италии называли некоторые историки. На мой взгляд, этот избранный казус имеет особое значение для демонстрации взаимосвязи микро- и макро-исторического анализа, связи локального и универсального.

Исторические свидетельства относительно римского региона позволяют выделить два аспекта проблемы «церковь и община»: выстраивание системы вертикальных связей (подчинение сеньориальной власти церкви как внешней силе), а также и инициирование горизонтальных связей (самоидентификация отдельных групп внутри общины или коммуны в качестве членов религиозного союза, например, церковного прихода). Это объясняется тем, что Церковь, играла двоякую роль по отношению к общине, что верно и в целом, и в частности, в виде утверждения относительно общин Папской области.

Можно представить себе, что обе составляющие власти церкви – светская и спиритуальная – должны одновременно и в полной мере присутствовать в необычайно ярких формах именно в социально-политическом и правовом развитии Римского ареала¹⁸. Но необходимо и принять во внимания, что папская власть в средневековье ограничивалась системой противовесов, не только имперским влиянием, но и рядом других факторов и «акторов». С одной стороны, хотя развитие коммун регламентировалось и в чём-то могло сдерживаться папской властью или влиянием местного сеньора – например, монастыря, но, с другой стороны, именно от церкви коммуны получали опыт организации и регулирования социума, а затем и привилегии, стимулирующие

¹⁸ Среди работ итальянистов по этой теме можно выделить труд П. Проди: Prodi 1982; а также весьма интересна работа швейцарского исследователя: Paravicini-Bagliani, 1994. Также весьма ценен англоязычный перевод указанной работы, подготовленный итальянистом Д. Петерсоном: (Paravicini-Bagliani 2000).

их собственное правовое и институциональное развитие. Феномен усиления *цивитас* средневековья, в свою очередь, усложнял расстановку сил и взаимоотношения различных групп владельцев сеньориальных прав, которые могли быть антагонистами.

Понятие «власть Церкви» в русской историографической традиции употреблялось не в строго определенном значении, а контекстуально. Поэтому следует пояснить, насколько вольно мы будем использовать данный термин. Концепт «светского господства церкви», естественно, гораздо шире, чем конкретное обозначение сеньориальной политико-юридической власти римского епископа на территории дистрикто Рима и в некоторых областях Центральной Италии, который будет нас интересовать, прежде всего. Тем не менее, такая проблема как власть средневековых пап и политика наместников Св.Петра в отношении комун будет присутствовать и в иных контекстах¹⁹.

В административной системе следует выделить важнейшие посты ректоров (управителей провинций со широкими полномочиями), а также то, что частные вопросы взаимоотношений с общинами поручались легатам. Соответственно апелляции к ректору как к высшей власти на территории той или иной административной единицы (провинции) и действия их уполномоченных легатов и викариев чаще всего упоминаются в источниках²⁰.

Но чисто административное и институциональное устройство не объяснит основ взаимодействия папского престола и итальянских общин. Так или иначе необходимо совершить, хотя бы краткий экскурс в историографию, связанную с общими трактовками восприятия папской власти в средневековье.

Наиболее целостное определение сакральных черт папской власти среди существующих культурно-антропологических и философских концепций, на мой взгляд, исследовано в работах

¹⁹ Один из наиболее авторитетных современных исследователей истории формирования «Патримония Св.Петра», Питер Партнер указывает на первый случай употребления термина «*dominium temporale*» в документе, датированном 1156 г., хотя широкое распространение для определения политической и юридической власти папства термин получает гораздо позже: Partner p. XI.

²⁰ Schmurtz 1972, p. 441–463.

Проди и Паравичини-Бальяни. Тем не менее, я отмечаю, что концепт «сакрального тела» великого понтифика²¹, строится по модели интерпретирования сакрализации монархической власти средневековья (теория определения «публичного», т.е., «сакрализованного тела» короля).

Академическое изучение и развитие концепта средневековой сакрализации власти было предложено медиевистом Эрнстом Канторовичем²². Согласно этой точке зрения, возникновение концепта «сакрального тела короля» — как выражения надмирной, стоящей над правом и законом силы, особого «сакрального закона», объяснялось влиянием не только собственно христианской ментальности, но и римской идеей сакрализации императорской власти.

Очевидно, что те же функции, олицетворяла собой и фигура папы в средневековой ментальности; такой же она предстает и в построениях историков церкви, и в трудах исследователей канонического права XX столетия²³. Интересно развитие данной идеи в трудах историка канонического права К. Пеннингтона. И именно в работе американского ученого «Папа и епископы» был перекинут мост от штудий по теологии королевской власти к изучению сакральной власти пап²⁴.

²¹ Сам термин стал ключевым в труде Паравичини-Бальяни, но в более ранней работе Проди по созданию папской монархии раннего нового времени аналогичную роль играл концепт «двух душ папской персоны».

Paravicini-Bagliani 1994. Отметим и англоязычную публикацию — перевод Д. Петерсоном данной работы: Paravicini-Bagliani 2000 ; Prodi 1982.

²² Kantorowicz 1997.

²³ См., например, Paravicini Bagliani 1972, p. 387–388; Landau 1997; Kemp 1965; Pennington 1984.

²⁴ Pennington 1984. p. V: «...two antithetical visions of political authority led medieval lawyers to distinguish between the prince's private body, which was subject to the law and bound to obey it, and his public body, which was above the law and beyond the reach of any other man».) Данная идея противопоставлялась германской традиции королевской власти, поскольку король представлялся в данной парадигме, как личностно, так и функционально подчиненным законом. Существование двух равно значимых систем осмысления королевской власти и привело к необходимости разграничения сфер

Этот постулат является вторичным, репликой другой идеи. Собственно, точно по этой же ментальной модели, папа обладает непогрешимостью, когда выступает с высоты Святого престола, обращаясь к церкви, но не в любой момент своей частной жизни. Кроме того, в контексте данного исследования, важно напомнить, что, по основной посылке Канторовича, концепт «сакрального тела» связан с развитием идеи корпорации. В этом русле развиваются исследования восприятия концепта «социального тела» в средневековом мире и обществе раннего Нового времени Западной Европы²⁵.

Таким образом, та историческая картина, которая рассматривается как поле осуществления средневековой власти, ее структур и институтов, с не меньшими основаниями может быть представлена и как система взаимосвязанных социумов или, по крайней мере, как система представлений о взаимоотношениях социумов напрямую между собой, о началах самоорганизации и самоуправления.

* * *

Понятия – «сеньория» и «община», как и понятие «регион», локальный казус, представляют собой условность, описываемый и, разумеется, воображаемый объект историка. От этого необходимость конкретизации и проблематизации объекта не становится менее значимой. Историк ищет обозначения организующего и объединительного начала, которые имели широкий спектр правовых и институциональных проявлений. Но и коммуна, и сеньория – это не только властные структуры с определенной правовой и институциональной логикой развития. Это, очевидно, прежде всего, социумы или иерархии малых социумов, которым необходимы организующие силы и формы, к которым относятся как община, так и сеньория.

личного и публичного, воплощенных в фигуре правителя. Напомню, что эта публикация вышла задолго до выхода в свет итальянской версии труда Паравичини-Бальяни, (получившего известность только после перевода на английский язык в 2000 г.)

²⁵ Zemon-Davis 1981, 90, p. 40–70.

Выбор того, на каких работах в историографическом обзоре следует особо фокусировать внимание, зависел для меня от методик исследования (авторский посыл должен быть направлен на то, чтобы дать анализ особенностей и взаимосвязей общины и сеньории, как на уровне общих правовых и институциональных структур, так и на уровне развития малых социумов).

Основным предъявляемым медиевистике заказом является поиск подходящих инструментов исследования средневекового социума, и решение того вопроса, насколько разнообразным может быть выбор таких инструментов: насколько историк при этом остается историком на своей почве и территории, а насколько начинает зависеть от методов иных наук, прежде всего социологии. Как ни странно, кажется, тот инструментарий, который активно используется историками-исследователями социального, менее известен корпорации историков в целом, (и потому кажется беднее), чем классический арсенал методик изучения политических и институциональных структур, находившийся в руках историков прошлого.

Выбор инструментов исследования стал действительно важнейшей частью работы историка, поскольку произошла проблематизация многих, понятий и ментальных операций, которые прежде воспринимались с меньшей глубиной рефлексии. Именно поэтому требуется еще несколько страниц прежде, чем мы перешагнем этот вводный раздел, (и в дальнейшем автор труда будет постоянно возвращаться к данным вопросам). Но скажем и о том, что существует опасность избыточного изложения теоретических вопросов, которой историкам-практикам хотелось бы избежать²⁶. К сожалению, дискуссионность разбираемых тем и проблематизация отдельных объектов исследования не всегда обеспечивает плодотворность работы.

Однако я настаиваю на том, что работы историков средневековой социальности могут быть рассмотрены как возможные методики исследования, даже, если их авторы не позиционируют себя в качестве методологов. Поэтому и в названиях разделов, и в целом в рамках работы я стараюсь подчеркнуть именно такие,

²⁶ В частности, об этом пишет в своем популярном историографическом труде П.Ю. Уваров. См.: Уваров 2015, с. 7–9.

возникающие *ad hoc* «методы» исследования. Разумеется, необходимо выделить в историографическом потоке новые конкретные достижения, но автор данной работы не предполагает утверждать тезис о постоянном позитивном, поступательном развитии методов и стратегий исследования. Важным моментом в развитии дисциплины исторических исследований, на мой взгляд, представляется и попытка прервать некоторые далеко зашедшие и обособившиеся традиционные линии развития, объединить такие обособившиеся исторические сюжеты. Тот путь, который предлагаю я, состоит в детальном рассмотрении характера малых групп, входивших, как в коммуну, так и в сферу сеньориальных отношений, то есть я стремлюсь, таким образом, к снятию барьера между исследованиями коммуны и сеньории.

Разумеется, недостаточно наметить генеральную линию исследования, необходимо обозначить, в каком контексте оно будет проводиться, а, следовательно, и восприниматься читателем. Основная характеристика исследования обычно является даже не результатом негласного договора между автором и читателем, а тем, с каким из существующих историографических направлений или лекал этот текст можно соотнести.

Тема или объект исследования совершенно различным образом очерчиваются в различных традициях гуманитарных дисциплин, один и тот же след истории как будто не равен сам себе, если исследователь позиционирует себя как историк права, приверженец социальной истории, культурной антропологии, и т.д. То же самое справедливо относительно плана и масштабирования изучаемых объектов. Один и тот же масштаб исследования может быть обозначен как пример изучения локальных особенностей или же процесс микроисторического анализа, как казус или серийное исследование типа *case studies*. Далее, надо отметить, что даже сам выбор источников как бы предопределяет исследовательские горизонты. Существует представление о том, каким является мировоззрение исследователя правовых документов, и чем оно отличается от мировоззрения историка, которого занимают феномены репрезентации культурной идентичности. Эти шаблоны или стереотипы сами по себе составляют проблему исследования. Историографическая ситуация и нужды преподавания требуют, если не полного снятия произвольно наложенных

междисциплинарных ограничений, то специальной рефлексии по поводу исследовательского выбора как бы «поверх барьеров». Возможность просто вписать выбор и характеристику объекта в определенный традиционный историографический контекст остается, но должна быть более артикулированной. Для этого необходимо четко обозначить сложившиеся множественные традиции, каждая из которых часто воспринимаются как единственная историографическая данность и доминанта, принятая в академическом сообществе. К анализу этих доминант мы и переходим.

II. Община и сеньория: как описать взаимосвязь? историографический контекст и проблемы описания социальной истории и истории права

Существует достаточно долгая традиция изучения, как сеньориальных структур, так и коммун средневековой Италии, обычно рассматриваемых сепаратно. Однако, опыт обращения к темам сеньории и коммуны показывает и возможность интерпретации данных феноменов в качестве взаимосвязанных. Представляется необходимым для этого проанализировать многообразие подходов к проблеме изучения средневекового социума, и в частности, проблеме определения малого социума.

Малый социум – это понятие, которое допускает множественность трактовок. Частично это объяснимо тем, что пути консолидации единства группы могут быть самыми различными. В некоторых случаях социум представлен как система кровнородственных связей, (другой вопрос, функционировала эта консортерия как замкнутая или активно проявляющая себе в экономической и политической жизни, в качестве элемента более крупных систем). Малый социум в изучаемый период средневековой истории Италии может рассматриваться как продукт правового развития и самосознания группы, именно малый социум фигурирует на первых ролях в разноплановых исторических источниках. Место индивида в общественной иерархии, его роль в системе

социальных отношений – в таком случае зависит от принадлежности к малой группе определенного статуса, которая является не только результатом формирования неких общих утилитарных целей, стихийно сплачивающих соседей и сородичей, но сознательного построения членами коллектива взаимоотношений на юридической основе.

Не случайно, поэтому те направления историографии, которые, проявились в век первых попыток научного изучения средневекового социума, так и остаются основными по сей день – это история форм гражданской жизни и история права «civil history» и «legal history». Основные тексты источников по теме формирования объединений с минимальным представительством и первыми институтами самоуправления, типа *universitas*, которые дошли до нас, имеют правовой характер, соответственно, медиевисты делят интерес к этим источникам с историками права. Естественно, что и среди самих представителей исторических дисциплин также существуют несхожие трактовки проблемы малого социума. Интерес к истории форм гражданской жизни и истории права стимулировал научное изучение феномена средневековой коммуны.

Применительно к исследованию истории сеньории, по крайней мере, при той источниковой ситуации, которая характеризуется высокой степенью сохранности правовых документов средневековой Италии, также оправдано использование историко-правового подхода.

При этом, говоря о значении и долговременном существовании направлений *civil* и *legal history*, необходимо отметить, что роли и содержание как той, так и другой интерпретации, с течением времени диаметрально изменились. Так, понятие «civil history» в XIX в. подразумевало скорее изучение общих и внешних форм социального развития, некие генерализации закономерностей этого развития. Направление «legal history» предлагало другую альтернативу: детализированного историко-правового интерпретирования объектов на микроуровне²⁷.

²⁷ Прежде всего, необходимо рассмотреть аргументацию первопродца данного направления историко-юридического исследования в

Из спектра исследований средневекового социума, историография общины (коммуны) выделилась достаточно быстро, в том числе, и под влиянием общественного интереса к вопросам самоуправления, но также и в русле медиализации поисков народного духа нации нового времени средневековья. Однако обособление историографической традиции, которое произошло, придало объекту и теме исследования оснащение методологическими особенностями. Отныне выбор того или другого объекта или направления исследований – например, городская коммуна либо сельская сеньория, как бы императивно требует рассматривания под определенным, четко заданным углом зрения, применения ранее апробированных инструментов и методов изучения.

Однако историография средневековых коммун и общин не стала беднее от усвоения определённого алгоритма, наоборот, традиция исторической мысли, связанная с коммуной весьма интересна и разнообразна, сама эта традиция – любопытный объект исследования в контексте развития исторической науки. В этой научной работе были открыты и опробованы на конкретных примерах весьма интересные общие манеры и подходы, модели исторического анализа (экономико-юридический, институциональный, социальный микро-исторический) и достигнуты разносторонние результаты, важные для изучения социальной, правовой и институциональной истории в целом, а не только истории средневековой итальянской общины. Естественно, за долгие годы в традиции исследований общины отложились и многие стереотипы.

Интересно, что каждая из последовательно сменявших друг друга школ, начиная с представителей экономико-юридической школы, более столетней давности, отталкивались от уже существовавших на тот момент стереотипов, например, заменяя жесткий подход деления на классы более пристальным изучением роли вальвассоров²⁸, препарирруя источник и как бы заставляя его

Италии, А. Пертиле. *Pertile 1873, V. 1, p. X.* Анализ данных историографических тенденций можно обнаружить в классическом труде Дж. Табакко. *Tabacco 1989, p. 24–25.* см. ниже)

²⁸ Caggese R. *Classi e comuni*

заговорить несвойственным, неочевидным для характера оригинального свидетельства образом (что было свойственно, например, ортодоксальному марксизму²⁹), либо, пытаясь проникнуться логикой источника и подчиняясь ей, сохраняя характер следов истории в исследовании истории, как это предлагалось на рубеже 70-х – 80-х гг. прошлого века (некоторыми микро-историками, исследователями т.н. территориального – *stato territoriale* и регионального государства – *stato regionale*³⁰).

Отметим далее, что такой сюжет, как история общины, связан с темой изучения экономики, права, выражения социального протеста и социального согласия на локальном уровне. Эти проблемы (по разным причинам или предубеждениям) в современной отечественной науке с конца 80-х–90-х гг. и поныне не вызывают такого энтузиазма, как вопросы исторической антропологии или истории культуры. Добавлю, к сожалению, не вызывают, поскольку естественной является такая ситуация, когда историографические приоритеты обеспечивают сложившиеся традиции исторического исследования.

Мне не кажется справедливым также и то распространенное убеждение, что история экономики или права рассматривает некие однообразные, повторяющиеся и известные аспекты, которые естественно и описываются бедным и скучным языком исследования по известным схемам. Некоторые формы хозяйствования и самоуправления, которые встречались в средневековой Италии в самых отсталых ее областях, таких, как Лаций и Кампанья (области, исторические источники из которых особенно интересовали меня как историка-практика) были не только весьма и весьма сложно организованными, но одновременно и быстро меняющимися, почти мимолетными в исторических масштабах. Восстановить картину этих исторических – занятие, тре-

²⁹ Tabacco.

³⁰ *La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento*, a cura di G. Chittolini, Bologna, il Mulino, 1979 (Istituzioni e società nella storia d'Italia, II).

La formazione dello stato regionale e le istituzioni del contado. Secoli XIV e XV, Torino, Einaudi, 1979. Piccola Biblioteca Einaudi.

бующее определенного остроумия, поиска языка описания, а во все не скучное рутинное занятие, вроде копирования пыльных страниц из старых, но востребованных мало книг. Кроме того, каждый локальный исторический казус общин, который реконструируется историком, может послужить для постулирования более общих вопросов изучения средневековой социальной жизни, эволюции *civitas* и *comune* средневековья. С другой стороны, общие выводы были бы здесь неуместны.

Пути и возможности правового закрепления статуса сообщества или группы в социальной иерархии были неоднозначными. Региональная и временная специфика проявления общих социальных процессов поражают разнообразием. Может быть, поэтому и мнения историков, и их высказывания по поводу экономических и правовых институтов коммуны средневековья также не приводимы к общему знаменателю. Если понимать институт как нечто выражающее корпоративный дух и групповой интерес, то характеристика института зависит от восприятия феномена коммуны в целом, или, по крайней мере элитарной группы, выдвигающей из собственной среды исполнителей функции, придающей смысл существованию института.

Неоднозначность же представлений историков о специфике итальянской коммуны проявляется и при анализе аспектов частного и публичного в генезисе коммуны, и при обсуждении возможности ассоциировать историю коммуны и историю городской жизни. Первое представление о коммуне средневековой Италии, которое можно получить по литературе, охватывает понятие «*urbs*», а не «*civitas*».

При этом известно, что именно общины, а не поселения приобретали особый юридический статус, например, статус «*civitas*» и «*universitas*». В последние годы двадцатого столетия усилился интерес к сфере изучения терминологических проблем, в частности, фокусируется проблема словоупотребления «*цивита*с» в средневековой документации. Есть «за» и «против» развития указанного подхода, но можно отметить, что, таким образом, стал складываться особый историографический дискурс.

В данном контексте укажем лишь, что термин «*universitas*», который используют источники применительно к объединениям

жителей поселений, не имевших статуса «civitas» будет переводиться нами как «община». Термин «каструм» в средневековых итальянских источниках также может обозначать особый правовой статус общины обитателей замка, который был ниже статуса «цивитас», но выше, чем статус «universitas».

Постараемся указать ряд вопросов, которых самым старательным образом избегают наиболее осторожные исследователи и простое упоминание о которых немедленно провоцирует дискуссию (пусть иногда и бесплодную).

В чем была своеобычность и в чем традиционность объединений, которые в источниках средневековой эпохи называются civitas, comunitas, universitas? Как выразилось сходство и различие данных типов объединений между собой? Насколько показательна или, напротив, обманчива употребляемая историческими (в основном правовыми) источниками терминология? Как определяется граница частного и публичного, когда речь идет о деятельности представителей цивитас, общины, коммуны? Как проявляются или, наоборот, затушевываются черты кровнородственных связей при развитии общинной солидарности? Как можно объяснить и описать сосуществование коммуны и сельской сеньории на одной и той же территории?

Есть ли ответы на эти вопросы в историографической традиции? На мой взгляд, да, есть, но не именно в традиции, а не в конкретных монографиях, диссертациях и даже дискуссиях, ведущихся на конференциях, которые можно назвать и представить кратким списком.

Нетрудно убедиться при самом поверхностном знакомстве с историографической традицией, что первая и основная тема, которую привлекают при обсуждении специфики средневековой итальянской коммуны – это история городской жизни. Справедливо ли это предпочтение? С одной стороны, как и всякий стереотип, это распространенное представление несет в себе рациональное зерно: городская жизнь средневековой Италии – это одна из самых примечательных страниц средневековой истории в целом. Однако можно ли утверждать, что городская округа была антиподом городского мира, или же частью взаимосвязанной системы город-контадо? Если да, то можно ли принять тезис о том,

что комплиментарность и полифункциональность систем организации города и округа реализовывалась как связи коммуны (общины) и сеньории?

Это далеко не полный перечень основных вопросов, возникающих при анализе данной исследовательской темы. Но мы вынуждены будем еще более жестко ограничить нашу задачу, объединяя некоторые сюжеты и аспекты между собой. На мой взгляд, важнее всего прояснить два историографических сюжета: тему взаимосвязи города и контадо (сеньории) и проблему внутренней организации малого социума. То, что эти вопросы в принципе начинали волновать исследователей и то, как определялись в различные периоды эти вопросы, служит четким маркером отдельных этапов развития и смены дискурсов историографии.

Сеньория сельской округи города и взаимосвязь города и контадо

Историография темы сеньории принципиально отлична от разработок в области исследования коммуны, хотя, на мой взгляд, по сути, в сфере внимания исследователей должен находиться один и тот же вопрос развития малого социума в его взаимодействии с внешними социальными силами.

В области изучения сеньории главный тот вопрос, который необходимо обсудить, составляет интерпретация двух типов господства: юрисдикционного и поземельного. В современной историографии проведено четкое разграничение юрисдикционной и поземельной сфер отношений. Вопрос в том, были ли совместимыми и взаимозависимыми эти системы связей в одной конкретной сеньории или же, напротив, являлись принципиально различными и разноплановыми.

При разборе вопроса о сеньории обычно прибегают к следующей классификации подвидов: 1) *Signoria domestica*; 2) *Signoria fondiaria*; *Signoria territoriale (di banno)*. Названия отражают область распространения сеньориальных прав. Первый случай небольшой и патриархальной сеньории не вызывает споров и не так интересен нам. Важно отметить, что, согласно данной классификации, во втором случае, который представляет собой «сеньория фондиария», сеньор имеет права лишь в отношении держателей,

получивших от него земельные участки. Третий же тип характеризуется тем, что под сеньорию банна подпадает все население окрестных земель.

Классификация сеньории по видам представляется вполне стройным и логичным, оно может быть названо универсальным. Однако, существовал ли такой прогресс сеньории в исторической реальности или классификация видов сеньории – это чисто схоластический прием?

Я считаю, что условное деление подвидов сеньории служит удачным способом описания, т.е., схемой, отражающей возможные пути развития сеньории. В исторической реальности должно было происходить смешение форм и изменение сил и возможностей трансформации сеньории. Во всяком случае, используя обозначения категорий сеньории, можно создать иллюзию стадийности процесса развития сеньории. Если говорить о представлениях современной историографии, то, кажется, что только итальянские историки считаются с этой условностью применяемых моделей описания сеньории.

Помимо вопросов классификации, важнейшей проблемой является периодизация развития сеньории. Именно в этом пункте мы находим второе общее отличие исследований итальянских историков от общеевропейского стандарта. Эта хронология процесса формирования сеньории в представлениях итальянских исследователей отлична от периодизации, принятой во французской историографии. Речь идет не о нескольких десятилетиях, а о веках.

Собственно, можно выделить в итальянской историографии два крыла: исследования сеньории рубежа тысячелетий³¹ и изыскания, посвященные в XIII–XIV³². Но итальянские специалисты

³¹ Violante 1991 (Settimane CISAM, 38), pp. 329–385; Sergi 1986, pp. 367–393; *Strutture e trasformazioni della signoria rurale nei secoli X–XIII*, 1996; *La signoria rurale nel medioevo italiano*, cit., 2 voll., Pisa, 1997–1998.

³² Cammarosano 1974; G. Chittolini 1981 (*Storia d'Italia Utet*, IV), pp. 591–676.

Carocci 1989, pp. 71–122; idem. *La signoria rurale nel Lazio (secoli XII e XIII)* 1997, pp. 167–198; Cortonesi 1988, pp. 237–253; Vendittelli 1993, pp. 20–24 e 37–38.

по истории Треченто, тем не менее, уверены в том, что процессы развития сеньории начались значительно раньше изучаемого ими периода.

Русло развития итальянской историографии сеньории можно проследить по публикациям различного характера и масштаба, но имена тех, кто проложил это русло, задал доминанты, часто повторяются отдельно и в сочетании друг с другом. Важным вкладом в развитие историографии вопроса о сеньории, как мне кажется, явились исследования таких представителей итальянской исторической науки как М. Дель Треппо, Дж. Фазоли, Дж. Киттолини, Г. Россетти. Отметим, что это именно не прошедший краткий момент историографического развития, но его классический этап, который не завершился: публикации 70-х–90-х гг. прошлого века продолжают переиздаваться в новом тысячелетии. Круг ученых, которые построили этот важный плацдарм для развития исторической дисциплины, не был ни очень узким, ни слишком широким. И те имена, которые здесь выделены, выделены из гораздо более массового слоя произведений, подобные темы отечественной истории изучались в Италии повсеместно – от студенческих работ до публикаций признанных мэтров многочисленных университетов. Локальными казусами складывания сельской сеньории и средневековыми сельскими общинами занимались очень многие итальянские историки, но лишь избранные смогли сформулировать общие проблемы и задачи исследования через частные исторические казусы.

Расцвет историографического развития 1970-х – 1980-х гг. имел послевоенную предысторию. Интересна, например, перспектива исследования, предложенная Дель Треппо, который еще с середины 1950-х гг. обратил внимание на роли и характеристики крупного монастырского хозяйства (на примере локально значимого центра – монастыря Сан Винченцо в Вольтурно на юге Италии). В дальнейшем Дель Треппо не ограничился исследованием крупного домениального хозяйства, но перешел к изучению основополагающих проблем трансформации сельского мира, причем в своих работах Дель Треппо основное внимание уделил периоду в X–XI вв. Обобщив позднее данные этих изысканий, Дель Треппо смог сформировать представление

о функции и роли сеньориального центра – замка, которые определились с началом нового тысячелетия. На юге полуострова это был переход от исполнения военно-стратегических функций до включения замка в процессы социально-экономического развития сельского мира. Замки, возведенные в ходе активной аграрной колонизации, производимой по инициативе и на средства бенедиктинских монастырей, способствовали интеграции населения, возобновлению хозяйственных связей на заброшенных территориях, складыванию поземельных отношений нового типа³³.

Профессор Джина Фазоли ставила более широкие задачи исследования формирования сеньориальных отношений, их специфики в средиземноморском регионе³⁴. В данном случае под феодальной системой имелась в виду структура вассальных отношений. По вопросу о соотношении феода и замка Дж. Фазоли высказывает следующее мнение: феодал не всегда располагал замковым центром и наоборот, не всякий «каструм» представляет собой феодал.

Дж. Табакко, также, как и Дель Треппо, избрал тему формирования «сеньории банна», взаимоотношений сеньориальной власти и сельских сообществ, но, что сближает его исследовательскую позицию с исследованиями Фазоли, при этом анализировал и основные проблемы развития структур коммуны. Исследуя процесс формирования сельской сеньории, Табакко подчеркивал роль концентрации населения: сеньориальное укрепление могло превратиться в достаточно крупное поселение, включавшее в себя протяженную сельскую округу³⁵. Табакко отметил важный момент трансформации понятия «куртис» (curtis). Первоначально этот термин обозначал «сеньориальный хозяйственный комплекс», в ходе процесса «озамкования» проявилось иное качество, а у термина родилось новое значение «сельская территория, подпадающая под сеньориальный банн, (т.е., комплекс прав владельца замка)»³⁶. Достаточно долго господствуют в Италии историографические концепции сеньориальной революции,

³³ Del Trepo M. 1977, p. 286.

³⁴ Fasoli 1973.

³⁵ Tabacco 1977, pp. 210–211.

³⁶ Ibid.

произошедшей, как будто бы, всего за несколько десятилетий, но этот вопрос не выведен из числа дискуссионных.

Поворотным пунктом развития историографии стали 1960-х – 1970-х г., когда было осознано единство социальных процессов города и округа, которые составляли единую систему. К концу прошлого века внимание итальянских исследователей постепенно стало фокусироваться на структурах контадо после XIII столетия, хотя прежде внимание историков занимал рубеж тысячелетий, когда начался процесс озамкования и период т.н. «новой феодализации» позднего средневековья. Масштабы и сроки этого явления продолжают уточняться: некоторым исследователям последней четверти прошлого века, (в т.ч. и итальянским, и русским итальянистам) тотальная рефеодализация представлялась сомнительной³⁷, другие историки приняли концепцию, в основном исходя из региональной специфики, находя подтверждения в локальных случаях, изучаемых объектов.

В свете избранной мной региональной тематики исследования, эта тенденция должна быть отмечена и оценена особо: максимального расцвета структуры «каструм» в Папской области,

³⁷ В основном, это историки-приверженцы марксизма, как советские, так и итальянские: см напр. Котельникова. 1987. Введение <https://historylib.org/historybooks/Kotelnikova-L-A-Feodalizm-i-gorod-v-Italii-v-VIII-XV-vekakh/1>: «И, наконец, в чем причина своего рода «всплеска» с конца XV в. пожалований феодов, объектом которых подчас становятся немалые территории, включавшие нередко несколько сельских коммун и их округ, причем получавшие феод одновременно не только приобретали права высшей юрисдикции, разного рода баналитеты, но и верховную собственность над общинными землями, а порой требовали от населения феода исполнения ряда новых служб и повинностей, включая барщинные. Заметим, что в литературе эти пожалования феодов не так уже редко отождествляются с феодами «классических» феодальных сеньоров, почему это явление и именуется «рефеодализацией». И далее: «Данные новейших исследований (В.И. Рутенбурга, А.Д. Роловой, Ф. Броделя, К.М. Чиполлы, Д. Селлы, П. Маланимы) свидетельствуют о том, что в XVI в. не было и повсеместной «рефеодализации» на всей территории страны и не только в промышленности, торговле и банковско-кредитном деле, но и аграрной сфере».

видимо, достигли как раз в XIII–XIV вв. Но изучение этого комплекса земель в указанный период не сразу заинтересовало итальянцев, скорее локальная проблематика стала актуальной благодаря новому витку развития общих проблем историографии сеньории.

Особую роль играли в этом процессе исследования и рефлексии Дж. Киттолини³⁸, этот автор, которому подчинялись как бы обе сферы изучения – истории и города, и контадо, внес особый вклад в организацию конференций, дискуссий, коллективных публикаций, достижения определенного терминологического консенсуса. Киттолини, трактуя проблемы трансформации сельской сеньории, развития и распространения феодальных отношений в период XIV–XV вв., рассматривал замок в качестве военно-политического центра господства новых феодальных сил. При этом процесс расширения юрисдикционной и сеньориальной власти владельцев замков Дж. Киттолини характеризует как «феодализацию в собственном смысле слова»³⁹.

В работах, опубликованных с начала 1980-х и до 90-х гг., появились и другие имена, например, В. Фумагалли заговорил об особой культуре мира замка⁴⁰ удачно обобщил опыт предыдущих исследований: замки представлены как образующие центры трансформирующейся сельской сеньории, но не только в этом качестве. Данные сеньориальные центры, по мнению, играли пер-

³⁸ Chittolini (1969), pp. 706–719; Chittolini 1979 (Istituzioni e società nella storia d'Italia, II), pp. 7–50; Idem. La formazione dello stato regionale e le istituzioni del contado sec. XIV e XV. Torino, 1979; Idem. Signorie rurali e feudi alla fine del Medioevo, in **Comuni e signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia** (Storia d'Italia diretta da G. Galasso, vol. IV), Torino, Utet, 1981, pp. 597–676; Idem. A geography of the 'Contadi' in Communal Italy, in *Portraits of Medieval and Renaissance Living. Essays in Memory of David Herlihy*, a cura di S.K. Cohn jr e S.A. Epstein, Ann Arbor (Michigan), University of Michigan Press, 1996. Эта англоязычная публикация являлась переделкой работы на итал.яз, однако, именно коллективная монография, вышедшая в США имела большое значение для закрепления идей автора в историографии, в т.ч. и в италиязычной историографии.

³⁹

⁴⁰ Fumagalli 1981.

востепенную роль в экономической, административной и религиозно-культурной организации жизни сельского мира. Такую «аристократизацию» структур экономики, политики и культуры исследователь считает прогрессивным явлением. Следует подчеркнуть и вклад Чинцио Виоланте. Историк-медиевист плодотворно работал все послевоенное время, но 80-е годы, в свой пизанский период профессорства, а также и в 90-е, сделал особенно много, организуя коллективные публикации, важные для развития историографии сеньории⁴¹ (эти труды были затем продолжены коллегами и после кончины Виоланте).

А. Кортонези в конце 80-х гг. провел исследования аграрной сферы экономики Лация XIII–XIV вв.⁴² Им был исследован и отражен постепенный характер втягивания различных групп населения замка в сеньориально-вассальные связи, эти работы имеют, как и большинство описываемых четкую региональную и локальную привязку (в частности, пристально изучается динамика сеньориально-вассальных связей на примере замка Сальвамолле). Однако избранные казусы заслуживают внимания, поскольку ставят некоторые общие проблемы и вопросы, даже исходя из локального контекста.

Труды С. Кароччи требуют особого внимания. Исследования разных лет: увидевшие свет в 90-х. г.г., привлечшие внимание академических кругов на рубеже веков, и более поздние, до сих пор вызывающие дискуссии), прекрасно синтезируют и продолжают традиции исследования социальной и правовой истории

⁴¹ См: например: *La signoria rurale nel medioevo italiano*, a cura di A. Spicciiani e C. Violante, 2 voll., Pisa 1997-98.

⁴² В рамках изучаемой темы важен и его обобщающий труд «Земли и сеньоры в средневековом Лации: аграрная экономика», и еще более – разработка частного вопроса формирования сеньории рода Каэтани над замком Сальвамолле, начало которым положило превращение старинных владельцев замка в вассалов Каэтани, а, затем уже и других групп населения. См: Cortonesi A. *Terre e signori nel Lazio medioevale...*, 1988. Idem. *L'affermazione della signoria dei Caetani sul castello di Salvamolle / Il Lazio meridionale...* Roma, 1991. P.169-185.

итальянской медиевистики и дают трактовку развития замка в рамках картины взаимоотношения город-контадо⁴³.

В основной монографии Кароччи, озаглавленной «Бароны Рима», не просто постоянно упоминаются замки округи, но объясняется, что основу могущества римской элиты составляли сеньориальные права и возникавшие вследствие этого системы персональных связей.

Исследования Кароччи и Кортонези тесно взаимосвязаны, их интересовали не только сходные темы, но и казусы и варианты развития сеньории (например, сеньориальные права рода Каэтани). Я, однако, предполагаю сосредоточить внимание на произведениях Кароччи, т.к. именно их автор не только является выразителем определенной тенденции в итальянистике, но и осмеливается обобщить собственно итальянскую исследовательскую традицию и противопоставить линию итальянской историографии (в некоторых случаях имплицитно, а в других – открыто) научным школам французского, англоязычного и иберийского мира. Впрочем, с мэтрами национальной исторической науки старшего поколения Кароччи также неоднократно вступал в полемику на статусных конференциях.

Даже если эта позиция небезупречна, то, в любом случае, очень важна для понимания характера развития и ценности наследия итальянской историографии. Кроме того, исследовательская доминанта Кароччи примечательна тем, что избранный им объект, а именно *Baroni di Roma* «бароны Рима», принадлежит как бы двум разным стихиям: городу и деревне, двум разным системам: сеньориальной и коммунальной. Историк, начиная исследовать высший круг городской элиты Рима, тем не менее, в своем поле зрения держит и город, и округу, а затем и приходит к выводу о двойственной природе и роли элиты. Выводы Кароччи имеют то ограничение, что речь идет о локальной особенности, но сила и роль исследований Кароччи в том, что эти штудии подчеркивают многообразие форм организации коммуны и сеньории и на локальном/ региональном уровне, и постулирует такое разнообразие для средневековой Италии в целом.

⁴³ Carocci S. *Baroni di Roma*...p. 69-104, 105-142, и особенно в разделе *L'incastellamento duecentesco* p. 146-154.

Если бы Кароччи лишь обосновывал свой выбор исследования варианта сильной сеньории, характерной для исторической области Лация как противовес исследованиям зон слабой сеньории, вряд ли стоило бы приводить эту позицию в качестве наиболее интересной. Но Кароччи также показывает сосуществование в Лации сильной сеньории баронов (могущественных аристократических родов) и достаточно распространенного в Италии и Европе типа небольших центров сеньории с более слабым сеньориальным контролем, который удавалось преодолеть нарождающимся сельским коммунам или, по крайней мере, ослабить экономическое влияние сеньора.

Кроме того, Кароччи критикует общие принципы, на которых строится исследование сеньории в Европе, в особенности, за пределами Италии. Отличные кропотливые исследования итальянских историков по такому интересному вопросу как развитие сельской сеньории на протяжении четырех веков – от раннего средневековья до расцвета. Кароччи, в чем-то работает по принципам итальянской микроистории, т.е., исследует объекты пристально, на микроисторическом уровне, но извлекает из этих штудий общие вопросы, реконструирует и показывают примеры взаимосвязи частного и публичного, отношений покровительства и принуждения, не злоупотребляя обобщением результатов, но переходя от микро- к макроуровню анализа.

Новое тысячелетие дало положительную оценку классическим трудам прошлого века: они интенсивно переиздавались, а такие имена исследователей, как Киттолини, Россетти, Виоланте продолжали жить в научном мире, и, вероятно, продолжат по праву и далее быть в списках рекомендуемой литературы. Есть много иных имен, но не за каждым стоит общий подход и трактовка проблем сеньории в контексте локальной истории. Тем не менее, отметим вклад следующих историков, которые, имея конкретно-исторические исследования регионального уровня ставят вопросы и цели, которые представляются важными для медеивистики в целом: Нобили П.Г., который посвятил свои труды Северу Италии, Ломбардии и в особенности Бергамо и округе, не

упуская из вида даже на уровне казуха общие проблемы сеньориальных институтов, фискальной системы etc⁴⁴.

Джанпаоло Франческони уделяет более внимания городу (*civitas*), но одновременно и трактует взаимоотношение небольшого тосканского города с округой⁴⁵.

Особенности изысканий итальянской историографии не так просто выразить в однозначном определении, но постараемся очертить их, сделав это осторожными штрихами. Итальянская историография, несмотря на ряд влияний извне, сумела сохранить некоторые важные доминанты: например, представление о неразделимости в исторической реальности экономических и юрисдикционных аспектов сеньориального господства, постепенности и многоплановости процесса формирования сеньории. Все эти положения, изложенные выше, сближают итальянскую историографию вопроса с российской традицией исследований. В других национальных школах историографии гораздо чаще отмечалось обособленность юрисдикционных вопросов от вопросов изучения поземельных отношений, экономики, чем это характерно для италоязычной и русскоязычной традиции.

Думается, что развитие данной темы исследований в России, возможно даже в перспективе, обозначенной итальянской школой историографии, было бы актуальным и органичным для отечественной медиевистики. Ряд общих точек зрения можно отметить, сравнивая представления, бытующие в отечественной медиевистике, со взглядами итальянских коллег-историков. Прежде всего – это отказ разграничивать сферы поземельных отношений и юрисдикционной и вассальной зависимости, стремление видеть постепенные длительные процессы формирования сеньории, а не

⁴⁴ Nobili P.G. “Fiscalità Signorile e Comune Rurale: Calusco D'Adda a Inizio XIII Secolo.” *Archivio Storico Italiano*, vol. 168, no. 4 (626), 2010, pp. 679–706. *JSTOR*, www.jstor.org/stable/26214814

Nobili, P.G. I contadi organizzati. Amministrazione e territorialità dei "comuni rurali" in quattro distrettilombardi(1210-1250circa) (2013) – In: Reti medievali vol. 14, 1 (2013) p. 81-130.

⁴⁵ FRANCESCONI G. *DISTRICTUS CIVITATIS PISTORII* Strutture e trasformazioni del potere in un contado toscano (secoli XI–XIV). Pistoia. 2007.

«революционное» возникновение сеньориальных структур. Кроме того, важен будет момент взаимосвязи сеньориальных структур и структур общины.

В работе будут подвергнуты анализу историографические и источниковые проблемы, возникающие при изучении мирских и сакральных корней средневековой «цивитас», а также систем самоуправления и способов осуществления власти в ситуации политического и правового полицентризма, (в частности, ради этого будут акцентированы казусы, которые были характерны для Папских земель). В ракурсе микроисторического анализа будут представлены правовые гарантии положения отдельных членов общины, особая роль городской элиты и привилегированного слоя коммуны. В более широком контексте указанные сюжеты вписываются в поле изучения взаимосвязи церковной (приходской) общины и гражданской общины, а также роли сеньории Церкви в отношении коммуны, проблемы взаимоотношения нобилитета (прежде всего римского, составлявшего элиту коммуны) и папства.

Темы и аспекты, которые особенно интересуют автора данной работы в связи с историографии городской истории и истории общины итальянского средневековья: 1) развитие городской общины с ее идеей права, нормы и излишества; 2) развитие религиозных братств во взаимодействии со средой горожан и создание новой действенной религиозности, социально ориентированной и созидательной; 3) конфликты и напряженность, связанные с развитием инноваций в городской среде и новых социальных связей; 4) неразрывная взаимосвязь тех сторон средневековой жизни общины, которые современное сознание разделяет на сферу светского и сферу сакрального (преимущественно на материале истории городских коммун в связи с большим наличием источников).

Не в последнюю очередь занимают автора работы и само сравнение подходов историков и специалистов по истории права к вопросам развития средневековой общины и коммуны. Историографии как таковой посвящены отдельные страницы. Во-первых, это – весьма любопытный и парадоксальный объект исследования, во-вторых, необходимый элемент самоанализа: ведь авторы в какой-то мере задали и определили перспективы моего

собственного видения проблемы коммуны. Правда, в отличие от автора блестящего исследования «Как думают историки?», меня больше интересует вопрос, как пишут историки, как высказывают свои мысли исследователи-гуманитарии.

Кажется, что независимо от принципиального решения данного вопроса можно признать существование «социологии знания» как особой сферы и предмета изучения⁴⁶. Мне, и думается не только мне, интересна именно эта сфера циркулирования идей. Можно сказать, что это своеобразная «золотая середина» между конспектированием чужого знания (свойственного традиционному историографическому очерку) и теоретизированием и проблематизированием аспектов философии истории.

Понятно, что в любом случае носителями историографического дискурса являются люди с определенными вкусами, потребностями, научными и дружескими связями. Внимание к такой стороне научного процесса иногда уводит в сторону от изложения собственно историографических дебатов, но в конечном итоге позволяет подготовить и приблизить читателя к восприятию самых замысловатых или скучных лишь на первый взгляд историографических картин.

Работая над темой средневековой общины и сеньории в историографии, я убедилась, что некоторые позиции обусловлены традицией национальной школы исторических исследований в большей мере, чем накопленным автором работы материалом источниковедческого анализа. Удивительно, насколько различными бывают суждения специалистов не просто по сходной тематике, но даже по одному кругу исторических источников.

С учетом этого обстоятельства представляется не только необходимым осветить некоторые ключевые историографические позиции, но и раскрыть авторское отношение к данным идеям и

⁴⁶ Среди многих интересных работ, посвященных осмыслению данной темы, выделю коллекцию статей, которую отличает четкость изложения и практическая направленность проекта общего исследования: *Sciences and cultures. Anthropological and Historical Studies of the Sciences/* ed. E. Mendelson and Y. Elkana. London, 1981. В особенности полезным представляется основной подход работы публикатора сборника: Elkana Y. *A Programmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge. Ibid.* P. 1–73.

их творцам, находить источниковые фрагменты, оттеняющие или опровергающие данные построения. Забегая вперед, скажу, что я буду в основном приводить именно те выводы и концепции, которые полезно учитывать при историческом анализе любого уровня, а не те, которые могут послужить объектом резкой, хотя бы и доказательной критики.

Каждый из основных разделов работы построен таким образом, что включает историографический и источниковедческий анализ определенного аспекта истории итальянской средневековой коммуны (*civitas*) и общины (*universitas*). В частности, автор работы рассматривает возможности использования правовых документов в качестве исторических источников, а также трактует особенности национальных школ итальянистики и, прежде всего, предпочтения итальянских медиевистов.

В кратком вступительном очерке автору представляется важным отметить лишь общую логику конструирования различных историографических позиций, а также некоторые стереотипы восприятия проблемы⁴⁷. Однако прежде чем определять, в какой период сформировалось представление о средневековой коммуне как о самобытном феномене, логично поставить вопрос, с какого момента мы можем говорить о начале самой академической науки.

Естественно, история коммуны как история определенного города или края изучалась эрудитами, знатоками древностей и архивов на протяжении многих веков. Этот этап позволил осуществить комментированные публикации важных как для изучения социальной истории, так и для истории права источников⁴⁸. Аналитическая история, проблемный подход, думается, формировался в самой Италии лишь к 80–90-м г. XIX в., хотя краеведческий и историко-правовой характер литературы по-прежнему

⁴⁷ См. информативный и разносторонний обзор историографии средневековой коммуны у С. Рейнольдс, в котором анализируются предпочтения разных поколений историков начиная с периода, предшествующего Французской революции, а также изменения этих предпочтений историографии на протяжении веков: Reynolds 1997, p. XI–LXII.

⁴⁸ Выделим из исследований раннего периода развития историографии общий труд по истории коммун южной Италии XII–XIX вв.: Faraglia 1883.

преобладал. Поскольку марксизм к этому времени стал если не влиятельным, то весьма модным интеллектуальным течением и приобрел себе в Италии таких харизматических сторонников, как А. Лабриола, то неудивительно, что и в области изучения коммунизма проявилось такое направление, которое в современной историографии принято считать марксистским.

Я имею в виду т.н. школу экономическо-юридических исследований – *scuola economica giuridica*, к которой принадлежит творчество таких историков, как Джоакинно Волпе, Ромоло Каджезе, Гаэтано Салвемини, Джино Луццато. Несмотря на встречающиеся (особенно в англоязычной литературе) эпитеты «вульгарный марксизм» или «твердый марксизм»⁴⁹, можно смело сказать, что это было творческое направление аналитической исторической мысли.

Вопрос о начальных этапах средневекового развития городской общины, на мой взгляд, служит индикатором появления проблемно-исторического исследования по итальянской медиэвистике. Несомненно, Дж. Волпе был одним из первых историков, достаточно смелых в выводах, чтобы высказать тезис о новационном характере средневековой коммуны.

Тезис этот не был представлен голословно, ему сопутствовала большая работа над источниками, свидетельствующими о конкретных формах воплощения новых принципов объединения. При этом ни сам исследователь, ни историографическая (экономико-юридическая) школа, к которой он принадлежал, ни в коей мере не грешили модернизированием исторических реалий и не пытались представить коммунальное движение в качестве буржуазной революции⁵⁰.

Фундаментальный труд историка Р. Каждезе, современника и единомышленника Волпе, по истории сельской коммуны также полон идей о новационном характере процесса, который вел к консолидации жителей округа, как простолюдинов, так и нижнего слоя привилегированной группы (*Valvassori*). При этом

⁴⁹ См.: например, характеристику Дж. Ларнера (*Larner Jh.* 1991, p. 8).

⁵⁰ Ссылаюсь на более доступное в России издание, хотя существует и более современное: *Volpe* 1961, p. 85–118. (3 ed. Roma, 1992).

коммунальное движение отнюдь не воспринималось как буржуазная революция в среде итальянских специалистов начала XXв⁵¹.

Обращение к работам данных историков до сих пор является подспорьем для серьезного ознакомления с темой коммун, а не просто данью уважения к историографическим изысканиям прошлого. Справедливо мнение, что краткая работа Вольпе о происхождении и развитии итальянских коммун служит отправной точкой в изложении современной историографии коммун⁵², но то же утверждение, на мой взгляд, применимо и к весьма пространному труду Каджезе по истории сельских коммун⁵³. Возможно, именно масштабность публикации Каджезе помешала работе стать столь же читаемой и цитируемой, каким явился очерк Вольпе, как бы блестящее введение к так и не написанной книге. Естественно, опубликованную век назад работу использовать необходимо с осторожностью⁵⁴, но это замечание, по большому счету, применимо к любому произведению историка. Из современных работ по смелости поставленных вопросов (но не по масштабам исследования) с трудом Каджезе может сравниться только блестящая монография Криса Викама⁵⁵.

В литературе последующего периода формулировки толка экономико-юридической школы сменились более компромиссными высказываниями. Однако специфика итальянской коммуны как качественно новой стадии жизни средневекового города долгое время не оспаривалась даже самыми последовательными приверженцами идеи континуитета. Мне представляется оправданным то, что работы представителей экономико-юриди-

⁵¹ Caggese 1907–1909. vol. 1–2.

⁵² Coleman E. The italian communes. Recent works and current trends// Journal of Medieval history. 28, 4. p. 376.

⁵³ Caggese 190–08.

⁵⁴ Тезис, прозвучавший из уст известного историка Дж. Ларнера (to be used with some caution), пристрастно относившегося к направлению экономико-юридической школы. Op. cit. p. 180.

⁵⁵ Wickham 1998.

ческой школы (особенно Вольпе и Каджезе) хотя и не переводились в России, но пользовались вниманием итальянистов весьма продолжительное время.

Признаюсь, сразу, что на вводных страницах историографического очерка мне хотелось бы в первую очередь сравнить некоторые направления итальянской и российской школы исследования коммуны, хотя бы потому, что такое сравнение не занимает иностранных авторов историографических очерков. С первых шагов отечественной историографии эпохи средних веков тема итальянской коммуны вызывала интерес в России.

Родоначальник российской медиевистики Т.Н. Грановский в публичных лекциях не просто касался этой проблемы, но сделал ее стержнем изложения. Как известно, лекции эти стали событием в культурной жизни эпохи, привлекли внимание и историков, и образованной публики. Конечно, манера изложения Грановского более соответствовала жанру публицистики, чем исследования, но это принесло свои плоды: интерес к итальянским городам-коммунам, к теме самоуправления, демократии как результата социальной борьбы укоренился в России.

Говорить о создании серьезной и оригинальной школы итальянистики и изучения истории коммун в частности, можно лишь применительно к более позднему периоду отечественной науки, т.е., рубежу XIX–XX в. Настолько разноплановые историки, как И.М. Гревс, Н.Н. Кареев и отчасти М.М. Ковалевский, интересовались историей итальянских коммун и всегда подчеркивали инновационные черты средневековой цивитас, хотя каждый из этих исследователей обладал достаточной эрудицией в области античной истории, чтобы подметить формальные моменты сходства средневековых институтов самоуправления с институтами периода древнего мира.

В своих исследованиях начала прошлого века Н.П. Оттокар разработал широкую панораму развития коммуны на протяжении нескольких столетий. К сожалению, полный расцвет творчества этого ученого пришелся на годы эмиграции и оказал гораздо большее влияние на развитие медиевистики в Италии, чем в России, о чем свидетельствует тот факт, что статью «коммуна» для

первой многотомной итальянской энциклопедии двадцатого столетия было доверено подготовить именно Оттокару⁵⁶.

Мы же обратимся к послереволюционному, точнее, послевоенному периоду развития историографии средневековой коммуны в нашей стране и сравним ее основные направления с европейскими (преимущественно итальянскими) исследованиями того же периода. Именно в советский период тема исследования коммун стала одной из приоритетных, и целая плеяда историков проливала свет на страницы истории итальянской общины как города, так и деревни⁵⁷.

В советской школе историографии, как и в любой школе исследований, господствовали определенные схемы, тем не менее, итальянисты, которые работали в 1960–1970-е гг., существенно различались по своей исследовательской манере. В то же время следует отметить, что типичный для советской историографии интерес к экономическому положению и юридическому статусу непривилегированных групп, и, прежде всего, различных слоев крестьянства средневековых итальянских земель, были оригинальными в плане постановки вопросов и четкими по исполнению исследовательских задач⁵⁸.

⁵⁶ Ottokar 1948.

⁵⁷ Абрамсон М.Л. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI–XI вв.) // СВ. 1976. Вып. 40; Бернадская Е.В. История сельских коммун Моденской провинции // СВ. 1959. Вып. 14; Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.

⁵⁸ Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений Северной и Средней Италии XIV–XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; Брагина Л.М. Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии в XIII–XIV вв. // СВ. 1958. Вып. 12; Брагина Л.М. Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII–XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; Котельникова Л.А. О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX–XII вв. // СВ. 1960. Вып. 17; Рутенбург В.И. Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; Самаркин В.В. Эволюция либеллярного держания в Северо-Восточной Италии в XII–XIV вв. // Вестн. МГУ. История. 1964. №3.

Вклад российских ученых действительно был самобытным, но, в то же время, тесные контакты российских и итальянских историков открывали новые возможности научного обмена, результаты которого сказывались на протяжении десятилетий. Следует отметить, что в 60-70-е гг. контакты отечественных историков с итальянскими коллегами были весьма успешными и плодотворными. Не случайно среди авторов многотомной энциклопедии истории Италии есть имена российских медиевистов.

Несмотря на то, что в отечественной историографии коммунальное движение являлось одним из излюбленных сюжетов, именно вопрос о происхождении средневековой итальянской коммуны, черты преемственности в ее истории, на мой взгляд, не получили четкого отражения.

Восьмидесятые годы двадцатого столетия стали временем синтеза идей и разработок предшествующих исследований. Мне хотелось бы подробнее рассмотреть вклад Л.А. Котельниковой в изучение истории сельских, и городских общин Севера и Центра Италии X–XV вв., который весьма высоко оценивался международной научной общественностью, прежде всего и в самой Италии в 70–80-х гг. XX в.

В своих исследованиях Котельникова справедливо обращала внимание на то, что одним из наиболее примечательных фактов итальянской истории периода расцвета феодализма было повсеместное существование не только городских, но и сельских коммун. Котельникова отстаивала идею преемственности между общиной и сельской коммуной как социальными явлениями. При этом исследовательница полагала, что та или иная конкретная община не являлась непосредственной предшественницей сельской коммуны⁵⁹.

Таким образом, Л.А. Котельникова отрицала непосредственную преемственность средневековых коммун по отношению к структурам и институтам, которые существовали в более ранний период на той же территории (даже в сельской местности, где перемены всегда происходили медленнее, чем в городе). Тем самым

⁵⁹ Котельникова 1987.

видная представительница отечественной историографии закрепляла в российской науке определенный стиль трактовки данной проблемы, характерный для первой половины прошлого века.

В отличие от нее некоторые (прежде всего, итальянские) историки и историки права готовы были рассматривать в качестве предтечи коммуны не только муниципий или объединения периода поздней античности и раннего средневековья, но и более отдаленные ее про-образы, как общины доримского периода истории, причем континуитету общины в сельской местности уделялось особое внимание⁶⁰.

Важным постулатом современной европейской, прежде всего, итальянской историографии стал вывод о частном характере первоначального объединения в коммуну. Этот тезис стал общепринятым с 60-х г. прошлого века, причем его утверждение можно приписать влиянию публикаций фундаментальных исследований и лекций Дж. Фазоли.

Центральной для исследования Фазоли стала идея о том, что на первоначальной стадии развития коммун носит исключительно частный характер, будучи продуктом временного договора частных лиц – горожан или селян-соседей, заключенного с конкретными утилитарными целями⁶¹. В трудах Фазоли, посвященных трансформации городской общины в средневековую коммуну, период рубежа тысячелетий отмечен как качественно важный и переломный, причем подчеркивается, что для обозначения городского объединения постепенно начинает использоваться новый термин, новое имя существительное на вольгаре, которого не существовало в классической латыни.

Интересно, что почти незамедлительно и столь же четко был обозначен противоположный тезис, отрицающий частноправовую природу средневековой коммуны. Табакко, в противовес уже сформировавшемуся представлению, настаивал на признании политической и публичной природы итальянской средневековой коммуны, причем (со ссылкой на работы Банти) указывал на ненадежность следования юридической терминологии источников в употреблении термина «цивитас». Автор этого утверждения

⁶⁰ Bognetti 1978; Santini 1964.

⁶¹ Fasoli 1961.

Дж. Табакко был достаточно популярен, причем не только на родине. Сам программный труд Табакко был переведен на английский язык, что не так часто случалось с работами итальянских историков.

Удивительно, что историк, выработавший целостную социально-политическую концепцию средневековой истории Италии почти в марксистском ключе⁶², получил признание в англоязычной академической среде, но не в российской⁶³, хотя, казалось бы, подобная позиция должна была казаться близкой отечественной историографии тогда еще советского периода.

В советской историографии употребление источниками названий *comunia*, *comune* определялось не просто как появление нового юридического термина для обозначения общины, но как качественно новое явление социально-политического развития. Так акцентировался аспект борьбы за коммуну, а не моменты преемственности. В частности, сами термины «*coniuratio*», «*iuramentum*», которые сопровождают первые документальные свидетельства появления коммуны, истолковывались в данном ключе. Характерна манера обращения к данному аспекту таких видных специалистов по истории средневековой Италии, как Л.А. Котельникова и В.И. Рутенбург.

В.И. Рутенбург (а именно он с середины прошлого века являлся одним из известнейших и влиятельнейших советских исследователей) прямо указывал, что «торжественный момент перехода власти из рук феодального сеньора в руки города отмечали клятвой *coniuratio*»⁶⁴.

Как и в произведениях европейских историков начала прошлого века, речь шла о переломном, качественно новом моменте развития общины, а само рождение общины, первоначальный этап ее развития (этап *coniuratio*) связан с приобретением этим

⁶² ...in the instance the chosen viewpoint is the socio-political one. Socio-political history is here understood as the conscious acquisition by groups or hegemonic classes, and by a political power-structure which gradually becomes institutionalized...” Tabacco 1989. Introduction, p. 1.

⁶³ Этот контраст заметен при сравнении библиографии и справочного аппарата общих работ по итальянской средневековой истории 1980-х г.

⁶⁴ Рутенбург 1965, с. 8.

объединением публичных функций. И, следовательно, уже в силу этого приобретения нового качества о плавной линии преемственности не могло идти и речи.

По мнению авторитетной итальянской исследовательницы Дж. Фазоли, важнейшим моментом является не время объединения соседей круговой поруки, а переход от *цивитас* к коммуне. В труде Фазоли есть попытка объяснить, чем собственно выражалось приобретение нового качества и статуса и насколько быстро оно становилось ощутимым, но ее нельзя назвать окончательно проясняющей проблематику. Кроме того, в работах Фазоли идея коммуны прорастает вполне отчетливо как идея развития городского мира, а этот вопрос требует дальнейшей корректировки.

Видимо, в ходе своей преподавательской деятельности Фазоли ощутила необходимость поставить на обсуждение некоторые вопросы, которые стремились завуалировать многие ее коллеги. Формы подачи проблемы в книге Фазоли отразили как положительные, так и отрицательные особенности изложения материала, принятого в курсах лекций, послуживших основой для монографии.

Само по себе название основной работы Фазоли: «От *цивитас* к коммуне в Италии», взятое без анализа содержания, может натолкнуть на мысли о том, что исследовательница развивала идеи общины континуитета от античности к средневековью. Но отметим, что Дж. Фазоли под «*цивитас*» подразумевала в основном городскую общину средневековья, предшествующую коммуне. При этом роль античной *цивитас* не рассматривается как определяющая для формирования *цивитас* в средневековье. Интересно, что ученик и сподвижник Дж. Фазоли, А.И. Пини, изучая историю коммун и корпораций, отстаивал иную точку зрения, проводя параллели между системами отношений зависимости, создаваемыми в различные исторические эпохи ⁶⁵.

Мне кажется необходимым сделать выводы по поводу вопроса трактовки феномена *conjugatio*. По моему мнению, в сущности, разные определения, выдвигавшиеся в 1960-х–1970-х гг. в различных национальных исторических школах, которые мы разбирали выше, не так уж непримиримы. Можно заключить, что

⁶⁵ Pini 1986.

разнохарактерные определения просто относятся к разным этапам или вариантам консолидации жителей определенной местности в коммуну.

Нельзя сказать, что современная историография выработала общепризнанную концепцию становления коммуны. С другой стороны, существует повсеместно цитируемый круг трудов и сборников работ по самым общим проблемам складывания горизонтальных связей общности, перерастающей в коммуну. Среди этих работ, прежде всего, фигурируют исследования С. Рейнольдс и опубликованное коллегами к юбилейной дате ее последователями (Дж. Нельсон, П. Стаффорд, Дж. Мартиндейл) собрание эссе под общим названием «Law, Laity and Solidarities», увидевшее свет в 2001 г., но уже получившее статус авторитетного руководства⁶⁶. Не менее часто цитируются общие исследования клановой структуры внутри пространства городской коммуны и роли фактора кровно-родственных связей в позднесредневековый период⁶⁷. Это сочетание популярности тем при ближайшем рассмотрении выглядит парадоксальным. Ведь вчитываясь в исследования Рейнольдс, читатель сразу обращает внимание на умышленное нивелирование роли кровнородственных отношений в развитии коммуны, которое исследовательница несколько не скрывает, а наоборот, открыто декларирует⁶⁸. Тем не менее, многие исследователи, признающие и использующие идеи Рейнольдс, также охотно ссылаются на материалы традиционных исследований темы клановых и фамильных связей, которые данным идеям в корне противоречат⁶⁹.

⁶⁶ Law, laity, and solidarities: essays in honour of Susan Reynolds / edited by Pauline Stafford, Janet L. Nelson, and Jane Martindale /Manchester: Manchester University Press, 2001.

⁶⁷ Heers J. Family clan in the Middle ages; A study of political and social structures in urban areas, Amsterdam 1977 (english edition) french 1974; Le clan familial au Moyen Age, Paris 1974); Hanawalt B. The ties and Bound. N.Y.- Oxford, 1986.

⁶⁸ Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe 900–1300 (2-ed. Oxford, 1997). p. 337–338.

⁶⁹ Хочется отметить обстоятельность и взвешенность концепции правового канонического восприятия кровнородственных связей, присут-

Думается, что в отношении континуитета коммуны не существует и, видимо, не может в настоящее время быть выработано четких и общепризнанных заключений. Наиболее осторожным было бы ограничиться констатацией того факта, что почти все заметные поселения и общины, получившие статус *civitas* **Ошибка!** **Закладка не определена.** в средневековье стали европейскими коммунами. Однако неоспоримо и то, что некоторые средневековые коммуны отнюдь не имели античных предшественников. Но историки не остановились на этой компромиссной формулировке. Вторая половина 80-х г. прошлого века дала развитие этой проблематики и на уровне отдельных работ, и на уровне конгрессов историков.

Работы Р. Бордоне, Х. Келлера, Дж. Табакко отстаивали идею весьма плавного характера процесса становления общины в качестве общины гражданского и политического характера, т.е., коммуны. Также внесли свою лепту исследования правовой документации, ибо при анализе вопроса о появлении коммуны пользуются в основном правовой документацией как историческим источником, а в нотариальной практике сохранялась традиция употребления термина *civitas*, а не неологизма *comune*.

Приоритет разработки соотношения этих двух терминов в правовых документах городского происхождения, скорее всего, принадлежит итальянскому исследователю О. Банти⁷⁰. Вскоре эта тема получила развитие (в основном, на материале севера Италии) в работах сразу нескольких ученых⁷¹.

Само развитие искусства нотариата, так же, как и роль писцов-нотариев в оформлении документации городской общины, а, значит, и в процессе утверждения и фиксирования самого статуса

ствующую в уже указанном собрании эссе, посвященного средневековым идеям солидарности и общинам: D'Avray. Lay kinship solidarity and papal law// Law, Laity and Solidarities ... 2001. p. 188-199.

⁷⁰ Banti O. Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XI e XII // Forme di potere e strutture sociali, p. 217-231.

⁷¹ Это обстоятельство отметил в очерке по историографии средневековой итальянской коммуны Э. Колеман и привел соответствующие цитаты. Op. cit. p. 381 nn 42, 44.

коммуны, привлекает все большее внимание итальянских историков. Деятельность нотарииев и развитие такой правоведческой дисциплины и специализации как *ars notarii* (искусство нотариии) можно назвать важным связующим звеном для продолжения правовой традиции Рима, но некоторая часть исследователей видит в развитии нотариата предпосылки качественно нового этапа формирования институтов городской общины. Нотарий (часто и писец, и судья, и правовед) осуществлял правовую регламентацию и оформление самых разнообразных социально-экономических отношений не как частное лицо-специалист, а как персона, облеченная общественным доверием⁷².

В Италии XII–XIV вв. для придания документу официальной силы достаточно было подписи и знака нотариия. Этот знак в виде затейливого рисунка вырабатывал каждый получающий звание нотариия и им свидетельствовал подлинность документа. Утверждение нотариия в качестве официального лица с правом придавать документу «*publica forma*» и «*fides publica*» происходит приблизительно в XI–XII вв.

Медиевистам и историкам права очень трудно достичь согласия. Но очевидно также, что историкам не избежать анализа некоторых вопросов, находившихся долгое время лишь в области исследования истории права и правовых институтов. То, что характер исторических источников предопределяет формы и методы их исследования, избираемые историками, кажется естественным. Но ведь верно и обратное утверждение – стереотипы и просто исторически сложившиеся особенности фиксации социального процесса в истории подчас начинают восприниматься как реальные исторические черты сходства и различия социальной жизни этих эпох. Бывает весьма сложно осознать, как две разные, хотя и взаимосвязанные проблемы, реальный континуитет социальных феноменов и то постоянство стереотипов восприятия истории, которое нередко затмевает исторические реалии. Надо отметить, что именно итальянские историки в последнее время сделали решительные шаги в этом направлении исследования.

⁷² Кононенко А.И. К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // ВИД. Т. VI, с. 313, 319, 328. Л. 1974.

Современная англоязычная историография звучит диссонансом по отношению к общему тону, принятому в итальянской школе исследований, при всех их локальных особенностях.

С. Рейнольдс в книге «Королевства и общины Западной Европы 900-1300» утверждает, что понятие «коммуна» не имело правового значения вообще, а политическое значение коммун варьировалось в большей степени, чем историки готовы признать⁷³. Действительно, трудно дать общее определение правовых и политических характеристик европейской средневековой коммуны. Однако само отрицание важности определенных характеристик демонстрирует, что автор обобщающего труда продолжает опираться на конкретные региональные особенности феномена коммун, в данном случае, Рейнольдс явно акцентирует специфику англо-саксонского мира, наиболее досконально изученную ей в ряде специальных работ.

Весьма важно отметить стремление к поискам общих черт в истории итальянской коммуны и общин других регионов и в работе Рейнольдс, в частности, и в историографии 80-х гг. и особенно 90-х гг. в целом⁷⁴. Это показательный этап развития историографии вопроса. Реплики по поводу отсутствия особого и новационного характера итальянской городской общины в сравнении с другими вариантами развития общины в Европе⁷⁵, тем не менее, требуют ответа и анализа итальянистов. Ситуация осложняется тем, что национальная школа итальянской историографии достаточно замкнута, не стремится к популяризации и обобщенному изложению тезисов, выработанных рядом микроисторических исследований.

⁷³ Reynolds S. *Kingdoms and communities in Western Europe ...* p. 179–180.

⁷⁴ *Civitatum Communitas. Studien zum Europaischen Stadtwesen.* / eds Jager H., Petri Fr., Quirin H., Cologne-Mienna, 1984, 2 vols. *D'une ville a l'autre: structures materielles et organization de l'espace dans les villes europeennes 13-14 siecle* / ed. Maire Vigueur J.-C. // *Actes du colloque organize par l'Ecole Francaise de Rome. Roma 1989.* Nicholas D. *The growth of the medieval city from Late Antiquity to early 14th century.* L.-N.Y., 1997.

⁷⁵ См., например, интересную полемическую работу обобщающего характера: Coleman E. *The Italian communes. Recent work and current trends* // *The journal of Medieval History.* Vol. 24. N 4. dec. 1999. P. 373–397.

Можно заключить, что именно период организации сообщества круговой поруки *conjuratio* был первым и наиболее характерным (не только для итальянских земель, но и для других исторических регионов Европы)⁷⁶. Воля этого сообщества к противостоянию с вышестоящими властями и приобретению публичного характера власти могла сказаться в дальнейшем при определенных условиях, а могла и не проявиться.

Таким образом, наиболее общий тезис, который можно сформулировать, выражает мнение, что при своем зарождении коммуна – это объединение без каких-либо публичных функций, созданное посредством круговой поруки и клятвы верности («*Juramentum*») с целью взаимовыручки и обеспечения безопасности. Постепенно к этому договору присоединялось все большее количество жителей городского квартала, селения, замка. Движущей силой объединения являлась местная элита, поэтому не удивителен факт, на который обращают внимание представители английской историографии Рейнольдс и Хайд: что коммуной называли и всех членов объединения, и лишь систему самоуправления, и тех, кто ее активно осуществлял, и, наконец, то и другое вместе⁷⁷. Очевидно, что следует обратить особое внимание на состав и характер локальных элит для определения специфики конкретной общины или стадии ее развития. Такая задача будет поставлена в числе исследовательских приоритетов.

⁷⁶ С. Рейнольдс приводит примеры запретов *conjuratio* Симоном де Монфором в Лангедоке и почти одновременно Фридрихом II (в последнем случае речь шла о братствах под разными названиями, возникавшими в городах Германии. Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe... p. 74.

⁷⁷ Hyde J.K. Contemporary views on faction and civil strife in the thirteenth and fourteenth-century Italy /Violence and civil disorder in Italian cities 1200-1500. Berkley, 1972. P. 273-307, особенно: p. 280-82. Reynolds English medieval towns 132-136 Reynolds S. Kingdoms and communities... p. 182: "...by the thirteenth century the various words which they (historians) translate as commune could be used according to context to cover the whole community of government, or just the government, or just the community of people whom the government governed".

Но, если признать, что коммуна на первоначальном этапе (по своему происхождению посредством круговой поруки и принесения клятвы верности «*Juramentum*» членами объединения) не имела публично-правовых функций, это вызывает новый ряд вопросов. Как случилось, что итальянские общины росли не только численно, но и качественно, претендуя на отправления некоторых публичных функций (например, правосудия) и добиваясь признания такого публичного характера власти коммуны. Была ли коммуна, однажды возникнув, «обречена» на приобретение иного статуса путем неизбежной борьбы за свободы и привилегии корпорации? Или же лишь šťastливое стечение исторических обстоятельств помогло итальянской городской общине занять иную ступень в средневековой иерархии сил и властей? Что происходило с объединением, которое, освободившись от власти локального сеньора, само подчиняло себе округу, перехватывая инициативу сеньориального управления? Наконец, можно ли сопоставить определение средневековой *civitas* с понятием гражданской общины?

Проблема независимости или иммунитета (свободы) общины, а также критериев и градаций зависимого статуса общины и индивида в средневековой Италии – одна из главнейших и наиболее дискуссионных в историографии. Эта тема включает анализ влияния городской коммуны на формирование структур общинного самоуправления в округе. В целом можно сказать, что индивидуальный статус определялся членством и местом в городской или сельской общине (привилегированный член общины, неполноправный, бесправный и т.п.). Что же можно сказать об определении статуса самой общины (коммуны) в социальной иерархии? Можно ли, например, в этом вопросе опираться на понятия «зависимости» и «независимости»?

Придется отметить, что вопрос о критерии «независимости» средневековой гражданской общины Италии в работах историков часто не ставится⁷⁸. Обозначение «независимая коммуна» либо

⁷⁸ В.И. Рутенбург постулировал, что города-коммуны к последней четверти XI в. пользовались уже «частичной или полной автономией, как правило, закрепленной юридически» без какой-либо конкретизации форм и способов правового самоопределения коммуны (Там же, с. 8).

употребляется произвольно, либо считается тавтологией (сам термин коммуна как бы подразумевает, что это – независимая, самоуправляющаяся общность).

Отправной постулат в наиболее краткой форме, которую мне удалось подобрать, звучит так: степень независимости индивида, формы подчинения группы или индивида вышестоящей власти, возможность осуществлять господство и предоставлять покровительство определялись статусом корпорации, к которой они принадлежали. В начальный период формирования региональных государств, в ситуации политического полицентризма, абсолютная независимость общины от влияния иных социальных сил была невозможной: коммуна взаимодействовала с разного рода сеньориальными структурами. Поэтому, разбирая вопросы развития коммуны, нельзя игнорировать специфику сеньориальной стороны (как контрагента этого взаимодействия). Коммуна (или любое объединение, приобретавшее или уступавшее права, или привилегии), ограничивалась давлением извне, определенной значимой на локальном уровне или централизующей господствующей силой.

В российской историографии особенно акцентировались те стадии развития общины, когда публичные функции ею уже приобретались или, по крайней мере, настойчиво оспаривались, т.о. понятие «коммуна» должно было получить такие коннотации, как «свободная» и «самоуправляющаяся»⁷⁹.

Даже критерий соблюдения словоупотребления (и как бы самоназвания), прослеживаемого по источникам, способствует

Такая тенденция продолжала существовать и в дальнейшем в отечественной историографии. См. напр. Классы и сословия средневекового общества/ Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1988. Общности и человек в средневековом мире / отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1992.

⁷⁹ Мнение одного из авторитетнейших специалистов советского периода В.И. Рутенбурга звучит так: «Время зарождения средневековой коммуны Италии не может быть зафиксировано с абсолютной точностью». При этом, однако, подчеркивается, что консолидация коммун происходит на рубеже XI–XII в., именно «в период борьбы с сеньорами». (Рутенбург В.И. Итальянские коммуны XIV–XV вв. М.-Л., 1965. С. 8-11).

большей четкости в вопросе об определении свободы и независимости средневековой коммун, чем выработанные историками критерии. Будет справедливым отметить, что трудам историков права свойственна большая четкость и дифференцированность определений. С другой стороны, сюжеты, которыми занимается институциональная история, исследования в области истории права сами по себе часто не дают выхода на столь важный социальный контекст. В первую очередь, меня интересовали работы медиевистов, владеющих материалом правовых источников. В том, что касается исторических источников периода средневековья, Италия, без сомнения, лидирует и по количеству, и по качеству сохранности документов, особенно благодаря нотариальным архивам, а также и папским архивам. По этой причине закономерен интерес исследователей к правовым источникам и аспектам истории средневековой Италии. Как это ни парадоксально, причиной медленного освоения данной тематики в исторических исследованиях становится именно массовая сохранность источников, а не их фрагментарность, к которой привык исследователь-историк доиндустриальной эпохи⁸⁰.

В результате широко известным и цитируемым в трудах обобщающего характера постоянно оказывался небольшой (сравнительно с общим объемом) круг источников, и это, прежде всего, свидетельства, составленные в крупных центрах Италии, например, во Флоренции. В последние десятилетия эта ситуация была адекватно осознана и существенно изменена новым поколением исследователей Центральной Италии: появился круг работ, дополненных дискуссиями и конференциями, представляющих собой определенную ревизию историографии средневековой и ренессансной Тосканы. Для избранного нами ракурса и тематики

⁸⁰ Партнер, один из крупнейших исследователей Государства и Церкви позднего средневековья, указывал на 150 томов источников из серий *In-troitus et Exitus* и *Collectoriae Camerae*, важных для исследований по различным аспектам Папской области. При этом сам Партнер смог проработать и использовать в своей общей работе лишь малую их часть. (Partner P. *The lands of St. Peter. The papal state in the middle Ages and in the Renaissance*. L.A., 1972, note on source, p.XVII, n.1.). См. также: Fink K.A. *Das Vatikanische Archiv*. Rome, 1951.

исследования, наиболее важным будет отметить интерес к правовым источникам и способам их интерпретации, продемонстрированный как в ряде итальянских, так и англоязычных работ. Т.о., направление исследований институтов (в несколько обновленной интерпретации) продолжает занимать итальянистов⁸¹. Также можно констатировать, что усилилось внимание к истории небольших центров и аспектов истории, считавшихся маргинальными⁸². В изучении региона Тосканы и самой Флоренции, традиционно лидирующем тренде историографии, не только назрели, но и обозначились определенные перемены. Эти смещения акцентов позволили осуществить рывок в развитии исследований сеньории и коммуны Папской области и рассмотреть их как историографическую традицию, равноценную, хотя и не равнозначную, широко известным сюжетам коммунальной истории Тосканы.

III. Выбор источников диктует метод? Поможет ли историк социальной истории права и институтов?

Разнообразие и объем исторических источников изучения коммуны и сеньории ставит проблему ограничительного выбора источниковой базы, что может рассматриваться как аспект развития историографии. Действительно, трудно найти такие моменты

⁸¹ Среди итальянских медиевистов сошлемся лишь на один из многочисленных трудов наиболее молодого и яркого представителя этого тренда: Zorzi A. *Giusdicenti e operatori di giustizia nello Stato territoriale fiorentino del XV secolo/ Lo Stato e i dottori: XV-XVIII secolo*, «Ricerche storiche», XIX, 1989, p. 517-552. См. также весьма сходную по основным посылкам англоязычную публикацию: *The judicial system in Florence in the fourteenth and fifteenth centuries / Crime, Society and the Law in Renaissance Italy/ ed. by T. Dean – K.J.P. Lowe, Cambridge, Cambridge UP, 1994, pp. 40-58.*

⁸² Выделим из англоязычных публикаций труд, изданный в центре проведения всемирного конгресса медиевистов: *The «Other Tuscany»: Essays in the history of Lucca, Pisa and Siena during 13, 14 and 15 c.c./ ed. Tgh. W. Bloquist. Kalamazoo, 1994.*

средневековой истории Италии, которые не были связаны с развитием коммун и сеньории.

Исторические источники, отражающие различные аспекты жизни общины и коммуны, более известны даже тем любителям истории, которые не являются специалистами. Именно эти весьма разнообразные по характеру источники приводятся в качестве иллюстративного материала в школьных и университетских учебниках: эмблемы и символы городской коммуны или корпорации, установления и хартии городов, и т.п. Те же образы, артефакты и письменные свидетельства хранит любой музей или архив самого незначительного городка Европы, имеющего средневековую историю.

Несколько иначе обстоит дело с источниками по истории сеньории, хотя, если не известность, то сохранность их в Италии поразительна. Кроме того, в жизни городской округи участвовали и городские элиты сама городская коммуна как корпорация, таким образом, в свидетельствах об истории городской коммуны или ее элиты всегда есть сторона, освещающая историю городской округи.

До нас дошли многочисленные артефакты, которые являлись атрибутами повседневной жизни в среде средневековых горожан и жителей контадо периода коммун, произведения искусства, отражающие специфику средневековых представлений о коллективной идентичности, о корпорации и общности, рисующие образ власти, правосудия и закона.

Особенности средневековой архитектуры, восстанавливаемые по сохранившимся постройкам и фрагментам, воссозданные на основе археологических изысканий и аэрофотосъемок, также являются источником наших представлений о коммуне и общине Италии. Визуальный ряд, бесспорно важен и даже незаменим для трактовки некоторых аспектов истории и повседневной жизни общин средневековой Италии.

Но нас интересует определение базы источников, позволяющих интерпретировать специфику коммуны и сеньории, а не всего множества исторических феноменов, которые так или иначе можно связать с развитием коммун и сеньорий. По моему представлению, визуальный ряд может быть задействован историком в сочетании с письменными свидетельствами, но не сам по

себе. При этом самым беспроблемным представляется выбор в качестве материала исследования отображения и символы единства общины.

У меня, как у исследователя не вызывает протеста то традиционное положение, что самым широко используемым остается вид письменных источников, спектр которых весьма богат. Это богатство письменных источников для изучаемого периода представляет не только интерес, но и известную сложность, даже историографическую проблему.

Можно сказать, иными словами, что картина историографических представлений о том или ином историческом регионе или периоде во многом зависит от того, какие исторические источники использовались и т.о., получили известность и распространность. А это, в свою очередь, определяется не только содержательными, но и стилистическими особенностями, а также силой позиции той или иной национальной историографической школы, а иногда особенностями публикаций оригиналов и переводов источников.

В том, что касается письменных исторических источников периода средневековья, Италия, без сомнения, лидирует благодаря количеству и качеству сохранившихся документов юридического характера, в особенности благодаря нотариальным архивам. По этой причине закономерен интерес исследователей к правовым документам, как основным источникам и, в силу этого к правовым аспектам истории средневековой Италии. Более того, любая попытка изучения социальной истории без таких источников, как законодательный и актовый материал просто невысказимо.

Как это ни парадоксально, причиной крайней избирательности историков в исследованиях средневековой социальности становится именно массовая сохранность источников, а не их фрагментарность, к которой привык исследователь-историк доиндустриальной эпохи⁸³. В результате широко известным и цитируе-

⁸³ Партнер, один из крупнейших исследователей Государства Церкви позднего периода средневековья, указывал такое число, как 150 томов источников из серий *Introitus et Exitus* и *Collectoriae Camerae*, важных

мым в трудах обобщающего характера постоянно оказывался небольшой (сравнительно с общим объемом) круг источников, происходящих из крупных городских центров.

Среди городов Центральной Италии, формально подчинявшихся светской власти пап, преимущественное внимание в работах общего и частного характера уделялось Болонье, в основном в связи с антимагнатской политикой коммуны по освобождению сервов, т.н. законодательством «Райской книги»⁸⁴. Однако, история этой коммуны имеет не так много общего с развитием Рима и городов самого сердца папских владений.

Источниковая ситуация в римском регионе характеризуется рядом отличий от ситуации в наиболее интенсивно изучаемом регионе Италии – Тоскане, что в свою очередь взаимосвязано с развитием историографии региональных исследований. Естественно, что, если историкам Тосканы так много дали материалы типа кадастров (описей-оценок движимости и недвижимости) городских коммун, то именно эти работы и получили наибольшую известность⁸⁵. Думается, однако, что такая ситуация объясняется, прежде всего, традицией исследовательских предпочтений, выбором тем исследований, а не одной лишь спецификой региональной распространенности и сохранности источников. Интересно, что уже в конце XIX в. существовали изыскания, основанные на изучении кадастров, например, Орвьето и Мачераты, но в дальнейшем это направление не получило распространения и известности⁸⁶. Возможно, ситуация с изучением материалов кадастров данного региона будет меняться, но в данный момент

для исследований по различным аспектам Папской области, при этом сам Партнер смог проработать и использовать в своей общей работе лишь малую их часть. (Partner P. *The lands of St. Peter. The papal state in the middle Ages and in the Renaissance*. L.A., 1972, note on source, p. XVII, n. 1.). См. также: Fink K.A. *Das Vatikanische Archiv*. Rome, 1951.

⁸⁴ Liber Paradisus con le riformazioni e con gli atti connessi / a cura di F. S. Gatta, G. Plessi. Bologna 1956. Fasoli G., Bocchi F. *La città medievale italiana*. Firenze, 1973.

⁸⁵ Herlihy D., Klapisch-Zuber C. *Les Toscans et leurs familles: Une étude du catasto florentin de 1427*. Paris, 1978. Klapisch-Zuber C. *Women, family and ritual in Renaissance Italy*. Chicago, 1987, p. 1-23.

⁸⁶ Pardi G. *Il catasto d'Orvieto del' 1292*. B.S.Um. di storia patria. 1896.

наиболее удачным примером проявления такой линии исследования служит небольшая работа С. Кароччи, посвященная истории Тиволи ⁸⁷.

Избирательность историков социально-правового развития средневековой Папской области во многом, разумеется, создана условностями, существующими в рамках различных исторических дисциплин.

Именно традиции изложения материала, практически не имеют точек пересечения, но исторические реалии, составляющие предмет исследования данных дисциплин, напротив, переплетались самым неожиданным и причудливым образом, и именно узко направленные исследования мешают представить и осознать их как части единой исторической картины.

Мы должны иметь в виду, по крайней мере, три специализации исследователей и три круга вопросов, связанных с темой власти средневековой церкви и средневековых пап в Италии⁸⁸. Это, во-первых, идея папской власти в контексте развития сакрализованных политических теорий средневековья, что и изучают историки политических течений, философы и историки церкви. Затем должна быть указана тема правовых вопросов (отношений по поводу юрисдикции), которые разрабатываются историками права в целом и историками канонического права, в частности. И, наконец, существует традиция изучения социальных контекстов осуществления папской власти, анализируемая историками-медиевистами. Сферы исследования канонистов и историков медие-

Fogletti B. Catasto di Macerata. A.S.I.1882.

⁸⁷ Il sistema catastale di Tivoli (secoli XIV-XVI) / "Archivio della società romana di storia patria", 105, 1982, pp. 217-236.

⁸⁸ Политическая концепция папской сакрализованной власти и роль папства в развитии политической теории средневековья обычно рассматривается в литературе отдельно от юридических аспектов. The Papacy and Political Ideas in the Middle Ages. London 1976; Tierney B. Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150–1650. Cambridge: 1982; Zuckerman Ch. Some Texts of Bernard of Auvergne on Papal Power / Recherches de théologie ancienne et médiévale 49 (1981): 174–204; Maccarrone M. Vicarius Christi: Storia del titolo papale. Rome: 1952.

важных политических доктрин существуют достаточно обособленно, они как бы замкнуты сами на себя. Медиевисты, напротив, в силу самой интердисциплинарности исторического знания, та или иначе затрагивают сюжеты и интересы двух названных платформ историографии.

Так, например, традиция изучения канонического права, особенностей декретального права, не обязывает специалиста в этой области рассматривать, как и с учетом каких принципов строились отношения между миром (мирской общиной с ее институтами управления и самоуправления) и институтами власти, учрежденными Римской церковью. Вполне объяснимо, почему историк церковного права исключает из сферы своих интересов особенности местных законодательств – статуты общин Папской области, но, трудно найти специалистов, способных определить, насколько учитывала юридическая практика судей и нотариусов общин Папской области опыт развития канонического права. Исследование обоснований папской юрисдикции (например, по отношению к епископам) в контексте истории права, в рамках стандартов этой дисциплины не призвано учитывать конкретные социально-политические реалии эпохи и исторические обстоятельства, которые могли препятствовать осуществлению теоретически безупречных моделей. Исключения из этого правила ценны, но редки⁸⁹.

В зависимости от выбора методов и источников исследования мы получим различные картины.

При воссоздании картины истории Папской области можно прибегнуть как к папским грамотам, буллам, так и к совершенно иным документам, источникам правового и административно-хо-

⁸⁹ Cantini J.A. De autonomia iudicis secularis et de Romani Pontificis plenitudine potestatis in temporalibus secundum Innocentium IV // Salesianum. 1961. T. 23. P. 407-480; Maubach J. Die Kardinale und ihre Politik um die Mitte des XIII. Jhs. unter den Papsten Innocenz IV., Alexander IV., Urban IV., Clemens IV. (1243-1268). Inaugural-Dissert. Bonn, 1902. S. 24-25; Ullman W. Medieval papalism and political theories of the Medieval Canonists, London, 1949; Schmurtz R. Medieval Papal Representatives: Legates, Nuntios and Judges Delegate. Post Scripta // Studia Gratiana 15, Rome, 1972, p. 441-463.

зыйственного характера, составленным по инициативе как светских, так и церковных институтов. Действительно историк, интересующийся социальным развитием Папской области, историей общин региона и самого Рима, должен очередь обратить внимание на материал правовых источников.

Известно, что правовая образованность как бы подавляла ученый исторический дискурс, обращала интеллектуалов не столько к прошлому, сколько к современному им миру⁹⁰. Даже те городские центры региона, которые имели наиболее обширные компендиумы историй и хроник, располагали неизмеримо большим объемом нотариальных записей и правовых свидетельств эпохи. Для самого Рима это суждение о соотношении правовых и нарративных источников также справедливо. Законодательства коммун Папской области не только весьма многочисленны, но и в отдельных случаях весьма объемны. Важным фактором, определяющим особенности источниковой базы изучения римского региона следует признать то, что собственно римская школа хронистики и анналистики так и не сложилась⁹¹.

Интерес группы итальянских историков (одновременно идейно смелых и на редкость кропотливых) к юридическим и экономическим аспектам средневековой истории уже в 80-х г. XIX – 1-й четверти XX в. привел к публикации ряда важнейших правовых источников по истории коммун. В первую очередь – это были своды статутов коммун⁹².

⁹⁰ Wickham C. *Lawyer's time: History and Memory in 11-12 c. Italy* // *Studies in Medieval History*/ ed. H. Mayer, L., 1985. p. 70.

⁹¹ В качестве исторических источников из числа свидетельств нарративного характера возможно использовать либо хроники городского происхождения, но составленные вне Рима, либо монастырские хроники. Свидетельства о средневековой римской истории, так сказать, из «первых рук», дошедшие до нас, появляются не в виде римских хроник, а в форме дневниковых записей и несколько позднее, чем происходил интересующий нас процесс консолидации общин и коммун римского региона.

⁹² В частности, образцами таких кропотливых изданий стали статуты коммун римского региона: *Statuti della Provincia Romana*. V.I. Roma. 1910, а также *Statuti della Provincia Romana*. V.II. Roma. 1930. (Далее, соответственно: *Statuti I* и *Statuti II*).

Можно говорить лишь о сложившейся историографии вопроса о статутном праве в работах европейских правоведов и итальянских и германских медиевистов. В нашей стране проблемой статутных коммун интересовались, прежде всего, медиевисты, а не историки права. Хотя выступления по данной теме не были многочисленными, их нельзя недооценивать⁹³.

Чтобы работать с законодательным материалом в качестве исторического источника необходимо объяснить причины развития феномена статутного права и его информативность с точки зрения историка. Полицентризм политической власти способствовал бурному развитию в Италии самоуправления локального уровня, а местные особенности осуществления и закрепления административных функций требовали местного законодательства. Таким образом, местные правовые традиции и обычаи развивались в симбиозе с системой полицентризма власти, в том историческом контексте, когда на власть или хотя бы частицу власти стали претендовать, в том числе и городские и сельские общины.

Первым этапом процесса стала запись «*consuetudines*» (обычаев). «*Consuetudines*» в качестве первичного источника правовой и судебной практики на «территории» коммуны (т.е. и в городе, и в дистрикте) были санкционированы имперской стороной в 1185 г.⁹⁴ «*Consuetudines*», по прошествии определенного времени перестали вмещать в себя реалии быстро усложняющейся жизни городских сообществ. Этот простой тезис также требует расшифровки и позволяет применить различные трактовки исторической ситуации. Качественно новым этапом стало оформление статутных коммун в качестве законодательства итальянских коммун,

⁹³ О сложившейся российской историографической традиции говорить преждевременно. Так, например, информативная статья советского медиевиста В.В.Самаркина, во многом повторявшая положения итальянской литературы 50-70 х г. по проблеме коммунальных статутных коммун, долгое время была первой и последней: Самаркин В.В. О городских статутах и статутном праве в средневековой Италии// ВИД. т.VI. Л., 1975. С другой стороны, традиция работы со статутами, (как публикации, так и интерпретации) безусловно, существует.

⁹⁴ Pace di Costanza //Testi storici medievali ... p. 163: «Nos concedimus ... vobis civitatibus, locis, personis societatis regalia et consuetudines...».

которое производилось на основе уже записанных местных обычаев в XII–XIII вв.⁹⁵

Статуты уже с XIII в. стали универсальной формой законодательства итальянских коммун, регламентирующей как нормы частной, так и общественной жизни. Статутное право являлось исходным источником судопроизводства⁹⁶.

Правомерным будет предположить, что представление о статуте только как о законодательстве самостоятельных городов-коммун не является исчерпывающим. Принятие статута особым органом самоуправления – независимым народным собранием или выборным советом – можно считать вторичным признаком, проявившимся на особой стадии коммунального развития, которой достигли лишь некоторые города.

Справедливы резоны, по которым специфика статутного права в Италии связывается со спецификой развития городских коммун именно в средневековых итальянских землях. Но важно задать вопрос, существует ли принципиальное различие между статутами цехов, консортерий (родственных объединений на основе совместного владения), компаний и статутным законодательством коммун, зависимых или независимых, городских, или же общин вне города? По какому критерию можно рассматривать те или иные правовые документы как образцы статутного права, аналогичные городскому *jus statuendi*? Мы постараемся дать ответ на этот вопрос, используя правовую документацию общин римского региона. Статуты были не только перечнем правовых норм, но и более широкой системой ограничений и компромиссов между отдельными группами общины, а также между индивидуумом и общиной.

⁹⁵ Leicht P. S. *Storia del diritto Italiano*. Milano, 1950.

⁹⁶ Sbriccoli M. *L'interpretazione dello Statuto*. Contributo allo studio della funzione dei giuristi nell'eta comunale. Milano, 1969; Toubert M.P. *Les statuts communaux et l'histoire des campagnes lombardes au XIVe siecle*. *Melanges d'archeologie et d'histoire* 72, 1960. Raggio O. *Norme e pratiche*. *Gli statuti campestri come fonti per una storia locale*, «Quaderni storici», n. 88 (aprile 1995). Santarelli U. *Lo statuto «redivivo»* // *Archivio storico italiano*, 151, 1993.

В специальной литературе на русском языке статуты рассматривались чаще всего как источник по истории средневекового города. Зарубежная правоведческая литература в целом до недавнего времени фокусировалась на анализе «статутного права» в контексте феномена «городского права»⁹⁷. Интересно, что медиевисты, и именно итальянские историки, в последнее десятилетие стали придавать особое значение статутам как источнику по истории развития сельской сеньории⁹⁸.

В источниках встречаются различные термины для обозначения данной присяги и самих «верных», как в латинизированной форме, так и на вольгаре (латинские названия превалируют в законодательствах-статутах, а вольгаре типично только для нота-

⁹⁷ Бортник Н. А. Экономика Витербо в первой половине XIII в. // *Античная древность и средние века*. Сб. 8. Свердловск. 1972; Бортник Н. А. Экономика и политический строй Тиволи в начале XIV в. // *Античная древность и средние века*. Сб.12. Свердловск. 1975; Самаркин В. В. О городских статутах и статутном праве в средневековой Италии // *Вестник МГУ. Сер. История*. М., 1972; Quaglioni G. *Legislazione statutaria e principi di governo della Civitas. Il caso di Sassari/ Gli statuti Sassaesi*. Sassari, 1987; Liva A. *La gerarchia delle fonti del diritto nelle città dell'Italia centrosettentrionale*. Milano, 1976. P. 145-6; G.Chittolini. *Statuti e autonomie urbane. Introduzione / Statuti, città ...* P. 15.

⁹⁸ Исследования статутных материалов, т.о., активизировалось, в связи с полемикой по поводу трактовки проблем сельской сеньории, укоренившейся во франко – и англоязычной историографии. Эта тенденция особенно ярко проявилась в работах и выступлениях на конгрессах Кароччи: Carocci S. *Baroni di Roma... IDEM. Strutture familiari e normativa statutaria a Ferentino e nel Lazio tardomedievale. Aspetti e problemi / Statuti e ricerca storica, Atti del Convegno di Ferentino (11-13 marzo 1988)*, Ferentino 1991, pp. 99-125; Idem. *La signoria rurale nel Lazio (secoli XII e XIII) / La signoria rurale in Italia / Atti del seminario di Pisa, 3-4 marzo 1995*, a c. di A. Spicciani e C. Violante, vol. I, Pisa 1997, pp. 167-198; Idem *Ricerche e fonti sui poteri signorili nel Lazio meridionale nella prima metà del XIII secolo: Villamagna e Serrone / Il sud del Patrimonium sancti Petri al confine con il Regnum nei primi trent'anni del Duecento. Due realtà al confronto / Atti delle giornate di studio, Ferentino 28-30 ottobre 1994, Roma 1997*, pp. 111-144.

риальных актов некоторых городских коммун). Для римского региона наиболее распространенные формы: *Fidelitas*, *vassalagium* – присяга на верность; *fideles*, *universitas vassallorum*, *devoti*, *vassali* – обязанные вассальной клятвой верности. В данном случае речь идет об использовании правовых документов, большую часть которых составляют статуты («*statuta*»).

Закрепление принципов взаимодействия общины и сеньории в обычае и письменном праве составляет особый аспект исследований. Сам выбор свидетельств того или иного характера, выделение некоторых аспектов и фактов, организация материала (неважно, в форме рассказа или в виде базы данных) в любом случае являются интерпретациями, и т.о. обращение к определенному виду источников также является историографической проблемой.

Полицентризм и регионализм средневековой Европы вообще (а Италии в особенности) затрудняет решение вопроса о норме и исключительности; в случае признания некоего всеобщего правила развития средневекового мира и «альтернативного» пути развития Италии неизбежно придется констатировать, что существуют еще и множественные исключения из правил.

Особую ценность представляют источники, отражающие историю Витербо и Аспра) в Сабине⁹⁹. Данную традицию критической публикации историко-правовых свидетельств развития Римской Провинции, казалось бы, можно назвать весьма успешной и результативной, т.к. исследователи-медиевисты до сих пор не смогли использовать целиком широкий круг уже изданных источников (текстуальный анализ их остается прерогативой итальянских ученых). С другой стороны, объем неопубликованных архивных источников остается неизмеримо большим. Один из самых авторитетных исследователей нового поколения, занимающийся историей региона С. Кароччи подчеркивает, что корпус

⁹⁹ П «*Liber quatuor clavium*» del comune di Viterbo/ a cura di C. Buzzi. Roma 1998. Carte di Casperia (gia Aspra) 1099-1349 / a cura di A. Pelligrini. Roma, 1990.

изданных источников датируется поздним Дученто и Треченто¹⁰⁰. Однако и на этом материале пишутся прекрасные работы, как, например, труд Кортонези, целиком построенный именно на материале опубликованных статут¹⁰¹. Сам Кароччи, критикующий своего коллегу, все же использует материалы изданных и неизданных статут¹⁰¹ в пропорции десять к одному. Именно для периода трансформации сельской сеньории позднего Дученто этот вид источников может быть назван определяющим.

Надо отметить, что именно римскому городскому законодательству не повезло с сохранностью, так что первые своды установлений коммуны Рима, дошедшие до нас, датируются более поздним сроком, чем прекрасно сохранившиеся установления общин (и иногда весьма небольших общин) Римской Провинции. Поэтому анализ данных правовых документов из локальных центров представляется весьма важным.

Есть, таким образом, основания утверждать, что, исследуя историю Папской области в XIII–XIV вв., историки, как и правоведы, должны уделить особое внимание статутам, важнейшей форме правовых регуляторов социальной жизни и одному из самых массовых видов исторических источников. По одной только частоте упоминания материалов статут¹⁰¹ в работах медиевистов и историков средневекового права, мы должны отдать пальму первенства именно этой форме правовой регуляции социальной жизни. Хотя развитие итальянского статутного права имело специфических черт, следует отметить, что феномен статут¹⁰¹ значим для Европы в целом. Особенно интересные параллели эволюции статут¹⁰¹ в итальянских землях (отложившихся от Священной Римской Империи) прослеживаются при рассмотрении материалов статут¹⁰¹ городов и торговых бургов в землях самого рейха, что открывает особые перспективы для компаративного

¹⁰⁰ Carocci S. Baroni di Roma: dominazioni signorili e lignaggi aristocratici nel duecento e trecento. Roma, 1993. P. 191.

¹⁰¹ См список источников к основной публикации Кортонези: Cortonesi A. Terre e signori nel Lazio medioevale. Un'economia rurale nei sec. XIII–XIV. Napoli. 1988. p. 171.

изучения феномена статутного права¹⁰². При этом надо отметить, что именно римскому городскому законодательству не повезло с сохранностью, так что первые своды установлений коммуны Рима, дошедшие до нас, датируются более поздним сроком, чем прекрасно сохранившиеся установления общин (и иногда весьма небольших общин) Римской Провинции. Поэтому анализ данных правовых документов из локальных центров представляется весьма важным.

Важные шаги в области критической публикации источников были сделаны и в самое последнее время, в т.ч. существенным вкладом в изучение истории Римской Провинции является издание компендиума правовых свидетельств, связанных с регистрацией крупных дарений на территории коммуны Витербо или правовые свидетельства истории коммуны Касперия (Аспра) в Сабине¹⁰³.

Данную традицию критической публикации историко-правовых свидетельств развития Римской Провинции, казалось бы, можно назвать весьма успешной и результативной, т.к. исследователи-медиевисты до сих пор не смогли использовать целиком широкий круг уже изданных источников (текстуальный анализ их остается прерогативой итальянских ученых).

¹⁰² Dilcher G. «Hell, verständig, für die Gegenwart sorgend, die Zukunft bedenkend». Zur Stellung und Rolle der mittelalterlichen deutschen Stadtrechte in einer europäischen Rechtsgeschichte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanische Abteilung, 106, 1989. Интересный материал для компаративного анализа предоставляет собой в целом публикация *Statuti, citta, territori in Italia e Germania tra il Medioevo e l'Eta moderna*. / a cura di G. Chittolini e D. Willoweit. Bologna, 1991. В данной публикации представлен опыт исследования статутного права «по обе стороны Альп», в основном в период XV–XVII вв. При этом среди исторических материалов рассматриваются лишь относящиеся к определенной территории Италии статуты Севера, а также Центра (вплоть до Болоньи), но не римского региона.

¹⁰³ *Il «Liber quatuor clavium» del comune di Viterbo* / a cura di C. Buzzi. Roma 1998; *Carte di Casperia (gia Aspra) 1099-1349* / a cura di A. Pelligrini. Roma, 1990.

С другой стороны, объем неопубликованных архивных источников остается неизмеримо большим. Один из самых авторитетных исследователей нового поколения, занимающийся историей региона, С. Кароччи, подчеркивает, что корпус изданных статутах датируется поздним Дученто и Тречето, а это накладывает ограничения на область репрезентативности источников¹⁰⁴. Однако и на этом материале пишутся прекрасные работы, например, труд Кортонези, построен именно на основе опубликованных статутах¹⁰⁵. Сам Кароччи, критикующий своего коллегу, все же использует материалы изданных и неизданных статутах в пропорции десять к одному.

У меня лично нет сомнений в большом потенциале таких исторических источников как правовые документы, что подтверждает непрекращающееся обращение именно к этому виду источников специалистов по различным вопросам средневековой итальянской истории. Уже сам объем этого вида свидетельств в общей источниковой базе не позволяет так просто отказаться от исследований в этой области.

Очевидно и то, что разнохарактерные установления, называемые статутах представляют для историка особый интерес, отличный от интереса истории ка права. Но есть масса вопросов, связанных с интерпретацией данных, т.е., терминов и правовых формул. Не так давно в историографии возникла дискуссия о принципиальных возможностях использования правового материала при исследовании вопроса о вассалитете и формах и условиях земельных держаний.

Наиболее радикальный критицизм и скептицизм по поводу интерпретации терминов, массово встречающихся в правовой документации, (таких, как вассалитет, вассал, аллод, феоде), были высказаны в 90-х г. двадцатого столетия С. Рейнольдс.

¹⁰⁴ Carocci S. Baroni di Roma: dominazioni signorili e lignaggi aristocratici nel duecento e trecento. Roma, 1993. p. 191.

¹⁰⁵ См. список источников ка основной публикации Кортонези: Cortonesi A. Terre e signori nel lazio medioevale. Un economia rurale nei sec. XIII–XIV. Napoli. 1988. p. 171.

К этим вопросам мы будем не раз возвращаться в данной работе, но и самый радикальный номинализм в отношении интерпретации данных правовых документов не заставит нас отрицать, что создание статуты и развитие общины связаны между собой. Если судить с точки зрения историка, можно сказать, что коммуны и общины средневековых земель Италии создали статуты. С точки зрения историка права, и, видимо, с точки зрения средневековых правоведов статутное законодательство создавало коммуну с ее особым юридическим статусом, системой взаимной ответственности и подотчетности должностных лиц. Думаю, наиболее корректным решением будет сформулировать следующий тезис: в области правового развития наиболее значимым результатом роста такой силы как коммуна стало формирование их собственного законодательства.

Найти некие кардинально важные черты, присущие всем без исключения установлениями, которые назывались статутами, чтобы таким образом объединить их в одну категорию, представляется нереальным¹⁰⁶. С другой стороны, ясно, что бытующее определение статута как законодательного постановления, самостоятельно принятого коммуной или ее выборным органом¹⁰⁷, является узким, так как оно не применимо к статутам зависимых городов и отличных от городских поселений и сообществ, имевших сеньора (индивидуального или коллективного), а ведь именно они преобладали даже в период расцвета коммунального движения¹⁰⁸.

Рейнольдс, думается, излишне утрирует, как и бедность контекстов, которые можно было бы привлечь для верификации терминов, и вывод, который следует из этих построений, (и делается

¹⁰⁶ Данный аспект затрагивается в работах

¹⁰⁷ Calasso F. *Medio evo del diritto*. Milano, 1954.

¹⁰⁸ См например: Ortalli G. *Il ruolo degli statuti tra autonomie e dipendenze: Curzola e il dominio veneziano* // *Rivista storica italiana*, XCVIII, 1986. P. 195-220; Guarini E. F. *Gli statuti delle città soggette a Firenze tra '400 e '500: riforme locali e interventi centrali / Statuti, città, territori in Italia e Germania...* p. 69-75.

не столько самой исследовательницей, сколько ее комментаторами) звучит как постулат номинализма: общего значения нет и не может быть вообще¹⁰⁹.

Проблема думается, заключена и в том, что именно традиционное использование статута как объективного источника, содержащего позитивную информацию об институтах и земельных и вассальных отношениях внутри социума, требуют переосмысления, наибольшего остроумия и осторожности при интерпретации. Идеи же репрезентации власти и самопредставления единства и мощи социума выходят на первый план по доступности данных, соответствующих самому характеру и цели создания данного типа исторического источника.

Поможет ли историку коммуны «конкретный материал»? Проблема регионального и микроисторического

Средневековая Италия в историографической традиции выступает как история наиболее развитых регионов и больших городских коммун, ассоциируется с Тосканой и Ломбардией, или, иначе говоря, с Флоренцией, Венецией, Миланом. В изучении региона Тосканы и самой Флоренции, однако, не только назрели, но и обозначились определенные перемены. Именно в последние годы эта ситуация была осознана как требующая перелома группой исследователей региона Тосканы, причем надо отметить интерес именно к правовым источникам в данных исследованиях, представляющих собой определенную ревизию историографии средневековой и ренессансной Тосканы. Т.о, обозначился новый

¹⁰⁹ REYNOLDS, *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. New York and Oxford: Oxford University Press 1994. pp. 119-120.: "Abstract nouns like **feo**, **fevum**, **feudum**... cannot be assumed to have consistent meanings outside their contexts. Even if one context suggests some content for a word, that content cannot be assumed to be inherent in the word itself in such a way as to be transferred to other contexts and other cases. Contexts, unfortunately, are often unhelpful in this period [900-1100]. Scribes may have used apparently classificatory nouns to describe pieces of property without being concerned to distinguish anything we might call different and definable categories of property"

интерес к направлению историко-юридических исследований¹¹⁰, а также внимание к истории небольших центров и аспектов истории, считавшихся маргинальными¹¹¹.

Эти аспекты, безусловно, должны быть выделены и в процессе изучения избранного нами объекта, т.е., Папской области. Но нельзя не оговорить и ряд более общих проблем исследования.

Неизбежен вопрос, о том, как же определяется и вычленяется объект исторического анализа в практике конкретного исторического исследования. Когда исследование связано с четко обозначенным периодом и исторической областью, некоторые исследователи считают возможным говорить об изучении региональной особенности или использовании локального ракурса работы, другие же настаивают на применении подхода микроисторического анализа.

С каким видом исследования мы будем иметь дело в рамках заявленной темы? Когда и каким образом будет корректным представить исторический объект как частный случай в ряду сходных проявлений единого процесса, или же выделить методологически важный казус?

На мой взгляд, в любом случае, опасно принимать как данность сложившиеся представления о локальном и региональном объекте, которые требуют уточнения, исторического анализа и

¹¹⁰ Среди итальянских медиевистов сошлемся лишь на один из многочисленных трудов наиболее молодого и яркого представителя этого тренда: Zorzi A. *Giudicanti e operatori di giustizia nello Stato territoriale fiorentino del XV secolo/ Lo Stato e i dottori: XV-XVIII secolo*, «Ricerche storiche», XIX, 1989, p. 517-552. См. также весьма сходную по основным посылкам англоязычную публикацию: *The judicial system in Florence in the fourteenth and fifteenth centuries / Crime, Society and the Law in Renaissance Italy/ ed. by T. Dean – K.J.P. Lowe, Cambridge, Cambridge UP, 1994, pp. 40-58.*

¹¹¹ Выделим из англоязычных публикаций труд, изданный в центре проведения всемирного конгресса медиевистов: *The «Other Tuscany»: Essays in the history of Lucca, Pisa and Siena during 13,14 and 15 c.c./ ed. Tgh. W. Bloquist. Kalamazoo, 1994.*

всего того, что по необходимости требуется определить несколько тяжеловесным термином «проблематизация». И, поскольку мы выделяем для исследования некую территорию, далее необходимо пояснить, на каком основании данные исторические земли рассматриваются как единство и как целостный объект исторического анализа.

Также возникает задача определить, что является преобладающей тематикой историографического интереса по отношению к данному комплексу исторических земель и каким являются авторские предпочтения. Для этого необходимо очертить некоторые особенности исторического и историографического контекста.

Сложный многосоставный конгломерат земель, включаемых в разные периоды в состав Папской области, «государства Церкви», не имел и не получил никакого иного единого общепризнанного названия или четкого географического обозначения. В специальной литературе можно встретить такие названия комплекса территорий, ядро которого составлял римский регион: Папская область, Патримоний Св.Петра, Государство Церкви¹¹². Сразу оговорим, что вынесенное в заглавие выражение «вотчина Св. Петра» в данном случае толкуется расширительно: не как равнозначное термину патримоний св. Петра в Тусции, но в целом весь комплекс земель и центров, связанных вассальными присягами, исполнением повинностей и юрисдикционным контролем с Престолом св. Петра.

Термины «Папская область», а тем более «Государство Церкви» (*Stato della Chiesa*), как известно, не являются исторически сложившимися в средневековье и представляют собой пример модернизации реалий истории в историографии Нового и Новейшего времени.

¹¹² Partner P. The lands of St. Peter. The Papal state in the Middle ages and Early Renaissance. L.A., 1972 ; Ermini G. La liberta comunale nello Stato della Chiesa da Innocence III all' Alborno. Vols. 1-2. Roma, 1925-1926. В настоящий момент ситуацию осложняет неунифицированность терминологии и отсутствие общепринятых эквивалентов на русском языке для некоторых определений, выработанных в европейской историографии.

И все же само стремление найти единое название для данного комплекса земель показательно, историки, даже в подобной модернизации интуитивно стремятся подчеркнуть некое единство в разнообразии форм исторического развития земель и центров Папской области.

Точной в географическом плане формулировки для описания исследуемых территорий Папской области подобрать нельзя, т.к. в ее состав в разные периоды вливались не только исторически сложившиеся земли, но различные региональные фрагменты. При этом территории, подвластные папам, перемежались с независимыми областями.

Если взглянуть на средневековую политическую карту Италии, то Папской областью, видимо, следует называть и земли, находившиеся северо-западнее Тосканы, и простиравшиеся в основном к югу от Рима. Но это весьма нечеткое определение, поскольку вассальные отношения связывали с папским Римом и те территории, которые относятся скорее к центральным областям. Проблема в том, что понятие «Центральная Италия», как правило, ассоциируется с Тосканой. Название «Юг Италии» четко вступает в свои права, когда говорят о более удаленных от Рима территориях, например, Неаполитанских владениях. Но невозможно определить, к югу или к центру относится весь комплекс земель Папской области, из чего следует, что понятие это – не географическое.

При этом Римская Кампанья с точки зрения экономико-географического анализа совершенно неотличима от Неаполитанской Кампаньи и формы сеньориального господства и возможности развития коммун в данных областях определялись политической конъюнктурой. Многие исторические земли, относимые к Папской области, напротив, резко отличаются друг от друга. Трудно соотнести, например, Лации или Сабину, с особенностями развития Сполето, как в плане параметров физической географии, так и по социально-политическим характеристикам истории.

Признаем, что определяющую роль в кристаллизации нашего объекта играет модернизация, «взгляд из будущего», который приковывает внимание исследователя к тем территориям, которые позже составят региональное государство Пап Нового

времени. Именно поэтому взаимоотношения пап с территориями и сеньорами Далмации или островов юга в средневековье, которые можно было бы обозначить как вассальные, нас не интересуют настолько, чтобы включить эти казусы в общий объект исследования.

Если же вовсе не пытаться искать обобщающие понятия, но приступить к работе с историческими названиями отдельных территориальных комплексов и подвластных папам земель, то и по конкретным поводам, мы не сможем избежать необходимости аналитического объяснения некоторых данных. Например, историческое, т.е., собственно средневековое обозначение территорий, непосредственно соседствующих с Римом, термином «Римская Провинция» – следует воспринимать как условное, но весьма говорящее название.

Прежде всего, название отражает, скорее, не реальную возможность контролировать из Рима ряд исторических областей с собственными локально важными центрами, но интенцию Рима к их подчинению. В то же время определенные политические события и экономические интересы связывали Папскую область с некоторыми центрами и *цивитас* Тосканы и представителями коммун более отдаленных географически областей.

Существует традиция описания отдельных городов и центров Папской области, без каких-либо попыток вписать их историю в общий социально-политический контекст развития Италии. Существует и тенденция трактовки различных аспектов римской истории без особого внимания к развитию региона в целом. С другой стороны, для классической европейской историографии (как до начала XX в., так и в самое последнее время) политические события средневековой истории Италии были весьма притягательной темой описания, но особенностям социальной жизни отдельных центров и общин итальянских земель в этих сочинениях редко находится место.

Результаты этих двух направлений изысканий очень трудно объединить в общую историографическую картину, но и такого механического соединения тем будет недостаточно. Полицентризм и регионализм средневековой Европы вообще (а Италии в особенности) затрудняет решение вопроса о норме и исключи-

тельности; в случае признания некоего всеобщего правила развития средневекового мира и «альтернативного» пути развития Италии неизбежно придется констатировать, что существуют еще и исключения из исключений, которые как раз и близки «классической норме».

Как было отмечено, даже и теперь средневековая Италия в историографической традиции выступает как история больших городских коммун – Флоренции, Венеции, Милана. Неудивительно, что и среди городов Центральной Италии, формально подчинявшихся светской власти пап, преимущественное внимание уделялось Болонье, в основном в связи с антимангнатской политикой коммуны по освобождению сервов (т.н. законодательством «Райской книги») ¹¹³. Однако история этой коммуны вряд ли имеет много общего с развитием городов самого сердца папских владений – особенно римского контадо и дистретто.

Рим не имел роли бесспорного лидера социально-экономического развития даже в таких пределах, как Римская Провинция, возникает даже вопрос, занимал ли Вечный Город в данный период вообще некую позицию в борьбе тенденций централизации и с силами хаоса и территориально-политического раздробления?

Ответы на подобные вопросы можно постараться найти путем изучения саморепрезентации социума и образов представления власти, которые сохранили разнообразные исторические источники. При этом и правовая документация, и изображения, и архитектура составляют разноликие свидетельства одного и того же порядка, а не подразделяются на более и менее надежные источники, на свидетельства развития самого социума и свидетельства развития аспектов культуры.

Значение символических моментов в создании образа средневековой коммуны – важная тема не только в рамках культурно-антропологического дискурса. Интерес к истории форм средневековой социальной организации не означает невнимания медиависта к знаковой культуре и символическим представлениям. Ведь не нужно доказывать, что социальная история является

¹¹³ Liber Paradisus con le riformazioni e con gli atti connessi / a cura di F. S. Gatta, G. Plessi. Bologna 1956. Fasoli G., Bocchi F. La città medievale italiana. Firenze, 1973.

определенным образом, стратегией исследования, а не единственной объективной попыткой представить вещи, как они были на самом деле. Но хочу оговорить, что в рамках данной работы и источники, и исследования символов, и самоидентификации общности имеют прикладной характер и анализируются не как самоценные объекты, а как подсобные для более полного воссоздания картины развития коммуны и вертикальных и горизонтальных систем связи, характеризующих средневековую цивилизацию.

Для уяснения проблемы развития малых социумов в Папской области важен достаточно широкий историографический ракурс: некоторые исследования социально-политических сюжетов, и труды по институционально-правовой истории, как, например, классическое произведение по развитию коммунальных свобод, написанное Эрмини в 20-х гг. прошлого века, и недавний масштабный коллективный труд по осуществлению высших должностей итальянских коммун XII–XIV вв., и фундированные труды рубежа XIX–XX вв. историко-краеведческого характера, но также и попытка рассмотреть связь римского нобилитета, папства и структур сельской сеньории в контадо, предпринятая Сандро Кароччи на рубеже XX и XXI¹¹⁴.

Кроме того, при всем очевидном своеобразии путей развития общины в Папской области было бы весьма полезно использовать опыт изучения цивилизаций других регионов. Вопрос в том, что порой возникает соблазн проецировать более известные результаты исследования иных локальных особенностей цивилизаций на историю Римской провинции и Папской области в целом. Такой способ экстраполяции был бы, безусловно, вредным. Но весьма продуктивным мог бы оказаться изучение некоторых социальных аспектов и правовых отношений в единстве проявлений письменных свидетельств и символической репрезентации, а такой подход наиболее успешно демонстрируют исследования иных Ломбардии и Тосканы. К сожалению, компаративистика не стала сильной стороной исследований итальянистов.

¹¹⁴ Carocci S. Baroni di Roma...

В первую очередь, на мой взгляд, интересны работы, авторы которых задавались вопросом социальных, экономических, институциональных особенностей Папской области¹¹⁵. Особенно важным представляется историографическое развитие вопроса о характере и самом существовании систем связей, которые могли бы играть роль объединяющих и формирующих данное пространство как социальный, экономический, политический организм, и исследования этого вида развиты пока еще недостаточно.

В качестве наиболее влиятельной основы для развития позднейшей литературы вопроса, нужно отметить проверенную временем крупную работу Томассети, которую по названию можно было бы счесть «краеведческой», возможно, не стоило бы упоминать в списке фундаментальных трудов историков, если бы по мастерству использования неопубликованных архивных источников самой разной направленности, этот труд не заслуживал названия непревзойденного. Кроме того, Томассетти демонстрирует редкий сплав исторической и юридической эрудиции, что является весьма редким примером.)

В плане информативности к работе Томассетти приближается лишь исследование П. Тубером структур Лация и Сабинны. Естественно, нельзя не признать, что важным этапом в развитии историографии Лация стала классическая монография Тубера.

Из более близких и менее известных исследований выделю публикации Кортонези, как удачный сплав историко-правового и историко-экономического анализа. Работа Кортонези на частных примерах адекватное отражение весьма глубокой проблемы – специфики социально-экономического развития Лация Эти исследования подтверждают следующие общие положения. Интегрирующая роль экономических связей в таких масштабах, как

¹¹⁵: Tomassetti G. *La campagna romana antica, medievale e moderna*. Vols. 1-2. Roma, 1910. Vols. 3-4. Roma, 1925..: Toubert P. *Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine du IX a la fin du XII siecle*. Roma, 1973. (Cortonesi A. *Terre e signori nel Lazio medioevale. Un economia rurale nei sec XIII-XIV*. Napoli, 1988.) Особенно полезен сборник статей или коллективная монография посвященная комплексу социально-политических и правовых структур Лация (*Lazio meridionale tra papato e l'impero al tempo di Enrico VI*. Roma, 1991.).

Римская Провинция, Папская область, была выражена слабо. Экономическое развитие земель Папской области не укладывается в рамки стереотипа восприятия Италии как средоточия успехов ускоренных экономических преобразований. Социальное и экономическое развитие римского региона обладало рядом отличительных черт: патриархальные и стагнационные формы хозяйства (распространенность издольщины, продуктового чинша), менее разнообразная специализация отраслей ремесла и торговли по сравнению с регионами Тосканы и Ломбардии, отсутствие экономически доминирующего городского центра.

Задача рассмотреть определенный казус развития *цивитас* в широком контексте средневековой гражданско-правовой традиции равным образом привлекательна и трудно достижима. Институциональная история как тема историографии, естественно, лидирует¹¹⁶ и в самое последнее время обогатилась ценным вкладом – собранием исследований подестата в интерпретации ведущих европейских итальянистов. Отметим лишь, что исследования подестата в Папской области и роль призванных к должности официалов римского происхождения занимает особое место в указанном исследовании.

Историография работ, как и публикации источников по данному вопросу, не могут быть названы достаточно полными. Вообще сложно составить целостное представление о том, как и в каком объеме взаимосвязи социумов и системы зависимости изучены историками, хотя формальные историографические обзоры достаточно многочисленны, и на уровне заглавия и объявленных целей работы, многие авторы предполагают работать именно над этим вопросом.

Итак, очевидно, что географические (климатические) и экономические факторы не способствовали складыванию единства

¹¹⁶ D. Waley, in P. Fabre, *Registrum Curiae Patrimonii beati Petri in Tusca*, «MEFRM», 9, 1889, pp. 299-320, a p. 300; M. Antonelli, *Notizie umbro tratte dei registri del patrimonio di San Pietro in Tusca*, «Bollettino delle Deputazione di Scoria Patria per l'Umbria», 9, 1903, pp. 381-398, a p. 381; Ch. Reydellet-Guttinger, *L'administration pontificale dans le Duché de Spoleto (1305-1352)*, Firenze, 1975, pp. 15-17.

земель Папской области. Тем не менее, существовал определенный ряд зависимостей и взаимосвязей, в частности, в области рекрутирования представителей локальных элит на высшие посты в чужеземных коммунах, выстраивания систем персональных связей, взаимоотношений города и контадо. Такие характеристики тоже вероятно следует отнести к сфере «конкретного» и к параметрам, по которым структурируется региональный объект.

Этот конкретный региональный объект еще и нетипичен с расхожей точки зрения. Экономическое развитие земель Папской области не укладывается в рамки стереотипа восприятия Италии как средоточия ускоренных экономических преобразований. Социальное и экономическое развитие римского региона обладало рядом отличительных черт: патриархальные и стагнационные формы хозяйства (такие, как распространенность издольщины, продуктового чинша), менее разнообразная специализация отраслей ремесла и торговли по сравнению с регионами Тосканы и Ломбардии. Интегрирующая роль экономических связей была выражена слабо, ощутимым было отсутствие экономически доминирующего городского центра. Повсеместное возникновение сеньорий в многочисленных укрепленных центрах и постоянная социально-политическая нестабильность усиливали экономическую слабость и разобщенность региона¹¹⁷. Территории в дальней

¹¹⁷ В качестве обзорной литературы можно порекомендовать следующую информативную публикацию: Tomassetti G. *La campagna romana antica, medievale e moderna*. Vols.1-2. Roma, 1910. Vols.3-4. Roma, 1925. (Работу Томассети, которую по названию можно было бы считать «краеведческой», возможно, не стоило бы упоминать в списке фундаментальных трудов историков, если бы по мастерству использования неопубликованных архивных источников самой разной направленности, этот труд не заслуживал названия непревзойденного. Кроме того, Томассети демонстрирует редкий сплав исторической и юридической эрудиции). Далее, этапом в развитии историографии Лация стала классическая монография Тубера: Toubert P. *Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine du IX a la fin du XII siecle*. Roma, 1973. Работа Кортонези на частных примерах адекватное отражение весьма глубокой проблемы – специфики социально-экономического развития Лация. (Cortonesi A. *Terre e signori nel Lazio medioevale. Un economia rurale nei sec XIII-XIV*. Napoli, 1988.) Особенно полезен сборник статей

округе Вечного Города, в средневековье получили название *Provincia Romana*, причем по большей части эти земли, были, действительно, отвоеваны по инициативе Рима или папской курии (буквально, как античные провинции – «поместья римского народа»).

Когда продвижение влияния римской общины было остановлено на юге, то усилилось римское воздействие на Патримоний в Тусции. Тяготение к средневековому Риму ощущалось в ареале Лаций, Сабина, Тиволи и Карсоли, вплоть до выхода к морю в районе порта Корнето-Тарквинии, относящегося по административному делению к патримонию Св. Петра в Тусции, и на юге – в пределах Римской Кампании. Политическое влияние Рима сказывалось и в такой сфере, как экономическое развитие Римской Провинции (в том числе благодаря контролю Рима за рынком зерновых и торговлей хлебом)¹¹⁸.

Важно отметить тему особенностей социального деления населения региона. Если известно, что в экономически развитых городах Тосканы этого периода понятие «нобилитет» включало в себя и цеховые и торгово-ремесленные верхи, то в Римской Провинции слой нобилей сохранял потомственную привилегию нести конную военную службу. Нобилитету отдельных земель Папской области посвящены новые интересные исследования французских и итальянских медиевистов, но эти работы, за редким исключением, носят узкий характер и не ставят общих проблем¹¹⁹.

или коллективная монография посвященная комплексу социально-политических и правовых структур Лация (*Lazio meridionale tra papato e l'impero al tempo di Enrico VI*. Roma, 1991).

¹¹⁸ Dupre-Teseider E. *Roma dal comune del popolo alla signoria pontificia*. Bologna, 1952. P. 21-25, 265-267.

¹¹⁹ Один из удачных примеров представляет собой собрание трудов по истории Лация в широком социально-политическом контексте, в этом проекте читатель может с наибольшей пользой воспринять данные об элитах Лация: Viguier J-C. *M. Nobilita e popolo nei comuni del Lazio meridionale /Lazio meridionale tra il papato e l'impero al tempo di Enrico VI*. Roma 1991. p. 205.

Что объединяло такие разные исторические земли и территории Центральной Италии, называемые «землями Св.Петра», кроме папских притязаний на власть над ними?

Предлагаемая исследовательская позиция основывается на том, что избранный объект исследования Папская область – не представляла собой некий единый целостный политический организм, как и природный и историко-культурный регион, а соответственно и не может быть рассмотрен в рамках примеров региональной истории. Однако системы социальных связей и формы организации власти, которые осуществлялись в «землях Св.Петра», могут быть рассмотрены как особый казус.

Есть некоторые основания возражать против отождествления изучения казуса и микроанализа, и не даром в национальных историографических школах Европы приняты разные терминологические обозначения сходных перспектив исследований. Но case-studies рассматриваются и как вариант микроистории самими авторитетными микроисториками¹²⁰. Поэтому я считаю возможным рассматривать изучение развития общин и сеньорий Папской области как вариант микро-исторического подхода к исследованию взаимосвязи города и контадо, сеньории и коммуны как таковых. Методика исследования в свете поставленных задач должна вольно или не вольно стремиться к соединению микроисторического и макро-исторического подходов.

Отметим, что сторонники изучения «казуса» делятся на две большие группы и различие между ними носит принципиальный характер. Казус понимается либо как некая историческая эмпирия, данность¹²¹, либо как сконструированный концепт¹²². Я полагаю, что непосредственного контакта с действительностью микроанализ не может дать точно так же, как и макро-анализ. Но

¹²⁰ Например, Э. Гренди в статье «Еще раз о микроистории» (*Ripensare la microstoria*) говорит именно о способах «анализировать исторические казусы». Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус 1996, М. 1997. С. 293. (причем статья опубликована именно в разделе «Размышления о казусе»).

¹²¹ Бессмертный Ю. Л. Что за казус? // Казус 1996. С. 7–28.

¹²² Ragin C. Ch. Introduction: cases of «What is the case?» / What is the case? N. Y., 1992. P. 10–19; Walton J. Making the theoretical case. *ibid.* P. 121–138.

конструирование микрообъекта как основного концепта исследователя весьма важно для развития самых общих вопросов историографии, в том числе историографии средневековой общины и сеньории.

Моей задачей является показать, что избранный объект исследования представляет именно такой важный для развития историографии вопрос казус, специфику которого можно раскрыть на уровне микроисторического анализа.

Изучение коммун и сельских сеньорий Папской области будет предпринято исходя из микроисторического анализа, но в контексте историографического вопроса взаимосвязи города и контадо.

Однако само понятие «микроистория» в последнее время получило расширенное значение и толкование, настолько вольное, что использовать термин без конкретизации и специальных пояснений стало бессмысленным¹²³.

Структурирующая регламентация

Возможно проследить и иную логику. Не поможет ли нам вычленять конкретные и локальные варианты развития общины такой параметр как регламентация? Регламентация может появиться как результат согласия внутри социума, как стремление ограничить, оградить или наказать членов сообщества. Есть и принципиально другой вид регламентации – это повинность или, точнее говоря, компромисс, заключенный членами социума с внешними силами. С точки зрения социума, это, безусловно, разные понятия, даже если речь идет о равноценных штрафах, пошлинах, наказаниях, правах, привилегиях.

¹²³ Не будем углубляться в вопросы о том, какие литературные ассоциации и коннотации вызывало название «микроанализ» или «микроистория» у тех, кто стоял у истоков нового историографического направления. Ограничимся отсылкой к автобиографическим ремаркам-воспоминаниям К. Гинзбурга, воспроизведенным на русском языке в публикации: Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 210–211.

Таким образом, мы должны обратить внимание не только на юридические особенности и тематику статей законодательств общин, но и на моменты обоюдности и договорности в принятии норм и законов, направленность правовых установлений.

Кроме того, важно определиться с самим понятием правовой нормы как исторического источника изучения социума. Разумеется, такая запись норм не была слепком с действительности, но, по-моему твердому убеждению, для изучаемого периода истории, это правовая фиксация всегда была реакцией на конкретную социальную ситуацию. И надо учитывать, что реакция была оперативной, коль скоро редакции статуты общин менялись в течении нескольких лет, или, имелись договоренности, что продуманная правовая система вводится на краткий срок.

Средневековый этап развития традиции права на территории Италии настолько важен, как по объему письменных свидетельств, так и по специфике социально-политических условий реализации правовых проектов, что этот пласт правовой истории никак нельзя назвать лишь дополнением или воссозданием правового наследия римского времени.

Безусловно, медиевисту требуется больше учитывать античный «фундамент» истории изучаемого региона, если речь идет о Средиземноморье. Смелым, но возможным является и обратное предположение: исследователи античности могут найти в несравненно более богатом письменными свидетельствами итальянском средневековье, материал для компаративного анализа общих принципов структурирования гражданской общины и отношений господства и подчинения между общинами.

К рассматриваемому периоду претенденты на универсальное правовое влияние – Церковь и Империя – в значительной мере растратили свои силы в затянувшемся противоборстве. Недооценивать влияние централизованных правовых инициатив было бы ошибкой, но и обеспечить исполнение неких общих норм права было бы просто невозможно. Важным стимулом развития «местного» права в Италии стала именно ситуация полицентризма власти. Ни Империя, ни Церковь не стремились обеспечить правовую основу, необходимую для динамично развивавшихся итальянских земель. С другой стороны, ни одному из итальянских центров также не удалось сыграть консолидирующую

роль в масштабах Италии или хотя бы для значительной части полуострова.

У городских коммун и даже небольших общин средневековой Италии судебная практика, вся правовая система основывались, прежде всего, на локальных традициях и нормах. Но ведь кто-то должен осуществлять роль проводника и защитника этой традиции. Таким образом, мы должны говорить не только об абстрактных нормах и традициях, но о группе людей, особом малом социуме, внедряющем эти идеи в практику. Обычай и толкования местных правоведов были решающими, именно эти знатоки права или просто уполномоченные лица решали к каким именно правовым нормам следует прибегнуть.

Согласованные с представлениями этой группы «знатоков» местные обычаи, договоренности между общиной и сеньориальной стороной, судебные практики возвышались до уровня законодательства, которое обозначалось нейтральным термином статуты – буквально «установления», но имело первостепенное, определяющее значение для жизни города и округа. Естественно в городах, как наиболее сложно структурированных и организованных социумах законы-установления были также усложненными и дифференцированными. И именно они в первую очередь привлекают внимание, хотя бы своей масштабностью.

Известно, однако, что наряду с городскими статутами существовало большое количество разнохарактерных установлений, к которым в средние века применялось также общее название «статут» – это статуты деревенских «universitas» и целых союзов деревенских коммун и общин, и вообще разнообразных корпораций: университетов, цехов, коллегий, предпринимательских компаний, родственных объединений, сонаследников земельной собственности или владения.

В правоведческой литературе встречаются два как будто бы противоположных представления о статутах: как о своеобразном реванше местного «собственного права» над общими, универсалистскими правовыми нормами, а с другой стороны, как о свидетельстве проявления рецепции римского права.

Обратимся к историографической посылке о связи между рецепцией римского права и возникновением коммунальных ста-

тутов. К сожалению, есть традиции сохранения стереотипов, поддерживаемые и медиевистами, и историками права. (Хотя, по моему мнению, историки права все же более консервативны в этих вопросах).

Надо отметить, что до сих пор достаточно распространены точки зрения, сформулированные еще в XIX в. историками и экономистами и воспринятые советской историографией – например, тезис о том, что развитие товарно-денежных отношений в Италии XII–XV вв. требовало использования основ римского права и в особенности концепта частной собственности¹²⁴. Однако найти примеры воплощения такого стереотипа в конкретных исторических источниках крайне трудно.

При этом, следует отметить, что именно правоведы, вступающие в область исследования истории права, сохраняют на страницах своих сочинений некоторые тезисы, которые с точки зрения современного историка, выглядят архаизмом. Так, например, один из авторитетных современных специалистов в области права, В.А. Томсинов выдвигает тезис о совпадении периода интереса к римскому праву со «временем завершения формирования средневековой духовной культуры как таковой». Это произошло, по мнению автора цитируемой работы, именно в XI в. Тот же специалист-правовед говорит о взаимосвязи рецепции римского права «с оформлением средневекового мировоззрения, способа мышления»¹²⁵. Подобная формулировка кажется излишне обобщенной. Но, на мой взгляд, В.А. Томсинов совершенно справедливо отметил существующую в историографии переоценку корреляции между успехами в экономике и интересом к римскому праву¹²⁶.

К сожалению, усомнившись в справедливости данного общего места, исследователь не продемонстрировал ни одного конкретного исторического примера, опровергающего рассматрива-

¹²⁴ История государства и права зарубежных стран / под общей ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. М., 1996.

¹²⁵ Томсинов В.А. Рецепция римского права в Западной Европе в средние века: постановка проблемы // Древнее право. 1(3). М., 1998. С. 174.

¹²⁶ Там же С. 171-174.

емый тезис (например, указав исторический регион с замедленным экономическим развитием, в котором бы в средневековье процветало изучение и применение норм римского права). Данный пример весьма красноречиво показывает, насколько зависимыми являются исследователи-текстологи (и историки, и правоведы) от механически воспроизводимых хрестоматийных оценок социально значимых явлений.

На мой взгляд, авторитетная исследовательница проблем истории средневековых коммун Европы, С. Рейнольдс, справедливо отмечала, что роль традиции римского права чересчур преувеличивается, во всех случаях, когда с ее помощью пытаются объяснить рационализм принципов построения городской жизни средневековья¹²⁷. Если мы принимаем в расчет не исключительно только большие города, то средневековую социальную жизнь итальянских земель, тем более, сложно описать в терминах римского права. Однако, отдельные черты континуитета могут быть отмечены, так же как инновационные моменты.

Итак, мы в поисках маркеров и ограничительных линий объекта пытаемся использовать наиболее логичное оружие- регламентацию. Регламентация же средневековой итальянской общины воплощается в разнообразных статутах. И саму ситуацию функционирования статутов в городе и контадо, и отдельные составляющие регламентации можно рассматривать в разных плоскостях.

Достаточно долгое время исследователей волновал вопрос о континуитете и дисконтинуитете в этой сфере. Формально и наиболее наглядно тезис о преемственности римской традиции в средневековье подтверждается тем, что первые статуты коммун и общин Римской Провинции XIII в., как в городах, так и в деревне, составлялись на латыни¹²⁸. Но известны и случаи более

¹²⁷ Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe ...p. 216.

¹²⁸ Примером могут быть, как статуты самого Рима (Statuti della città di Roma...), так и большинство статутов Римской провинции.

поздних переводов латинских статутов на вольгаре, а также ведения коммунальной документации не на латыни¹²⁹.

Также интересен вопрос об особенностях социальной группы, которую составляли писцы и нотариусы, а также проблемы развития общественных постов и институтов коммуны весьма интересны для исследователя социальной истории. Речь идет, таким образом, не столько об изучении правовой системы и ее соответствия социально-экономическим реалиям, но о том, что правовые инструменты не были чем-то внешним и чужеродным для жизни социума, но использовались и интерпретировались определенными группами: элитой общин и простолюдинами, знатоками права на службе коммуны.

О чем говорят статуты историку общины?

Отметим поэтому, что важным источником формирования статутного права являлось развитие самих коммунальных институтов. Прежде всего, это деятельность народных собраний, на которых производилось, в частности, одобрение кандидатов на коммунальные должности, зачитывались присяги вступающих в должность.

Видимо, развернутые присяги должностных лиц коммуны и их запись следует рассматривать как первый этап формирования статута. Впоследствии такие присяги сохранились как необходимая составная часть коммунального законодательства на всем протяжении существования статутов.

В этой связи кажется соблазнительным провести параллели между средневековой и античной правовой организацией, т.к. клятвы-присяги должностных лиц и ограничения их денежного содержания за общественный счет, конечно, не были изобретены в средневековой Италии в период коммунального движения. Но такого рода правовые постулаты не являются и всецело принадлежностью муниципальной традиции древнего Рима, а есть видовой признак развития основ корпоративизма в целом. Отметим

¹²⁹ Примером может служить статут замка Аспра Сабина (Statuto di Aspra Sabina / Statuti II). P. 375-503. La Margarita Cornetana. Regesto dei documenti/ a cura di P. Supino. Roma, 1969.

частный, но важный аспект развития городских статуты в связи с совершенствованием и эволюцией коммуны как политической и институциональной системы. Городские статуты во многих случаях развивались в двух вариациях – «статуты коммуны» и «пополанские статуты».

Статуты коммуны и пополанские статуты могут определяться как законодательство периодов существования коммуны, когда во главе коммуны стоит соответственно, сначала подеста, а, затем, капитан народа. Подобная классификация использовалась историками права, работавшими со статутами еще в начале двадцатого столетия.¹³⁰ Возникающие на стадии пополанской коммуны и режима капитаната статуты лишь дополняют прежние коммунальные установления, которые продолжают существовать.

Нетрудно заключить, что коммунальные статуты – как более древние установления, имеют сложную структуру, в частности, более связаны с обычаем, чем позднейшие редакции статуты. Они также менее унифицированы, тематически более разнообразны, чем статуты пополанов.

Именно поэтому в поисках «конкретного» историков будут интересоваться, прежде всего, ранние статуты коммуны, хотя элементы общего права, глоссы римского права, по мнению авторитетных исследователей свойственны именно позднейшим редакциям статуты¹³¹. Видимо, из традиции изучения вторичных ре-

¹³⁰ Например, публикаторы статуты небольшой городской коммуны, входившей в Папскую область – Асколи Пичено, отмечают этот факт. Zdekauer L., Sella P. Prefazione / Statuti di Ascoli Piceno. Roma, 1910. P. XI.

¹³¹ Дж. Фазоли и П. Селла в предварительных замечаниях к публикации статуты Болоньи отметили, что, во-первых, пополанские статуты «развиваются независимо от статуты коммуны», а, во-вторых, что ранняя редакция статуты коммуны еще дает представление о договорном характере начального этапа развития коммуны («dell'origine contrattuale del comune»), в последующей редакции законодательства коммуна выступает как суверен, обладающий публичными функциями, и в этих статутах уже нет места обычаю, но присутствуют нормы общего права

дакий статут и исходил стереотип восприятия системы статутного права в целом как феномена, связанного с рецепцией римского права.

Для Римской Провинции пополанские статуты не были характерным элементом статутного законодательства коммун. До нас дошли лишь фрагменты первых (1237–1238 гг.) статут Витербо, но и они достаточно красноречивы: в частности, сохраняют свидетельство присяги судьи и балива («*balivus et iudex*») ¹³² при вступлении на службу коммуны, а также и нотарию балива ¹³³.

Кроме того, в ранней редакции статут оформлялись посты таких должностных лиц коммуны, как консул ¹³⁴ и камерарий ¹³⁵, а также фиксировались функции подеста ¹³⁶ (должность подеста существовала ранее, еще с XII в. ¹³⁷). Также регламентировалась процедура выборов в Генеральный (общий) Совет коммуны ¹³⁸. Таким образом, уже в первоначальных правовых установлениях города были отмечены принципы, которые развивались и в следующей редакции статут.

В 1251–1252 гг. в статутах Витербо были уточнены компетенции основных коммунальных органов и четче проведен принцип разделения властей. Были подробно прописаны взаимоотношения подеста и Совета коммуны, (причем занимавший пост подеста или кто-нибудь из его семейства не должен был входить в высший узкий Специальный совет), члены Специального совета,

(*Leges et jura*). G. Fasoli, P. Sella. Prefazione / Statuti di Bologna dell'anno 1288. Citta del Vaticano, 1937. P XXV.

¹³² Statuti II. P.51CCXVII «*De iuramento balivi Comuni et iudicis*»: «*Balivus et iudex Comuniatis iuret ad Sancta Dei Evangelia baliviam ad quam el(ecti) sunt ad honorem.Dei et civitatis Viterbii et potestatis seu consulum bona fide sine fr(aude portate)...*»

¹³³ Ibid. P.52.CCXXVIII «*De iuramento notarii*»

¹³⁴ ibid.p.57. CCXXXI, p. CCXXXVII.

¹³⁵ ibid.p.57. CCXXXII.

¹³⁶ ibid.p.57. CCXXXI.

¹³⁷ Signorelli G. I potesta nel comune di Viterbo e serie di quei magistrati nei sec.XII-XV /Studi e documenti di storia e Diritto, a.XV. 1894.

¹³⁸ Statuti II ibid.p.57. CCXXXI: «*Teneantur potestas vel consules facere fieri aliquid consilium Generalem per electionem... in quo non eligatur aliquis qui sit de Consilio Speciali...*»

в свою очередь, не могли быть одновременно членами более широкого Генерального совета¹³⁹.

В редакции статута Витербо середины XIII в. еще более ярко демонстрируется связь с краткими записями присяг (*breve*): сохранились многочисленные свидетельства обязательной клятвы основных должностных лиц в первой книге статута, называемой «*Officia*»¹⁴⁰. В статутах города Тиволи 1305 г. первая книга, которая носит название «О числе официалов, их выборах и присягах», также содержит достаточно свидетельств о связи первых коммунальных статута с выборами и торжественными клятвами должностных лиц¹⁴¹.

Если учесть, что первые редакции статута Витербо использовались и в момент зависимости коммуны от имперской власти, а статуты Тиволи составлялись под контролем коммуны Рима, то, можно сделать вывод, что клятвы официалов и формирование структуры должностей определяющим образом влияло на оформление статута как зависимой, так и независимой коммуны. В любом случае, коммуна в своем законодательстве подчеркивала роль учрежденных должностей.

Одной из важнейших, как уже отмечалась, была должность нотариуса. Известны собственные статуты корпораций и коллегий нотариусов¹⁴², но городские статуты в целом также регламентиро-

¹³⁹ Ibid. 96–97 V, p. 100 XII, p.

¹⁴⁰ Statuti II 95 III, p. 102 XVII, p. 102–103 XVIII, p. 103 XVIII, p. 105 XXV, p. 105–106 XXVII.

¹⁴¹ См., например, законодательство г. Витербо: Statuti II. P. 51 CCXVII "De iuramento balivi Comunis et iudicis": "Balivus et iudex Comuniatis iuret ad Sancta Dei Evangelia baliviam ad quam el(ecti) sunt ad honorem Dei et civitatis Viterbii et potestatis seu consulum bona fide sine fraude portate..." ; Ibid. P. 52. CCXVIII "De iuramento notarii" Ego notarius balivi comunis iuro officiam ad quod electus sum bona fide sine fraude portate..." ; Пример г. Тиволи: Statuti I p. 162 XXVII "de iuramento sedialis": iuro ego sedialis officium mihi commissum et adguidamentum Tyburis in eo quod ad me spectat civitatis legaliter et fedeliter genere omni fraude remota et officium sedialatus exercere et administrare..."

¹⁴² См напр.: Statuti notarili di Bergamo (XIII) / a cura di Scarazzini G. Roma, 1977. К этой публикации ранних статута корпорации нотариусов

вали деятельность нотариия. В XIII в. «искусство нотариии» сформировалось окончательно как особая профессиональная дисциплина и стало освещаться специальными трактатами¹⁴³. В текст подписи нотарииев, составлявших нотариальный акт, входило указание, что нотариий лично присутствовал при заключении сделки. В нотариальный формуляр входило множество формул, но наиболее часто в документах, фиксирующих сделки, встречаются формулы отказа «renuntiatio» от произвольного толкования условий сделки (с целью ее опротестовать) и формулы санкций за нарушение договора «sanctio»¹⁴⁴. Влияние этих особенностей нотариального оформления документов отражается в статутах (как будет показано ниже).

При сравнении статута городов Римской округи и Патримония – самого Рима, Тиволи, Витербо, Асколи Пичено, Ференто – можно, несмотря на вариации, указать основные направления развития этого законодательства. Это, прежде всего, определение круга обязанностей и полномочий должностных лиц и ответственность за общественные подати, а также забота о достоянии всей коммуны; спецификация преступлений и наказаний по гражданским делам, а также по уголовным делам; регламентация хозяйственной активности, прежде всего проблемы налогов, штрафов и возмещение ущерба.

Вопрос о взаимосвязи статута общины и городского статута коммуны труден. Для некоторых германских земель, как свидетельствуют современные исследования историков права, характерен был вариант использования определенного статута как модели (*Mutterrecht*) при предоставлении статутного права общине другого города или бурга. Из этого первичного образца заимствовались целые блоки статей, или все содержание статута целиком включалось в новый «дочерний» статут.

коммуны Бергамо (за 1264–1281 г.) будет полезным обратиться за консультацией по вопросам техники нотариального искусства и особенностям корпоративной этики нотарииев.

¹⁴³ Из общих работ по истории нотариата можно порекомендовать: Amelotti M., Costamagna G. *Alle origini del notariato italiano*. Roma 1974.

¹⁴⁴ Это отмечено и в русскоязычной литературе: Кононенко А. И., там же, с. 332, 333.

Можно признавать существование известной унификации городских установлений пополанского периода коммуны. В таком случае, возникает вопрос, возможно ли считать господствующим принципом заимствование городского законодательства коммуной бурга, замка, союзом деревенских общин?

В одной из ранних публикаций в такого авторитетного ученого как Дж. Фазоли¹⁴⁵ на частном примере коммунального законодательства Бассано было показано, что прямого заимствования статей статута крупного города в статуте локального центра проследить не удастся. Этот конкретный исследовательский вывод не противоречит тому, что взаимосвязь статута городской коммуны и статута подвластной ей «малой коммуны» в других случаях, четко прослеживается, поскольку влияние не сводится к простому подражанию.

Этот тезис интересно проверить на материале статутов Папских земель. В частности, в статутах Рима есть пункты, касающиеся замков округи, например, вмешательства сенатора в случае открытого восстания вассалов замков против сеньоров из числа римских нобилей,¹⁴⁶ есть также и перекличка статей города и провинциальных замков, касающихся сборов пошлин¹⁴⁷.

Специфике статутов Римской Провинции должно быть уделено особое внимание, в частности, необходимо отметить, что для данного региона мы должны рассматривать в качестве типичного именно статут зависимой общины. Также мы попробуем выяснить, можно ли отнести к типу статутов, сходных с коммунальным законодательством ряд правовых установлений, регламентировавших частную и общественную жизнь населения замков.

Рассмотрим примеры законодательств замков Викоvaro, Дженаццано, Каве, Рипи, Роккантика, Ровиано, Роккасекка, Сак-

¹⁴⁵ Fasoli G. Prefazione/ Statuti del Comune di Bassano del anno 1259. Venezia 1940, p. XII–XIII.

¹⁴⁶ Statuti della città di Roma, lib. I, rubr. 109, p. 71–72. Это ясно отмечено в исследованиях С. Кароччи сподробной цитатой источника. Carocci S. Baroni di Roma... p. 266–267, а также nota 78.

¹⁴⁷ Statuti della città di Roma, lib. II, rubr. 133, p. 160. см. также: Carocci S. Baroni di Roma... p. 264–265.

комура, Кафель Фьорентино, Аспра Сабина, отнесенные публикаторами к категории «statuta», хотя источники эти далеко не однотипны. Видимо, могут быть выделены и образцы законодательств локальных центров, которые могли приниматься за образцы, во всяком случае, этот вопрос должен быть поставлен.

Отмечу также, что термин статуты (statuta), употребляемый в тексте исследуемых документов самими их составителями, не имел какого-то специального юридического значения и не являлся названием определенного вида документа. Однако есть основания причислять правовые документы «малых общин» к образцам статутного права на основании общего критерия, сформулированного выше.

Выделим проблему статутов, которые являлись первыми письменно зафиксированными правовыми установлениями в данных общинах и поселениях. В этой категории наблюдаются различия: есть группа установлений (60–70-х г. XIII в.), которые можно считать наиболее ранними из дошедших до нас статутов этого региона вообще, как в городах, так и в аграрных центрах.

Есть также примеры установлений 70–90-х г. XIV в., которые, соответственно создавались в совсем иной политической ситуации: т.е., по окончании периода «Авиньонского пленения пап», и после принятия т.н. «Эгидиевых конституций» – проведения централизованных инициатив по унификации правовых норм, имевших распространение в землях Папской области¹⁴⁸.

Однако, если рассматривать статуты общин контадо единым блоком, то их объединяет как тип общее отличие от известных образцов статутов больших городов. Внешнее отличие заметно при самом белом знакомстве с примерами городских статутов и статутов контадо. Если для городских статутов региона характерно деление статей по книгам, как то: «оффиции», «гражданские дела», «уголовные дела», «экстраординарное», то замковые статуты оставались нерасчлененными на разделы (за редким исключением – как, например, статут замка Аспра Сабина 1397 г., дошедший до нас в позднейшей копии).

¹⁴⁸ *Costituzioni Egidiane del anno MCCCLVII / a cura di P. Sella. Roma. 1912.*

Отсутствие рубрикации, как и меньший объем статуты контадо, еще не свидетельствуют, что содержание их было принципиально отличным от содержания городских статуты по тематике. Обычно в статутах общин контадо фиксировались такие же статьи об убийстве и членовредительстве, краже, преднамеренный имущественный ущерб, статьи, регламентирующие общественный выпас, пользование источниками и водоемами, сроки и условия продаж сельскохозяйственных продуктов, осуществляемых жителями, а также повинности членов общины.

Сфера светского и сакрального не были четко разделены в статутном законодательстве ни в городе, ни в округе. Очень часто статутами предписывалось наказание за богохульство или просто божбу¹⁴⁹ (иногда тут же подробно приводились все возможные объекты применения нечестивой речи с расценками соответствующих штрафов)¹⁵⁰. Существовали некоторые правила поведения в церкви и возле нее¹⁵¹. Запрещалось также играть в азартные игры¹⁵². В одном из статуты мое внимание привлекло соседство двух статей: первая называет штраф в десять солидов за оскорбление личности (словом)¹⁵³, следующая за ней статья говорит о таком же штрафе за богохульство¹⁵⁴.

Важно отметить, что жизнь, честь и имущество жителей, как города, так и деревни, ограждалось именно статутным законодательством. Гарантировалась защита личного достоинства, не только для привилегированных, но и для простолюдинов, как мужчин, так и женщин; притом, что иногда имелись и специальные статьи для привилегированных групп.

¹⁴⁹ Ibid. P. 41 LXII:

¹⁵⁰ Ibid. 318 III (Кастель Фьорентино). Наиболее детальное изложения статьи такого типа содержится в более поздних и уже переведенных на народный язык статутах замка Аспра Сабина 1397 г.: Statuti II p. 386 I.

¹⁵¹ Например, запрет для женщин старше 12 лет подниматься на хоры, полагался штраф за шум во время мессы перед церковью замка Роккантика Statuti I.p. 67 XXV, XXVIII

¹⁵² Statuti I. P. 81 LXXII:

¹⁵³ Ibid. P. 115 VI.

¹⁵⁴ Ibid. P. 116 VI.

Важно отметить общий принцип: члены общины урегулировали спорные вопросы между собой, видимо в силу определенного договора. Если же кроме интересов членов общины имелись ярко выраженные сеньориальные интересы, то принципы договорности также оставались в силе.

Как правило, сеньор подписывал определенные обязательства перед замковой общиной, и произвол его был ограничен, шла ли речь о коллективной сеньории города или о правах конкретного нобилия. Например, в одном из статутів содержится такое любопытное условие: сородичи сеньора, прибывшие в замок со свитой, должны были размещаться в местной таверне и платить за постой как обычно чужеземцы и странники.

Рассмотрим порядок введения в действие статута на трех примерах в соответствии с тремя формами сеньориальной власти: нобильская фамилия, городская коммуна-сеньор, церковь. Статут замка Виковаро – самый ранний из имеющихся в нашем распоряжении – был составлен в 1273 г. по воле сеньоров Орсини. В прологе статута нотариий указал, что статут был одобрен не только господами, но и жителями замка, хотя, возможно, – это просто риторическая формула. Как всегда, в торжественных случаях, жители были собраны перед палаццо сеньора кличем глашатая и колокольным звоном. В качестве свидетелей на церемонии присутствовали такие почетные лица как местный епископ, владетель соседнего замка, видный горожанин ближайшего города Тиволи, а также судья и нотариий¹⁵⁵. Текст нового установления был зачитан вслух.

Вариант договора между городской и замковой коммуной о введении статута также предусматривает санкции за его нарушение, но односторонние: ответственность за выплату 25 лир в пользу города Витербо – коллективного сеньора Капель Фьорентино возлагается на главных должностных лиц коммуны замка, в т.ч. на собственного нотариия коммуны.

¹⁵⁵ Ibid. P. 5: «...apud palatium curie castri ... in presentia venerabilis viri domini Iacobi episcopi Tyburtini, Bonicomitis domini castri Canis mortui, domini Philippi de Cellis iudicis, ... mei Raynerii iudicis et notarii et testium subscriptorum ad hoc specialiter vocatorum et rogatorum...».

Первая редакция статута заверена именно нотарием замка Фьорентино, который, правда, был уроженцем или гражданином Витербо. Вторая редакция статута заверена другим нотарием из Витербо, имевшим римскую инвеституру (от префекта города)¹⁵⁶.

Можно было бы предположить такую логику обоснования притязаний сеньориальной стороны. В случаях, когда сеньор был частным лицом (некий магнат или нобильская консортерия), документ, излагавший основы взаимоотношений этого сеньора и жителей замка, казалось, должен был иметь сугубо частный характер. Если же сеньор, так или иначе, претендовал на исполнение публичных функций власти, то нотариальное оформление статута являлось уже естественным следствием выражения публичного.

Возможно это искусственное построение. Но в любом случае скрепа нотариа, обладавшего *fides publica* придавала юридическую силу и общественное доверие всему установленному между сеньором и жителями замка (как и любой сделке, оформленной в виде нотариального акта). Как мы отметили, статуты нобильских замков значительно отличаются от всех прочих статутов (как замковых, так и городских, как зависимых, так и независимых коммун).

Аналогично этому, когда сама коммуна становилась независимой и стремилась предстать носителем публичных прав, ее установления записывались нотарием коммуны в «официальной», «публичной» форме «*in publica forma*».

Рассмотрим еще несколько примеров. Замку Роккантика, находившемуся в непосредственном подчинении церкви, статутное право было даровано в 1326 г. Жители замка специально через своих посланцев обратились к иерарху Римской церкви, и уже в ответ на их прошение в замке был введен новый порядок (пока в виде эксперимента на шесть месяцев)¹⁵⁷. Статут, выработанный

¹⁵⁶ Statuti I, P. 333, 359.

¹⁵⁷ Ibid. P. 57.

на основе и с учетом всех прежних привилегий и свобод жителей¹⁵⁸, стал регулятором, который должен был позволить представителю Римской церкви (это был викарий, назначаемый ректором Сабины) осуществлять управление замком без конфликтов с населением¹⁵⁹.

В замке Кастель Фьорентино, который был подвластен городу Витербо, статутное законодательство вступило в действие в 1298 г. Несмотря на лакуны в тексте, установить, кто именно санкционировал и заключил договор о статуте, можно по упоминанию о восьмерых выборных членах коммуны Витербо и выделенных от Кастро Фьорентино так называемых «статутариях»¹⁶⁰. Текст статута был записан и заверен нотариально по распоряжению самих статутариев в одном из частных домов в замке¹⁶¹.

Таким конфликтным моментом должно было служить реформирование статутов. С тем же правом можно утверждать, что появление новой редакции статута косвенно указывает на возникновение и определенное разрешение конфликтной ситуации. При этом трудно точно установить, в чью пользу был решен конфликт, но очевидно, что назревшие вопросы должны были отражаться в новых статьях законодательства.

Проанализируем возможности пересмотра установлений и участия в реформировании самих жителей замка. Видимо, коммуны замков обладали не одинаковыми возможностями для про-

¹⁵⁸ Ibid. P. 57: «post diligentem examinationem privilegiorum... universitati prefate per sanctissimos Romanos pontificis indultorum».

¹⁵⁹ В данном случае посты ректора Сабины и патримония Св.Петра в Тусции совмещало одно и то же лицо, возможно уполномоченный ректора понадобился в той области, которую лично не мог посетить иерарх. Но в дальнейшем должность предполагалось сделать постоянной.:ibid. P.58 I.

¹⁶⁰ Ibid. P. 317: « nos... statutarii Castri Florentini... electi per consiliarios dicti castri», Ibid p.333: «de mandato et voluntate dictorum statutariorum», Ibid p.335; «ad honorem et fidelitatem...comune et consilium civitatis Viterbii et Octo de popoli eisdem civitatis et ... ad statum tranquillum Castri Florentini nos...statutarii comunis Florentini per consilium dicti castri electi...statuimus...»

¹⁶¹ Ibid. P. 332, 359.

явления инициативы при изменении статута. В договоре о статуте, заключенном между сеньорами Каве, с одной стороны, и жителями замка (как благородными, так и простолюдинами), с другой, провозглашается, что установления вводятся раз и навсегда с согласия сторон, но без возможности исправления в дальнейшем.

При умолчании статута господа вольны решать эти не предусмотренные случаи по своему разумению¹⁶². В Дженацано сеньоры замка и община простолюдинов также провозглашают, что положения статута должны оставаться неизменными¹⁶³. Итак, жители этих замков не должны были помышлять о внесении в законодательство более выгодных для них условий, так же, как и сеньоры. На практике, наверное, господа, так или иначе, могли ввести новые порядки в замке, хотя формально такой односторонней инициативы не предусматривалось.

В Саккомуро и Виковаро принимавшие статут стороны имели более реалистический подход к вопросу будущих изменений и предусмотрели такую возможность. В обоих этих статутах замков, которые принадлежали роду Орсини, было обозначено требование, чтобы сеньор проводил переговоры с представителями общины – массариями замка при каждом исправлении¹⁶⁴.

В тексте статута Саккомуро такие дополнения ясно видны¹⁶⁵. В статуте Роккантика говорится, что право интерпретировать его, исправлять, дополнять или уменьшать безраздельно

¹⁶² Ibid. p.18.

¹⁶³ Ibid. P. 133–134: «...tam dicti viri magnifici et domini per se suosque heredes et successores in perpetuum, quam dictus scindicus suo et predictae universitatis nomine... nunc et omni tempore inviolabiliter observare... sub pena mille marcarum argenti et sub obligatione omnium bonorum suorum per stipulationem legitimam promiserunt...».

¹⁶⁴ Ibid. P. 10 XXXIII: «quod statuta castri Vicovarii ... debeant observare, salvo quod si aliqua capitula essent corrigenda, minuenda vel addenda, corrigantur et fiant per dominos castri et per VIII aut VI bonus masarios ipsius castri». В статуте Саккомуро и господа, и представители общины, клялись не только за себя, но и за своих потомков, не нарушать статута. Statuti II p. 361.

¹⁶⁵ После скрепы нотариа и подписей свидетелей следуют дополнения, которые отдельно заверяются уже новым писцом. Ibid. p. 362–363.

принадлежит представителю Римской церкви, владевшей замком¹⁶⁶.

В заключительном пункте статута Рипи указано, что любое изменение установления, ущемляющее права Римской церкви, должно считаться недействительным¹⁶⁷. Однако такое отсутствие коммунальной инициативы не является особенностью коммуны замка. Сходные условия выдвинула, например, и коммуна Рима по отношению к коммуне города Тиволи (статут Тиволи был отредактирован по усмотрению коммуны Рима, и также в будущем все нововведения должны были апробироваться Римом¹⁶⁸).

По своему содержанию статуты нобильских замков (в особенности Саккомуро и Виковаро) близки к «*chartae libertatis*». Основу их составляет перечень персональных повинностей членов общины и привилегий отдельных лиц и групп населения. Отличие статутов лишь в том, что они полнее, разнообразнее по тематике статей, чем «*chartae libertatis*» (например, «*chartae libertatis*» монастыря Субьяко, дарованные замкам Субьяко, Рояте и Роккасека).

Видимо, в статутах были суммированы все ранее полученные привилегии и свободы общинников. Массарии замка Виковаро освобождались от обязанности принимать на постой сородичей хозяев замка, которыми были Орсини.)¹⁶⁹. Примечательно,

¹⁶⁶ Statuti I P. 110: «*salva et reservata dicto domino comiti et rectori potestate dictum statutum videndi examinandi interpretandi et corrigendi, addendi et minuendi quotiens et quando sibi videbitur et placebit pro honore sacrosancte Romane Ecclesie*».

¹⁶⁷ Ibid. P. 121 LXII: «*...si in predictis statutis... esset positum aliquod quod Romane Ecclesie ac eius iuribus et libertatibus aliquod preiudicium generaret... supradicta revocant et anulant et volunt haberi pro non posito, ... set libertates et iura Romane Ecclesie semper firma et illibata permaneant...*».

¹⁶⁸ Ibid. P. 267.

¹⁶⁹ Ibid p. 11 XXXX *...et lectos facere non teneantur nec occasione lectorum alicuius de familia vel alterius, aliquis pannus de domo massarii extrahatur vel auferatur, sed solum tabernarii et hospites teneantur eos hospitare et eisdem lectos facere recipiendo a curia quantum recipiunt ab aliis... p.19 III. Item quod dicti nobiles non teneantur facere lectum familiaribus domini dicti castri nec lectum pro eis et aliis quibuslibet ad curiam mictere. Set si aliquis*

что обычай предстает не в обилии символических репрезентаций, но в детальном указании материальных выражений и эквивалентов повинности. В Виковаро постой увязывался как взаимозаменяемая повинность с натуральными приношениями конопли, в определенных случаях постой домочадцев сеньора происходил за плату, причем, если не было уверенности, что сеньориальная сторона внесет деньги, то вассалы могли эквивалентным образом уменьшить приношения и исполнения служб.

Кроме того, важно отметить, что жители замка (и притом простолюдины) играли определенную активную роль в принятии статута. Так, в прологе к статуту Виковаро указано, что все статьи обсуждались жителями и сеньорами замка¹⁷⁰. Нотарий, записавший первый статут Ровиано, отметил обоюдное согласие и единодушное желание сеньора и официального представителя общины оформить статут¹⁷¹. Подобных моментов «*chartae libertatis*», как правило, не отражают.

Как в городе, так и в контадо правовые установления оформлялись нотариями. Об истории городского нотариата нам известно больше, чем о существовании нотариев в деревнях и замках. Но присутствие и участие нотариев в записи статутов было отражено в самих начальных и заключительных частях этих исторических источников.

В текст подписи нотариев, составлявших нотариальный акт, входило указание, что нотариий лично присутствовал (*interfui*) при заключении сделки. Точно так же и нотариий, оформлявший статут замка, обозначал, что лично присутствовал при договоре, из-

nobilis seu socii cum domino venerit quisque recipiat eum et faciat lectum, u test consuetum; et si contra fecerent solvant pro pena tres sollidos.

¹⁷⁰ *Ibid.* P. 5: «*congregata universitate...apud palatium curie castris ... in presentia venerabilis viri domini Iacobi episcopi Tyburtini, Bonicomitis domini castris Canis mortui, domini Philippi de Cellis iudicis, ... mei Raynerii iudicis et notarii et testium subscriptorum ad hoc specialiter vocatorum et rogatorum...subscripta ordinamenta statuta facta et ordinata... de comuni voluntate eorumdem dominorum... et hominum universitatis predictae...*»

¹⁷¹ Statuti II. P. 297.

ложенном им затем письменно, а также по чьему именно распоряжению он официально зафиксировал статуты¹⁷². Например, в прологе статута общины местечка Виковаро нотариий указал, что все пункты его были одобрены не только господами из рода Орсини. В качестве свидетелей на церемонии присутствовали такие почетные лица как местный епископ, владелец соседнего замка, видный горожанин ближайшего города Тиволи, а также судья и нотариий¹⁷³. Текст нового установления был зачитан вслух. Интересен такой аспект, как оформление многих статутов замка: они заверены нотариями (как бы в виде особого контракта). Яснее всего суть нотариально заверенного контракта с определенной залоговой суммой сделки проявляется в случаях договоренностей о статуте между нобилиями из родов Колонна и Орсини и жителями подвластных им замков Дженаццано и Виковаро. В статутах Дженаццано и Виковаро присутствуют формулы «sanctio» – наказания за невыполнение условий договора (штраф в тысячу лир в Виковаро и тысячу марок серебром в Дженаццано)¹⁷⁴.

В статуте Дженаццано, кроме указаний о штрафе, содержится обязательство сторон процедурного свойства – гарантия

¹⁷² Кононенко А. И., там же, с. 332, 333. В статуте Дженаццано, например, читаем: «...et ego udes atque publicus notarius uno cum Iacopo Gentis publico notario interfui» (Statuti. P. 134).

¹⁷³ Ibid P. 5: «...apud palatium curie castris ... in presentia venerabilis viri domini Iacobi episcopi Tyburtini, Bonicomitis domini castris Canis mortui, domini Philippi de Cellis iudicis, ... mei Raynerii iudicis et notarii et testium subscriptorum ad hoc specialiter vocatorum et rogatorum...».

¹⁷⁴ Statuti.I P. 11-12: «...ipsi homines ...iuraverunt statuta... observare et contra non facere... sub pena mille librarum proveniensium senatus nomine interesse inter eos extimati et declarati. et converso predicti domini... promiserunt eidem syndico et ipsis hominibus universitatis... omnia et singula statuta... observare et contra non facere sub eadem pena mille librarum proveniensium nomine eiusdem interesse aparte contra faciente parti observanti solvenda», 133-134: «...tam dicti viri magnifici et domini per se suosque heredes et successores in perpetuum, quam dictus scindicus suo et predicte universitatis nomine... nunc et omni tempore inviolabiliter observare... sub pena mille marcarum argenti et sub obligatione omnium bonorum suorum per stipulationem legitimam promiserunt...».

всем имуществом¹⁷⁵. В обоих статутах имеется также формула «renuntiatio» – отказ от произвольных толкований, в результате которых, как указано в статуте Дженаццано, контракт (contractus) может в чем-либо потерять свою силу¹⁷⁶. Присутствует также скрепа в виде обязательства сторон не нарушать соглашение, что подтверждается клятвой на Евангелии¹⁷⁷. Важно, что даже после выплаты залога за нарушение буквы статута правило статута не отменялось этой компенсацией, но оставалось в силе.

В статутах контадо можно отметить элементы, характерные именно для оформления нотариального акта. Открывается запись прологом с благочестивым воззванием invocatio, который может быть и кратким, и достаточно пространным. Далее следует хронологическая дата: указывался год от Рождества Христова, год понтификата, год индикциона, месяц и число.

Иногда пролог носит чисто риторический характер, иногда здесь излагаются и конкретные данные о принятии статута, и, что ценно для историка, приводится описание церемонии принесения принятия вассальных присяг или обоюдных клятв сеньоров и васалов.

В заключение всегда приводится локальная дата. В заключительной части также обычно указывались свидетели договора о статуте, иногда кратко повторялась хронологическая дата. В конце документа делалась скрепа нотариуса.

Среди статутов нобильских замков статуты Виковаро, Саккомуро, Дженаццано самые упрощенные по содержанию: здесь в основном перечисляются повинности и приношения, которыми обязаны владельцы земельных участков сеньору. Например, в статуте Виковаро, помимо статей такого рода, есть один пункт об

¹⁷⁵ Statuti. P. 133, 134: «Observare sub pena mille marcarum argenti sub obligatione onmium bonorum suorum.»

¹⁷⁶ Например, в статуте из замка Дженаццано текст таков: «Renuntiando exceptioni tam doli quam metus causa et in facto et omnibus aliis exceptionibus iurius et auxiliis per que quis contractus possit in aliquo minui vel infringi.»(Statuti.I , P. 134)

¹⁷⁷ См. напр. Ibid. P. 12, 134.

эталонах мер¹⁷⁸, другой, где говорится о компенсации за материальный ущерб¹⁷⁹, еще два – о заработной плате мастеровых¹⁸⁰ и о том, как за общественный счет выделяется жалование и продовольствие стражникам у ворот замка¹⁸¹.

Только последнее установление касается собственно общинной самоорганизации, другие же три целиком принадлежат области взаимоотношений с сеньориальной стороной: в статуте зафиксировано, что эталонная «верная» мера поступает от сеньориальной курии, говорится только о том случае компенсации за поправу, когда владельцы скота держали этот скот от сеньора замка, и о фиксированной плате лишь тем мастерам-ремесленникам, которые работали для нужд курии.

В статуте Саккомуро можно выделить всего одну статью, так сказать, «общественного характера», в которой указана роль массариев – членов общины при изменении статута¹⁸². В статуте Дженаццано, кроме условий персональных служб и повинностей каждого вассала, оговариваются права общины на земельное владение¹⁸³ (в том числе каштанники) в округе замка и привилегия общины иметь боевое знамя¹⁸⁴.

Тематика статута Каве несколько шире. Прежде всего, надо отметить, что он включает в себя и статут простолюдинов, и рыцарский статут, а не только установления для непривилегированных вассалов, как статуты Дженаццано, Виковаро, Саккомуро. В отличие от этих статутов уже первая редакция статута Каве со-

¹⁷⁸ Statuti I. P. 10 XXXVI.

¹⁷⁹ Ibid. P. 10 XXXV.

¹⁸⁰ Ibid. P. 8 XVII.

¹⁸¹ Ibid. P. 7 X: «Item quod duo massarii colligant granum per terram et denarios pro custodia predictae turris et arcis comunitatis, ut consuetum est et solvatur turreriis de bono grano et denariis, ut consuetum est, et non colligatur superfluum»

¹⁸² Statuti II. P. 378-379 LXXVIII-CXII, 361 XXV: «quod singulis sex annis Statutum et presens afflictum corrigatur et mutetur a massariis de Saccomoro volente Domino, scilicet quid sit de comune voluntate Domine et messariorum...»

¹⁸³ Statuti I. P. 132 XXVII.

¹⁸⁴ Ibid. P. 133 XXX.

держит подробную регламентацию прав завещателя и наследников (в статуте Дженаццано этому вопросу посвящается одна статья, в статутах Виковаро и Саккомуро – ни одной)¹⁸⁵.

Правила ведения торговли, обозначенные в первой редакции статута, как то: ввоз-вывоз продуктов, их складирование или транзит по территории замка¹⁸⁶, были закреплены и несколько конкретизированы во второй редакции, принятой десятилетие спустя – в 1307 г. Тогда же к статуту был прибавлен целый блок статей, предусматривающих наказания за убийства, нападения с применением оружия, драки и т. п.¹⁸⁷ Вводилась и специальная статья, карающая за богохульство¹⁸⁸.

В статуте Ровиано, как и в статуте Каве, присутствует «криминальная часть»¹⁸⁹. Зато практика наследования на основании письменного распоряжения завещателя, видимо, только вводилась: в статуте присутствует всего одна статья, фиксирующая возможность завещать добро не прямым родственникам, а любому лицу¹⁹⁰. В статуте Ровиано нет подразделения на установления для рыцарей и для простолюдинов замка, как в Каве, но, в отличие от статутов Виковаро, Дженаццано, Саккомуро, отдельные упоминания о свободах и привилегиях рыцарей имеются¹⁹¹.

¹⁸⁵ Ibid. P. 131 XXI-XXII.

¹⁸⁶ Ibid. P. 25 XXXVI-XXXVII.

¹⁸⁷ Ibid. P. 40 LVIII, P. 43 LXVIII, P. 41 LXIII, P. 42 LXIII.

¹⁸⁸ Ibid. P. 41 LXII: Эта статья любопытна тем, что наказание за столь тяжкое в глазах религиозного человека преступление как богохульство – предусмотрено лишь в виде денежной выплаты. Наказание, видимо, не усугубляется при повторении греха, во всяком случае, о неоднократно замеченных в подобных провинностях не говорится, хотя неисправимые сквернословы должны были существовать: («... quicumque ex hominibus dicti castri habens XIII annos maledixerit aut renegaverit Deum vel Mariam solvat pro pena V solidos vice qualibet; alios vero sanctos suos vel sanctas..., solvat curie pro pena tres sollidos»).

¹⁸⁹ Statuti II. P. 312-313 LI, LIII, LXV.

¹⁹⁰ Statuti II. P. 309 XXXIII: «Decedens testatus possit bona sua stabilia relinquere filiis et filiabus, seu nepotibus vel neptibus suis, habitantibus in dicto Castri».

¹⁹¹ Statuti II. P. 301-302 X.

Точно так же в статуте Рипи есть пункты, касающиеся местных нобилей¹⁹², хотя статьи, относящиеся к педитес, превалируют. Также как в статуте Ровиано, в статуте Рипи есть статьи, посвященные мерам пресечения различных преступлений, таких как членовредительство, драки или хотя бы только угроза применения оружия, поджог¹⁹³. Были предусмотрены также следующие статьи, поддерживающие общественный порядок: запрет выходить «без огня» из дома в ночное время¹⁹⁴, играть в азартные игры где-либо вне специально отведенного для этого места¹⁹⁵.

Можно предположить также, что подобные статьи (не встречающиеся в других статутах) явились следствием усложнения судебных полномочий сеньориальной курии, а это, в свою очередь, влекло за собой введение новых штрафов и других мер пресечения всевозможных проступков и преступлений. В то же время в статуте Рипи отсутствует комплекс статей, касающихся поземельных отношений, который мы отметили по статутам Вико-варо, Дженаццано, Каве, Саккомуро.

Таким образом, основу нобильских статутов составляли пункты, регулирующие взаимоотношения и интересы сеньора и коммуны. Так как права сеньориальной стороны по отношению к сообществу жителей варьировались от замка к замку, варьировался и характер статей статутов: они могли рассматривать с большим или меньшим вниманием поземельные отношения, торговлю, судебную сферу.

От проанализированных здесь статутов нобильских замков существенно отличается небольшая группа статутов, включающая: статут Рокка – феодального владения церкви; замка Капель Фьорентино, подчиненного городу Витербо; статут замка Аспра, первоначально бывшего церковным владением, затем пережившего период независимости и, в конце концов, признавшего власть нобильского рода. К примеру, в статуте Рокка всего несколько пунктов, фиксирующих права сеньора – Римской церкви – в отношении коммуны замка. Это назначение викария для

¹⁹² Statuti I. P. 119 XXXVII, 118 XXXVI.

¹⁹³ Ibid. P. 115 III, III, V.

¹⁹⁴ Ibid. P. 116 VIII.

¹⁹⁵ Ibid. P. 117 XVIII.

управления замком от имени Римской церкви¹⁹⁶, запрет избирать на другие административные должности лиц, негодных церковным властям¹⁹⁷ и приносить вассальные присяги или отчуждать имущество в пользу магнатов¹⁹⁸; кроме того, члены коммуны могли обращаться с апелляциями в епископальную курию Саббины¹⁹⁹.

Большая же часть статей посвящена таким аспектам как процедурные моменты, связанные с уголовными и гражданскими делами, отношения залога и поручительства. Кроме того, особое внимание уделено регламентации полномочий должностных лиц коммуны, отношениям с местной церковью (включая отчисления в ее пользу), а также оценки имущества и налогообложению членов коммуны²⁰⁰. Есть в статуте Рокка и две статьи, специально посвященные охране коммунального добра²⁰¹ и правилам использования его²⁰².

Даже такой вопрос как выплата посланникам и гонцам, в Рокка относился к внутренним организационным делам коммуны, а не к ведению сеньориальной курии, как это характерно для нобильских замков: все перечисленные поручения по статуту

¹⁹⁶ Ibid. P. 57.

¹⁹⁷ Ibid. P. 59 III: «...qui notarius non sit vassalus neque suppositus alicui Romano seu potenti persone...».

¹⁹⁸ Ibid. P. 80 LXVII: «...statuimus quod nulla persona de rocca audeat vel presumat facere aliquod vasalagium seu homagium alicui persone, nec permittat facere alicui persone potenti, nec Romano, universitati, loco vel alicui alio, qui non sit de iurisdictione roche, nec vendat vel alienet bona sua stabilia alicui potenti...».

¹⁹⁹ Ibid. P. 62 XIII.

²⁰⁰ Ibid. P. 93 CXVII; 95 CXXI.

²⁰¹ Ibid. P. 75 LI: «...statuimus quod vicarius defendat comunalia comunis rocche toto suo posse, et possit ducere in auditorium suum quot homines voluerit secum».

²⁰² Ibid. P. 66 XXIII: De bonis communis resingnandis: «Statuimus quod quicumque teneret de bonis comunis Roche silicet mobilibus quacumque ratione teneatur et debeat illum vel illas redere canere comunis infra tres dies postquam per cameram fuerint repetita vel bandita». Эти данные также интересно сравнить с муниципальными установлениями.

Рокка исполнялись в интересах самой коммуны и за общественный счет²⁰³.

Обе редакции статута Каstellь Фьорентино отражают те же сюжеты, что и статут Рокка: административно-фискальное устройство, меры по поддержанию чистоты и порядка в замке, вопросы церковно-приходской жизни, гражданские и уголовные дела, компенсация материального ущерба, взаимоотношения кредитора и должника, возможности залога и поручительства²⁰⁴. Обязательства коммуны Каstellь Фьорентино перед сеньором – коммуной Витербо обозначены кратко, статьи, касающиеся принципов взаимоотношений двух коммун, занимают незначительный объем²⁰⁵.

Статут Аспра Сабина, в основе своей сложившийся к концу XIV в., был затем дополнен и переведен на вольгаре в середине XVI в. В статуте этого замка совершенно отсутствуют какие-либо обязательства или вассальные присяги; соответственно, весь статут посвящен принципам коммунального устройства и правам и обязанностям членов коммуны (уже не по отношению к сеньору, а друг к другу и сообществу в целом)²⁰⁶. Например, если в статуте нобильского замка Виковаро говорится о возмещении за поправы, которое дают потерпевшим держатели скота, получившие стадо от сеньора, то в статутах Аспра (как в Рокка, и Фьорентино) – о взаимных расчетах членов коммуны в случае нанесения ущерба или других недоразумениях.

В остальном же статут Аспра представляет собой более полное раскрытие главных содержательных моментов статутов Рокка и Каstellь Фьорентино. Здесь окончательно кристаллизуются и оформляются в виде отдельных книг такие направления статутного законодательства как: «криминальная часть» (*delli malefici*), «гражданские дела» (*delle cause civili*), «о нанесении материального ущерба» (*de danni dati*) и «экстраординарное» (*libro del straordinario*).

²⁰³ Ibid. P. 66 XXII De salario ambaxiatorum.

²⁰⁴ Ibid. P. 330 LXXXV-LXXXVIII.

²⁰⁵ Ibid. P.317 II-III.

²⁰⁶ Statuti II. P. 106 XXVII.

Эта последняя книга включает: регламентацию административно-фискального устройства и регулировку других вопросов, важных для всех членов сообщества, например, подробное определение границ, в которых может производиться выпас скота всеми членами коммуны²⁰⁷, общественный контроль за мясниками-торговцами²⁰⁸, запрет производить какие-либо работы в воскресенье и праздничные дни²⁰⁹ (налог цеховой регламентации).

Таким образом, статуты нобильских замков при всем своем разнообразии отличаются от прочих замковых статутов тем, что регламентируют притязания сеньора и свободы жителей замка в первую очередь, и лишь дополняются (и то не в обязательном порядке) вопросами внутриобщинного устройства, не связанными с интересами сеньоров.

В статутах замков Рокка и Фьорентино (первый – владения Церкви, второй – городское владение) соотношение общинных и сеньориальных интересов обратное, хотя зависимый статут коммун обозначен здесь совершенно однозначно. Наконец, статут Аспра с наибольшей полнотой воплощает в себе принципы коммунальной жизни, подразумевающие такое сочетание прав и ответственности каждого члена коммуны, которое обеспечивало бы стабильность и благополучие этого целого – коммуны.

Что касается источников и специфики законодательства общин в контадо, то общее однозначное определение крайне трудно сформулировать. Статуты общин замков синтезировали в той или иной мере и местные обычаи, и некоторые элементы римской традиции права, и влияние сеньориальных установлений и привилегий. Кроме того, каждый статут отражал особенности административно-фискального режима управления конкретным замком. Рассмотрим некоторые примеры, иллюстрирующие эти характеристики.

Важно отметить вопрос о влиянии обычая на формирование статута. Естественно, сильнее всего это влияние ощущается при изучении статута замка. Содержание той или иной статьи часто

²⁰⁷ Ibid. P. 483 CLXVI.

²⁰⁸ Ibid. P. 479 CLXIII.

²⁰⁹ Ibid. P. 466 CXXXII.

дополняется ссылкой на то, что все вышесказанное осуществляется по обычаю (*ut consuetum est*), как, например, в случае сбора денег и зерна для стражи Виковаро или натуральных приношений господам одной из ста овец или свиней²¹⁰.

Вполне вероятно, что такие формулы правового документа отражали не реальное сохранение обычая, а попытку утвердить под видом обычая нечто важное для тех, по чьей инициативе вводились установления. Но, в любом случае, содержание статута обычно не исчерпывается обычаем. В статутах есть прямые указания, что к местному обычаю, также, как и к нормам общего права, обращались в случае отсутствия подобного прецедента в статуте. Можно привести примеры и для городского законодательства, и для замкового. Например, викарий замка Роккантика заверял, что будет осуществлять правосудие в случае умолчания статута согласно общему праву или обычаю²¹¹. Эта статья тесно перекликается с законодательством города Тиволи²¹².

Привлекает внимание термин «*accusatio*». Рассмотрим пример законодательства контадо, свидетельствующий о том, как было рекомендовано осуществлять принцип «обвинения». В статуте замка Капель Фьорентино, находившегося в городской округе Витербо, раскрыта следующая процедура «обвинения» «любой человек может публично выдвинуть обвинение против кого угодно, дав присягу и представив двух свидетелей хорошей репутации»²¹³.

²¹⁰ Statuti I. P. 7 X, 8 XVIII, 10 XXXI. Хотя, возможно, сеньоры просто использовали ссылку на обычай для обоснования новой нормы, для оправдания своих требований

²¹¹ Ibid. P. 58 II: «*et ubi statutum non loqueretur iura comunia observando del bonas consuetudines dicti castri*»

²¹² Ibid. p.163 XXVIII: «*Et sedialis communis Tyburis cognoscere possit de omnibus causis tam civilibus quam criminalibus, appellationis remedio reservato, et in ipsis causis procedat et iudicet secundum formam statuti ipsius civitatis seu consuetudinem, aliquin secundum iura civilia...*»

²¹³ Statuti I. P. 326 LVI: «*quicomque voluerit aliquam personam accusare... et accuset eam palam et iuret super accusa, et det duos testes bone fame.*»

Можно спорить о том, насколько сходно осуществлялся этот принцип в древнеримском и средневековом судопроизводстве²¹⁴. Логичнее, однако сравнивать указания статутов XIII в. и всего позднего средневековья с указаниями источников последней трети XI в., того времени, когда были составлены в общем виде четкие комментарии по поводу судопроизводства на основе разбора правовых норм лангобардов и франков (*Liber Legis Langobardorum* или *Papiensis*), в которых разбираются и гипотетические случаи обвинения. Здесь можно обнаружить отличия от практики, которую рисуют статуты²¹⁵. Но, без сомнения, в средневековых источниках речь идет о равном для всех социальных групп праве выступать обвинителем или свидетелем.

Принцип «*accusatio*» – обвинения – нередко противопоставляется принципу расследования или инквизиции, причем в современной историографии имеется тенденция сконструировать абстрактный процесс перехода от процедуры обвинения «*accusatio*» к “*inquisition*” инквизиции²¹⁶. Однако я могу привести пример (статут замка Рокантика от 1327 г.), когда в одной и той же главке записи статута, фигурируют оба термина и принципа²¹⁷. Я

²¹⁴ Бартошек пишет, что *accusatio* фиксируется «с последних десятилетий периода Республики: Бартошек М. Римское право. С. 308.». Смотри также: Ullmann W. *Jurisprudens in the middle ages. varior repr.* P. 4.

²¹⁵ MGH *Leges IV* (Weimar, 1868); см. также как эту тему разрабатывает: C.M. Radding, "Petre te appellat Martinus. Eleventh-Century Judicial Procedure As Seen through the Glosses of Walcausus," / *La Giustizia nell'Alto medioevo II (secoli IX–XI), //XLIVa Settimana di Studio sull'Alto Medioevo, Spoleto, 11–17 aprile 1996 (Spoleto, 1997): 827–61.* он же *Legal Theory and Practice in Eleventh-Century Italy //Law and history review 21.2 2003 p.377–382* электронный вариант:

(http://www.historycooperative.org/journals/lhr/21.2/comment_radding.html)

216

²¹⁷ Statuti I p.105 CXXXXIII «...et in hiisque singati non fuerint non posit procedi nisi per accusationem dapni passi, in aliis vero per inquisitionem procedi posit.»

склоняюсь к тому, чтобы считать это не примечательным исключением, но вполне обычным для статутных норм общин Папской области изучаемых веков.

Думается, что такая стадиальность – это чисто схоластическая черта описания, выработанная учеными. Не было единого процесса видоизменения принципов, связанных с судом, ни как тенденции в руководствах и комментариях средневековых правоведов итальянских земель, ни как реального исторического феномена. Существовала яркая палитра судебных практик, которая не может быть четко связана ни со страной, ни с регионом, ни с делением на сферу городского и деревенского уклада.

Воздействие рецепции римского права чувствуется в четко установленных отношениях должника, кредитора и поручителя при даче залога, особенно подробно приведенных в статуте Капель Фьорентино²¹⁸. О том же свидетельствует и распространенность письменной фиксации сделок и судебных процессов и других письменных документов, что следует из четкой фиксации статутами цен на их нотариальное оформление²¹⁹.

В замковых статутах, а также в статутах небольших коммун статьи такого характера по поводу сделок приводились в общем виде полностью, а в более развитых коммунах городов, предписания выделялись в особый документальный свод. Например, в статуты Витербо включено лишь упоминание о своде зарегистрированных дарений на суммы свыше 100 сольдо, сами свидетельства оформления дарений регистрировались по особым правилам судьями и нотариумами коммуны, которыми, видимо, составлялись и коммунальные статуты²²⁰.

Несходство с городскими статутами, развившимися на основе «*breve*», у последней группы совершенно очевидно. Сами статутарии указывают, что статуты имели целью зафиксировать

²¹⁸ Statuti I. P. 330, LXXXV-LXXXVIII.

²¹⁹ Например, в статуте Каве указываются расценки не только на составление всех видов документов, но и на копии: Statuti. P. 37 XXXXVIII.

²²⁰ II «*Liber quatuor clavium*» del comune di Viterbo... Roma, 1998.

повинности вассалов в отношении владельцев замков и отдельные их свободы и привилегии²²¹. В сущности, это документ того же плана, что и соглашение владельцев замка Дженаццано с местным нобильским объединением, то есть нотариально заверенное приведенное в «*publica forma*» соглашение двух сторон, хотя речь идет об обычных феодальных привилегиях и обязательствах.

Итак, статуты Рипи и Виковаро, Дженаццано, Ровиано и Каве – это нотариально оформленные договоры. Поэтому к ним нельзя применить ту характеристику, которую дает, например, Амброзини сеньориальным статутам (*statuti signorili*). По мнению Амброзини, сеньориальные статуты в отличие от городских, одобренных коммуной, даются в одностороннем порядке сеньором, вне зависимости от согласия тех, для кого этот статут предназначен²²².

Нельзя полностью идентифицировать наши документы и с «*charta libertatis*». Если «*charta libertatis*», как указывает Ляйхт, могут сохранять форму пожалования сеньора, хотя это была вынужденная уступка, которой добивались его люди, то в нашем случае очевидно стремление представить установление в качестве двустороннего соглашения (в соответствии с чем любая нарушившая договор сторона должна понести наказание).

Особенно важен тот факт, что жители – как объединение и через своих полномочных представителей – вступают в переговоры с сеньором и получают таким путем собственное законодательство. Рассмотренные статуты в большей мере, чем «*chartae libertatis*» (которые Ляйхт называет «юридическим признанием существования коммуны» со стороны сеньора)²²³, могут рассматриваться как юридическое оформление коммуны, хотя и находящейся в подчиненном положении.

Итак, в изучаемом комплексе статутов можно выделить примеры и вариации двух основных видов установлений. Установления Саккомуро, Виковаро, Каве, Дженаццано, Рипи, Ровиано

²²¹ Например, в статуте Виковаро: «*Super immunitate et libertate hominum... et servitia*» (*Statuti*. P. 5)

²²² Ambrosini G. *Diritto e societa* // *Storia d'Italia*. V.1. P. 346.

²²³ Leicht P. S. *Storia del diritto, le fonti*. Milano 1947. P. 153, 160; Самаркин В. В. О городских... С. 313

близки к «*charta libertatis*», от которых они, видимо, происходят. Следующий этап в развитии коммунального законодательства представляют статуты, связанные с «*breve*», «*juramentum*». Даже статуты, связанные с «*breve*», а, значит, и с определенным развитием коммунальной администрации, являлись не только уголовным и гражданским кодексом для жителей замка, за исполнением которого должны были следить коммунальные органы. Эти статуты призваны были зафиксировать различные формы подчинения сеньору – от прямых выплат до выгодных ему мер регламентации. Поэтому и статуты этой группы не могут быть отнесены к категории статутов, фиксирующим собственно правовые нормы²²⁴ или «*statuti autonomi*» в классификации Лайхта²²⁵. Статуты, связанные с «*breve*», также имеют признаки нотариально оформленного договора двух неравноправных сторон. Примером независимого статутного законодательства служит, из всех рассмотренных нами, лишь статут замка Аспра.

Однако, возвращаясь, к проблеме общего определения статутного законодательства, можно заключить, что особенности статутов общин города и округа, не препятствуют рассмотрению и тех, и других как вариантов единого явления.

Замковые установления, проанализированные здесь, функционально соответствуют «классическому» коммунальному статуту (города). Статуты фиксируют, во-первых, правовой режим управления замком (с большим или меньшим преобладанием сеньориального диктата при элементах самоуправления), во-вторых, юридический статус жителей: свободы членов замковой коммуны, гарантирующие каждому из них охрану жизни, чести, имущества.

Однако, приведенных выше фактов никак недостаточно, чтобы охарактеризовать статут как воплощение рецепции римского права. Видимо, лишь из-за неизбывного пиетета перед античным наследием, такие тенденции, как унификация отдельных

²²⁴ Fasoli G. Prefazione / Statuti del comune di Bassano del anno 1259 a cure di G. Fasoli. Venezia 1940. P. XII-XIII: В Бассано, названном в тексте статута «*castrum*» и «*Borgum*» нет ни одной из указанных форм подчинения частному сеньору или более сильной соседней коммуне

²²⁵ Leicht P. S. Storia del diritto... P. 120-153

видов правовых документов, их систематизация, а также попытки создания обобщающих трактатов по праву в средневековый период часто приписываются влиянию древнего Рима или даже называются историками рецепцией римского права. Было бы подменой понятий говорить об «унификации статутов», а не о возможности классификации статутов по некоторым чертам сходства, и, тем более, рассматривать создание комплексов статутов исключительно в контексте рецепции римского права. Даже провозглашенные «Эгидиевыми конституциями» нормы права не находят особенно яркого отражения в статутах провинциальных замков, находившихся в непосредственной близости от Рима.

Традиция собственного права, т.е. *ius proprium* или в средневековом правописании «*Jus proprium*», воплощенная в статутном законодательстве, однако, не перечеркивала определенных возможностей влияния римского права в статутном праве. Т.е. было бы ошибкой говорить о «подавлении» местного обычая при письменной фиксации права. Точно так же, нельзя делать вывод об отсутствии или слабости римской правовой традиции, на основании того факта, что успешно развивался «обычай места». Можно сказать, что обычай и закон не были врагами, ни в эпоху античности, ни в средневековье – и это важная отличительная черта традиции правового менталитета и практики, характерных для жителей романизированных регионов. Ведь римское право всегда было очень чутко к влиянию местного обычая, адаптируя, но, не подавляя его. При анализе проблемы континуитета древнеримской правовой и гражданской традиции мы должны большее внимание обращать на сходство и различие исторических феноменов не по букве, а по духу. Очевидно, что такое буквальное сравнение просто невозможно, коль скоро мы считаем «римским наследием» не только «Дигесты» или муниципальные институты определенного кратковременного периода, не хотим ограничивать богатство римской истории одним фрагментом, взятым в качестве идеального модуля и образца. С другой стороны, средневековый этап развития традиции письменного права на территории Италии, в любой ее условной области, идет ли речь о Тоскане, либо о Папской области, настолько велик и важен, что его

никак нельзя назвать незначительным дополнением к правовому своду римского времени.

Вопросы регламентации поборов и податей в русле исследования общины

Можно отметить две черты, не столько характеризующих историографическую ситуацию, осложняющих доступ к широкой исторической картине, мешающих сложиться в особый сюжет историографии различным, следующим каждое своим руслом исследованиям феномена регламентирования средневековой социальной жизни.

Во-первых, как и в общем вопросе историографии средневековой общины, основным мотивом является исследование особенностей регулирования городской жизни и развитой правовой системы городских общин. Когда речь идет о деревне и городской округе представление об общинной регламентации ограничивается вопросом о выпасе и общинных угодьях. Вторым важным моментом, является мозаичность составляющих сферы регламентации, которые вызывают фрагментарность посвященных им исследований. Читателю не только трудно суммировать такие разрозненные сведения, но и определить к каким работам и авторам следует обратиться за справкой. Например, трудно предположить, что сведения о существовании цеховых объединений в Римской провинции, а также, о регламентации ремесла табернария, как ни странно, можно найти в книге С. Кароччи под названием «Бароны Рима», причем в главе, посвящённой собственности на землю и формам землевладения. Даже специалисту, т.е., весьма подготовленному читателю, трудно представить, каким образом могут титуловаться и классифицироваться по библиотечным каталогам исследования, интерпретирующие аспекты средневековой правовой регламентации социально-экономической жизни²²⁶.

²²⁶ Proprieta e gestione delle terre / Baroni di Roma...p. 230–234. Хотелся отметить, что именно в отечественной историографии советского периода внимание в истории трудящихся масс феодального общества как единого целого, ближе всего позволило подойти к решению поставлен-

Область действия общинной регламентации в городской округе включала не только выпас скота, но и содержание домашних животных, заботу о чистоте водоемов и питьевых источников, соблюдение эталонов мер и весов и ограничение сроков работ сельскохозяйственного цикла. Важно отметить, что эти сферы в одинаковой мере касались и городской общины, и сельской. Ведь землевладение и скотоводство были важны и для горожан, и для жителей контадо, а поддержание в порядке и чистоте общественных источников и дорог было необходимо для контадо с его многочисленными замками, как и для города. Мне кажется, что о таких сходных регуляторах индивидуальной и коллективной активности, действовавших в локальных центрах юрисдикции, можно говорить, как о системе.

Наличие особой системы регламентации хозяйственной деятельности интересна, и сама по себе, как отражение уровня правотворчества и правосознания, бытовавшего вне элитарной культуры, а также и как организующий и стабилизирующий фактор социальной жизни, имевший важнейшие причины и последствия.

Типичными и наиболее известными, (но далеко не единственными!) были взаимосвязанные ограничения, которые касались выпаса скота и общественных угодий и источников. Так, например, согласно закону и обычаю замка Кастель Фьорентино,

ной задачи. Однако и библиографический поиск на русском языке требует обращения к работам самой разной тематики: Бортник Н.А. Экономика Витербо в первой половине XIII в. // Античная древность и средние века. Сб. 8. Свердловск. 1972; Бортник Н.А. Экономика и политический строй Тиволи в начале XIV в. // Античная древность и средние века. Сб. 12. Свердловск. 1975; Бортник Н.А. Политический строй Витербо в первой половине XIII в. // Античная древность и средние века. Сб. 12. Свердловск, 1973; Брагина Л. М. Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII–XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985-1986. Т. 1-3; Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII-XV вв. М., 1987.

если мелкий скот заходил на водопой к каналу или большому питьевому источнику, хозяин скота платил штраф в пять солидов²²⁷. В другой статье, также регламентирующей выпас, уточняется, о каком мелком скоте идет речь: «пусть никто не пасет свиней, овец, коз и другой мелкий скот на лугу или возле источника, как в прежние времена..., а нарушитель пусть платит каждый раз и за каждое животное по два денария, если всего животных менее двадцати, а свыше двадцати – по десяти денариев»²²⁸.

Необходимо отметить, что сельское хозяйство в округе Рима было товарным, ориентированным на продажу. И хотя можно сказать о регламентировании, пусть и не детальном, всей хозяйственной активности, важнейшей сферой ее приложения была торговля. Вызывалось это тем, что даже в таком экономически отсталом регионе Италии как Папская область существовал дефицит продуктов питания, в том числе хлеба и вина, и торговля ими была весьма выгодна.

Для городов римского региона особенно важным было обеспечить соблюдение правил регламентации торговли продуктами земледелия и животноводства. Так, например, два документа, составленные в Риме в виде официальных правовых документов коммуны, посвящены наказаниям, наложенным как на коммуну вассальную Риму (Корнето), так и частных лиц из числа нобилей римского района Трастевере за воспрещенный экспорт продовольствия из римского дистрикта.

Первый из них составлен в апреле 1308, в период сенаторства отпрысков семейств Аннибальди (Риккардо, сына Тебальдо) и Колонна (Джованни, из ветви владельцев Дженаццано). Сенаторы ратифицировали на Капитолии план военного похода на Корнето в наказание за пренебрежение интересами римского народа и сената²²⁹. Второй документ датирован августом 1309 и фиксирует осуждение группы нобилей, якобы составивших заго-

²²⁷ Statuti I, p. 358 CXXXIII «Item statuimus, quod nulla bestia minuta non ite nec bibite supra canalem fontis maioris in beveratorio Platimorti nec in beveratorio fontis maioris, ad penam V soll. pro qualibet vice.»

²²⁸ Ibid. p.329 LXXXI, p. 357-358 CXXXI.

²²⁹ La Margarita Cornetana... p. 288.

вор с целью лишить город необходимого запаса продуктов потребления (путем незаконного вывоза зерна и другого продовольствия из округа). Владения нобилей так же, как и вся коммуна Корнето, были преданы огню и мечу²³⁰.

Возьмем пример другого старинного города римской округи, Тиволи, подчиненного политической воле коммуны Рима. Важными пунктами статута Тиволи были статьи, запрещавшие вывоз зерна или муки с «территории», принадлежавшей коммуне, (если только не в Рим), а также соглашения с иноземцами по разведению скота или вывозу продуктов животноводства²³¹. Штрафы достигали десятка лир провизинами, причем предусматривалось выделение из общей суммы особой доли доносчику, что должно было усилить бдительность и взаимоконтроль горожан.

Каким же образом регулировался рынок основных продовольственных продуктов – зерна, мяса, вина в самой сельскохозяйственной округе, откуда они могли поступить в город? Рассмотрим некоторые примеры.

По свидетельству статута в местечке Капель Фьорентино сроки сбора винограда специально устанавливались народным собранием и советом (под страхом штрафа в 20 ливров воспрещалось снимать урожай до намеченной даты, видимо, чтобы никто не мог продать ранний сбор по высокой цене²³²). А в Роккантика устанавливались сезонные цены на вино²³³.

В статуте Каве присутствует регламентация актов купли-продажи зерна и скота. В обоих местечках существовали санкционированные общинами разноименные поборы: «pedagium», «plazza», «sallarium». Их составляли, либо процентные отчисления от суммы сделки (произведенной на территории под юрисдикцией замка), либо пошлины за вывоз с этой территории определенного количества товара. Например, по статуту Каве покупатели скота (иноземцы) увеличивали «plazza» в виде отчисления

²³⁰ Ibid. p. 289.

²³¹ Statuti. P. 326-237, CCLXXI-CCLXXV.

²³² Ibid. p. 350 LXXXIII.

²³³ Ibid. p. 85 XXXIII.

одного денария с двух солидов (т.е. как надбавку к цене скота)²³⁴. Согласно другой статье того же статута, пошлина в три денария полагалась за каждую меру (*salma*) зерна, каштанов и орехов, вывозимых из Каве на продажу²³⁵.

Кроме того, правила сбора пошлин, установленные в Каве, свидетельствуют, что замок мог использоваться как перевалочный складской пункт. В статуте предусматривался сбор «*plaza*» за складирование товара в стенах замка. За безостановочный провоз товаров по «территории» замка пошлина не взималась. Сами жители Каве могли скупать (для дальнейшей перепродажи) продукты – зерно, рыбу – и хранить их на территории Каве в течение двух дней также без уплаты пошлины²³⁶.

В договоре между сеньорами и нобилиями замка Дженаццано упоминается пошлина *pedagiūm* за вывоз продуктов земледелия с территории замка, но известно, что нобили освобождались от этой пошлины²³⁷. Согласно же статуту (простолюдинов) Дженаццано при продаже мяса пошлину (*salarium*) должен был уплатить покупатель (скупщик), а не продавец²³⁸. Т.е., как видим, здесь применялся тот же принцип надбавок к цене, что и в Каве.

²³⁴ Ibid. p. 22 XX.

²³⁵ Ibid. p. 22 XXI: «*Quod de omnia sauma cuiseumque bladi et castanearum et nucum que extrahetur extra Cavas et portabitur vel mictetur ad vindendum curia habeat tres denarios.*»

²³⁶ Ibid. p. 25 XXXVII: «*Item, quod si aliquis ex dictis hominibus emerit frumentum seu quodcunque aliud bladum a forensibus et portaverit illud et posuerit in tenimento dicti castris, extra dictum castrum, et ibi non tenuerit illud nisi per III-or dies, liceat ei illud extrahere et portare quo voluerit sine solutione alicuius plaze.*» Ibid. p. 26 XXXVIII: «*Quod si aliquis ex dictis hominibus portaverit aliunde bladum pisces et alias quascumque res ad locum alium deferendas, si nullam pausam in castro fecerit, non teneatur ad solutionem alicuius plaze.*»

²³⁷ Ibid. p. 368 VIII: «*Item, quod possint mercimonia facere cum militibus et ecclesiis et extrahere de terra libere sine pedagio sicut fructus dictarum terrarum; exceptio quod quando esset generalis inhibitio de extrahendis fructibus, fiet cum licentia dominorum pro extrahendis ipsis.*»

²³⁸ Ibid. p. 130 XIII: «*...et si venderint ipsas macellaro et maclarius, curia debeat habere salarium suum ab emptore.*»

Естественно, продажа продуктов за пределы округа замка регулировалась строже всего. В договоре между нобилиями Дже-наццано и сеньорами Колонна указано «генеральное запрещение» (*inhibitio generalis*) вывоза продуктов земледелия (для нобилей оговаривались льготы)²³⁹.

В статуте Рипи устанавливался срок (по истечении мая), когда простолюдины могли вывозить из замка зерно с разрешения курии²⁴⁰. В Виковаро вообще, никто (кроме массариев) не имел права продавать зерно и вино, прежде чем распродает свои запасы господская курия²⁴¹. Жители Кастель Фьорентино по статуту обязывались вывозить зерно только для продажи в Витербо – город, контролировавший замок Фьорентино²⁴². В том же статуте Кастель Фьорентино был предусмотрен штраф для скупщиков скота, перепродававших этот товар не местным жителям, а «*alibi*», т.е. за пределы замка²⁴³. Штрафом в сто солидов наказывались лица, создавшие объединение с чужеземцами для того, чтобы поставлять скот из округа (*districtum*) замка Фьорентино или из округа Витербо в другие местности²⁴⁴.

В отличие от торговли съестными припасами и продуктами сельского хозяйства, торговля ремесленными изделиями в статутах замков не являлась предметом подробной регламентации. Однако, ремесленники в замках имелись. Например, мясники (*macellarii*) и пекари (*fornarii*), считавшиеся ремесленниками согласно средневековым постановлениям, часто упоминаются в

²³⁹ 42. *Ibid.* p. 368 VIII.

²⁴⁰ *Ibid.* p. 117.

²⁴¹ *Ibid.* p. 9 XXII: «*Item, si curia haberet aliquid vendere de rebus suis videlicet de blado vel vino, nullus de terra interim vendere debeat quousque curia vendiderit bladum vel vinum suum excepto quod si massarii vendere voluerint de suo musto ad vascam, libere vendant quibus voluerint.*»

²⁴² *Ibid.* p. 321 XXVI.

²⁴³ *Ibid.* p. 357 CXXVII.

²⁴⁴ *Ibid.* P. 355-356 CXXI: «*Quod nullus de Florentino debeat associare, cum pretio vel sine, aliquem foresem qui duceret vel extraheret bestias grossas seu minutas de districtu Florentini seu Viterbi sine Speciali licentia et mandato syndici et consiliariorum dicti castri ad penam C soll ...*».

изучаемых статутах²⁴⁵. В двух замковых статутах есть свидетельства того, что развивались и другие специальности. По статуту Виковаро можно судить, что в замке существовали каменщики, плотники, кузнецы. Однако работали они не на продажу, а на заказ курии (во всяком случае, такое положение зафиксировано письменно)²⁴⁶. В Каве, несомненно, ремесло было достаточно развито, т.к. возникла необходимость в специальном контроле и регулировании (*moderare et assectare*) всего, что продавалось ремесленниками замка²⁴⁷. Некоторые сведения о ремесленниках контадо («*Manovali*», «*salariati*») и регламентации их деятельности содержатся в труде Кортонези²⁴⁸. Кароччи упоминает цеховые организации различных профессий, но при этом дает ссылку лишь на единственную рубрику статута Виковаро, приведенную выше²⁴⁹.

Но цеховой организации ремесла в статутах замков обычно не отмечается, вопрос о цехах остро стоял только в городках и городах Римской Провинции. Так, например, в Тиволи упоминаются по статуту 1305 цеховые объединения, каждое из которых избирало своих глав²⁵⁰, причем в той же редакции статута есть упреждающий пункт о признании незаконными неких самовольных объединений ремесленников и мастеров – каменщиков-строителей, плотников, кузнецов, торговцев, рыбаков и мясников²⁵¹. Такая дискриминация проводилась властями коммуны, видимо, для того, чтобы поддерживать устоявшиеся цены на продукцию и не допускать создания новых сообществ и корпораций, которые

²⁴⁵ Ibid p. 186 XXXX. p.85 XXXIII. p.188 C. p. 130 XIII.

²⁴⁶ Ibid p. 8 XVII: “si curia vellet hedificare... habeat muratores et magistros lignaminum...magistri tam ferrarii quam caldararii, quam etiam ceteri magistri cuisque artis...”

²⁴⁷ Ibid p. 25; p. 48-49 CVII: «Quod ponantur quatuor homines ... qui quatuor homines possint moderare et assectare omnes res ...que venduntur ... per artifices dicti castri.»

²⁴⁸ Cortonesi A. *Terre e signiri*...195-196.

²⁴⁹ Baroni di Roma...231. Из контекста не следует, что составитель хотел подчеркнуть существование цеховой структуры в замке, говорить о собственно о мастерах определенной специализации, artis.

²⁵⁰ Statuti. P. 196. CXXVI.

²⁵¹ ibid. P.188. C.

могли бы приобрести административную роль, а вслед за тем, может быть, и политическую, тем самым, изменив существовавшую систему.

Фиксация всех моментов, связанных с податным бременем и ответственностью за его несение (не только личной ответственностью плательщика налога, но и коллективной, и должностной), настолько развита в делопроизводстве средневековых итальянских институтов, настолько естественна и типична для собственного законодательства общины и коммуны, что первоначально у меня не было плана выделить данный сюжет в виде самостоятельного объекта исследования.

Но что может быть более забавным предметом для размышления и сравнения с современной нам российской действительностью при одновременной неясности, сложности и бездейственности нашего налогового законодательства, чем опыт налогоплательщиков прошлого, живших, заметим, в отсутствие централизованного государства с его развитыми системами контроля и карательным аппаратом?

Первый вопрос, который должен быть задан: являлась ли четкая письменная формулировка обязанностей податного населения и соблюдение всех письменных формальностей благом или же была злом для плательщика подати? Для человека средневековья очевидным ответом было: «благо». Ограничение гнета осуществимо через письменную фиксацию повинности, которую затем считают нормой. (В дальнейшем норма, возможно, не останется неоспоримой и не подлежащей ужесточению.)

При этом основным принципом податного обложения в средневековье было утверждение «сильный несет (бремя) слабого», в порядке выполнения которого составлялись объективные оценки-описи имущества. В городской коммуне никто из полноправных граждан не освобождался от уплаты налога; на примере коммуны Тиволи мы можем видеть, как специально оговаривалось, что должностные лица разного ранга – консилиариисоветники и ректор не должны уклоняться от повинности²⁵².

В законодательство Витербо была вписана статья о том, что никто из жителей города, несмотря на любые предоставленные

²⁵² Statuti I. p. 167. XXXVIII.

привилегии, не может быть освобожден от поборов на общественные нужды, которые представляли собой заботу о боеспособности коммуны – покупку коней²⁵³. С другой стороны, человек, не проживающий в городе, но исполняющий конную военную службу в пользу городской коммуны (Витербо) мог быть освобожден от всех поборов, причитающихся с недвижимости жителей окрестных замков и причастен ко всем правам и обязанностям горожан-плательщиков налогов, что, видимо, сулило льготы²⁵⁴.

Если рассмотреть особенности податного обложения замков, как основных административно-фискальных центров контадо, мы увидим, что для обозначения поборов употребляются термины, которые встречаются в документации городских коммун: *datium* (*data*) и *collecta*.

Например, в установлениях подвластного Витербо Каstell Фьорентино оба термина употребляются вместе (возможно, даже как синонимы) в таком контексте: синдик обязан регистрировать все выплаты дат и коллект, которые превышали 20 солидов²⁵⁵. Из этого можно предположить, что подробности раскладки коллекты, видимо, перенесены из статуты в специальную документацию. Но основной принцип сбора подати в статуте оговаривался: сбор *datum* производится при сумме свыше 60 солидов «*per libram*»²⁵⁶. Видимо, 60 солидов были суммой дохода или стоимости имущества, с которой начинались процентные отчисления, а не самого побора, который требовалось уплатить, так как выплаты «*per libram*» представляли собой пропорциональный, а не фиксированный налог.

Под термином «*per libram*», как указывает Пини, следует понимать оценку доходов населения с движимости и недвижимости или же стоимости недвижимости (дома, мастерской, земли и т.п.)²⁵⁷.

²⁵³ Statuti II. P. 176. LXXXVII.

²⁵⁴ Statuti II. P. 174. LXXXVII.

²⁵⁵ Ibid. P. 327. LVIII.

²⁵⁶ Ibid. P. 324 XXXXV.

²⁵⁷ Pini A. I. *Citta, comuni e corporazioni...* P. 184.

В случае Каstellь Фьорентино также прямо не указано, что «даты» собираются в пользу Витербо, но говорится, что подеста и нотариус должны выплатить 40 солидов штрафа коммуне Витербо, если не заставят людей замка уплатить положенное. Следовательно, коммуна Витербо была заинтересована в этом поборе²⁵⁸.

Относительно общины Аспра Сабина сохранилось упоминание о том, что в замке был составлен кадастр (т.е. опись, согласно которой производилась оценка имущества и раскладка налога). По крайней мере, две статьи статута упоминают о кадастре: пункт о порядке исправлении ошибки, допущенной при составлении кадастра, а также о продаже добра, описанного в кадастре коммуны²⁵⁹. В нашем распоряжении нет точных данных о том, что все подати здесь вносились исключительно в пользу коммуны.

Можно предположить, что в период составления статута 1379 поборы производила сама коммуна и на общественные нужды, т.к. известно, что к этому моменту Аспра имела определенную автономию²⁶⁰. Из статьи «о выплате жалования официалам» мы узнаем, что средства на жалования подеста и нотариусу коммуны, а также медику, избранному коммуной, на поддержание в порядке источников и заботу о местной церкви и выплату ценза Св.Петра собирались поочажно, а прочие поборы «composci(a)e» и «dativ(a)e» либо поочажно, либо per libra²⁶¹, т.е. подоходно.

В Виковаро экстраординарные поборы фигурируют лишь в виде традиционной феодальной «помощи» на приданое дочерям или сестрам владельца замка, на приобретение им новой собственности²⁶². Зачаток налогообложения ради общественных нужд – охраны замка – можно видеть в натуральном и денежном

²⁵⁸ Statuti I. P. 343 XXXXVIII «...et potestas et notarius teneantur compellere homines ad dictum datum... si erint negligentes... solvant comuni Viterbii XL sol.».

²⁵⁹ Statuti II. P.475 CLVIII: «Del errore del catasto da correggersi»; P. 475-476 CLX: «De chi compra et vende li beni accatastati nel catasto del commune».

²⁶⁰ Fontana P. Lo statuto di Aspra Sabina. Statuti II. P.371.

²⁶¹ Statuti II. P.382 CLXI: «De non far vassalagio ad alieno».

²⁶² Statuti I. P.8 XIII.

жаловании, которое жители сообща выплачивали стражникам²⁶³. Правда, в статуте есть лишь указание о том, что производился этот сбор в соответствии с обычаем, но размеры его строго не оговорены. В соответствии со статутом 1273 ни ценз (*denarios censuales*), ни коллекта (*collecta*) в денежном виде не взимались и не должны были взиматься в будущем²⁶⁴. Также нет о них упоминания и в статуте соседнего Виковаро замка Саккомуро. В Дженаццано же по статуту 1379 предусматривался денежный ценз (*assisa seu census*), выплачиваемый в соответствии с размерами и составом недвижимости, которой владел житель замка²⁶⁵ (хотя существовал отмеченный выше натуральный побор в размере 1/4 урожая). Для замка Каве можно констатировать регулярные (ежегодно в день Успения Пресвятой Богородицы) выплаты денежной подати (*datum*)²⁶⁶. Именно денежная форма подати не была оговорена, однако это можно установить по 15-дневному сроку после оглашения, в течение которого статутом разрешалось совершить льготную продажу (без обычной пошлины «*platea*» для выручки средств на уплату *datum*)²⁶⁷. Статут Роккантика подробнее всех описывает процедуру налогообложения и составления кадастра. Включая санкции против неплательщиков, выплатам отведено пять статей, составляющих компактную группу²⁶⁸. Из них следует, что учету подвергалась вся недвижимость, расположенная вне стен самого замка. С этой недвижимостью, записанной в кадастр, должна была выплачиваться подать «*dativa seu composcita*»²⁶⁹. Причем «*dativa*» с каждого владения выплачивалась только в одни руки.

²⁶³ Ibid II. P.7 X.

²⁶⁴ Ibid. P.9 XX-XXI: «*homines non teneantur solvere denarios debitaes seu censuales de feudes ... non exigant ...collectam*». Статут Саккомуро см. Statuti II. P.357-363.

²⁶⁵ Statuti I. P.128 VIII.

²⁶⁶ Ibid. P.22 XVII-XVIII.

²⁶⁷ Ibid: «*Quod liceat eis libere denariatas suas sine platea vendere pro solutione ipsius datii*».

²⁶⁸ Statuti I. P. 93 CXVII – 95 CXXI.

²⁶⁹ Ibid. P. 93 CXVII: «*...quod fiat libra et allibrentur omnia bona stabilia homium castri... extra porta castri tantum ubique posita...*»; «*si alibi siverent pro dictas bonis non teneantur solvere in castro Rocces*».

Житель Роккантика мог быть обязан *dativa* со своей земли, хотя и находящейся на территории замка, не перед сборщиками из Рокка, но в пользу кого-то другого «*alibi*». Тогда в Рокка эта недвижимость не учитывалась и не облагалась налогом. С другой стороны, если обрабатывающий записанную в кадастр землю (*terra allibrata*) не находился в юрисдикции Рокка, податью обязывался его родич – житель, подчиненный этой юрисдикции, и выплаты опять-таки производились только один раз в замке (*in castro*)²⁷⁰. *Compositio* вплоть до суммы 7 ливров собиралась почажно, а свыше того – «*per libram*»²⁷¹. Но кому шли эти подати? Самому сборщику – коммуне замка или Римской церкви, владевшей замком? Это в тексте не указано.

По косвенным данным можно судить, что в Рокка вряд ли сложилась собственно коммунальная финансовая система. Ведь как сказано в прологе к статуту Рокка, общность жителей замка только-только конституировалась в коммуну со своим статутным законодательством, причем во многом по инициативе сеньора – ректора Сабины²⁷².

В статуте Рипи 1331 говорится о сборе коллекты, а также предусмотрен срок (видимо, определенный период после оглашения повинности), по истечении которого к неплательщику применяются меры наказания и обеспечения выплаты²⁷³. Но о размерах и характере сбора ничего не сказано, нет достаточного объема контекста, чтобы восстановить детали.

Более интересны свидетельства замковых статутів Ровиано. По статуту Ровиано, кроме уступки части урожая сеньору замка, а также традиционной феодальной «помощи» ему (на устройство брака родственниц, покупку новых земель, военные расходы)²⁷⁴ жители Верхнего и нижнего Ровиано обязывались еще и податью

²⁷⁰ Ibid. P. 94 CXX: «...si quis laboraret ipsas terras alibratas... qui non esset de iurisodictioni dicti comunis...propinquier, consanguineus eius vel affinis de dicto castro... compelli possit».

²⁷¹ Ibid. P. 94 CXVIII.

²⁷² Ibid. P. 57 «quamvis non consueverint statutis vel scriptis legibus gubernari».

²⁷³ Ibid. P. 119 XXXX.

²⁷⁴ Statuti II. P. 306 XXVII-XXVIII.

«data» в 9 лир провизинами сената в пользу коммуны Рима²⁷⁵. Подать жители уплачивали «в соответствии с размерами и качеством своих замков» (так, например, указывалась доля общей выплаты), которая причиталась с населения Верхнего Ровиано: в целом она составляла 20 солидов²⁷⁶, но как именно должна была происходить раскладка налога, не говорится. К уплате «data» эпизодически привлекались и рыцари (*milites*)²⁷⁷. Кроме того, возможен был и такой вариант, когда сеньор ходатайствовал за людей Ровиано и Ровианелло перед Римским сенатом или же сам возмещал сумму побора за людей Верхнего Ровиано²⁷⁸. Продолжим этот ряд рассмотрением системы сборов, организованной коллективным сеньором, причем не светским, а церковным. В нашем распоряжении имеется интересная информация о реформировании и нововведении. Как свидетельствует документ от 1270, в замках Рояте и Роккасека (по воле сеньора – монастыря Субьяко и его аббата) был изменен порядок обложения: вместо «*data maioris*», вносившейся раз в три года, вводился ценз или ассиза в 5 лир провизинами сената и три денария²⁷⁹. Побор производился ежегодно к празднику Успения Пресвятой Богородицы выборными лицами из числа жителей, раскладка налога между очагами также производилась ими самостоятельно²⁸⁰. При этом монастырь сохранял право на взимания традиционных служб (*servitia*) и «помощи» от жителей замка, подобно сеньорам Орсини, владевшим замками Виковаро и Саккомуро. Отметим также, что,

²⁷⁵ Ibid. P. 301 X «*Quod quilibet faciat et facere debeant omnia servitia iniungenda per Cameram Urbis, et solvere datam VIII librarum*».

²⁷⁶ Ibid. P. 302. X.

²⁷⁷ Ibid. . P. 301. X : «...salvo tamen quod si milites Arsularum et Rivifrigidi solvent in ipsa data, quod ipsi dominus coget milites de Rubiano et Rubianello solvere partem que ipsos milites tanget...».

²⁷⁸ Ibid. «...inter eos dividetur secundum qualitatem et quantitatem ipsorum castrorum, si domini non poterint ipsos reddere excusatus apud Senatum, ita quod remittatur eis...»; «quod domini... solvent de Camera sua XX sol. provisinatorum, partem homines de Rubiano Superiori contingentem...».

²⁷⁹ Statuti II. P. 23-24.

²⁸⁰ Ibid. P. 25.

судя по «chartae» замков Субьяко, Рояте и Роккасека, единственными уполномоченными административными лицами в этих замках были именно те, кто отвечал за сбор податей. Причем часть сборщиков исполняла эту обязанность не как должность в собственном смысле слова, а как кратковременное, однократное поручение жителей замка, а другая часть была ответственна перед сеньором за сбор подати по должности²⁸¹. Можно констатировать, что подати с населения взимались в денежной форме, а организация налогообложения даже в деревне, в замковых центрах могла иметь развитые технические формы, подобные тем, какие использовались городскими коммунами (включая составление кадастров, исчисление налогов *per libram* и т.п.). Основным отличием контадо была более пестрая картина привилегий и исключений, которые иногда касались лишь единственного лица или семейства, а иногда элитной группы общины.

Судя по тому, как тщательно указываются эти исключения, вхождение в формально указанную правовым документом группу, было единственным способом снять податное бремя: во всех остальных случаях, поборы и налоги, действительно, платили!

В любом случае, и в городе, и в округе, все поборы и подати регламентировались письменным образом во избежание произвола. Принимались меры к тому, чтобы подати не взимались дважды с одной и той же недвижимости.

Принципы налогообложения, отмеченные в источниках, безусловно, свидетельствуют о развитых формах корпоративного сознания и самоорганизации социума. Проступающая по документальным правовым свидетельствам эпохи, эта система не выглядит схематичной и безжизненной. Она также не была чужеродным по отношению к общине установлением, что подтверждает практика функционирования в качестве сборщиков временных уполномоченных из числа общинников. Предусмотренные статутами наказания возможных злоупотреблений, как и уклонений от внесения податей, позволяют понять, что сбои в системе были, а указанные пункты вносились уже как реакция на совершенные проступки. О том же свидетельствуют и расписки-

²⁸¹ Ibid. P. 15-16.

квитанции, подтверждающие внесение штрафов за провинности коммуны в целом, отложивших выполнение платежей. Но, тем не менее, система работала, совершенствовалась и видоизменялась. Поправки, дополнения и местные особенности показывают, как основы данной регламентации вырабатывались в практике отдельных общин.

Но дает ли все это конкретное многообразие сведений ключ к трактовке истории коммуны? Продолжая уже многовековой сбор подобного материала, даже используя многочисленные данные относительно одной общины как материал для сравнения с рядом других общин или коммун, получим ли мы искомую линию описания и понимания истории общины?

История общины как история «должностей».

Институты, официалы представительство и община

Возможно, стоит пойти другим путем, используя те же источники: статуты, хартии, регламентации. Мы можем вычленить информацию о должностных лицах коммуны/общины и их функциях. Не даст ли нам это больший материал для сравнения и большую стройность в описании, чем красочные, но разрозненные сведения о различных аспектах коммунальной регламентации?

Тезис о многообразии структуры и путей развития средневековых коммун, о различии проявлений особого характера объединений – это признанный в историографии постулат. Он может иллюстрироваться и попытками писать историю общины (коммуны) как историю ее должностей, назначенцев и их ролей в истории коммуны и ее самоуправления. От выбора исследователя зависит, когда и в какой мере можно следовать данной стратегии изучения сложного исторического феномена коммуны. Однако при всем разнообразии частных случаев, всегда может быть указана определенная тенденция или подмечен ряд типичных параметров. Поэтому существуют попытки описания общей истории итальянских коммун как этапов смены институтов, создания новых постов должностных лиц коммуны, лидирующих постов и корневых функций этих должностных лиц (официалов).

Обратимся в начале к основным положениям историографии вопроса, чтобы продемонстрировать два примера (совершенно различных, но одинаково удачно реализованных) стратегий. Есть проверенные временем классические работы, которые позволяют осмыслить специфику истории Рима как средневековой коммуны в ее взаимодействии с папской сеньорией²⁸².

С другой стороны, нельзя не признать успешным исследование динамики развития института подеста, которое дает ключ к пониманию характера коммуны и взаимосвязи элит различных городов-коммун. Первая половина XIII в. в истории развития итальянских общин определяется режимом правления подеста. В этом качестве обычно выступали приглашенные из других городов и земель благородные рыцари, располагавшие собственной военной силой. На рубеже XIII-XIV вв. начинается новый период в развитии коммун, когда одним из важнейших должностей в коммуне становится должность капитана – главы городского ополчения.

Каждая отдельно взятая средневековая община – (*civitas*, *universitas*) может быть рассмотрена по неким общим критериям и меркам, как то: система самоуправления и общественные должности, особенности состава городской элиты, и соответствующее интересам этой элиты представительство. Некую важную историческую информацию, детализированные характеристики, в т.ч., особенности процедуры вступления в должность, возможности рекрутирования высших магистратов из представителей других общин, и т.п. фиксируют статуты.

Известно, что даже в период, когда формально итальянские территории считались частью Германской Империи, оказывалось невозможным воспрепятствовать самоуправлению общин городов Италии. Итальянские коммуны стремились формировать собственные вооруженные силы, вести военные действия и заключать перемирия по собственному усмотрению. Но, самое главное, что может показать факт организации коммуны – это система

²⁸² Dupre-Teseider E. *Roma dal comune del popolo alla signoria pontificia*. Bologna, 1952. Brentano R. *Rome before Avignon. A social history of Thirteenth Century Rome*; W. Y. 1974. Carocci S. *Baroni di Roma*. Roma, 1993.

коммунального представительства и выборных должностных лиц, ответственных перед избравшим их народом.

В отсутствии сильной центральной власти необходима была самоорганизация, которая охватывала комплекс светских и сакральных основ²⁸³. В дальнейшем история средневековой цивитас во многом определялась не только необходимостью поддержания в порядке окрестных дорог, выпасов, достояния общины, не только организации самообороны, но и важной функции представительства общины. Не менее важной была задача организации вооруженных сил городской общины, в случае, если сеньориальная сторона более не отвечала за защиту местного населения от внешних врагов.

Отметим, первоначально наиболее распространенными названиями должностных лиц, обозначенными в исторических источниках, в частности в статутах, были консулы, причем эта должность фигурирует и в истории городских, и сельских общин, и коммун. Термин вызывает античные ассоциации, но это еще не доказательство того, что представительство коммун средневековья принимало «антикизирующие» формы.

Нисколько не отрицая важность изучения преемственности средневекового города по отношению к античному городу-государству, в данном случае, можно предложить другую исследовательскую перспективу. Гораздо важнее определить конкретное наполнение тех сохранившихся исторические названия институтов и должностных лиц общины, которые упоминаются в средневековых документах периода XII–XIV в., т.е., времени максимального развития и структур сеньории, и структур коммуны.

Именно высший пост военачальника и другие важнейшие полномочия коммуна обычно доверяла гражданам других городов-коммун. Складывались целые династии таких «профессиональных» глав коммун, приглашаемых на короткие сроки крупнейшими городами средневековой Италии. Пример Рима, не пра-

²⁸³ Patron B. Una citta faticosa: Dominican preaching and the defence of the Republic in Late Medieval Siena / City and Countryside in Late Medieval and Renaissance Italy. L., 1990. p. 109–123. Webb D. Cities of God: The Italian Commune at War //Studies in Church History, XX, 1985.

вило, а исключение (в Риме предпочтения отдавались представителям городского нобилитета), поэтому этому аспекту будет уделено особое внимание в другом разделе. Рим сохранял ряд традиционных отличий также в названиях и функциях должностных лиц. В Риме, сложилась практика правления двух сенаторов, хотя временами их число колебалось от одного до нескольких десятков. Сенатор сам избирал себе ближайшее окружение (советников), он же ведал вооруженными силами.

Для исследования структуры городских общин папских земель показательны примеры достаточно крупных центров – Тиволи и Витербо, первый из которых являлся ровестником Рима, а второй представлял собой редкий в Италии пример средневекового градообразования.

Однако городская община развивалась в этом центре торговли достаточно динамично. В 1237–1238 гг. Витербо принял статутное законодательство, закрепляющее и регламентирующее порядок самоуправления²⁸⁴. Уже к этому времени относится формирование коллегиальных институтов самоуправления, таких, как «Генеральный и Специальный Советы» и хозяйственно-распорядительный орган «самега», режим правления высших должностных лиц (которые именовались «балив» и «подеста») регламентировался законодательством коммуны²⁸⁵.

В последующий период (1251–1252 гг.) были зарегистрированы новые посты, уточнены компетенции основных коммунальных органов и четче проведен принцип разделения властей. В результате согласно законодательству Витербо подеста (или кто-нибудь из его семейства) не должен был входить в высший – узкий Специальный совет, члены Специального совета, в свою очередь, не могли быть одновременно членами более широкого Генерального совета²⁸⁶. Все это препятствовало концентрации власти в руках нескольких сильнейших родов, как это произошло в Риме.

²⁸⁴ Statuto di Viterbo del anno 1237-1238. Statuti II. P. 47-91.

²⁸⁵ Ibid. P. 51 CCXVII, P. 53 CCXX-CCXXI, p.57 CCXXXI.

²⁸⁶ Ibid. P.9 VIII, 100 XII.

Несмотря на то, что Римская Провинция в целом значительно уступала Тоскане в том, что касалось успехов коммунального движения, здесь также существовал, условно говоря, «демократический» вариант развития города-коммуны: когда в политической жизни города и округа активно участвовала не только узкая группа потомственной аристократии, но и несколько более широкий круг зажиточного пополанства. Витербо был виднейшим из числа таких коммун.

Примером древней римской городской традиции был Тибур или Тиволи. Город Тиволи занимал стратегически важное положение и отсюда можно было контролировать сеть важных дорог (например, путь в Абруцци). Тиволи играл роль в торговле, исполняя роль, как локального рыночного центра, так и перевалочного пункта, причем в основном осуществлялась торговля продуктами сельского хозяйства (животноводства и земледелия, прежде всего, виноградарства и хлебопашества), но также производились продажи ремесленной продукции, главным образом, тканей²⁸⁷.

Положение в коммуне города Тиволи было более сложным, т.к., городское самоуправление и представительство пересекалось с системой коллективного подчинения по отношению к Риму²⁸⁸.

Высшие административные лица (официалы) при вступлении в должность приносили клятву исполнять свои обязанности честно, в соответствии с предписаниями местного законодательства, но с тем, чтобы деятельность на благо Тиволи (*pro bono stato dicti civitatis*) По статуту 1305 г. это положение сохранялось и закреплялось, что отмечено в начальных пунктах первой книги «О числе официалов их присягах и должностях», которые посвящены перечислению должностных постов коммуны и времени и срокам избрания должностных лиц²⁸⁹.

Должность военачальника коммунального ополчения Тиволи в источниках обозначена термином *capudmilitia* («глава ми-

²⁸⁷ Statuti I p.180 LXXI, p.185 LXXXVII-LXXXVIII, p.184 LXXXV.

²⁸⁸ Об этом влиянии Рима будет сказано подробнее в особом разделе.

²⁸⁹ Statuti I p.157 II-III.

лиции»). Также коммуна Тиволи самостоятельно избирала советников – консилиариев, одного нотариуса коммуны, судей, ректоров по числу административных районов города, распорядителей ответственных за состояние общественно важных дорог.

Коммуна устанавливала и сроки, и возможности получения гражданства для чужеземца, желающего пополнить ряды коммуны. После двадцати лет проживания в Тиволи переселенец становился членом коммуны, что влекло за собой, конечно, не только права, но и обязанности платить налоги и т.п.²⁹⁰

Сравним систему городских официалов с ситуацией представительства общин контадо. Такое сопоставление важно в свете поставленной задачи исследования: поиска общих основ *цивitas* и общины. Обратимся к примерам общин локальных центров римской округи. Мы видим примеры активности должностных лиц общины и сами первые упоминания о представителях общины юридически оформленные в документах последней трети двенадцатого столетия.

В общине замка Виковаро был учрежден пост синдика («*sindicus*»), упомянутый в заключительной части статута 1273 г.. Причем указывается, что пост синдика как официального представителя общины специально был учрежден простолюдинами замка для заключения договора о статуте, т.о., само оформление статута дало возможность появиться коммунальной должности²⁹¹. На этом общественный контроль и самоуправление исчерпывались.

По статуту Ровиано можно установить, что в замке конституировалась должность синдика и был учрежден коллективный орган – совет²⁹². В Дженаццано единственный официал простолюдинов замка – синдик (он же исполнял и должность прокуратора) – лишь упомянут во вступлении следующим образом: Григорио Фраскателло, синдик прокуратор и официальное лицо («*persona legitima*» коммуны простолюдинов замка)²⁹³. Такое же краткое упоминание содержат обе редакции статута Каве, с той

²⁹⁰ *ibid* p.241 CCLXXXIII

²⁹¹ *Ibid*. P. 11

²⁹² Statuti II. P. 297

²⁹³ Statuti. I. P. 128

разницей, что синдиков и прокураторов здесь было несколько, а не один²⁹⁴.

В Рипи ректор приносил присягу следить за соблюдением статута, как сеньориальной стороной, так местной общиной. Ректор также должен был постоянно держать совет с четырьмя представителями вассалов. Эти были особые и уважаемые представители «*boni homines*», причем двоих из числа «лучших людей» определяла по своему выбору сеньориальная сторона, а двое назначались – коммуна²⁹⁵.

В замке Кастель Фьорентино, который был подвластен городу Витербо, статутное законодательство (которое вступило в действие в 1298 г.) сохранило упоминание о восьмерых выборных членах коммуны Витербо и выделенных от Кастро Фьорентино так называемых «статутариях»²⁹⁶.

Весьма интересен пример предоставления статута замку Роккантика, находившемуся в непосредственном подчинении церкви, который мне представляется важным воспроизводить в различных контекстах. Жители Рокка специально через своих посланцев в 1326 г. обратились к иерарху Римской церкви, и уже в ответ на их прошение статутное право было даровано замку (в виде эксперимента на шесть месяцев)²⁹⁷. Осуществлять управление замком должен был от имени Римской церкви – викарий, назначаемый ректором Сабини²⁹⁸.

²⁹⁴ Ibid. P. 17

²⁹⁵ 71. Ibid. P. 119 XXXXVI Вопрос об интерпретации термина *boni homines* будет разобран ниже, в разделе об элитах и привилегированных группах.

²⁹⁶ Ibid. P. 317: «*nos... statutarii Castri Florentini... electi per consiliarios dicti castri*», Ibid p.333: «*de mandato et voluntate dictorum statutariorum*», Ibid p.335; «*ad honorem et fidelitatem...comune et consilium civitatis Viterbii et Octo de popoli eisdem civitatis et ... ad statum tranquillum Castri Florentini nos...statutarii comunis Florentini per consilium dicti castri electi...statuimus...*»

²⁹⁷ Ibid. P. 57.

²⁹⁸ В данном случае посты ректора Сабини и патримония Св.Петра в Тусции совмещало одно и то же лицо, возможно уполномоченный ректора понадобился в той области, которую лично не мог посетить иерарх.

Цивитас и церковь (община и приходский мир)

И тема приходского мира, и тема средневековой ассамблей и общины, показывают взаимосвязь профанных и сакральных основ любого объединения людей средневекового мира. Данный сюжет интересен и в плане успехов академической мысли в изучении тех вопросов, которые долгое время оставались (в т.ч., и в нашей стране) под опекой конфессиональной истории и конфессионального образования.

Естественно, и при наличии академического стандарта, развитие исследования подобных тем, даже традиционных для историографии, временами может осложняться либо ложной актуализацией предмета, либо игнорированием его значения. Но мы не будем подробнее развивать этот тезис, хотя тема современной спекуляции историческим материалом необыкновенно увлекательна, данный блок проблем следует рассматривать отдельно. Отметим лишь несколько характерных черт академического изображения роли сакрального в жизни средневековой общины. В исторической науке существовали периоды спада и подъема интереса к исследованиям данной темы.

Начнем с краткого историографического обзора, выделяя те работы, где эта связь четко прослеживается. История приходской церкви и ее роль в жизни средневековья начала интенсивно развиваться в трудах российских ученых в предреволюционный период с различных точек зрения: от историко-юридического до культурно-антропологического подхода.

Упомянем, прежде всего, имена О.А.Добиаш-Рождественской, чьи исследования особенно кропотливо восстанавливали картину развития и упадка церковного прихода во Франции XIII в., а также Л.П. Карсавина, диссертационные исследования которого охватывали, в том числе, и особенности приходской жизни

Но в дальнейшем должность предполагалось сделать постоянной.:ibid. P.58 I.

в связи с изучением специфики народной религиозности средневековой Италии²⁹⁹ Идеи изучения прихода как социального института, разработанные в духе традиции петербургской школы медиевистов Н.П. Оттокарром, будут рассмотрены нами ниже подробно. Они, безусловно, заслуживают внимания и по сей день. Однако эти новаторские для своего времени разработки российской исторической школы были прерваны и забыты на долгие годы.

В западноевропейской историографии данная проблематика оставалась не обойденной вниманием исследователей³⁰⁰, хотя при этом и менялись ракурсы исследования. Это создавало достаточно пеструю картину восприятия темы приходской жизни и развития институтов местной приходской церкви.

Научные работы, посвященные приходу или сакральным основам мирской общины, часто являются либо краеведческими и локальными исследованиями, либо примерами историко-правового, а не исторического (микроисторического подхода). При этом, как мне представляется, приходская церковь городской округи, интересовала ученых несколько менее, чем церковь города.

В этой связи интересно упомянуть историко-правовые исследования П. Сантини. Итальянский исследователь показал в своих работах историческую роль таких важных именно для социального развития контадо общественных институтов, как

²⁹⁹ Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество во Франции в XIII веке. Ч. I: Приход. Пг., 1914. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915. К сожалению, эта плодотворная традиция изучения прихода, связывавшая научные школы России и Запада как бы досталась в наследство одной Европе, где труды российских ученых продолжали использоваться в публикациях на европейских языках.

³⁰⁰ Среди более ранних, но долго остававшихся образцовыми следует упомянуть: Addleshaw G.W.O. The development of the parochial system from Charlemagne to Urban II. 2-nd. Ed. York, 1970.

«universitas vallis» и «comune di pieve», предполагая линию континуитета от укрепленных культовых центров периода античности вплоть до средневековых коммун³⁰¹.

Безусловно, внесли оживление в разработку данного вопроса работы, опубликованные в 70-е г. прошлого века. Представляются достаточно репрезентативными коллективные труды, как, например, исследование социальных аспектов развития церковных институтов («Societas Christiana») в период около тысячного рубежа (XI–XII.), а также собрание эссе под общим названием «Право, Церковь и Общество», изданное известным специалистом по вопросам канонического права и истории папства К. Пеннингтоном. По истории приходской церкви собственно в Италии хочется выделить такую тонкую и интересную работу, как исследование Кастаньетти по сельскому приходу северо-востока³⁰².

Для историографии 80-х и 90-х г. особое значение имел исторический синтез, осуществленный благодаря работе такой исследовательницы, как С. Рейнольдс. Рейнольдс в упоминавшейся выше монографии «Kingdoms and communities in Western Europe 900-1300», впервые изданной в 1984 вводит специальный, значимый для структуры исследования, раздел под названием “the community of the parish”. Автор высказывает идею о том, что коммуны, а также объединения и союзы внутри коммуны и братства внутри приходской общины – это, если не явления одного порядка, то звенья одной цепи.

Этот труд Рейнольдс, в котором суммированы и сформулированы многие идеи и темы предшествующих исследований, никак нельзя назвать просто компилятивным. Важность его для европейской историографии доказывает переиздание работы в

³⁰¹ Santini B. I comuni di valle del Medio evo. Milano. 1960. Idem. I «comuni di pieve» nel Medio evo. Milano. 1964.

³⁰² Le istituzioni ecclesiastiche della « Societas Christiana » dei secoli XI–XII. Milano, 1977. Интересна и показательна для сравнения более ранняя коллективная работа медиевистов-итальянистов I laici nella Societa Cristiana dei sec. XI e XII. Milano, 1968. А также: Law, Church and Society: Essays in honor to Stephan Kuttner/ ed. by K. Pennington and R. Somerville. Philadelphia, 1977. Castagnetti A. La pieve rurale nell'Italia padana. Rome, 1976.

конце прошлого века, а также постоянные отсылки к ней других авторов, а оправдывает такую популярность удачный баланс между указанием конкретных исторических казусов и их обобщением³⁰³.

Рейнольдс предостерегает от соблазна принять возникновение особого объединения прихожан в качестве само собой разумеющегося и не требующего исторического объяснения феномена. Рейнольдс также справедливо уточняет, что приходская структура включала в себя все зависимые от местной церкви земли, целую правовую систему отношений зависимости³⁰⁴.

Кратко очертив, таким образом, господствующие историографические представления о приходской церкви как об основной ячейке церковной структуры и об особой важности ее роли в жизни средневекового общества³⁰⁵, отметим, что данный вопрос требует конкретизации применительно к средневековой Италии. Указанная, в том числе и Рейнольдс, проблема соотношения средневековых церковных миров с различными видами братств, корпораций, городских и сельских общин представляется наиболее важной для исследования. Соответственно, в представляемой мной работе выделяется одна составляющая темы истории приходской церкви, а именно: взаимосвязь коммуны и церковной приходской общины.

Не менее важным направлением исследования является анализ исторической роли протокоммунальных ассамблей в их связи с церковью. В данном случае, речь идет об исторических, а не об изысканиях по истории права и правовых институтов. Современ-

³⁰³ Именно поэтому в качестве вводного и обзорного очерка по теме приходской коммуны можно рекомендовать Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe 900-1300». 1984. 2-nd ed. Oxford. p. 79-100.

³⁰⁴ Ibid. p. 81.

³⁰⁵ По этому вопросу также уместным кажется привести именно емкую формулировку С. Рейнольдс: Reynolds S. Kingdoms and communities... p. 81: «By the thirteenth century the most important ecclesiastical area from the point of view of the laity was the parish...the normal country church was the parish church...».

ные специалисты, например, Э. Колеман, в настоящий момент считают, что вопрос о средневековых ассамблеях рассматривался лишь в правовом ключе, или не рассматривался вовсе³⁰⁶.

Можно согласиться с Колеманом, что большинство исследований отличает именно юридический и институциональный подход, но, собственно, сам автор критического замечания приводит лишь одну ссылку на общую работу Поста по ассамблеям Италии и Испании, которая не является недавней, а наоборот, представляет собой публикацию в «*Speculum*» шестидесятилетней давности)³⁰⁷. Эта работа Поста, на мой взгляд, весьма интересна, как попытка компаративного исследования, несмотря на несколько искусственную заданность сравнительного подхода. Обзорные, критические и ре-интерпретирующие работы самого Э. Колемана (и по изучению специфики итальянской городской коммуны, и по специфике средневековой ассамблеи в итальянских землях) весьма интересны. Но порекомендовать их можно лишь подготовленному читателю, поскольку легкость и гладкость изложения, привлекательная для начинающего исследователя, скрывает множество источниковых проблем и несостыковок, неясных для непосвященного. Эта персоналия-Э. Колеман и его работы как бы создают отдельную категорию историографического дискурса в итальянистике, не подхваченного итальянскими медиевистами, но в своем роде ценного.

Другой, более традиционной и распространенной практикой источниковедческого и историографического анализа является интерпретация казусов мелких локальных общин и малых социумов во всей сложности и совокупности их взаимосвязей: приходской общины, общины замка, консортерий нобилей и вассалов, путем работы в основном с правовыми свидетельствами локального уровня. Ряд таких, на первый взгляд, разнообразных ка-

³⁰⁶ Coleman E. Representative Assemblies in Communal Italy/ Political Assemblies in the Earlier Middle Ages // ed. by P.S. Barnwell and M. Mostert. Brepolis, 2004. p.193-210. (p. 194 n.195). Можно предположить, что Колеман игнорировал или не знал

³⁰⁷ Post G. Roman Law and Early Representations in Spain and Italy, 1150-1250. //*Speculum*, 18. 1943. 211-32.

зусов и их анализ можно смело отнести к одному типу работ, отвечающему единой дискурсивной направленности. Эти историко-правовые очерки и их многочисленность объясняются особенностями источниковой базы и изобилием примеров статутного права общин и коммун. Типологический ряд таких работ, на мой взгляд, составляет особую и четкую исследовательскую парадигму, дискурсивную практику, которую можно считать и практикой микроисториографического дискурса. К этой категории я отношу и свои собственные работы по изучению Папской области как особого пространства социальных связей и иерархий, и исключительно в силу этого – как территориально-правового единства.

В статутах – письменных установлениях нормативного права, полученных общинами замков по примеру городских общин, также есть интересные свидетельства о приходской церкви и взаимосвязи замкового центра с церковью. Не все статуты подробно описывают взаимоотношения коммуны замка и приходской церкви, но и по отдельным упоминаниям в различных контекстах можно заключить, что такая церковь имелась либо в самих стенах, либо поблизости. Например, в статуте Виковаро не названо прямо ни одной местной церкви, но оговорено, что местные жители были собраны в замке для оглашения статута звоном церковного колокола, при этом присутствовали и сеньоры Виковаро из рода Орсини³⁰⁸. По сохранившемуся завещанию представителя рода Орсини (кардинала Франческо) можно указать шесть церквей, расположенных в Виковаро³⁰⁹. Такой исследователь средневековой Римской Провинции, как С. Кароччи, полагает, что в XIII–XIV в., когда замок Виковаро уже стал основным центром владений Орсини, здесь находилось более половины дюжины церквей³¹⁰. В статуте простолюдинов замка Дженаццано нет прямых указаний на приходскую церковь, но в договоре нобилей-рыцарей и господ Дженаццано из рода Колонна названа местная церковь Сан Николо (в ней и был подписан договор). В

³⁰⁸ Statuti I. p.5.

³⁰⁹ Paravicini Bagliani A. I testamenti dei cardinali del Duecento. Roma 1980. P.340-352.

³¹⁰ Carocci S. Baroni di Roma...p.79

качестве свидетелей при заключении соглашения присутствовали священники церкви Сан Николо³¹¹.

В установлениях замка Роккантика, в главе о правилах ношения оружия сказано, что дозволенная длина ножа измеряется именно по образцу, находящемуся в церкви Санта Мариа³¹². Курии воспрещалось проводить служебные разбирательства на площади перед церковью, что, видимо, прежде было в обычае³¹³.

Можно спорить о том, возводился ли замок для того, чтобы служить защитой местной церкви или местный культовый центр со временем перемещался под стены укрепления, но их взаимопритяжение очевидно.

В Роккантика некоторые положения статута были приняты специально, чтобы очистить местную церковь Санта Мариа от излишнего приспособления к мирским нуждам прихожан. Так, например, статут предписывает, чтобы никто не хранил в церкви древесину, известняк, овощи и т.п. под штрафом в 5 солидов (штраф такой же величины налагался за богохульство)³¹⁴. Хотя замок находился непосредственно под юрисдикцией и светской властью церкви³¹⁵, очевидно, что в установлении говорится лишь о местной приходской церкви, тесно связанной с общиной замка.

В списке статей различных установлений Аспра Сабина пять касаются церкви Сан Джованни, в т.ч. говорится, что хозяйственный распорядитель «camerlengo» церкви Сан Джованни является выборным представителем коммуны³¹⁶. Кроме того, коммуна несла все издержки, связанные с церковью, с поддержанием ее в должном виде (и это помимо выплаты ценза Св.Петра)³¹⁷.

Интересен для изучения сакральных и профанных институтов коммуны пример Каstell Фьорентино, одной из общин зам-

³¹¹ Ibid, p. 369; «actum in Genecciani in capucarto ecclesie sancti Nicolai eiusdem locci»

³¹² Statuti I, p 89.

³¹³ Ibid. p.67 XXVII: «quod in dicta platea dicte ecclesie curia non resideat ad iura redenda».

³¹⁴Ibid. p.67 XXVI.

³¹⁵ Ibid. p.57.

³¹⁶ Statuti II p. 383 CLXXXIII-CLXXXVIII.

³¹⁷ Statuti II , p. 483 CLXXVII.

ков Римской Провинции, признававших в качестве коллективного сеньора коммуну города Витербо. Важен этот пример, прежде всего, для расширения поля исследования приходских структур. Мы условились обратить особое внимание не столько на приход города, сколько на институты контадо, но, точнее было бы сказать, что нас интересует взаимодействие коммуны города с ее церковью и общегородскими культурами и округи.

В статутах замка Фьорентино (в округе города Витербо) указывается порядок, в соответствии с которым местная церковь Сан Лоренцо (S. Laurentii) имела право получать «легат» от любого из прихожан (членов коммуны Каstellь Фьорентино). Занимался вопросами, связанными с легатом в пользу церкви сам подеста – глава иерархии коммуны. Такое положение зафиксировано в статуте 1298 г.³¹⁸ В следующей редакции статута 1305 г. добавляются условия ответственности подеста: если тот пренебрегает своими обязанностями по выплате, то платит штраф в 100 солидов коммуне Витербо. Если же легат не востребует, как положено, экономом церкви Сан Лоренцо, тот приносит штраф в 20 солидов в пользу коммуны и подеста Каstellь Фьорентино³¹⁹.

Кроме того, любой официал коммуны, не справившийся со своими обязанностями, присуждается к штрафу не только в пользу курии, но и церкви Сан Лоренцо, которая получает ровно половину³²⁰. Штраф за богохульство делится между доносителем обвинителем богохульника, курией и церковью³²¹. Делится пополам между курией и церковью и штраф за такое тяжкое преступление как человекоубийство. Видимо, считалось, что виновный в кровопролитии должен несколько облегчить свой тяжкий грех крупным штрафом, половину которого – довольно солидную

³¹⁸ Statuti I p.322 XXXI: «postestas fatiat solvi omnia legata, iudicata...ecllesie S.Laurentii infra XXX dies».

Statuti, p. 383 CLXXXIII-CLXXXVIII

³¹⁹ Statuti I p.341 XXXIII «et si yconomus... dicte ecclesie fuerit negligentes in suo officio in petendo iura dicte ecclesie... solvat de sou XX sol. potestati et comuni dicti castri»

³²⁰ Ibid. p.327 LXVII.

³²¹ Ibid. p. 318 V.

сумму в 50 ливров – жертвовали церкви при отсутствии у потерпевшего наследников-родственников³²². В редакции того же статута от 1305 г. вводится новое положение, а именно: указывается, что эта часть штрафа должна быть дана «*per opera seu fabrica*» церкви Сан Лоренцо³²³.

Можно предположить, что «*опера*» здесь означает перестройку церкви Сан Лоренцо. Судя по тому, что еще в 1298 г. речь шла об отчислении в пользу церкви Сан Лоренцо вообще, а в редакции 1305 г. уточняется, что сумма предназначена именно на «*опера seu fabrica*». И, вероятно, здесь имеет место лишь первоначальное вычленение «*опера*» из церковного имущества. Статут не содержит данных, которые позволили бы утверждать, что это имущество уже перешло в руки коммуны. Можно лишь констатировать тесное взаимодействие приходской церкви с коммунальными институтами. Во всяком случае, это положение соответствует тому, при котором, по выражению Н.П. Оттокара, «приход связует прихожан не только как прихожан, но и как членов известного общественного союза»³²⁴.

Во взаимоотношения коммуны прихожан и церкви Сан Лоренцо включается еще один участник – коммуна Витербо. Напомним, что именно коммуне города Витербо, а не местной церкви Сан Лоренцо причитается штраф, который выплачивается, если внесение всего положенного церкви не было произведено своевременно³²⁵.

Известно, что главный собор города Витербо (а именно этот город, напомним, и являлся коллективным сеньором замка) был посвящен культу святого Лоренцо. Можно было бы предположить, что речь в приведенном выше пассаже шла именно о церкви Сан Лоренцо в Витербо. Но в пункте замковых установлений, провозглашающем отчисления в пользу церкви половины

³²² Ibid. P.318 VII: «*cuius pene medietas sit curie et alia sit heredum mortui... et si consanguineis non essent eadem medietas applicetur et detur ecclesie S. Laurentii de Florentino.*».

³²³ Ibid. p. 336 VII : «*...si consanguinei non extaretur detur dicta medietas in opere seu fabrica ecclesie S. Laurentii...*».

³²⁴ Н. Оттокар «К истории взаимоотношений...» с. 23.

³²⁵ Statuti I, p. 341 XXXIII.

штрафов за самые тяжкие преступления (убийства), прямо указано, что получателем денежных штрафов явится именно церковь Сан Лоренцо замка Кастель Фьорентино.

Имя этого святого фигурирует в инвокации (благочестивом зачине) как в статуте Витербо, так и статуте замка. Что, если и церковь Сан Лоренцо появилась в замке под влиянием Витербо (или даже в качестве «орег» этой коммун) и была подчинена городской церкви? Тогда традиционные связи церкви с коммуной прихожан могли быть использованы горожанами Витербо, стремившимися упрочить свое влияние на близлежащий замок Кастель Фьорентино.

Это предположение тем более вероятно, что церковь одного из подвластных Витербо замков получала иммунитет от всех поборов в качестве «дочерней» и подчиненной (*subjecta*) по отношению к одной из церквей Витербо³²⁶.

Рассмотрим в этой связи, в самом общем виде вопрос об отчуждении средств и имущества в пользу церкви. На первый взгляд, по установлениям, принятым общиной, свобода отчуждения в пользу церкви ограничена: например, в замках Виковаро и Дженаццано в такой форме дарения разрешены, за исключением тех, что предназначены церквям, богоугодным заведениям, нобилям³²⁷.

После того, что было сказано о пожертвовании в пользу «орег» или «орег» *seu fabrica*», приведенный пример ограничения из статутного законодательства коммун звучит странно. Но недоумения можно снять, предположив, что запрет отчуждения имущества в пользу «ecclesia» или «*ria loca*» связан вовсе не с противодействием институту церкви, а с попыткой воспрепятствовать некоему политическому объединению, скрывавшемуся под предлогом благочестивого мероприятия.

Путем дарений, чаще всего номинальных, в пользу церкви и богоугодных заведений, магнаты могли превратить это предпри-

³²⁶ Statuti II p. 174. LXXXVIII De Libertate S. Iohannis de Celleno.

³²⁷ Statuti I, p.127 II: «possint vendere et aliter alienare cui voluerint ... exceptis ecclesiis, piis locis, nobilibus», *ibid* p. 6 II: «...habent potestates liberam vendendi domum et pastinationem... exceptis ecclesiis et piis locis»

ятие в центр своей консолидации, сохранения и объединения капитала³²⁸. Известно, во-первых, что имущество, пожертвованное в пользу церкви, изымалось из податной сферы, точно так же, как не облагались налогом сами церкви и клирики. Во-вторых, всяческие группировки с политическими целями, особенно объединения магнатов, строго воспрещались коммунальным законодательством.

Запрет этот не обязательно носил демократический оттенок, видимо, даже в тех городских коммунах, где попопанство имело слабые позиции, потворствование клановым интересам ощущалось как опасность для общины в целом. Тем не менее, можно сказать, что обычно само наличие законодательных запретов свидетельствует о силе и неистребимости явления³²⁹.

В текстах изучаемых статутот связь между церковью и магнатами подтверждается тем, что запрет дарения в пользу церкви и богоугодных заведений сопровождается таким же указанием относительно нобилей и магнатов. Так, например, в статуте Каве эти понятия встречаются как однозначные: «наследственное имущество, движимое и недвижимое, можно дарить при жизни, завещать, продавать, но только не церкви и не магнатам»³³⁰.

В то же время дарение в пользу самой церкви замка Каве не только допускается, но производится по облегченным правилам: для них не требуется разрешения курии и уплата обычного при оформлении дарения взноса³³¹. Дарения, предназначенные местной «коммунальной» церкви, укрепляли систему персональных связей, возникшую внутри приходской структуры.

Отчуждения, произведенные со стороны жителей замка в пользу любой внешней силы или корпорации (например, земли,

³²⁸ Bertelli S. *Patriziati urbani, dignita ecclesiastica, luoghi pii / La crisi ...*

³²⁹ О клановой и кровнородственной системе внутри городской общины существует интересная литература. Мне кажется особенно полезной упомянутая уже в другом контексте группа работ.

³³⁰ Statuti I p.20-21 XII «homines dicti castris possint libere ... eorum hereditaria bona mobilia et immobilia ... exceptis piis locis et potentibus personis ... alienare»

³³¹ *ibid* p.20 XII: «ecclesiis castris Cavarum donare ... sine requisicione curie ... sine pecunie datione»

прав на доходы и т.п.), разрушали эти связи и создавали возможность отчуждения от общины ее членов. Можно предположить и такой случай, что церковь в Каве уже находилась в руках верхушки коммуны и статут препятствует только возникновению другого центра консолидации.

Тот факт, что к замку тяготел местный приходской центр, важен не только сам по себе. Ведь приходская церковь – это главная церковь территории, а это значит, что община и приход объединяют округу. Жители самого укрепления и всей «территории», окружавшей замок составляли церковный приход. В городе, где существовало много приходов, отдельный приход не мог способствовать такому общему единству всех жителей. Но деление по приходам пересекалось с административным делением на «концы» и кварталы города. При этом забота об интересах местной церкви была неотъемлемой частью уклада любой общины, и понималась как попечение о корпоративных интересах. Эта черта, известная по практике взаимоотношений городской коммуны и церковных структур, т.о. может считаться типичной для взаимосвязи приход – община.

Именно светское – коммунальное – законодательство фиксирует правила и нормы различных сборов с прихожан. Из всего изложенного можно заключить, что средства для поддержания церкви поступали преимущественно не от сеньора, а от коммуны (общины), даже небольшой и зависимой. Т. о., роль церковных структур и фактор приходской жизни могли иметь большое значение для каждого, не только городского, поселения. В случае замкового центра приходская организация создавала дополнительные связи между членами местной общины, жителями замка и его округи.

С другой стороны, существовала тесная взаимосвязь коммунальных институтов и институтов приходской церкви, как в городе, так и в контадо. Такая взаимосвязь открывала коммунальной элите перспективы использовать приходские структуры как прикрытие для неких целей, не только не имевших ничего общего с благочестием, но и шедших во вред коммуне.

Вопрос о формах осуществления светской власти церкви в отношении коммун и общин, в т.ч. общин Папской области, крайне сложен для исследователей. В историографии вопроса нет

баланса между описаниями частных случаев и общей аналитикой. При дальнейшем изучении этой проблемы, без сомнения, будут открываться все новые вариации распределения властных полномочий между светскими и церковными институтами.

Можно сказать, несколько упрощая вопрос, что «влияние» церкви осуществилось через активность отдельных конгрегаций, орденов, монастырей, которые вынуждены были в нелегкой борьбе соперничать с другими коллективными или индивидуальными сеньорами. Но с равными основаниями можно сказать, что Римская курия действовала как особая корпорация, наряду с отдельными конгрегациями и церковными институтами.

Тип «непосредственного подчинения» имел ряд вариаций в зависимости от силы и численности общины: от всевластия назначенного римской курией управителя (на территории небольших коммун) до сохранения исключительного права судебной апелляции к римской курии как к высшей юрисдикционной инстанции (когда речь шла о формальном вассалитете городских коммун).

В случае «опосредованного» подчинения возникали еще более сложные ситуации распределения властных полномочий, т.к. юрисдикция полностью или с оговорками переходила к новому сеньору.

Церковь как корпорация использовала в правовом диалоге с коммунами нормы и канонического, и светского феодального права. Но никакая стройная правовая доктрина не может быть идеально воплощена на практике. Власть под влиянием разнообразных факторов выходила из-под контроля верховного сеньора – церкви, а система сеньориальных отношений приобретала самые своеобразные черты.

Все вопросы, связанные с отношениями общин с одной стороны, и центральной власти- церкви, папства- с другой стороны, были подняты в данном контексте, чтобы показать динамику возникновения систем связей, воплощавших собой некоторое социальное единство, хрупкое, но осязаемое. Именно эти системы связей сделают возможным вопреки процессам децентрализации в будущем создать целостный организм территориального и регионального государства, в том числе, Государства Церкви.

III. «Свободы» и «верность» в истории общины. Какая свобода? Помогут ли казусы и исключения систем зависимости написать историю средневековых общин?

Первое «школьное» представление об итальянских коммунах, как мы уже неоднократно обсуждали с читателем, сопряжено с понятиями о свободе и независимости. Разумеется, это представление ущербно. В истории отдельных областей и регионов Италии условная независимость общины (от имперской власти или местного сеньора) почти всегда сопровождалась теми или иными формами подчинения и соподчинения. Если принять за «норму» или образец независимую коммуну, то историю итальянских общин, вероятно стоит писать, как историю казусов и исключений?

Необходимо прояснить само понятие казуса и возможности соотнесения казуса с макроуровнем исторического анализа. Безусловно, микроисторический подход, исследование избранного «казуса» не должно быть попыткой упростить существующие проблемы и избежать сложных тем путем анализа изолированного случая³³². Напротив, микроанализ призван показать, что таких изолированных историй не бывает. Но, если казус органично вписан исследователем в широкий исторический контекст, тогда могут быть прослежены или хотя бы указаны глубинные и сложные взаимосвязи систем, к которым относится казус. Так или иначе, необходимо обосновать, какие предпосылки имеются у исследователей, чтобы выделить данный казус.

Важные признаки явления всегда содержатся в виде скрытой информации. Иногда требуется сложнейший и технически долгий анализ этой скрытой информации по особым методикам. Но

³³² Логичной и вполне приемлемой, несмотря на нарочитую провокационность, точкой зрения кажется утверждение о неизбежности имплицитной или эксплицитной зависимости микроистории от макроистории, т. е. взаимосвязи микро- и макро- анализа, просто в силу общности интеллектуального стандарта и логического аппарата обобщения. Подобная констатация ничем не задевает позиций микроистории в качестве культурной историографической практики. Копосов Н. Е. О невозможности микроистории // Казус. М., 2000. С. 33-51.

иногда достаточно введения как бы двух масштабов рассмотрения явления. Исторический материал, как будто ничем не примечательный и незамысловатый, на первый взгляд, как бы лежащий на поверхности целиком, становится говорящим и полноцветным, когда путем микро исторического анализа проявляются его существенные характеристики и сопоставляются с известными, подмеченными в историографической традиции параметрами социальной макросистемы.

Мы можем найти важную перспективу развития исследований общины (в частности, казуса Папской области) при рассмотрении механизмов локальной организации в целом. В средневековой Италии власть и свобода были на локальном уровне представлены общиной (коммуной) и сеньорией, баланс этих сил в ситуации политического полицентризма и территориальной раздробленности постоянно менялся.

Отметим, что способ организации власти на локальном уровне называется в источниках расплывчатым термином «*signoria*» (*senioria*) – сеньория или доминиум «*dominium*», вне зависимости от того, идет ли речь о городской или сельской среде. Существовала практика различий обозначений на русском языке городской сеньории и сельской сеньории. Думается, однако, что такое разграничение не спасает, когда речь заходит об организации достаточно большой территории, о начальных процессах формирования региональных государств. В таком случае различные виды сеньориального влияния пересекаются постоянно. В нашем случае – а это казус развития общин Папских земель, характеристики коммун должны быть очерчены в системе координат управления и подчинения сеньориальных и общинных сил.

Осознание взаимосвязи общины и сеньории играет особую роль, поскольку признание этого взаимодействия помогает осознать развитие принципов территориальной организации. Причем оба понятия – «сеньория» и «община» – охватывают достаточно широкий спектр видовых различий, проявлений организующего и объединительного начала.

На протяжении средневековья менялось конкретное историческое наполнение общих форм организации коммуны и сеньо-

рии, как видоизменялись принципы взаимодействия сеньориального мира и коммуны. Причем исследователи в дидактических целях классифицируют существовавшее разнообразие видов сеньорий.

Иногда историки определяют меру сеньориального воздействия по ряду четких параметров, но при этом представляют, как линейное поступательное развитие ту пеструю историческую картину, где каждый казус мог сочетать в себе черты, признаваемые учеными за определенными историческими типами и периодами.

Во всяком случае, очевидно, что данная проблема является одной из ключевых для изучения любой исторической области Европы в период после 1000 г., но для интересующего нас конгломерата исторических областей Италии она особенно важна, так как традиции централизации в Итальянских землях позднего средневековья, так и не возобладали. Отношения Папского престола и коммун как составляющая этой проблемы важна особенно и должна быть рассмотрена отдельно от случаев проявления коллективной воли городской общины к организации под своей властью округа. Дело в том, что итальянские коммуны как независимые в историографической традиции как бы противопоставлялись «европейской норме» коммуны, получившей определённые привилегии от королевской власти и развивающейся благодаря компромиссам центральной власти с городами. Определение своеобразия развития коммун под влиянием папской власти зависит от способов трактовки роли и характера сеньориального диктата церкви.

Таким образом, тезис о многообразии структуры и путей развития средневековых коммун, о различии проявлений особого характера объединений – это признанный в историографии постулат. Однако при всем разнообразии частных случаев, всегда может быть указана определенная тенденция или подмечен ряд типичных параметров. От выбора исследователя зависит, когда и в какой мере можно следовать данной стратегии изучения сложного исторического феномена.

Обратимся в начале к двум примерам совершенно различных, но одинаково удачно реализованных исследовательских

стратегий. Нельзя не признать успешным и применение компаративного подхода к изучению собственно коммунальных институтов: например, исследование динамики развития института подеста, которое дает ключ к пониманию характера коммуны и взаимосвязи элит различных городов-коммун³³³. Но есть проверенные временем классические работы, которые позволяют осмыслить специфику цивитас (в частности, историю Рима как средневековой коммуны) без того, чтобы выйти за пределы одного региона.

Представление это дается не путем перечисления некоторых пунктов отличий римской коммуны от иных известных образцов, а путем отражения взаимосвязи развития цивитас и папской сеньории³³⁴. Несомненно, что микроисторический анализ необходим именно тогда и только тогда, когда проблематика исследования освещена богатой историографической традицией и в силу этого перегружена стереотипами. При таких условиях исследование единичного источника, отдельного объекта или взаимосвязи объектов иногда расставляет новые акценты и находит нюансы, меняющие наше восприятие сложного процесса. На мой взгляд, именно такой прием обогащает представление о заявленной теме исследования.

Что касается конкретики социально-экономических реалий средневековых центров и коммун Папской области, надо учитывать не только тот факт, что они проигрывали в динамике развития центрам Тосканы и Ломбардии, но и то, что разнообразие городских общин и определенные успехи социальной организации все же происходили и в землях Св. Петра.

Бесспорно, социально-экономические структуры региона имели ряд отличий от известных образцов городского развития Севера и Тосканы, но при этом могли наблюдаться существенные различия в формах и темпах социального и экономического развития между центрами различных исторических областей, составлявших Папскую область.

³³³ I podesta nella storia d'Italia..

³³⁴ Dupre-Teseider E. Roma dal comune del popolo alla signoria pontificia. Bologna, 1952. Brentano R. Rome before Avignon. A social history of Thirteenth Century Rome; W. Y. 1974. Carocci S. Baroni di Roma. Roma, 1993.

Более удаленные от апостольской столицы городские коммуны Умбрии и Романьи представляли собой резкое отличие от моделей городского развития в Римской Кампании. Перуджа, Анкона, Равенна, Болонья, Феррара, в разное время входившие в границы Патримония, можно сказать, подпадали под власть наместников Св. Петра лишь формально.

Во всяком случае, возможности прямого влияния и использования их экономического потенциала были проблематичными. Важнейшими городскими центрами римского региона (к югу от пределов Сполето и Орвьето) были Витербо, Тиволи, Чивитта-веккиа, Корнето, Алатри, Ананьи. Эти центры, не раз подвергавшиеся непосредственному давлению (вплоть до военной экспансии) коммуны Рима или папской Римской курии, однако, также осуществляли по особым моделям тенденции к независимости и исконное стремление подчинить себе ближайшую округу. Тезис о слабости и малочисленности населения городов Римской Провинции сам по себе некорректен, если не указывать объекты поставления.

По сравнению со многими значительными центрами Италии XIII-XIV вв. города Витербо и Корнето в Римской Провинции нельзя назвать значительными, но по сравнению со средними показателями по Европе численность их населения – совсем неплохой результат социально-экономического развития и притяжения городского центра. Так, для Витербо фигурируют показатели порядка 6-ти тысяч жителей, а для Корнето – 3-х тысячи населения в середине XV в.

Видимо в XIV в. население этих городов стало гораздо более значительным., о чем можно судить по некоторым косвенным сведениям. Например, в Витербо только одна из эпидемий XIV в. унесла более 6600 жизней³³⁵. Причем и тот, и другой город отличали функции, типичные для аграрного центра. Однако экономическое и демографическое развитие не может быть единственным и даже определяющим для характера социальных форм организации.

Что касается форм и способов декларации независимости и свободы общин в средневековой Италии вообще и в вотчине

³³⁵ Partner P. The lands of St. Peter...p 426-427, p.427, n 2.

Св.Петра, в частности – то это весьма деликатный сюжет исследования, связанный с рядом субъективных, а не только объективных факторов. Мы прибегнем к некоторым, на мой взгляд, допустимым упрощениям исторического контекста.

Во-первых, постулируем, что стремлением папства с начала средневековья было утвердить свою власть над землями в Римской округе (как в контадо, так и в дистретто), которые могли бы стать прочной основой для более широкого образования – светского владения Церкви от Тосканы до неаполитанских земель³³⁶. Но этим притязаниям было не легко осуществиться, как и стремлению коммуны Рима распространить свое военно-политическое влияние в регионе или попыткам иных исторических центров и общин упрочить положение по отношению к своей малой округе. Этот сложный баланс сил на локальном уровне необходимо постоянно иметь в виду, даже когда мы говорим о централизаторской политике папства.

Постоянно под властью римской курии на протяжении всего средневековья оставались лишь Сабина и Кампанья, в других землях целые области и коммуны выходили из-под контроля. В зоне особого внимания князей церкви был собственно Рим и его контадо, где шла сложная борьба за сферы влияния.

Конфликтные центры и зоны временами обострялись на территории Римской Провинции, например, в таких исторических землях, как Лаций. Наконец, на периферии Папской области проявлялись менее сильные, но не менее разнообразные формы светских притязаний римской курии в других землях Центральной Италии, которые становились то более релевантными, то менее значительными.

Иннокентий III значительно преумножил и укрепил основы светского могущества наместников Св.Петра при ослаблении притязаний империи.

³³⁶ Boyd C.E. *Tithes and Parishes in Medieval Italy*. Ithaca, 1952.

Brentano R. *Two Churches: England and Italy in the Thirteenth Century*. Princeton, 1968.

Brentano R. *Rome before Avignon. A social history of Thirteenth Century*. Rome. W. Y. 1974.

Папа Иннокентий, будучи прекрасным политиком и образованным правоведом, смог, исходя частью из норм канонического, а частью феодального и обычного права, сформулировать и обосновать юридические основы папской супрематии в регионе³³⁷.

Ценз, традиционно предоставляемый городами Романьи в пользу и распоряжение римского епископа, этот понтифик распространил в качестве обязательного и на другие территории и коммуны (используя ссылки на традиции и нормы канонического права, и главное, собственный авторитет). Обычные для сеньориальной службы повинности извоза и военной помощи папа также возложил на представителей коммун и общин³³⁸. Имперские притязания на *regalia* потерпели крах, а территории, которые оспаривали в борьбе против папства императоры, были признаны в качестве владения наместников Св.Петра в 1201 г.³³⁹. Как же строились отношения вассалитета на местах, и каким образом в них находили себе место церковные институты?

Светское господство Церкви в регионе не стоит представлять полным, повсеместным и абсолютным. Формы влияния варьировались от местности к местности, по отношению к различным городам и коммуна́м применялись различные варианты подчинения власти наместника Св.Петра. Власть Церкви могла осуществляться в двух основных формах: непосредственного «*dominium directum*» и опосредованного подчинения «*dominium indirectum*». Но формальное деление общин на «*immediate subiectae*» (*nullo mediante subiectae*) «*mediate subiectae*», естественно, не является единственным истинным критерием статуса общины.

Случаи сеньорий, возникавших в небольших поселениях и замках, представляют большую сложность для изучения и требуют учета многих факторов влияния. Ниже будут рассмотрены варианты осуществления власти церкви в качестве сеньориаль-

³³⁷ Innocent III. *Acta Innocentii PP.III* (1198-2016). Citta del Vaticano, 1944; Pennington K. *Pope Innocent III's view on Church and state: a gloss to 'Per venerabilem' / Law, Church and Society. Essays in honor of St. Kuttner*. Philadelphia, 1977, p. 46-67; Pennington K. *Pope and bishops...* p. 13-58.

³³⁸ *Ibid.* P. 235-236.

³³⁹ *Ibid.* P. 235.

ной на примере замка Роккантика, непосредственно подчиненного управлению Римской курии и ее официалов, а также взаимоотношений аббатства Субьяко и общин близлежащих замков.

Замок Роккантика, вероятнее всего, существовал уже в первой четверти XI в. в качестве временной резиденции графов Сабини. С упразднением этого статуса при папе Льве IX пришел в упадок и замок. Возобновление поселения в 1060 г. при папе Николае II надо целиком приписать заслуге Римской церкви, стремившейся сделать замок оплотом своего военно-политического могущества, стратегически важным опорным пунктом Сабини. По мнению П. Тубера, это одна из первых подобных инициатив Римской церкви³⁴⁰. Местные жители признавали себя ее вассалами³⁴¹.

Коммунальное развитие Роккантика шло также под контролем и воздействием Римской церкви. В 1326 г. ректор Патримония Св.Петра в Тусции и Сабине на основе привилегий, пожалованных Роккантика ранее, учредил статутное законодательство замка и новый режим управления. Как сказано в прологе к статуту, до этого момента люди Роккантика не знали никаких элементов коммунального самоуправления³⁴². Теперь же в замке утверждалась должность викария как главного административного лица, а также камерария, военачальника и нотариуса общины³⁴³.

Средства на выплаты жалования должностным лицам также поступали от местного населения; выборной являлась должность нотариуса и камерария, а викарий же прямо назначался от имени

³⁴⁰ Toubert P. Les structures du Latium medieval: le Latium meridional et la Sabina du IX a la fin do XII siecle. Roma, 1973. P. 402-403.

³⁴¹ Statuti I. P. 57: «...considerantes quod universitatis hominum castri Rocche Antiqua comitatis Sabine iam dicti fideles et devoti sancti matris Ecclesie...»

³⁴² Ibid.: «...quamis non consueverint statutis vel scriptis legibus municipalibus gubernari...»

³⁴³ Ibid. P. 58 I-II; 59 III-III; 60 VI; 69 XXXV

сеньора Римской церкви³⁴⁴. Викарий приносил присягу управлять Роккантика ради славы и верности Римской церкви и ректора Сабины³⁴⁵.

В статуте Рокка имелась, кроме того, специальная статья, предписывавшая викарию следить за тем, чтобы все укрепления замка находились в сохранности, а коммуна соблюдала верность и послушание Римской церкви³⁴⁶.

Жители Роккантика отдавали церкви т. н. «ценз Св.Петра», а плюс к этому выплачивали курии Сабины прокурацию (точная сумма в статуте не указана) и средства на поддержание в порядке церквей. С точки зрения исследователя аспектов податной системы, важно отметить, что все эти сборы производились поочередно, т.е., селективный подходящий метод раскладки побора, общественного тягла уступал место уравнительному принципу³⁴⁷.

Вопрос о юрисдикционных правах церкви также может быть рассмотрен на данном примере, т.к. из материала источника с достаточной очевидностью следует, что Римской курии предназначались и все штрафы за причиненный ущерб, взимаемые в замке.

Теперь сравним эти положения статута Рокка от 1326 г. с данными «Юрисдикционного реестра Сабины» от 1343 г. Здесь обозначено, что епископ Сабины в силу юрисдикции Римской церкви получал с замков, на территории которых находились церкви, «прокурацию» и четверть десятин и средств, поступавших по праву «мертвой руки»³⁴⁸.

³⁴⁴Ibid. P. 58 I: «Primo quidem decernimus quod universitas predicta... prout per nos fuerit declaratum, nostrum in Roccha predicta vicarium deputandum per nos et successores nostros perpetuo reverenter recipiant...»

³⁴⁵ Ibid. P. 58 II.

³⁴⁶ Ibid. P. 18 CXXXVIII.

³⁴⁷ Ibid. P. 17 CXXXVII.

³⁴⁸ Registrum Iurisdictionis... P.69: «In omnibus supradictis escclelsie et capelle, clero et populo castri predicti habet omnem juristictionem immediatam dominus episcopus Sabinensis... et dant quartam decimarum et mortuariorum et procurationem...»; P. 71: «...et dominus Episcopus Sabinensis recipit... procurationem unam, quartam decimarum et mortauriorum»; p. 65: «...quartam decimarum et mortuariorum et omnia iura episcopalia et mediam procurationem...» 123.bid. P. 71: «...et habet... omnia

Часто повторяющиеся в этом регистре указания на то, что епископ осуществляет или имеет «*iurisdiction*» в отношении клира и мирян замка, приводятся вместе с перечислением взимаемых епископом поборов³⁴⁹. Вероятно, имелись в виду не столько права «*ius dicere*» в собственном смысле слова, сколько законность получаемых епископом судебных сборов и штрафов (подобно отмеченным по статутам для замка Роккантика).

Итак, какие же обязанности несла коммуна Рокка именно в силу своей вассальной связи жителей местечка с Римской церковью? Суммируя, можно сказать, что это – назначение викария для управления замком от имени Римской церкви³⁵⁰, запрет избирать на другие административные должности лиц, неугодных церковным властям³⁵¹ и приносить вассальные присяги или отчуждать имущество в пользу магнатов³⁵²; кроме того, члены коммуны могли обращаться с апелляциями в епископальную курию Сабини³⁵³.

Упомянем другой пример замка Сабини, обладавшего статутным законодательством. В статутах замка Аспра Сабина, составленных уже после того, как коммуна освободилась от вассальных связей с церковью, подробно говорится о таких поборах, как «*dativo*», «*comproscie*», которые взимались и «*per libra*», как

iura episcopalia et omnem iurisdictionem in clero et populo et procurationem unam»; «...et reddunt dicte ecclesie annuatim pro sedio soll. VI et omnia iura episcopalia et omnem iurisdictionem exercet in clero et populo...».

³⁴⁹ *Ibid.* P. 71: «...et habet... omnia iura episcopalia et omnem iurisdictionem in clero et populo et procurationem unam»; «...et reddunt dicte ecclesie annuatim pro sedio soll VI et omnia iura episcopalia et omnem iurisdictionem exercet in clero et populo...»

³⁵⁰ *Ibid.* P. 57.

³⁵¹ *Ibid.* P. 59 III: «...qui notarius non sit vassalus neque suppositus alicui Romano seu potenti persone...».

³⁵² *Ibid.* P. 80 LXVII: «...statuimus quod nulla persona de rocca audeat vel presumat facere aliquod vasalagium seu homagium aliqui persone, nec permittat facere aliqui persone potenti, nec Romano, universitati, loco vel aliqui alio, qui non sit de iurisdictione roche, nec vendat vel alienet bona sua stabilia aliqui potenti...».

³⁵³ *Ibid.* P. 62 XIII.

это характерно для городской системы налогообложения, и поочажно (подобно тому, что было указано в предписаниях статута замка Рокка Антика³⁵⁴.

Приходится констатировать, что сферу действия отношений вассальной зависимости на конкретных примерах зависимых общин очень трудно вычлениить из сферы отношений по поводу юрисдикции. Что является основным отличием обязательств коммуны Рокка от тех, что несла коммуна Аспра Сабина, находившаяся под юрисдикцией епископа Сабина, или же те замки, которые упомянуты в юрисдикционном реестре сабинского епископата от 1343 г.? Видимо, можно утверждать, что это отличие относится к сфере институционального, а именно, прямое назначение главного административного лица Рокка со стороны церкви. Во всем остальном, положение замковых общин определяется сходным образом.

Складывается впечатление, что вассальная клятва в первую очередь должна была служить гарантией исполнения обязательств и повинностей самой разнообразной правовой природы, которыми обязывались перед владельцем замка его жители.

Обратимся теперь к более ранним документам, происходящим также из Сабина, и иллюстрирующим взаимоотношения аббатства Субьяко с окрестными замками³⁵⁵. Самый ранний из них, от 1193 г., регламентирует обязанности населения замка Субьяко перед аббатом Субьяко, другой (от 1270 г.) – повинности близлежащих замков Рояте и Роккасека перед тем же аббатством, причем только в этом последнем документе жители замков названы вассалами монастыря Субьяко³⁵⁶.

В документе от 1193 г., где формально (т.е., особым термином или определением) еще никак не зафиксированы вассальные связи замка с аббатством: нет упоминания о клятве верности, и не употребляется сам термин «вассалы» в какой-либо форме, однако, в этом случае предвосхищены некоторые условия вассальной зависимости людей Рояте и Роккасека, которые появились в

³⁵⁴ Statuti II. P. 483 CLXXVIII.

³⁵⁵ Statuti II. P.15-25

³⁵⁶ Ibid. P. 23: «vassalorum monasterii quos ipsum monasterium habet in castris Roiatis et Rocca Sicce...»

письменной форме почти век спустя. Это, прежде всего уплата денежной ассизы, собираемой ежегодно, некие службы, причитающиеся монастырю издавна, а, кроме того, оказание помощи в случаях, когда монастырь приобретал новые земли и замки³⁵⁷.

Интересно, что в наиболее раннем документе от 1193 г. ответственными за соблюдение интересов аббатства названы два официала – вицекомес и коместабилиес. Видимо, и в замке Субьяко, как позже в Роккантика, оформление должностей общественных распорядителей происходило под влиянием церкви или, можно сказать, благодаря этому влиянию. В перспективе этим официалам делегировалась ответственность за вассальную «верность» всей общины, важной функцией высшего должностного лица общины становился контроль соблюдения вассальных обязанностей.

Итак, даже на основе трех показательных примеров правовых документов локальных центров единой области – Сабины, часть из которых предшествует моменту распространения модели вассалитета простолюдинов по отношению к церкви, некоторые – являются собственно образцами правового закрепления системы вассалитета, а часть – показывает ситуацию после осво-

³⁵⁷ *ibid.* P.25: «...salvis et reservatis in hiis omnibus servitiis consuetis que monasterium a dictis vassalis recipere consuevit...»; *Ibid.* P. 24: «...et dicta assisa colecta et electa dicto domino abbati vel eius successoribus in festo predicto Nativitatis Virginis assignabunt...», «...si autem dictum monasterium terram vel castellum aut ecclesiam emerit dicti vassalli sine fraude et moderate de bonis propriis ipsorum ipsi monasterio adiutorium prestabunt...». (Последнее условие также имеет параллели в соглашениях светских сеньоров и их вассалов.). См. данные пункты по материалам документа из Субьяко от 1193 г.: *Ibid.* P. 15: «...hac die nostra bona voluntate et communi consensu totius populi de Sublaco ... ut omnes habitatores dicti castri semper benivolos et devotos in servitio ipsius monasterii et nostro conservemus, talem assisam cum eis facimus, exceptis clericis et militibus»; *Ibid.* P. 16: «...si tamen nostrum monasterium emerit terram aliquam vel castellum... de bonis propriis populus ... adiutorium faciet...»; *Ibid.* P.17: «...salvo tamen in his dominio monasterii et nostro, et salvis consuetudinibus antiquitus constitutis in servitiis artificum et operis hominum quas semper monasterium habuit et habere debet...» .

бождения общины от данной зависимости, читатель может сделать собственные выводы о степени исторической предопределенности системы вассальных связей и ее отличиях от положения общинников при формальном отсутствии данной системы.

Вопрос о городских центрах не менее интересен и также, на мой взгляд, предполагает микроисторический подход к их изучению. В частности, мы можем сделать попытку реконструкции по материалам архива коммуны Корнето, достаточно сложная ситуация, связанная с особенностями юрисдикции и вассалитета, которая сложилась в округе (контадо) средневековой коммуны. Отметим, что на территории которого находились многочисленные замки и церкви.

Уже в середине V в. Корнето стал епископской резиденцией (вместо античной Тарквинии) и оставался епископальным центром до середины IX в. Как удобный порт, торговый центр Корнето сформировался в богатую и многочисленную коммуну. Корнето успешно соперничал по социально-экономическим параметрам с городами, несмотря на то, что долго имел несоответствующий юридический статус *castrum*. Коммунальный архив Корнето свидетельствует, что город предпочитал платить штрафы за невыполнение вассальной военной повинности, т.е. просто-напросто откупаться от формального сеньора – Церкви; сеньориальное право «мира и войны» также не соблюдалось корнетанцами, если того требовали собственные политические интересы коммуны.

Так, в документе от 20 мая 1294 г. говорится, что ректор и генеральный капитан Патримония Св.Петра в Тусции возвращает нотарию коммуны Корнето расписку-квитанцию на весьма крупную сумму – 170 ли (в одной из распространенных форм чекана)³⁵⁸ в счет побора «фокатико» (*focatico*) и 45 лир той же монетой в счет «талья милитум» (*talia militum*), которыми коммуна обязана церкви³⁵⁹.

³⁵⁸ Такой ходовой монетой были папарины, а также с конца XIII в. – провизины сената, отчеканенные по образцу монеты Прованса, но часто в документах римской округи фигурируют самые разнообразные монетные типы.

³⁵⁹ La Margarita Cornetana.Regesto dei documenti/ a cura di P. Supino. Roma, 1969. P. 165; Есть упоминание о завоевании Корнето войсками

В понтификат Бонифация VIII Корнето вместе с другими коммунами и замками Патримония в Тусции получил от папы привилегию осуществлять «*regum et mixtum imperium*», т.е. проводить судебные разбирательства на своей «территории» (по всем преступлениям, кроме особо тяжких, как то: подделка папской монеты или писем)³⁶⁰. Но одновременно с этой уступкой Бонифаций заставил Корнето исполнять военную повинность верноподданных папского престола. Войска коммуны участвовали в походе против Неви, предпринятом папой (свидетельство об этом участии случайно сохранил краткий документ за июнь 1297 г.; в нем удостоверялось, что члену коммуны Маттео Вителлески было уплачено за потерю боевого коня, просто-напросто украденного во время этой экспедиции коммуны)³⁶¹.

В 1301–1302 гг., видимо, из-за того, что положение грозного папы Бонифация уже пошатнулось, Корнето дважды отказывался от своих вассальных обязанностей по отношению к папскому престолу – во время войн Бонифация с Маргаритой Альдобрандеска и Гвидо ди Санта Фьоре. В 1301 г. коммуна уплатила за это 1000 флоринов штрафа, а в 1302 г. также тысячу этой же монетой за отказ послать войска против замка Питильяно – цитадели рода Альдобрандеска. Этот момент политической истории Папской области особенно интересен в контексте рассмотрения взаимосвязи «церковь-папство-общины».

Военные действия были предприняты Каэтани совместно с коммуной Сиены, причем предусматривалось присвоение завоеванных территорий и к земельному фонду данной коммуны, и к владениям папских сородичей, так что, в данном случае, можно говорить о достаточно равноправном партнерстве общины Сиены и могущественного рода Каэтани³⁶². Коммуна же Корнето не

коммуны Витербо в 1169 г., но видимо, эта победа не привела к долговременному подчинению Корнето. (Cronache e statuti della Citta di Viterbo... P. 6).

³⁶⁰ Ibid. P. 245.

³⁶¹ Ibid. P. 117.

³⁶² Lisini A/La Margherita aldobrandesca e la dissoluzione della grande contea di S.Fiora e di Sovana // *Bulletino senese di storia patria/ noova ser.*, III. 1932. Краткое, но ценное замечание можно также обнаружить у

могла бы извлечь никаких выводов из альянса, почему и не была заинтересована в данной военной компании. В связи с этими событиями коммуна лишь навлекла на себя немилость. Коммуна Корнето-Тарквинии поплатилась и за то, что на территории Корнето нашли пристанище лица, пребывавшие под банном (т.е. оглашенные преступниками, провинившимися перед папой)³⁶³. Кроме того, Корнето как *цивитас* имела и использовала статуты, не исправленные согласно воле папского престола³⁶⁴.

Таким образом, мы видим двойственную ситуацию: с одной стороны, наказание, хотя и не самое жестокое и незамедлительное, все же ожидало *цивитас*, отклонившую участие в организованной папским родом политической акции.

С другой стороны, даже перед авторитетом папской власти коммуна Корнето ощущала себя достаточно неуязвимой и консолидированной в сознании собственных коллективных интересов. Но этот набор характеристик нельзя приравнять к четкому юридическому статусу, хотя у исследователя есть искушение в данном случае использовать определение «независимой *цивитас*», подобное категорическое утверждение требует пояснений.

Некоторые коммуны достаточно значительных городов, добились еще больших свобод и особых привилегий в период борьбы папства с империей. Можно ли сказать, что фактически они стали независимыми?

Независимость коммуны выражалась в праве самостоятельного избрания высших должностных лиц без апробации кандидатур римской курией и праве юрисдикции – осуществления правосудия по гражданским и уголовным делам – по усмотрению судьи коммуны.

Коммуны Фано, Иези, Пезаро, Тоди, Перуджия получили от папы Иннокентия III признание власти собственных избираемых

Холмса в главе “The Age of the papal withdrawal” и подразделе «the papal revolution”: Holms p. 175.

³⁶³ Ibid. P. 265-266; 267-270.

³⁶⁴ Ibid. P. 270: «...a 500 lire per essersi serviti di statuti non correcti»

консулов и подеста и осуществления ими правосудия первой инстанции³⁶⁵. Коммуна Ассизи – города Св. Франциска – получила юрисдикционные привилегии в 1235 г.

Не обходили своим вниманием папы и те города, которые традиционно являлись сторонниками имперской партии, стараясь продемонстрировать упрочение своей власти в регионе тем, что избирали такие «враждебные» города в качестве временных резиденций.

Например, первый известный «*parlamentum*» – съезд епископов, аббатов, крупнейших владельцев сеньориальных прав и представителей общин Папской области (за исключением Романы) – был назначен в 1207 г. в Витербо, который славился гибеллинской приверженностью³⁶⁶. Витербо, город-резиденция пап, только в 1252 г. посредством папской привилегии закрепил существовавшую практику избрания независимых от римской курии судей и подеста, но при этом отнюдь не полностью освободился от влияния римских епископов³⁶⁷.

Блюстители престола Св.Петра пытались сохранять то влияние, которым по исторической традиции пользовался римский епископ в городской общине различными способами: с одной стороны, даруя префекту Рима и римским аристократам административную власть преторов и легатов, а с другой, стремясь к установлению папской сеньории в Городе.

Несомненно, что политическое влияние папской курии имело сложные последствия для коммуны Рима и взаимоотношений Рима с другими городами региона, но этот вопрос следует рассмотреть отдельно.

³⁶⁵ Ermini G. *La liberta comunale nello Stato della Chiesa da Innocence III all' Albornoz.*

V.2, p. 9 -10: «... *consulatum cum iurisdictione que spectat... tam in civilibus quam in criminalibus...*». Источниковый материал подробнее см. В изданиях: Theiner A. *Codex diplomaticus domini temporalis S. Sedis. Rome. Impr. Du Vatican, 1862, t.I, doc. XLIII. Innocentii III regestorum sive epistolarum liber primus/ Migne. Patrologia latina, t. CCXIY, ep. CCCCXXYI, c. 400.*

³⁶⁶ Partner P. *The lands of St. Peter. The papal state in the middle Ages and the Early Renaissance. L.A., 1972. P. 239.*

³⁶⁷ Ermini G. *La liberta comunale ...*, V. 2, p. 12.

Папа Бонифаций VIII, казалось, был близок к тому, чтобы сделать Патримоний Св.Петра фактическим владением своего родового клана. Можно спорить о том, что именно стало причиной победы центробежных сил в социально-политической жизни региона: сами по себе личные амбиции и планы честолюбивого и властолюбивого отпрыска семейства Каэтани или их крушение. Так или иначе, перемещение папской курии из Рима в Авиньон и то, что папской тиарой теперь удостаивались не итальянцы, а мало интересовавшиеся итальянскими делами иноземцы, изменила ситуацию во взаимоотношениях церкви и общины в землях Св.Петра.

Несмотря на отдельные социальные и политические успехи папства XII в., особенно в периоды понтификата Иннокентия III (1198–1216) и Николая III (1277–1280), эта тенденция к централизации и унификации не возобладала. Правовая унификация стала последовательно проводиться лишь с окончанием Авиньонского пленения пап благодаря инициативам, энергично проведенным ректором Патримония Св.Петра кардиналом Альборноцем. Бесспорно, эта правовая реформа была большим достижением, однако с точки зрения развития традиции «*Jus proprium*» более интересен предшествующий период (с начала XIII до последней четверти XIV вв.), которому мы и посвятим основное внимание.

В целом, папский престол в XIII–XIV вв. стремился к сохранению «прямых вассальных связей», т.е. подтверждения вассальных присяг общин и коммун региона в обмен на пожалования различных свобод и привилегий, которые могли быть дарованы в первую очередь городам³⁶⁸. На протяжении XIII–XIV вв. в руки пап переходили многочисленные замки, игравшие важную стратегическую и политическую роль (особенно ввиду слабости и малочисленности собственно городских центров во многих частях

³⁶⁸ При этом извлекалась немалая выгода: права, привилегии часто предоставлялись или подтверждались за плату, защита их (например, от притязаний местных магнатов) целиком перекладывалась на членов самих заинтересованных коммун и общин, а папство получало, таким образом, союзника в борьбе с магнатами, претендовавшими на господство в регионе.

папской области). Но, в случае серьезного конфликта в регионе (например, борьбы между коммунами или своеволия могущественных нобилей) ни обличенный властью от имени церкви ректор Патримония Св.Петра в Тусции, ни сам папа не могли на деле твердо рассчитывать на соблюдение общинами и коммунами региона объявленного мира или войны.

Во многом благодаря диспропорциям развития историографии коммуны, словосочетание «сельская коммуна» не стало таким же общеизвестным знаковым понятием как коммуна-дивитас синоним итальянского города. Однако ясно, что в любом доиндустриальном обществе сельский мир превалирует над городским. Что же происходило в этом огромном мире, как происходило становление и развитие общин вне города?

Термин «контадо» – округа — это достаточно корректное обозначение сельского мира средневековых итальянских земель: количество больших и малых городов все же было очень большим, и окрестные территории, действительно не могли оставаться вне влияния городского центра, кроме того, название контадо используют не только в отношении округа города, но и округа локальных центров, например, крепостей.

Центры контадо, которые одновременно являлись центрами общин, часто определяются в источниках как “castra”. Но следует иметь в виду, что термин «castrum» (как и термин «villa») обескураживающе многозначен. «Castrum» в узком значении – это замок или крепость, а в более широком смысле – территориальная единица с укрепленным центром, который и давал свое имя всей «тянувшейся» к нему округе. В замке, в самих его стенах и в посаде, вблизи укреплений, могли проживать от группы семей до нескольких тысяч человек.

Многие замковые центры отличало древнее происхождение, и они сохраняли большее значение на протяжении многих веков. Например, в случае укрепленных центров дальней округи Рима феномен «озамкования» IX–XII вв. неразрывно связан с традиционной структурой поселений предшествующей эпохи³⁶⁹.

³⁶⁹Toubert P. Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine...

Вот несколько иллюстраций к истории развития замков в Римской Провинции. Во-первых, пример Субьяко. Некогда здесь располагалась одна из вилл Нерона, в VI в. – известная христианская обитель. В 7 в. монастырь и существовавшие к тому времени укрепления были разорены лангобардами, а со второй трети IX в. источники снова упоминают о местном замке³⁷⁰.

Вокруг этого замкового центра возникали другие замки, которые постепенно подпадали под власть монастыря. Так, Рояте (возникший на месте oppidum племени Эрнич доримского времени) упомянут в дипломе Оттона I от 967 г. в качестве владения Субьяко³⁷¹. Средневековый Ровиано, развившийся на основе античного центра крупного поместья рода Рубриев, находился под властью Субьяко со времен Григория IV г.³⁷² А в дипломе Оттона I того же 967 г. в перечне владений Субьяко в этой местности названы уже два центра – малого и более крупного поселения, которые можно идентифицировать с Ровиано и Ровианелло средневековой карты римских окрестностей³⁷³.

Поселение Дженаццано ведет начало также от античного сельскохозяйственного центра, это было крупное поместье «фундус». Первое упоминание о средневековом замковом центре Дженаццано также связано с историей Субьяко³⁷⁴.

На месте средневекового Виковаро некогда существовал значительный центр племени эквов, а затем – «викус» римского времени. Булла Григория VII свидетельствует, что Виковаро с этого времени был подвластен монастырю Сан Паоло «за стенами», но собственно о замке в этом документе еще не говорится³⁷⁵. Целестин III передал Виковаро в руки фамилии римских

³⁷⁰ Nibby A. Analisi storico-topografico-antiquaria della carta dei dintorni di Roma. Roma, 1849. T.I, p. 120–123.

³⁷¹ Ibid. p. 27.

³⁷² Как свидетельствует папская булла от 833 г., ссылку на которую дает Нибби. Ibid, p. 29.

³⁷³ Roianum Maius и Roianum Minus. См: Nibby A. Analisi storico-topografico-antiquaria... p. 30.

³⁷⁴ Джованни ди Пьер Доменико и его супруга – владельцы Палестрины и Дженаццано совершили дарение в пользу монастыря под 1022 г. Ibid, p. 101–102.

³⁷⁵ Ibid. T. I p. 479.

нобилей Орсини. При этих владельцах Виковаро пережил свой расцвет, и в XIII в. считался уже одной из мощнейших крепостей, будучи основным центром фамильных владений Орсини³⁷⁶.

Безопасность людям и их хозяйству могли обеспечить лишь надежные укрепления. С другой стороны, любой владелец замка был заинтересован в привлечении новых жителей на территорию замка. Добиться этого прироста податного населения, охранников замка, «верных», готовых к службе на благо сеньора можно было только при том условии, чтобы заинтересовать экономически новых вассалов: как простолюдинов, так и благородных.

Забота об укреплении и о земельных владениях в округе замка создавала основу для взаимодействия и сплочения местных жителей, которые часто консолидировались в общину, создавали систему самоуправления и представительства общих интересов. Замки были, т.о., не только убежищем для слабых, и символом власти и господства сильных, замок становился ядром сеньории и центром образования общин и целых союзов общин в контадо. Замок – это целый мир средневековой жизни, соизмеримый по значению с миром города.

Представляется, что вопрос о локальных центрах контадо и возникавших в округе общинах принципиально важен для характеристики итальянской общины в целом.

Видится необходимым рассмотреть различные постановки проблемы изучения каструм. В историографии вопрос о специфике замкового поселения возник тогда же, когда, собственно, и началось изучение феномена развития коммун – т.е. в начале XX века. Первенство здесь принадлежит Р. Каджезе, создателю фундаментального труда по истории сельских классов и коммун³⁷⁷.

В этом исследовании Каджезе была поставлена проблема классификации не городских коммун. Р. Каджезе выделил среди них сельское поселение-коммуна с чисто аграрным укладом и однородным в социальном плане населением, а также коммуна се-

³⁷⁶ Ibid, p.481.

³⁷⁷ Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medio evo italiano. Firenze, 1907-1909. Vols.1-2.

ньориального замка, для которой характерна большая интенсивность экономической жизни и, как следствие этого, дифференцированность социальной структуры.

Каджезе полагал, что наличие или отсутствие в замке постоянной резиденции сеньора в значительной мере сказывалось на развитии замкового поселения: сами потребности семейства феодала и его свиты могли, по мысли Каджезе, стимулировать хозяйственную активность населения, привлекать в замок торговцев, специалистов-мастеров и т.п. Несмотря на безусловную полезность трудов Каджезе, это имя достаточно редко упоминается в современной историографии.

Из всей плеяды историков указанной школы исследований юридических и экономических аспектов истории никто иной, как Дж.Вольпе вошел в число классиков итальянской медиевистики³⁷⁸. Дж. Вольпе развил разработки Каджезе, уточнив, что не всякое поселение, обнесенное крепостной стеной, выделялось по составу населения и хозяйственному укладу среди соседей.

Пребывание сеньора в замке Вольпе не считал определяющим фактором экономического развития этого локального центра. Кроме того, именно Дж. Вольпе первым четко определил, что сам термин «каструм» употребляется средневековыми итальянскими источниками, как в узком, так и в широком смысле. В первом случае «каструм» означает буквально «крепость». Во втором случае под этим термином подразумевается не только «укрепление», но и вместе с ним территория нескольких десятков вилл, тянувшихся к этому надежно защищенному центру³⁷⁹.

И Каджезе, и Вольпе ограничились общей, принципиальной трактовкой вопроса о «каструм», не предпринимая специальных исследований истории конкретных замковых поселений; не коснулись они в своих работах и интересующего нас региона. В фундаментальном труде Ф. Томассетти³⁸⁰, напротив, отсутствует общей взгляд на проблему «каструм», зато кропотливо собраны

³⁷⁸ Из множества трудов данного автора укажем удачную подборку работ разных лет: Volpe G. Medio evo italiano. Firenze, 1961. P.177-178.

³⁷⁹ Ibid. P.177-178.

³⁸⁰ Tomassetti G. La campagna ...Vols. 1-2. Roma, 1910. Vols.3-4. Roma, 1925.

данные обо всех локальных центрах Римской Кампании, среди которых большинство было замками.

Из работ следующего десятилетия к теме нашего исследования имеет отношение лишь труд Дж. Эрмини³⁸¹ о развитии коммунальных свобод в Папском государстве, опубликованный в 1926–1927 гг. В нем содержатся некоторые данные об особенностях правового статуса замка; в частности, констатируется, что замкам предоставлялись (за определенную плату) те же привилегии, что и городским коммунанам: например, иметь выборных должностных лиц, независимую низшую судебную инстанцию и т.п. Эрмини провел анализ административно-правовой организации территории Папского государства, а также отношений по поводу осуществления юрисдикции, в т.ч. отражены и некоторые моменты, касающиеся формирования статутных законодательств в регионе.

В историко-правовом плане феномен замка позднее трактовал и П. Сантини³⁸², который показал в своих работах роль таких институтов, как «universitas vallis» и «comune di pieve» в связи с историей укрепленных центров. Особое положение среди работ правоведческого характера ощутимо выделяется концептуальное исследование П. Ваккари, посвященное юрисдикционным аспектам организации контадо. Особая роль в этой системе автором отводится замку. Любопытно, что исследователь, описывая рост и значение замка пользуется термином *Incastellatura*, что ближе к терминологии источников, в то время, как несколько позже историки начнут применять к тому же процессу специально изобретенный концепт *incastellamento*.

По мнению Ваккари, организация контадо средневекового периода в Италии, Германии и Франции: при схожих «стартовых условиях» в Италии процесс формирования юридических струк-

³⁸¹ Ermini G. La liberta comunale nello Stato della Chiesa da Innocenzo III all'Albornoz. Vols.1-2. Roma, 1926-1927.

³⁸² Santini B. I comuni di valle del Medio evo. La costituzione federale del Frignano. Milano, 1960. Idem. I «comuni di pieve» nel Medio evo Italiano. Milano, 1960.

тур контадо пошел отличным от других земель образом: краеугольным понятием являлась юрисдикционная территориальность, а не система персональных связей.

Хотя это мнение и спорно, оно заставило автора концепции обратить особое внимание на каструм, условия владения замком, его функции по отношению к округе³⁸³. Через призму особой роли замка в юрисдикционной иерархии, Ваккари затрагивал и вопрос о коммуне замка, символом и центром которой являлось столь значимое для контадо укрепление³⁸⁴. Однако, для данного исследователя гораздо важнее было разграничить юридические понятия *curtis*, *castrum*, *comune*, связанные с замком и его общиной.

Обратимся к иной тенденции исторических изысканий, а именно: к направлению социально-экономических исследований по средневековой Италии, в частности, отметим работу, которую проводил Дж. Луццатто³⁸⁵. Особое внимание в трудах данного ученого было уделено сельскому миру – социальным группам деревенского населения, и именно в данной связи структуры «каструм» попали в сферу его интересов: им высказаны были отдельные важные замечания по поводу экономического развития замка. В частности, Луццатто одним из первых обратил внимание на процесс формирования собственной финансовой системы коммуны замка.

Подобно своим предшественникам Дж. Вольпе и Р. Каджезе, Луццатто полагал, что замки из прочих поселений сельской округи можно выделить уже по чисто экономическим признакам и составу населения, поскольку их коммуны быстро приобретали черты сходства с городскими, на основе опережающего развития

³⁸³ Vaccari P. La territorialita come base dell'ordinamento giuridico del contado nell'Italia medievale. 2ed. Milano. 1963. В особенности: P.12-13,46-51, 66-68, 91-103.

³⁸⁴ "... Il centro dominante del borgo sara un castello o la sede del comune, ma dal punta di vista giuridico ci troviamo pur sempre del fronte ad un castrum..."//Там же 91-92.

³⁸⁵ Luzzatto G. Dai servi della gleba agli albori dei capitalismo. Bari, 1966. P.213.

ремесла и торговли и усиливавшейся по этой причине социальной дифференциации населения³⁸⁶.

Примерно с 1960-х гг. начинается настоящий бум археологического изучения замка (в связи с общим подъемом уровня археологических изысканий). В частности, специально для исследования археологии средневекового замка было сформировано научное подразделение «Istituto Italiano dei Castelli», по результатам раскопок проводились конференции и круглые столы³⁸⁷.

Однако отметим, что специалистов-археологов практически не интересовала область социальной жизни замка. Соответственно, при таком узком подходе невозможно было вычленить отличие средневекового замка от предшествующих фортификационных сооружений римского или византийского времени. Напротив, археологи пытались обнаружить черты преемственности и сходства между этими типами укреплений³⁸⁸.

В этом ряду следует выделить как качественно ценный этап работы Г. Шмидта, вошедшие в многогранную историю Италии 80-х г. прошлого века. Г. Шмидт³⁸⁹ провел исследование археологии и топонимики средневековых укреплений, в первую очередь, замков, используя методику аэрофотосъемок. Общим характером при сжатости и информативности изложения отличается работа «Города и укрепления по планам аэрофотосъемок». Эта публикация, как и другие составляющие итальянского энциклопедического проекта, не только представляет собой собрание богатейшего справочного материала, но и незаменимо представления исследовательской палитры проблемы «castrum» и город.

От узкоспециализированных перейдем к примерам комплексных подходов к проблеме замка и формирования его коммуны. Под такими общими работами, я подразумеваю исследования, не принадлежавшие направлению правового толка, но и не концентрирующие внимание исключительно на экономической

³⁸⁶ Ibid.

³⁸⁷ Archeologia medievale dei castelli. Estratto da Tavola rotonda nazionale, Udine-Cividale Trieste 26-29 ot 1967, Istituto Italiano dei castelli.

³⁸⁸ Ibid.

³⁸⁹ Schmidt G. Citta e fortificazioni nei rilievi airofotografici.// Storia d'Italia. Vol.5. I documenti. Torino, 1973.

составляющей, и, в то же время, учитывающие специфику каструм как особого явления. Историками-итальянистами был рассмотрен не только важный комплекс вопросов, связанных с развитием сеньории и вассально-личных отношений, но и проанализированы место и роль каструм в организации контадо.

Г. Россетти обратилась к исследованию глобальных процессов трансформации контадо, шедших в период X–XI вв. на севере Италии, в Лангобардии. Россетти были изучены аспекты формирования сеньории замка, его роль в социально-политической организации Лангобардии, отмечены такие новые функции замкового центра, как юрисдикционная и социально-политическая, помимо существовавшего ранее военно-стратегического значения³⁹⁰.

Дель Треппо нашел важную перспективу исследования, обозначив роль крупного хозяйства и включения в него замка в качестве структурной единицы³⁹¹.

Дж. Табакко, исследуя процесс формирования «сеньории банна», взаимоотношений сеньориальной власти сельских сообществ, также, как и Дель Треппо подчеркивал, что замок способствовал концентрации населения (сеньориальное укрепление могло превратиться в достаточно крупное поселение, включавшее в себя и прежний сеньориальный центр и его сельскую округу)³⁹².

³⁹⁰ Rossetti G. Formazione e caratteri delle signorie di castello e dei poteri territoriali dei vescovi sulle città nella Langobardia del sec. X // *Forme di potere e struttura sociale in Italia nel Medioevo*. A cura di G. Rossetti. Bologna, 197. P. 113–148.

³⁹¹ Del Trepo M. Franzionamento dell'unità curtense, incastellamento e formazioni signorili sui beni dell'abbazia di S. Vincenzo al Volturno // *Forme di potere e struttura sociale in Italia nel Medioevo*. A cura di G. Rossetti. Bologna, 1977. P. 286.

³⁹² Tabacco G. Lo sviluppo del banno signorile e della comunità rurali. // *Forme di potere e struttura sociale in Italia nel Medioevo* / A cura di G. Rossetti. Bologna, 1977. P. P.210–211.

Дж. Фазоли³⁹³, продолжая разработку концепции феодальных отношений (понимаемых как вассально-личные связи), обратилась к проблеме замка в этом контексте. Такие центры, по мысли исследовательницы, становились административно-юрисдикционными.

Общепризнано, что особый вклад в разработку проблемы «каструм», изучение механизмов процесса «озамкования» внес П. Тубер,³⁹⁴ настолько, что этот вклад нет нужды комментировать. Отмечу лишь два момента. Во-первых, Тубер, так же, как и его коллеги по школе «Анналов», работавшие над изучением французских средневековых материалов, видит в процессе «озамкования» революционное изменение общества. Однако исследования Тубера включают статистический анализ огромного массива локальной документации, касающийся Южного Лация и Сабинны IX–XII вв., что являлось не только ценным, но и, бесспорно, новаторским для своего времени подходом.

Интересно, что тот исследовательский импульс, который привнес французский историк П. Тубер, сказался, прежде всего, в активизации в итальянской историографии микроисторического изучения данного региона и механизмов процесса «озамкования».

В фундаментальном (что обычно означает: постоянно цитируемом и мало кем прочитанном) исследовании «Структуры средневекового Лация: Южный Лаций и Сабина от IX до XII вв.» в числе системообразующих структурных элементов рассмотрены такие характеристики, как аграрный пейзаж, динамика демографических процессов, социальные структуры³⁹⁵. Последующие моменты научной активности Тубера мало известны в целом в Европе и России, возможно, именно потому, что эта активность была ближе к итальянской почве историографии.

³⁹³ Fasoli G. Feudo e castello // Storia d'Italia. Vol. 5. I documenti. Torino, 1973.

³⁹⁴ Toubert P. Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine de IX a la fin du XII siecle. Roma, 1973.

³⁹⁵ Toubert P. Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine de IX a la fin du XII siecle. Roma, 1973.

Часто цитируемым, но не подхваченным инновациям исследований Тубера в итальянской школе историографии по духу ближе всего труды А.А. Сеттия. Сеттия³⁹⁶, который провел, и большую практическую, и аналитическую работу, обратился к проблеме замковых центров в контексте изучения демографических и социально-экономических процессов развития итальянской деревни периода IX–XII вв. Исследователем была рассмотрена роль замка в миграционных процессах (концентрация населения), внутренней структуре и эволюции не городских поселений, территориальной организации.

Исследования проведены в основном на материале Севера Италии. Однако в обобщающей работе «Развитие сельских поселений Италии: деревни, замки и бурги от раннего к позднему Средневековью» А.А. Сеттия сделал принципиальное заключение о том, что причины, сроки и методы осуществления процесса «озамкования» на Юге и на Севере полуострова кардинально различались, в то время как последствия осуществления этого процесса были одинаково глубокими, революционными, принципиально изменяющими структуру народонаселения и территориальную организацию сельского мира.

Изучение и сопоставление различных историографических традиция и картин позволяет представить, что *castrum* — это важнейший центр контадо, который не может не быть задействован в процессе консолидации коммун и формировании сеньорий. Очевидно, что, признавая замок в качестве важного центра военного, юрисдикционного, административного присутствия, мы должны определить *castra* в качестве общин особого статуса.

³⁹⁶ Settia A.A. *Villam circa castrum restringere. Migrazioni e accentramento di abitati sulla collina torinese nel basso medio evo* // *Quaderni storici*. 1973. N 24. Pp. 906–913. Idem. *Lo sviluppo degli abitati rurali in alta Italia: villaggi, castelli e borghi dell'alto al basso medioevo*// *Medioevo rurale. Sulle tracce della civiltà contadina*. A cura di Fumagalli V., Rossetti G. Bologna, 1980. Idem. *L'incidenza del popolamento sulla signoria locale nell'Italia del Nord: DAL VILLAGGIO FORTIFICATO AL CASTELLO DEPOSITO / Structures feodales...* p. 263–284.

Находясь в центре возникновения правовых и политических импульсов развития контадо, община замка – должна была получить определенные специфические черты.

Таким образом, замок – это не только сама крепость, твердыня или неприступная башня, но укрепленный центр сельской округи. Эта населенная округа как бы составляет с укреплением единое целое. На эту «территорию» (*tennimentum, territorium*), и стремились распространить свои права владельцы замка, подчинив всех жителей округи сеньориальному бану. Именно на этой проблеме – проблеме сеньории замка сосредоточено внимание ряда европейских и, прежде всего, итальянских исследователей.

* * *

Вредны или полезны для исследования попытка разбить общие схемы и классификации и выстроить их антиподы? Как видим, попытка создания общего осмысления феномена коммуны как бы не от общего, от особенного, от противного приводит нас к тому же ряду проблем, что и попытки опираться на общие основы – правовой и институциональной истории, истории отношений общины с папством или империей и т.д., истории соотношения коммуны и сеньории. На чем основаны и отчего меняются существующие стереотипы трактовки таких понятий, как «коммуна», «сеньория», «вассальная верность», «независимость» и зависимость общины? Приводимы ли к общему знаменателю казусы, которые иногда охватываются общими понятиями «вассалитета» или «сеньории»? Видимо, нет, но частные классификации все же полезны и сокращают историку время затратного анализа и описания той или иной общины или кластера соподчиненных социумов, делать это каждый раз с чистого листа было бы нерационально.

Наиболее распространенная классификация видов сеньории, с которой сталкивалась локальная община основывается на том, что определяют различные масштабы и уровни распространения сеньориальных прав: *Signoria territoriale (di banno)*.

Первый разряд «*Signoria domestica*» – это случай небольшой и патриархальной сеньории, который не вызывает споров в интерпретации явления. Во втором случае, который представляет собой «*Signoria fondiaria*», сеньор имеет права лишь в отношении

держателей, получивших от него земельные участки. Третий же тип характеризуется тем, что под сеньорию банна подпадает все население окрестных земель.

Значение этой сеньории как определенного типа или казуса важнее количественных показателей существования подобных сеньорий. Впрочем, и конкретная историческая роль подобных масштабных сеньорий в развитии римского региона бесспорна. Кароччи своими трудами способствовал прояснению общей картины развития сеньории и принципов ее изучения, именно тем, что выделил в особый тип сеньорию баронов и исследовал ее.

Этот вопрос о сеньории баронов, столь неизбежный для понимания исторических особенностей развития и сохранения сеньории в итальянских землях, до последнего времени не был предметом изучения отечественных историков (что, впрочем, можно сказать и о большинстве национальных школ медиевистов за пределами Италии).

В периоды понтификатов пап из числа отпрысков римских фамилий или понтификов, происходивших из знати Лация, значительно усилили позиции верхушки нобилитета и снабдили этот слой баронов дополнительными ресурсами для сохранения сеньориального господства в огромном числе локальных центров региона.

Именно в этих сеньориях сочетались экономические и юридические моменты проявления сеньориальной власти, а система вассальных связей, распространенная и на привилегированных жителей, и на простолюдинов, соединяла функции подчинения и защиты населения.

Изучение феномена сеньории решает важный комплекс вопросов, связанных с историей города и замка, взаимосвязи города и контадо.

На мой взгляд, итальянская национальная историография имеет ряд приоритетов в этом вопросе, хотя бы потому, что научная литература на итальянском языке заставляет задуматься над вопросами, которые как бы не существуют для многих вполне серьезных и квалифицированных итальянистов.

Исходя из вышеизложенных тезисов историографии, я считаю наиболее важными для исследования два вопроса. Во-пер-

вых, интересно, есть ли казусы, подтверждающие намерения сеньоров распространить свою власть на всех жителей юрисдикционной округи, а не только на непосредственных держателей земельных участков? Во-вторых, есть ли доказательства того, что в случае т.н. «слабой сеньории» эта тенденция не могла успешно осуществиться исключительно благодаря невыгодной для сеньориальной стороны экономической конъюнктуры, а не по причине принципиальной несовместимости двух видов зависимости?

Итак, мы выделим известный в историографии мотив исследования сеньориальной зависимости и проанализируем, как возможно определить сеньорию XIII–XIV вв. в Папской области – через обозначение связи поземельной и личной зависимости, или же, наоборот, через отрицание данной связи.

Отметим несколько важных, связанных с этой проблемой тезисов.

Если принять посылку о связи систем вассальных и поземельных отношений, а я как исследователь склоняюсь к данной идее, то следующий важный вопрос, заключается в том, что было первичным, а что вторичным.

Каким образом система вассальных отношений выстраивала структуру поземельных отношений, или же, наоборот, как разряд земельного надела и связанные с ним права и обязанности соотносились с юридическим статусом лиц, вступающих во владение.

Далее, общину в городской округе можно, описать через особый правовой статус, которого добивались местные жители от сеньора. Но, кроме статуса общины в целом, интересным вопросом является особый статус малых групп внутри общины. Таким образом, и при разборе вопроса о сеньории мы придем к проблеме малых социумов с их привилегиями и статусом.

Мы должны рассмотреть все те особенности, которые относятся к делению внутри общины, подпадавшей под власть индивидуального и корпоративного сеньора: юридически обозначенные градации, привилегии и т.п., проявлявшиеся и в сфере личных, и в сфере поземельных отношений.

Интересно отметить сохранение социально-правового различия вассалов по способу исполнения военной повинности, участия в военном деле: т.е. подразделение на рыцарский нобилитет

и простолюдинов-пехотинцев, которое являлось характерным и для городского населения, и для жителей замков этого региона.

Все замка, не имевшие нобильского статуса («nobiles») и не входивших в местный клир (или «clerici», «ecclesiasticae persona»), составляли массу простолюдинов, по отношению к которым статуты применяют термины «homines», «pedites». В классической латыни слово «pedites» имело два близких значения: «пешие воины» и «простолюдины».

Видимо, и в средневековые взаимосвязь этих понятий полностью сохранялась: простолюдины замка составляли его гарнизон, несли военную повинность как пехотинцы, такую же роль исполняли в ополчении простолюдины города. Но ведь и ношение оружия в любом обществе можно и должно рассматривать как привилегию.

Военная повинность и простолюдинов, и нобилей в пользу сеньора играла особенно важную роль в политической борьбе, не утихавшей в римской округе, поэтому эта обязанность строго оговаривалась в правовых документах и установлениях конкретной коммуны и общины.

Интересно, что, хотя речь идет о повинности, в источниках отражен момент договора: т.е., присутствовала некая обоюдность обязательств, а притязания сеньора регламентировались. Например, «педитес» (простолюдины) Дженаццано, одного из замков римского рода Колонна, должны были нести военную повинность сеньорам (используя термин источника: «facere exercitum»). Однако всех, идущих в поход, в свой черед, сеньориальная сторона (курия) обязана была снабжать продовольствием³⁹⁷.

«Люди» замка Саккомуро из числа «верных» рода Орсини, выступив в поход, переходили на довольствие курии своих владетельных сеньоров только на второй день³⁹⁸. Согласно статуту Каве, «люди замка», принадлежавшего Колонна должны были

³⁹⁷ Statuti I, p.30, XIII.

³⁹⁸ Statuti II, 359, VIII: «...quando homines dicti Castris in aliquo cum Domino exercitu irent, uno vero die stent ad expensas suas, deinde ... stent ad expensas Curie.

исполнять военную обязанность по распоряжению курии, причем, видимо, иногда эту повинность несла сообща вся коммуна, а иногда лишь часть жителей³⁹⁹.

Какого-либо руководства со стороны местных нобилей в отношении «педитес» не предусматривалось, и, хотя документы говорят о том, что прослойка рыцарей и простолюдины Дженаццано и Каве имели вассальные связи с одними и теми же семьями, они действовали независимо друг от друга.

В статуте Роккантика записано, что местные жители-вассалы Римской церкви (*fedeles*) должны были выступать в поход под командованием военачальников, кандидатуры которых окончательно апробировались представителем Римской церкви⁴⁰⁰. В статуте Виковаро подробно оговорены случаи военной помощи людей замка: когда господа ведут войну в Риме (*in Urbe*), вне его⁴⁰¹, когда военные действия ведут союзники или родичи господ⁴⁰². Причем походные издержки оплачивают господа, за исключением того случая, когда сами сеньоры являются в замок и выводят под своим началом всю коммуна *«universaliter»*⁴⁰³.

Кроме того, жители несли службу по охране замка. Так, в статуте Дженаццано говорится о внешней (*de foris*) и внутренней (*de intus*, иначе *«scaraguardia»*) страже замка. «Внутренняя» стража должна была выставляться только во время военных действий и при отсутствии в замке господ. «Внешняя» стража постоянно осуществлялась охраной, выделенной самими «педитес»⁴⁰⁴.

Жители Рипи, кроме охраны дороги дозором, выставленным на холме Иоанна Эгидия, несли военную стражу и в самом замке: в одной из статей статута сказано, что стражники замка должны

³⁹⁹ Statuti I, p.26, XXXXI: «...homines dicti castris teneantur curie facere in comuni et speciali exercitum ... ad mandatum curie».

⁴⁰⁰ Statuti I, p.60-61, VI.

⁴⁰¹ Statuti I, p.115, I.

⁴⁰² Statuti I, p.7, XI – p.8 XIII, p.8 XV.

⁴⁰³ Statuti I, p.7, XII: «si vero homines universaliter in exercitum duceret, expensis propriis ire et morare teneantur».

⁴⁰⁴ Statuti I, p.130, XV.

пробить сигнал наступления ночи и после этого заступить в дозор. Пренебрегшие этой обязанностью присуждались к штрафу⁴⁰⁵.

Предписания относительно охраны замка незначительно варьируются в замковых статутах XIII и XIV вв., так что приведенные примеры можно считать типичными. Выделим только одно существенное различие обычных сельских сеньорий и коллективной сеньории города. Среди членов коммуны Кагель Фьорентино, связанной вассальными отношениями с крупной городской коммуной Витербо, охрана замка считалась неоплачиваемой общественной обязанностью. В Кагель Фьорентино статутом предписывалось, чтобы охрану замка осуществлял каждый, когда будет необходимость. Уклонившийся присуждался к штрафу в два солида⁴⁰⁶.

Жители нобильских замков, как правило, получали плату за эту же «службу» или хотя бы компенсацию за отрыв от хозяйства. Могли существовать исключения из этого правила. Такой пример представлял собой небольшой замок Саккомуро, жители которого в мирное время не осуществляли стражу, но откупались от этой повинности специальным сбором зерна, в военное же время жители выставляли стражу⁴⁰⁷.

Там, где охрана замка оплачивалась, формы этой компенсации были различными. Так, в Каве имелись стражники, которые несли службу по охране замка целый месяц, а затем курия назначала новую партию. Эти стражники получали в качестве жалования четвертую часть всех штрафов, назначенных по делам о причиненном ущербе⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ Statuti I, p.118-119 XXXVIII.

⁴⁰⁶ Statuti I, p. 332, LXXXXVIII: «...quod quandocumque necesse esset facere custodiam pro Castro Florentini custodiendo, quod quilibet cui preceptum fuerit, faciat ... et qui contrafecerit solvat ... II sol».

⁴⁰⁷ Statuti II p. 359 X: «... homines... non teneantur custodire turrim, neque portam dicti Castris, sed per earum custodia annuatim quilibet ignis seu focularium quodlibet de Saccomuro solvat Curie quatuor cappas grani, sed tempore brige Domine vel Castris teneantur custodie Castrum».

⁴⁰⁸ Statuti I, p. 26–27 XXXXIII: «superguardiani mutentur per curiam de mense in mensem et habere debeant quartam partem de ... accusis ... supra dampnis datis».

В Дженаццано на содержание стражи шла тоже четверть, но, видимо, от общей суммы штрафов. В Виковаро для стражи так же, как в Каве и Дженаццано, назначалось жалование, но не из части штрафов, поступивших в курию, а путем сбора зерна и денег с местных жителей «per terram» в соответствии с обычаем. Сбор производился двумя массариями замка⁴⁰⁹. На мой взгляд, сбор «per terram» означал, что выплаты вносили жители окрестностей замка, которые могли бы в случае опасности найти защиту в его стенах, охрану же осуществляли жители укрепленной части Виковаро, т.е. самого замка.

В статуте Каве оговаривается, что с разрешения сеньора рыцари могли находиться на жаловании у других лиц. Но сеньоры в любой момент имели право отозвать своих рыцарей с этой службы, если собирались начать военные действия сами⁴¹⁰.

Итак, мало сказать, что замки имели значение оборонительных центров, важно отметить, что именно население замка несло ответственность за охрану укрепления, и это способствовало консолидации местных жителей. Видимо, особо важным военное значение замка было для нобильских родов – сеньоров Виковаро, Каве, Дженаццано, т.к. в их статутах значительно больше, чем в прочих, отражены воинские обязанности жителей; кроме того, именно население нобильских замков активно использовалось не только для охраны самого замка, но и в военных действиях за его пределами.

Например, в соглашении между нобиллями и сеньорами замка Дженаццано оговариваются, прежде всего, условия конной рыцарской службы вассалов-нобилей⁴¹¹. Эти условия весьма схожи с теми, которые записаны в «statuta militum» замка Каве: на условиях военной службы сеньор предоставляет наследственные феоды вассалам, имеющим боевых коней, и берет на себя прочие походные издержки⁴¹².

⁴⁰⁹ Statuti p. 7–10 X.

⁴¹⁰ Statuti I, p. 20, X.

⁴¹¹ Statuti I p. 365–369.

⁴¹² Ibid p. 18–20.

Есть свидетельства того, что при смене сеньора замка требовалось (по крайней мере, формально) согласие массариев. Например, в документе из архива церкви Св. Маргариты Корнетанской (от 28 декабря 1299 г.) зафиксирована передача коммуне Корнето прав на замки Монте Монастеро и Чивителла, причем указано, что это осуществляется бывшими сеньорами нобилиями с согласия и одобрения их вассалов и массариев из указанных замков⁴¹³.

Сеньоры не стремились понизить статус своих зависимых лиц, более того, есть примеры обратного: в местечке Сгургола, сеньориальная сторона, представленная родом Каэтани, повышала (за плату) статус вассалов, не имевших нобильского происхождения до освобождения от поборов и некоторых нобильских привилегий «*libertas*», «*franchitia*»⁴¹⁴.

Перейдем к анализу терминов, которые использовали средневековые правовые источники для описания отношений по поводу землевладения и землепользования, а также рассмотрим и некоторые интерпретации этих наименований в современной историографии.

При этом я считаю возможным уделить наибольшее внимание трудам проф. С. Рейнольдс, поскольку ее обобщающий труд – исследование истории вассалитета и фьефа удачно провел разделительную черту между рациональной трактовкой правовых аспектов и попытками интерпретировать эти феномены в русле методик изучения социальной средневековой истории.

Следует принять во внимание логичные замечания С. Рейнольдс о вариативности отношений, фигурировавших в ситуациях, единообразно описываемых с помощью термина *vassalagium*. Однако, я продолжаю считать, что Рейнольдс, утрирует, и бедность контекстов, которые можно было бы привлечь для верификации терминов, и вывод, который следует из этих построений. Внимательные критики работы «Фьефы и Вассалы», одного

⁴¹³ Archivio della Margherita Cornetana... p. 250–251.

⁴¹⁴ Regesta chartarum. Regesto delle pergamene dell'archivio Caetani / a cura di G. Caetani. Perugia – San Casciano Val di Pesa, 1922–32., II. P.130. Этот пример подробно цитирует и разбирает в ряду статусных различий владельцев наделов на землях римских баронов С. Кароччи Baroni di Roma. P. 232. n 139.

из которых мне хочется процитировать еще раз, подметили половинчатость номинализма Рейнольдс, не принимающей поисков значений слов «феодализм» и «вассалитет», «феод» или «аллод», но твердо верящей в окончательность тех смыслов, которых нельзя этим словам приписывать⁴¹⁵.

Затем, отметим, что и радикальный критицизм Рейнольдс, вписывается в определенный историографический контекст и даже традицию, которую воплощают и учителя Рейнольдс, как, например, Элизабет Браун, и некоторые из ее англоязычных критиков, наиболее чутких к сути вызова, сформулированного в исследовании «Фьефы и вассалы»⁴¹⁶.

Главное впечатление, которое производит источниковый корпус статутов, сходный по характеру с тем правовым материалом, репрезентативность которого была подвергнута сомнениям

⁴¹⁵ Cheyette F//review: SUSAN REYNOLDS, *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. New York and Oxford: Oxford University Press 1994 // *Speculum* 71.1996. электронная версия: [www.fordham.edu.HALSALL/sourse/Reynolds](http://www.fordham.edu/HALSALL/sourse/Reynolds). Кстати в данной публикации приводится знаменитый пассаж о значении слов из «Алисы в Зазеркалье», что показывает, насколько плотно окутывает флер представлений об оксфордской культуре сам исследовательский образ Рейнольдс в восприятии ее коллег. Reynolds seems to urge us to push that skeptical recognition of regional and temporal differences to its farthest extreme, to the point where it seems to undermine the very possibility of language's acting as a vehicle for meaning. Yet she is convinced she knows what words do not mean, without apparently seeing the logical box she thus puts herself in”.

⁴¹⁶ Brown E.A.R. "The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe," *American Historical Review* 79 (1974), 1063–88. Cheyette F. *Speculum* 71 (1996), 998–1006: “Susan Reynolds must have received with dismay or resigned disbelief the Medieval Academy's announcement that by popular demand the next volume to appear in the MART series would be Francois Ganshof's *Feudalism*, for this, her most recent book, already widely reviewed, is nearly five hundred pages of vigorously argued anti-Ganshof. Attacking Ganshof's "classic" and clearly still-admired work is, of course, not new; it was a commonplace in conference hallway conversation when I was barely out of graduate school, and Elizabeth Brown (to whom Reynolds dedicates this work) led the way in print over twenty years ago in a wide-ranging and sharply pointed article...”.

со стороны Рейнольдс, – это казуальность и ситуативность использования терминов и применения норм.

Известная подвижность норм средневекового статутного права играет на руку исследователю, а не против него. При всем многообразии ситуативных смыслов, термин нельзя назвать бессмысленным. Если бы эти термины представляли собой для создателей статутов абстрактные и четко зафиксированные смыслы, зачем бы им вводить бесчисленные, сменяющие друг друга редакции статутов, на наш взгляд мало отличимые друг от друга?

Если бы названия каждого держания или службы были строго и исчерпывающе заданы раз и навсегда правовыми нормами, как об этом мечтает Рейнольдс, роль историка в интерпретации сводилась бы к «советам постороннего», а именно: прибегать к упрощениям и пересказам юридической лексики на современный лад. Если бы средневековые писцы-нотарии, многие из которых были еще и судьями, употребляли термины всегда в обобщенном значении, причем, варьируя смысл, положение интерпретатора было бы безнадежным. Но именно этого и не могло происходить в силу особенностей правового менталитета эпохи.

Земельные владения на «территории» замков, принадлежавшие церкви или городской коммуне, чаще фиксируются в источниках термином «*possessiones*»⁴¹⁷. В соответствии с древнеримскими правовыми нормами термином «*possessio*» обозначалось фактическое господство, владение, в отличие от собственности как правового господства «*dominium*», «*proprietas*». Бартошек указывает, что термин «*possessio*» (от *potis sedeo* – «сизу как господин») мог иметь значение «фактического обладания захваченной землей и волю владеть ею как коллективной»⁴¹⁸. Статус, который фиксировался термином *possessores* в период развития колоната поздней империи и в раннее средневековье нет причин

⁴¹⁷ В округе Капель Фьорентино, сеньором которого была коммуна города Витербо; Роккантика – которым владела церковь, и в замке Аспра Сабина, который до конца 14 в. находился под непосредственной властью Римской церкви.

⁴¹⁸ Бартошек М. Римское право, М., 1989, с. 251.

считать типичным для высокого средневековья⁴¹⁹. В средневековье, значение термина могло быть различным, не только в соответствии с региональной спецификой, но и варьироваться в зависимости от периода истории общины. Можно с уверенностью сказать, что в период Дученто и Треченто с владений *possessiones* владельцами обычно выплачивался фиксированный денежный побор, при этом даже в пределах Римской провинции, наблюдалось множество особенностей статуса владельца. Не исключено также, что отдельные писцы-нотарии вкладывали в этот термин особый конкретный смысл, а другие пользовались термином достаточно свободно.

На «территории» некоторых замков практиковались различные формы владения, в других случаях правовые документы фиксируют одну основную форму. Обратим внимание, что одновременные статуты общин Роккантика и Каstellь Фьорентино включают статьи о предоставлении либеллярного держания, но нет возможности прояснить, как либелла соотносится с держанием, обозначенным как *possessio*⁴²⁰. Нет оснований, однако, считать какие-либо термины, обозначающие формы держания наиболее распространенными для рассматриваемого периода и региона.

На мой взгляд справедливы суждения итальянистов, которые трактуют термины *Proprietas, bona hereditaria hereditates*, встречающиеся в правовых документах одинакового значения «аллод», а термин *bona stabilia* – как обозначающие земельные держания, полученные путем феодальной уступки⁴²¹.

⁴¹⁹ Однако интересны замечания по поводу статуса держателей в связи с проблемой *pars masaricia* и развитием *curtis*, которые рассматриваются, например, Овидием Капитани, для того же региона применительно к лангобардскому периоду. *Capitani O. Storia dell'Italia medievale. Laterza. Biblioteca storica Laterza. 2004. p. 92–93.*

⁴²⁰ *Statuti I p. 165 XXXII, p. 33 l LXXXXIII, p. 64 XVII, p. 353 CII: «usque in quantitate XX soll. libellus non offeretur ab inde supra, si petatur, detur».*

⁴²¹ Убедительный сравнительный анализ документов приводится, в частности, Кароччи, в примечаниях к разделу *Proprieta e gestione delle terre* монографии *Baroni di Roma*. Особенно важен пассаж: Carocci S. *Baroni...* p. 214.

В норме любое держание простолюдина в этот период было отчуждаемым, но с рядом ограничений, которые требует специального пояснения. Прежде всего, эти ограничения передачи участка в другие руки исходили от сеньоров, желавших, чтобы земельные держания получали только их вассалы (безразлично, прямые наследники или нет). Примерами может служить законодательство Дженаццано и Каве⁴²², а также Кампаньяно⁴²³.

Колонна воспрещали наследование со стороны тех родственников своих васалов, которые не пожелали бы занять место новых верных, и в этом качестве на условиях службы владеть землей. Сеньоры из рода Аннибальди первоначально запрещали своим вассалам продажу участков даже в пользу других своих верных и лишь в 1286 г. сняли подобное запрещение, но не пошли дальше, позволив передавать *bona feudalia* о *stabilia* только в кругу вассалов.

Само слово «феод» фигурирует в таких источниках, как статуты общин Папской области редко, и обычно упоминается, когда речь идет о держании части феода простолюдинами замка. Для характеристики феода простолюдина, разумеется, не подходит то значение термина «феодалное хозяйство», которое до сих пор бытует в учебниках истории на русском языке, но, естественно, не применимо и представление о крепостных зависимых.

В историографии существуют различные трактовки этого вопроса. Британский ученый Ларнер полагал, что в общем виде может употребляться такое определение: феодальное держание простолюдина следует понимать как наследственный аффикт, предоставляемый на условиях несения служб и повинностей, в

⁴²² Как в случае замка Дженаццано–сеньории рода Колонна (*Statuti I*, p. 131–132 XII: «*si aliquis moriretur habens filios vel nepotes ... vel fratres existentes in castrum Genezani libere moriantur eis, dummodo essent vaxalli dominorum vel si non essent vaxalli ... et vellent iurare vaxalliaqium dominis possint defunto succedere, ut dictum est.*».)

⁴²³ *Statuto di Campagnano del secolo decimoterzo ASRSP*, 14, 1891. p. 78–80.

т.ч., военной службы⁴²⁴. Это мнение было воспринято англоязычной историографией. В итальянской историографии есть, на мой взгляд, более тонкое замечание по поводу характера поземельных отношений данного вида.

Кароччи анализирует типы землевладения *feuda nobilia* и *feuda rustica*, а кроме того показывает различие между наследственными держателями недвижимости на территории сеньории (*affeudati*), обязанными военной повинностью, а также временными вассалами, обладавшими краткосрочными держаниями и на условии предоставления менее почетных служб сеньору⁴²⁵.

В статуте Каве (как в редакции 1298 г., так и в редакции 1307 г.) указана категория лиц, именуемых «*rentionarii*», как бы противопоставленных владельцам наследственных наделов «*affeudati qui habent totum feudum et domum*». «*rentionarii*» исполняли в 3-4 раза меньше работ на курию, чем хозяева-владельцы феодов, однако они имели скот, поскольку все работы и службы «*rentionarii*» должны были выполнять своими средствами⁴²⁶.

Кроме жителей, имевших полный надел, существовала категория малоимущих (наемных работников) или же приближавшихся к этому статусу (но, возможно, не терявших связи с землей). Например, в дополнениях конца XV в. к статуту Ровиано

⁴²⁴ Можно сослаться на пример исследований Дж. Ларнера, который (изучив на материале Эмили-Романьи особенности феодального контракта простолюдинов в XIV–XV вв.) назвал его наследственным аффиктом. Lerner G. *Signorie di Romagna... La societa romagnola e l'origine elle signorie*. Bologna, 1972, p.146-149; 292-294. В цитируемом Ларнером документе от 1331 г. содержится клятва верности получателя земельного участка по отношению к сеньору замка (формулировка приводится не по-латыни, а на вольгаре: «верный» – «*fedele*», «*fedele sotto nome di feudo o servitu*»).

⁴²⁵ Carocci.S. Baroni di Roma. P. 222-225, 232-234.

⁴²⁶ Statuti I p. 23 XXVII: «... *homines rentionarii dicti castris non teneantur facere nisi tertiam partem vservitiorum, que facere teneantur affeudati...*». Кароччи также обращает внимание на пример владельцев земельных держаний Каве, но использует другую вариацию термина, а именно «*rentionantes*»: Baroni di Roma. P. 232

выделена такая группа простолюдинов как «laboratores»⁴²⁷. Правда, и в более раннем статуте Капель Фьорентино (1298 г.) говорится о праве любого владельца послать, вывести на свое владение рабочую силу, но указания на группу с особым статусом или обозначения специальными терминами этого статуса в источниках из Капель Фьорентино отсутствуют⁴²⁸.

Наемный труд фиксируется статутом замка Рипи⁴²⁹. К категории беднейших простолюдинов, несомненно, относились «bubulci»⁴³⁰. Видимо, к этим беднейшим община испытывала недоверие, отчего в статутном законодательстве были введены статьи, предусматривавшие наказания этих работников за простой в работе путем вычета из жалования⁴³¹. Штрафы налагались и на тех, кто давал обещание сделаться (временно) наемным работником у другого члена общины, а затем изменял это решение⁴³².

Здесь можно сделать некие обобщения по материалам статутного законодательства. Так, земельное владение простолюдинов, каким бы термином оно ни обозначалось, обычно было дол-

⁴²⁷ Statuti II p.311 XXXXVIII: «Massarii et laboratores possint disponere de eorum bestiis, bladis et leguminibus pro libito, vendendo ea hominibus de terra, Romanis seu Tyburtinis»: ... quod partem ipsorum laboratorum, massariorum et nominum ipsi massarii et homines partem eorum vendere et donare possint...».

⁴²⁸ Statuti I. «Statuimus quod quilibet de dicto castrum possit mittere in suis bonis quasquaque voluerit».

⁴²⁹ Statuti I p.356 CXXV: «si quis promiserit ... dare pro pretio aliquo operam capatoriam vel aratoriam et ... non prestaverit solvat V soll»; p.121 LXI: «quiquaque promiserit iuvare alicue et non iuvariet, puniatur in dinariis XII».

⁴³⁰ «bubulcus» -- это обозначение погонщика упряжки тягловых животных, пахаря с упряжкой быков, но в данном случае, речь идет о наемных работниках.

⁴³¹ Ibid. p.338 XV: «bubulcus seu famulus qui cum alio steterit ... si aliqua die ... non serviverit, expomputetur de suo salario tantum quantum extimacione secundum qualitatem temporis quo non serviverit».

⁴³² Ibid. p.121 LX I: «quiquaque promiserit iuvare alicue et non iuvariet, puniatur in dinariis XII».

госрочным и наследственным, о чем свидетельствует значительная группа статей, регулирующая права наследников⁴³³. Видимо, вассалы городских коммун и церкви не испытывали таких форм повинности как отработки, которыми было связано население нобильских замков (правда, даже в этом случае от работы в поле на сеньора можно было откупиться денежной компенсацией)⁴³⁴.

Личная зависимость простолюдина ни в коем случае не влекла за собой прикрепления к земле. Переход на новое место разрешался в любое время («quando voluerint») ⁴³⁵. Земельные владения на «территории» замка облагались различным образом. Прослеживается следующая закономерность: земельные владения на «территории» нобильских замков⁴³⁶ в статутах назывались «феодами» и предоставлялись на условиях натурального (продуктового) чинша (от 1/5 до 1/4 зерновых и других «плодов земли») и несения службы.

Поземельные отношения, зафиксированные статутами замков довольно подробно, позволяют выделить общности на основе совместного владения: владение группы сородичей-простолюдинов «domus contadinesca»; нобильское объединение, совместно распоряжающееся землями и урожаем с них; владение корпорации вассалов владельца данного замка – консортов. Можно заключить, что земли на территории замка использовались по нормам обычного и феодального права, отдельными жителями и коммунной в целом, исходя из концепта корпоративной собственности.

⁴³³ Statuti I, p. 131-132 XII, Statuti II p.504 II, p. 505 VI, Statuti I, p.21-22 XV: «...si aliquis vel aliqua moritur habens filios vel filias patrem vel matrem, fratres vel sorores ... omnia bona ipsius mobilia et immobilia domus et feudum et tota hereditas eius libera ... illis rimaneant».

⁴³⁴ Statuti I p. 132.

⁴³⁵ Ibid. p. 61.

⁴³⁶ В Виковаро и Саккомуро – на «территории» замков рода Орсини, а также в Каве и Дженаццано, принадлежавших Колонна. В статуте замка Ровиано, долгое время принадлежавшем церкви, а затем перешедшего в руки Колонна, фигурируют оба вида держания – просто владение «рossessio» и владение на землях феода или просто фeод («feudum»).

Надо отметить, что грань между «*dominium utile*» и «*dominium directum*» в законодательстве коммун выражена достаточно неопределенно, что, в общем, отвечало интересам членов коммуны или общины. Как правило, статуты давали следующие свободы жителям в отношении их имущественных прав: несколько ограниченную свободу отчуждения недвижимости, находившейся в их владении, и право передачи ее по наследству; сохранение личного имущества и всей недвижимости при переходе на другое место жительства.

Обобщая, можно сказать, что положение категорий простолюдинов, обозначенных различными терминами в источниках («*homines*», «*massarii*»), «*fideles*», «*pedites*», характеризуется общими чертами, за вычетом некоторых особых привилегий. Интересно отметить сохранение социально-правового различия по принципу воинской службы, участия в военном деле: т.е. подразделение на рыцарский нобилитет и простолюдинов-пехотинцев, которое являлось характерным для жителей этого региона.

Эта особенность позволяет найти новую перспективу рассмотрения проблемы так называемого сеньориального насилия. Вопросы сеньориального насилия и сложности интерпретации феномена с точки зрения современного сознания анализируются в нескольких прекрасных работах, но тема эта отнюдь не закрыта для обсуждения в современной историографии. Каждый новый этап исследований показывает ряд более сложных проблем⁴³⁷.

Если включить в этот контекст историографической полемики по поводу насилия и сеньории приведенный выше материал о военной повинности отдельных групп и целых общин жителей городского контадо, то общая проблема окажется весьма просто и наглядно проиллюстрированной.

⁴³⁷ Прежде всего сошлемся на русский перевод статьи Стивена Вайта, опубликованный в издании *Средние века. Уайт С.Д. Переосмыслить насилие из двухтысячного года в тысячный* // СВ. Москва., 2004. с. 45-60. Отметим полемическую работу того же автора: *White S.D. Debate: the "Feodal Revolution" // Past and Present 1996. p. 205-223.* Из числа трудов медиевистов, теоретизирующий характер носит исследование Вильяма Миллера: *Miller W.I. Getting a Fix on Violence // Humiliation and Other Essay on Honor, Social Discomfort and Violence. Ithaca NY. 1993. p. 52-93.*

Понятно, что применение насилия в отношении зависимых людей, безразлично, собственных или чужих, если эти люди не просто вооружены, но и привыкли к ратному ремеслу, проблематично. Во всяком случае, нельзя сводить к роли жертвы те социальные роли, которые играло сословие простолюдинов. Включенность вооруженных контингентов простолюдинов в систему военно-политического контроля не дает права рассматривать сеньориальное насилие в качестве некоей отдельной от общества силы. Нельзя сказать, что сами простолюдины, не говоря о вассальном низшем нобилитете, были непричастны этой системе насилия

Итак, мы выделили аспекты историографии сеньории и, более узко, исследования сеньориальной зависимости. Мы проанализировали, какое определение сеньории – через обозначение связи поземельной и личной зависимости, или же, наоборот, через отрицание данной связи – возможно определить сеньорию XIII–XIV вв. в Папской области.

Автор данной работы склонен отказаться от представления о существовании барьеров между юрисдикционной и поземельной зависимостью. Именно совокупность этих признаков определяла статус вассалов. В современной историографии моменты юрисдикционной зависимости и аспекты поземельных отношений рассматриваются, как правило отдельно, после широкого принятия и распространения в кругу европейских специалистов-медиевистов достаточно дискуссионного, на взгляд многих российских историков, не обязательно историков-марксистов, определения феодализма в качестве системы личных связей. Отдельные казусы, явно совмещающие признаки принадлежности к структуре отношений поземельной и вассальной зависимости в конкретной общине или локальном центре, такой подход предлагает рассматривать как две отдельные проблемы, которые следует изучать как бы с разных сторон, не акцентируя неизбежные связи и пересечения. Этот путь может быть оправдан в схоластических целях, принят в качестве общей схемы, но необходимо оговорить условность такого подхода. При анализе микроуровня, для конкретного казуса, думается, необходимо, все же учитывать отношения зависимости двух типов, уровень корреляций.

Возможно, однако, также провести анализ сеньориальной системы и по другому параметру и критерию: с точки зрения осуществления взаимосвязи общины и сеньории. Взаимоотношение общины и сеньории раскрывается двояко: как система зависимости общины в целом от сеньориальной стороны, и как особые связи отдельных групп и членов общины с сеньором, что мы и показали, рассматривая структуру малых социумов, включавшихся в зону действия сеньории. Этот подход к исследованию сеньории через изучения специфики малых социумов, позволяет увидеть в особом свете некоторые дискуссионные вопросы, в том числе, и проблему так называемого сеньориального насилия.

Анализ проблемы сеньории, таким образом, включает исследование иерархии малых социумов, форм и условий вовлечения отдельных групп жителей контадо в систему вассальных отношений, анализ феномена развития замка, как центра юрисдикционного, административного и военно-политического господства в контадо. Вопросы о независимости и верности городской коммуны по отношению к высшей, хотя и не централизованной власти также попали в зону нашего исследования, что кажется важным для включения казусов развития итальянской общины в контекст европейской истории коммуны. Вообще все казусы, рассматриваемые нами, являются исключением из специально продуманных историографических схем, и должны восприниматься именно как таковые.

К вышеизложенным и проанализированным характеристикам общин, существовавших под властью Церкви, конечно, необходимо прибавить еще один вопрос о роли города и городской элиты в распространении системы вассалитета. Этот вопрос требует, на мой взгляд, особого анализа, который должен быть не просто оформлен в виде отдельной главы, но рассматриваться именно в связи с проявлением черт единства городской общины, формирования образа средневековой цивитас.

IV. Все дороги ведут в Рим?

«Город» и города. Поможет ли архетип цивитас понять историю коммуны?

В данном разделе работы необходимо поставить, по крайней мере, два принципиальных вопроса. Как можно определить

соотношение города и *цивитас* на примере Рима? Каким было место Рима среди коммун Италии, каким образом предстал Вечный Город на фоне средневековых общин Папских земель?

В самом деле, мы должны так или иначе определить, чем являлся средневековый Рим в восприятии современников, чем он мог поразить воображение и выделиться из ряда других городов-общин? Было ли определяющим само городское пространство и сохраненное в камне свидетельство прошлого его величия? Или же мы должны сосредоточиться на своеобразии консолидации городской общины Рима в средневековье? Общие рассуждения о соотношении понятий *Urbs* и *civitas* совершенно необходимы для раскрытия темы средневековой истории Рима.

Как уже говорилось, именно особый юридический статус и преемственность не только городской, но и церковной традиции следует выделить, когда мы ищем самое первое приближение определения *цивитас* итальянского средневековья. Как известно, городов в средневековой Италии было намного больше, чем в среднем по Европе. Даже если считать городами не все центры с развитыми экономическими, неаграрными функциями, а, как это было принято в средневековье, только те из них, которые одновременно являлись местом епископской кафедры, то речь идет о трех сотнях общин статуса «*цивитас*».

Также есть основания отметить особые отношения городского центра и его «спутников» – общин округи. Специфика итальянской средневековой *цивитас* представляет собой не только своеобразие аспектов развития городской коммуны, но и особенности взаимосвязи общин города и контадо.

Важно отметить, что весьма многочисленные поселения, ставшие городами, имели в качестве образующего центра замки. Но и некоторые укрепленные центры со статусом *castra* (замки) были населены почти таким же количеством жителей, как и поселения со статусом города. При этом концентрация населения была в городах Италии выше, чем в среднем по Европе в тринадцатом и четырнадцатом столетиях. Это объясняется и большим количеством городов, вырастающих из небольших центров, и тем, что в тот момент в Италии уже были города-коммуны, вместившие в своих стенах более 100 тыс.

Но констатация того факта, что города существенно выросли в период между тысячным годом и началом эпидемий «черной смерти», важна не только сама по себе. Утверждение о количественном росте сообщества, естественным образом, приводит к вопросу о том, как в процессе роста населения могли появиться качественно новые формы его социальной организации. На мой взгляд, бесполезно искать единый ответ на этот вопрос, подходящий для всех случаев развития городских общин. Но можно постараться подметить некие важные черты саморепрезентации само пропаганды городского социума на самых своеобразных примерах – древних общинах Лациума, прежде всего Рима.

Естественно, Рим, община-наследница славы древней столицы мира и апостольской столицы должна была занимать в этом ряду особое положение. Но эти понятия неповторимости и превосходства не были связаны прямым образом с чисто материальным выражением.

Да, мы должны оценивать положение и роль Рима в этот период с оглядкой не столько на традиции, сколько на средневековые реалии. Как известно, средневековый Рим уже не являлся крупнейшим и богатейшим среди городов Италии; по сравнению с Венецией или Флоренцией, центрами интенсивного развития экономики, Рим был захолустьем.

Разумеется, фразы о средневековом запустении Рима не достаточно точны и более подходят для популярной литературы, в то время как в научной литературе развиваются представления о моментах позитивной динамики урбанистических структур средневекового Рима и чертах континуитета в развитии значимых центров поселений в римской округе⁴³⁸.

⁴³⁸ Классический труд, дающий представление о преемственности развития структур урбанизма: Krautheimer R. Rome. Profile of a city, 312-1308. Princeton 2000. В отношении проблем демографического развития полезный материал содержит одна из последних публикаций: Hubert E. Rome au XIV^esiècle: population et espace urban / Rome des jubiles// *Medieval* 40, 2001.p.43-52. Весьма интересна работа, целиком посвященная теме «темных веков» римской истории: Llewellyn P. Roma nei secoli oscuri. Roma-Bari, 1988.

Численность населения – это, естественно важный, хотя и не единственный определяющий, но наиболее наглядный показатель развития города. Рим, апостольская столица, в XIII в. насчитывал около 17 тыс. горожан, а к юбилейному 1300 г. достиг отметки в 30 тыс. жителей, тем самым все еще выделяясь среди больших городов римского региона с населением в 3–6 тыс. жителей. Разрыв этот, конечно, не напоминал о былом превосходстве древнего Рима над другими городами⁴³⁹.

Невозможно исчерпать вопросы, связанные с историей и мифом «Вечного города», отразить все многообразие аспектов средневековой жизни Вечного Города. В этом исследовании мы выделим, проблему столь важного для средневековой ментальности символического ряда: образы Рима в различных интерпретациях и репрезентации отдельных групп римской общины в контексте социального развития города и региона.

Сложно утверждать, который из образов средневекового Рима был более востребован средневековым сознанием: Рим имперский, Рим могущественной папской курии, Рим чудес и паломников? Но ясно, что Рим, город-община, должен был сконцентрировать массу усилий для того, чтобы удержать за собой особое место и авторитет среди процветающих городских общин средневековой Италии.

Повторим, что Рим средневековья не был грандиозным городом, тем Римом-мегаполисом периода Древнего мира. При всем том, и средневековому Риму была присуща особая рода перенаселенность характерная для столиц и крупных городов. Существовала в Риме диспропорция между производительными и непроизводительными слоями населения, не свойственная вполне успешным и бурно растущим городам Центральной Италии. Гражданами, полноправными жителями города могли быть

⁴³⁹ Некоторые исследователи даже склонны считать, что в апогее своего развития, т.е., около 1300 г. Рим входил в достаточно распространенную категорию (вторую по численности жителей) группу городов с населением от 40 до 80 тыс., хотя произнести это словосочетание «Рим в числе городов второй категории», просто невозможно. К концу XIV в. число жителей Рима резко убавилось. См.: Hubert E. Rome au XIVe siècle: population et espace urban / Rome des jubiles... p. 44-50.

лишь те, кто имел помимо недвижимости в городе, еще и земельный надел, хотя бы не большой. Но существовало немало неполноправных жителей.

В Рим, как известно, стекались паломники, многие из которых желали остаться на долгий срок подле христианских святынь. Но и мирские интересы, в частности, возможность пополнить ряды клиентов и «верных» могущественных римских аристократов, влекли в Рим новых людей. Настоящей проблемой города становилась толпа бездельников и попрошайек, римская чернь, как своей законной дани требовавшая «хлеба и зрелищ» от коммунальных властей и самого папы.

В любом случае, собственного ресурса городского землевладения, поступлений от хозяйства горожан для города было слишком мало, поэтому римская коммуна всячески стремилась получить приток зерна и основных продуктов питания из округи. Хотя бы для удовлетворения собственных потребностей в провизии Рим должен был добиваться господства над округой. Но ведь существовали еще виды дальней торговли и поддержания безопасности торговых путей, сухопутных и морских, существовали стратегические интересы. Нередко отмечались случаи прямого принуждения для обеспечения невыгодную для провинции поставку продовольствия в Город. Именно военная сила, римский рыцарский нобилитет, выступали гарантом возможности обезопасить дороги и добиться относительной стабильности и единения округи вокруг Рима.

Но одного насилия всегда недостаточно для разрешения вопросов социального развития. Для подтверждения права и статуса *цивитас* необходимо было доказать, что средневековая община является наследницей древней традиции и славы. Естественно, что городской общиной Рима были задействованы рычаги права и закона, были использованы традиции и обычаи, римские празднества, ритуалы и церемонии вовлечения округи в зону римского воздействия.

При этом кажется, что огромную роль в претензиях Рима на господство в округе и их частичном удовлетворении и поддержании римского авторитета (как в раннее средневековье, так и в поздний его период) играли именно основания нематериального

порядка. Можно утверждать, что, за исключением демографического роста и развития ремесла, которые не были в средневековья такими впечатляющими, как в античности, многие видимые свидетельства городской силы и мощи Рима сохранялись. Этими свидетельствами являлись и прекрасные величественные общественные и частные здания, многолюдность, размах торжеств и празднеств, проводимых в стенах города.

Несколько слов стоит сказать о преемственности развития техники каменного строительства в округе Рима. Каменоломни Римской Кампаньи, и особенные залежи известняка в окрестностях Тиволи, подробно описаны еще Витрувием, как и развитые техники кладки (иррегулярной и сетчатой), распространенные в данной местности⁴⁴⁰. Каменотесное дело продолжалось в тех же областях и в средневековье. Само строительство из тех же материалов, обработанных традиционным способом, даже с учетом применения более примитивной техники кладки, возможно, давало иллюзию непрерывности развития архитектуры.

Символические выражения городской славы, репрезентации единства, могущества и древних традиций важны для любой городской общины, для городской культуры средневековья в целом. Но Рим – не собственно средневековый, а Вечный город – был определенной моделью, архетипом городской жизни, образцом в том, что касается продолжения античного наследия и подражания ему.

Разбирая тему символических коннотаций средневекового развития городской общины, мы используем пример средневековой *цивитас* Рима в качестве наиболее яркого и концентрированного образа континуитета средневековой общины. Другой вопрос, какой была доля реального продолжения традиции, а какой доля воображения и возможность представить желаемое в виде реализованного.

Важно связать особенности черт развития городской общины и политической ситуации в Римской округе с особенностями визуализации силы общины и репрезентации в средневековье образа Вечного города. В частности, если рассматривается

⁴⁴⁰ Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Л., 1936. С. 56-57, С. 60-63.

община Рима, то не сложно объяснить, почему цеховые ремесленные круги вносили меньшую лепту в развитие городской символики, чем это типично для коммун Севера и Центра, а нобилитет, напротив, играл ведущую, знаковую роль в прямом и переносном смысле. В Риме наиболее богатыми корпорациями были объединения поставщиков скота и зелени, а не какая-либо корпорация ремесленников, связанная с производством тканей, как это было типично для Тосканы.

В случае анализа образа и символики коммуны мы рассматриваем сам Рим как олицетворение общих принципов символического восприятия социально-политического мира средневековья, и в первую очередь, идентификации его городских центров. В исследовании же социально-правового и институционального развития Рима, мы, наоборот, сравниваем лишь специфический случай с общими параметрами развития коммуны.

Естественно, необходимо учитывать, что примеры, которые для медиевиста служат образцами анализа общих мест средневекового видения города и мира, были разработаны их создателями с противоположной целью – подчеркнуть уникальность данной городской традиции.

Мы рассмотрим лишь некоторые основные образы из числа визуальных и текстуальных воплощений идеи уникальности римской городской культуры и черт преемственности ее античного и средневекового бытования.

Обращение к античному и раннехристианскому наследию в памятниках римского искусства, безусловно, имело политические коннотации. Бесспорно, древняя римская слава являлась частью нового городского мифа, наследие раннехристианского Рима – законной долей славы папского средневекового города. И то, и другое восприятие помогало представить Рим центром мира, в то время, как само по себе влияние города на округу было весьма скромным. Более того, без мифа о вселенском вечном Риме, возможно, было бы неосуществимо и новое завоевание Римом Лация Сабины и области Тиволи-Карсоли, которые составляли дальнюю округу города (дистретто).

Главным же козырем римской пропаганды оставалась ссылка на былое могущество, ведь прецедент и традиция – это

две основы средневекового представления о праве и справедливости, о должном и достойном. Поэтому так или иначе переосмысленное античное наследие не могло перестать быть актуальным и востребованным.

Силами, вызывающими к средневековой жизни античные образы (языческие и раннехристианские) являлись как коллективное сознание римлян и, прежде всего, элиты римской *цивитас*, так и активная позиция папства в освоении античного культурного наследия, включавшего настоящую сокровищницу образов власти и способов манипулирования этими образами⁴⁴¹.

Обратимся сначала к общим топосам, связанным с Римом в средневековой и античной культуре, а затем и отдельным примерам монументальных построек и изображений, создававших образ города.

Наиболее известный эпитет Города – Вечный – был далеко не единственным, подчеркивающим преемственность античности и средневековья. Пожалуй, не менее важным и для античного, и для средневекового сознания было представление города Рима в виде льва, т.е., употребление эпитета «львиный образ» (“*forma leonis*”). Этот образ был краеугольным для развития и восприятия средневековой урбанистики⁴⁴².

Есть примеры образцов средневековой картографии, а также и нарративов, использующих этот образ. Например, это «*Liber ystoriarum Romanorum*» – иллюстрированный манускрипт конца

⁴⁴¹ The Renaissance in Rome // Stinger, Ch. L. ed. Bloomington: Indiana University Press, 1998

Jacks, P. J. The antiquarian and the myth of antiquity: the origins of Rome in Renaissance thought / Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Holmes, G. Florence, Rome, and the origins of the Renaissance. Oxford : Clarendon Press. 1986 ; Esch A. Rome entre le Moyen Age et la Renaissance/ Stuttgart : J. Thorbecke, 2000 ; Elsner J. Imperial Rome and Christian triumph: the art of the Roman Empire AD 100-450. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1998.

⁴⁴² Guidoni E. Roma e l'urbanistica del trecento // Storia del arte italiana. Torino. 1979-83. v.V.p. 309-316.

тринадцатого столетия, предположительно выполненный в самом Риме и содержащий страницу, озаглавленную «Roma aedificata amuodo de lione»⁴⁴³.

Разнообразные интерпретации традиций античности в сакральном пространстве города, в его храмах, свидетельствовали не только о том, что папы мыслили себя непосредственными наследниками имперского Рима, но и о том, каким образом они могли восприниматься средневековыми горожанами, ибо использовать в данных целях пропаганды возможно только то, что кажется понятным и доступным.

Именно таким образом историку приходится рассматривать произведения вечного и прекрасного искусства. Ведь не надо напоминать, что утилитарность и целенаправленность в средневековой ментальности и идеологии не только не противоречила эстетической ценности, но и предполагала ее, как необходимый и побуждающий чувства мотив.

Если мы обратимся к образцам римской церковной архитектуры, то нетрудно вычленишь те церкви, которые были наиболее чтимыми и посещаемыми⁴⁴⁴. Но интересно выяснить, как и по каким моделям возобновлялись постройки в местах, связанных с

⁴⁴³ Этот вопрос разбирается историками не часто, зато имеющиеся примеры анализа можно назвать блестящими. Образцовым исследованием, и по объему интерпретируемых источников, и разнообразию сюжетов, и по содержательности изложения, на мой взгляд является: Jacks. Ph. *Antiquarian and the myth of Antiquity*, Cambridge, 1993. p. 54.

⁴⁴⁴ В феврале 1300 г., когда Папа Бонифаций учредил институт юбилейных святых лет, когда каждый пилигрим посетивший Рим и его древнейшие христианские святыни, прежде всего, San Pietro и San Paolo fuori le Mura получали полное отпущение грехов. Для странников, проделавших дальний путь в Рим, требовалось 15-ти кратное посещение базилик Петра и Павла, храмов, посвященных Богородице (базилик Санта Мария Маджоре и Санта Мариа ин Трастевере) и Санта Кроче ин Джерусалеме. Естественно, что важнейшими считались храмы, посвященные Петру и Павлу, первые богородичные церкви, церковь Св.Иоанна и храм, связанный с культом поклонения кресту Господа, римскими святыми. Примечательно, однако, что речь шла не о причастии в главных храмах латинского Запада, не о присутствии на богослужениях с участием пап, но именно о посещении этих святых мест.

культами апостолов Петра и Павла или римских святых. При этом образы, идеи, сами модели, к которым мастера и заказчики обращались, можно назвать римскими раннехристианскими. Прежде всего, среди этих моделей была базилика S.Paolo fuori le mura. Две традиции – апеллирующие к апостолу Петру и императору Константину – легли в основу политических концепций папства XII века. Понятно, что в качестве константиновских памятников часто воспринимались произведения, созданные в IV–VI веках. Можно сказать, что все или почти все планы римских церквей XII века восходят к этим прототипам.

Если обратиться к другой важной теме – изображений, которые можно было видеть внутри римских церквей, – то собственно городские мотивы не сразу начинают играть в них важную роль. Вероятно, именно в годы церковной реформы при Григории VII или чуть позднее, в Риме появляются фресковые житийные циклы, посвященные прославленным римским святым и мученикам. Вот лишь краткий перечень примеров проявления и усиления интереса к местным культам: обращение римских заказчиков к образам – св. Алексея – в нижней церкви S.Clemente, Св. Цецилии – в посвященной ей церкви в Trastevere (1099–1118); сохранился лишь поврежденный фрагмент), в S.Urbano alla Caffarella (около 1090 года) и в S. Pudenziana. В 1057–1058 годах был создан цикл, посвященный св. Бенедикту в церкви S.Crisogono.

В создании этих программ, на мой взгляд, чувствуется уже вполне светский дух прославления великого города, а не только поклонение святым. Конечно, тем же объясняется и наличие нобильской эмблематики в римских церквях – гербов аристократических семейств города.

Отражение влияния папства в жизни Рима в произведениях искусства отмечали неоднократно. Возрождение раннехристианских моделей активно проявилось в самом Риме не ранее 1100 года, при том, что в непосредственной округе Рима, можно найти более ранние примеры воплощения того же процесса. На полстолетия раньше аббат Дезидерий выстроил и украсил новую монастырскую церковь Monte Cassino. Сам Дезидерий был учеником Григория VII и мог стремиться воплотить концепцию реформированной церкви посредством использования раннехристианских

моделей. Именно этот иерарх римской церкви пригласил мастеров из Константинополя или Южной Италии, поскольку техника мозаической кладки и облицовки пола была давно забыта в самом Риме.

С точки зрения историка искусства, в этом случае историческое прошлое как будто пересиливало наиболее новационные тенденции и не давало двигаться вперед. Но с точки зрения историка средневековья в этом поведении нет ничего архаизирующего, есть только умение сделать актуальным и созвучным современности наследие прошлого. Моделями, к которым мастера обращались наиболее часто, стали S.Paolo f.l.m., S.Costanza, Латеранская базилика и баптистерий, S.Maria Maggiore, S.Lorenzo и S.Agnese f.l.m.

В последней трети XIII в. – начале XIV столетия Рим испытывает прилив новых художественных сил и влияний мастеров нового плана. Меняется сама структура храмов и городского пространства. Мастер Арнольфо ди Камбио, чье творчество – олицетворение «начала юбилеев Рима» – создает около десятка проектов величественного характера, как по заказу папы, так и по поручению представителей нобильских фамилий.

Монументализм этих произведений уже прямо соперничал с выражением силы и власти римских правителей, запечатленным позднее античным искусством. Статуя Св. Петра, невиданное строительство гробницы папы Бонифация, монумент Луки Савелли, представителя одного из самых могущественных родов Рима, в ц.Санта Мариа ин Арочели были готовы к юбилейному году и предстали перед взорами изумленных паломников.

Это лишь некоторые образы из числа визуальных и текстуальных воплощений идеи уникальности римской городской культуры и черт преемственности ее античного и средневекового бытования.

Любопытно, что паганизму античного искусства были подвержены не только городские светские памятники искусства или произведения, выполненные по заказу донаторов-мирян. Папские троны, стоявшие в S.Maria in Cosmedin, S.Lorenzo in Lucina, S.Clemente, поражают обилием подобных языческих элементов: декором, в котором преобладали играющие путти, гербы и венки античной формы.

Таким образом, по крайней мере, не существовало конфронтации между клиром и миром Рима, в области эстетических предпочтений, а, проще говоря, вкуса. Я имею в виду отсутствие диссонанса между вкусовыми предпочтениями римских церковных иерархов и, теми горожанами Рима, которые и выступали в качестве заказчиков, то есть, элитой общины. Это не удивительно, если проследить историческую близость римского папства и римского нобилитета, которая, сложившись в период Поздней Античности, стала чертой средневековой жизни Рима. С другой стороны, не удивительно и наличие нобильской эмблематики в римских церквях.

Господство римских нобилей преобразило средневековый городской ландшафт не менее, чем постройка крупнейших в христианском мире церквей. Башни и укрепления, возвыгнутые нобиллями, символизировали мощь и неприступность средневекового Рима. В группу сильнейших городских нобилей входили роды Орсини, Колонна, Конти, Аннибальди, Франджипани.

Именно эти семейства владели стратегически важными опорными пунктами в Риме: башнями, цитаделями, замками. Холмы, на которых римляне долгое время избегали селиться из-за недостатка воды, были заняты знатью⁴⁴⁵, что позволяло осуществлять контроль над целыми городскими кварталами. Укрепленные дома и замки северной части Рима от ворот Порто дель Пополо, Кампо Марцио и до Квиринала включительно контролировали Колонна. Род Орсини, их извечные соперники, стремились укрепиться в районах, граничивших с кварталами Колонна, к юго-востоку от них (Сан Агостино, Пьяцца Навона), а на другом берегу Тибра опирались на мощнейший замок Каstellь Сан Анджело, имели владения вокруг церкви Сан Пьетро.

⁴⁴⁵ См., например, новую, но уже выдержавшую второе издание работу, заключающую в себе интереснейшую историю средневекового Палатина, к которому вернулось значение политического символа, уже к периоду VII–VIII в., а в рассматриваемый нами период перешла роль оплота аристократического рода Франджипани:

Augenti A. Il Palatino nel Medioevo. Archeologia e Topografia (sec. VI–XIII). Roma. 1996. (Ristampa 2001). Публикация этого автора по той же теме см.: Early medieval Rome and the christian West: essays in honour of D.A. Bullough? Ed. J.M.H. Smith. Leiden 2000. 43–54.

Оба рода – и Колонна, и Орсини – приписывали себе происхождение от древнеримских фамилий, однако достоверные данные этого не подтверждают; скорее всего, они получили владения в Риме и округе не ранее конца XI – начала XII вв. Савелли, державшие позиции у Театро Марчелло и на Авентинском холме, являлись ветвью рода Крешенци, известных уже в X в. графов Сабина, имевших резиденции и в Риме.

Владение одного из старейших римских семейств – Франджипани – группировались вокруг Колизея, на Палатине. Франджипани боролись и за холмы вокруг Чирко Массимо, а с другой стороны контролируемая ими зона доходила до самой святыни католического Рима Сан Джованни ин Латерано. Далее латеранский квартал держали в своих руках Аннибальди, как и холм Эсквилин и важнейшую цитадель – башню Милициис, столь ценную, что давало ее владельцу особый титул (в начале XIV в. их вытеснили отсюда Гаэтани).

При этом городская топонимика, и даже сама картина нобильских твердынь и родовых владений в Риме была насквозь пронизана символическим смыслом. Как можно интерпретировать символически место нахождения этих баронских оплотов на карте Города? Голова или брюхо зверя – львиного образа средневекового Рима – заключает в себе родовое гнездо того или иного римского семейства? Эти вопросы, связанные с античной символикой Города, не казались далекими и забытыми в средневековом Риме. Наоборот, эти вопросы были насущными и ответы на то, как можно интерпретировать городскую символику, прежде всего, символику античную, зависели от сиюминутных политических амбиций и политического расклада сил в средневековом Риме.

Мы отметили, т.о., что и папство, и городская община Рима не упускали случая подчеркнуть преемственность с былой славой Рима. В какой-то мере и та, и другая сторона имела моральное право на древнеримское наследие, ибо и Город, и Церковь, не дали погибнуть многому из античного богатства, причем не только материального, но и идейного. Вряд ли правомерно, тем не менее, преувеличивать роль континуитета в развитии средневекового Рима, просто потому, что это – необыкновенно интересная и привлекательная для исследователей тема. Ведь риторика и

аллюзии, связанные с образом Вечного Города, не побудили коммуны Италии или, хотя бы, соседние общины римской округи, добровольно предоставить пальму первенства средневековому Риму и объединиться под его началом.

Но важно понять, что отдельные эмблемы, эпитеты, образы святых и посвященных им церквей или достопримечательности Вечного Города, воспринимались не обособленно друг от друга, но выстраивались в определенную коммуникативную систему. От воспринимающей стороны зависело, насколько полно осуществлялось включение в эту ролевую игру, но, в любом случае, подразумевался и взгляд с другой стороны тогда, когда возникала потребность саморепрезентации. По этой схеме можно рассматривать и символические и правовые репрезентации социума. Но также возможно расценивать и роль отдельных социальных групп или акторов, то есть не сами по себе, но как вовлеченные в процесс представления общины окружающему миру, внешним силам.

Коммуна, элита, Город

Итак, мы договорились рассматривать элиту общины двояко – как малый социум со своей общественной функцией и как элемент саморепрезентации общины в процессе взаимодействия со внешним миром.

Таким образом, мы должны не только сконцентрировать внимание на теме «коммуна и элита Рима», но обрисовать более широкие рамки исследования малой привилегированной группы периода средневековья и ее роли. Мы введем тезис о специфической роли элиты как основе характера и отличий всего объединения (коммуны) и постараемся его обосновать.

Очевидно, что на каждом этапе у сообщества есть ядро наиболее активных членов, которые и решают основные задачи: самоуправления, переговоров с вышестоящей властью, организации отпора общему врагу. Особые требования к лидерам городских общин предъявляла ситуация децентрализации, когда никакая внешняя сила не гарантировала права и свободы членов общины пред лицом противников или соперников.

Также, мы, думается должны установить и учитывать, не только, какая именно группа в составе городской общности определяла характер развития коммуны, но и каковы были функции элиты города по отношению к городской округе. Как и прежде, соединяя линией исследования некоторые казусы в общую фигуру, я считаю необходимым проанализировать те стереотипы, которые накоплены в историографии в области изучения элит и нобилитета.

В данном случае видится необходимость заострить внимание на наиболее значительных отличиях характера коммуны Рима и общин округи. Однако при этом интересно было бы выделить некий признак, связующий несколько характеристик и аспектов развития общины, а этим критериям соответствует такой объект исследования, как состав элиты коммуны.

Историографическая картина исследований средневекового городского нобилитета и коммунальной элиты, сложившаяся в современном научном мире, во многом определяется возможностями базы опубликованных и неопубликованных исторических источников, сохранившихся от того или иного периода.

Можно отметить расхождения линий исследования медиевистов, которые детерминированы традиционными принципами национальных школ историографии. Я имею в виду, прежде всего, итальянистов и германистов, и хочу обратить внимание на дискуссионные выступления итальянских историков по поводу Фрайбургской группы⁴⁴⁶.

Выделим специфический дискурс социально-политического исследования, предложенного в наиболее завершенных формах итальянским исследователем Дж. Табакко, как в программной работе-очерке 1973 г., подготовленной для многотомной Истории Италии (Эйнауди), так и в наиболее известной по англоязычному переводу монографии «Борьба за власть в средневековой Италии».

⁴⁴⁶ Tabacco G. Il tema della famiglia e del suo funzionamento nella società medievale // Quaderni storici, 11, 1976. p. 892-928.

Gugliemotti P. Esperienze di ricerca e problemi di metodo negli studi di Karl Schmid sulla nobilita.// Annali dell'Istituto storico italo-germanico medievale di Trento, 13. 1987. p. 209-269.

Табакко четко, хотя и несколько тяжеловесно, заявил, что в его представлении социально-политическая история представляет собой изучение процесса сознательного приобретения социальными группами и классами-гегемонами структур осуществления власти и кристаллизации особых институтов⁴⁴⁷.

Исследования роли городской аристократии, подводящие к принципиальному вопросу о соотношении коммуны и элиты, предприняты Табакко начиная с аспектов истории позднее-римской сенаторской аристократии, и в связи с проблемами формирования элит эпохи каролингов и развитием средневековой клиентелы, вплоть до периода борьбы внутри коммуны. Именно Табакко проанализировал соотношение структур коммуны, сеньориального бана и сельских коммун, территориальных принципов организации власти на политической карте средневековой Италии, посвятив этому вопросу одну из лучших глав своей монографии.

Необходимо также подчеркнуть специфику интересов групп историков, занимающихся историей аристократических семейств рубежа тысячелетий и элитами периода расцвета коммун средневековья. Чисто количественно лидировали исследования более раннего этапа средневековья и при этом ощущалась странная региональная избирательность исследователей⁴⁴⁸. Период Треченто, как и регион Лация, долгое время не привлекали большого числа исследователей.

⁴⁴⁷ "...in the instance the chosen viewpoint is the socio-political one. Socio-political history is here understood as the conscious acquisition by groups or hegemonic classes, and by a political power-structure which gradually becomes institutionalized..." Tabacco G. *The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule.* Cambridge. 1989 Introduction. P.1 Из контекста всей книги следует, что под институализацией, Табакко понимает именно систему формально регламентированных и достаточно долговечных должностных постов и учреждений осуществления публичной власти.

⁴⁴⁸ В этом пункте до сих пор остается лишь солидаризироваться с утверждением Кароччи, сделанным в начале 90-х г. прошлого века, несмотря тот вклад, который внес сам автор данной оценки: Carocci S. *Baroni di Roma.* P. 6.

На мой же взгляд, весьма актуальным периодом исследования является именно вовлечение малых социумов в систему сеньории в период Дученто и Треченто, но необходимым представляется учитывать и более широкую историографическую картину, отображающую представления историков о нобилитете средневековой городской общины Италии.

Весьма благоприятная тенденция в оценке роли аристократии периода коммун наметилась к началу 70-х г., когда медиевисты перестали рассматривать городские коммуны и сеньории в контадо совершенно сепаратно, или в качестве двух антагонистов социального развития. Ведь сеньорами часто выступали представители элиты коммуны, городского нобилитета, и связь между городом и округой осуществлялась наиболее активным слоем коммуны.

Яснее всего эта тенденция соединить исследование города и деревни была обозначена Дж. Киттолини в труде, название которого содержит ключевые слова: «Город и контадо»⁴⁴⁹. Такая точка зрения весьма обогатила историографическую картину особенностей нобилитета коммуны, т.к. именно городская элита так или иначе осуществляла и контролировала отношения города и округи.

Особенности развития Лация, Кампаньи и некоторых других регионов наиболее наглядно демонстрируют значение аристократического элемента в век коммун. Труды, посвященные этому региону совсем не многочисленны, что, однако частично компенсируется талантом их авторов, глубиной проникновения в исторический материал.

Прежде всего, надо отметить прекрасную и не устаревшую монографию, название которой – «Рим от коммуны до папской сеньории» – не отражает всей полноты затрагиваемых сюжетов, среди которых выделены и тема римской и провинциальной аристократии, и вопрос взаимосвязи города и контадо⁴⁵⁰. К сожалению, в соответствии со стандартом издательства, в котором печаталась монография, весь научный аппарат был исключен. Можно

⁴⁴⁹ Chittolini G. Citta e contado nella tarda eta comunale. A proposito di studi recenti in Nuova Revista Storica, 54, 1969. p. 706–719.

⁴⁵⁰ Dupre- Theseider E. Roma dal comune dal popolo alla signoria ponteficia.

сказать, что точные отсылки к отдельным пассажирам источников присутствуют в самом тексте, но они не сопровождаются указанием изданий и страниц.

К рубежу веков появились новые имена историков, приверженных исследованию городских элит в Папской области⁴⁵¹. Особое значение принадлежит трудам С. Кароччи, прекрасному знатоку архивных источников по Лацио, и в то же время, имеющему вкус к четкому историографическому очерку⁴⁵². Кароччи

⁴⁵¹ Barone G. Niccolo IV e I Colonna // Niccolo IV: un ponteficato tra Oriente e Occidente // Atti del convegno internazionale di studi Ascoli Piceno. 1991. p.91-104. Delogu P. Castelli e palazzi. La nobilita duecentesca nel territorio Laziale// Roma anno 1300// Atti del convegno internazionale di storia dell'arte medievale.(Roma.1980) Roma 1983. p.705-713. Maire Viguer J.-C. Nobilita e popolo nei comuni del Lazio Meridionale // Il Lazio tra parato e l'impero al tempo di Enrico VI. Roma 1991.Venditelli M. La famiglia Curtabrabca. Contributo alla storia della nobilita romana del Ducento// MEFRM, 101.1989. p.177-272.

⁴⁵² Carocci S. Genealogie nobiliari e storia demografica. Aspetti e problemi (Italia centro-settentrionale, XI-XIII secolo).//Demografia e società nell'Italia medievale, a cura di R. Comba e I. Naso, Cuneo 1994. Comuni, nobiltà e papato nel Lazio, in Magnati e popolani nell'Italia comunale, XV Convegno internazionale di studi, Pistoia 15-18 maggio 1995, Pistoia 1997, pp. 213-241. Idem. Assetto familiare, politica matrimoniale e regime successorio dei baroni romani (Duecento e primo Trecento): cenni complessivi, in La popolazione di Roma dal medioevo all'età contemporanea: fonti, problemi di ricerca, risultati, a cura di E. Sonnino, Roma 1998, pp. 221-227Cognomi e tipologia delle fonti. Note sulla nobiltà romana, in "Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age-Temps Modernes", 110, 1998, pp. 173-181. Idem. Baroni in città. Considerazioni sull'insediamento e i diritti urbani della grande nobiltà, in Roma nei secoli XIII e XIV. Cinque saggi, a c. di E. Hubert, Roma 1993, pp. 137-173. Idem.La celebrazione aristocratica nello Stato della Chiesa, in Le forme della propaganda politica nel Due e nel Trecento, Atti del Convegno di Trieste del 2-5 marzo 1993, Roma 1994, pp. 345-367. Idem. Baroni di Roma. Dominazioni signorili e lignaggi aristocratici nel Duecento e nel primo Trecento, Roma 1993, pp. 496 (Collection de l'École française de Rome, 181; Nuovi studi storici, 23).Idem. Idem. Il nepotismo nel medioevo. Papi, cardinali, famiglie nobili, Roma, Viella , 1999, pp. 222 (La corte del papa, 4). Idem. Aspetti delle strutture familiari nel Lazio tardomedievale, in "Archivio della società romana di storia patria", 110, 1987, pp. 151-176. Idem. Aspetti delle strutture familiari a Tivoli nel Quattrocento, in "Mélanges

не только осознал роль городской элиты, а именно баронов Рима, в развитии коммуны, но и показал значение римской аристократии в истории коммун Римской провинции.

Думается именно импульс исследований 90-х г. определенно изменил картину историографических представлений, но данные новации все еще являются достоянием весьма узкого круга специалистов.

Кроме того, очевидно, что в историографии не всегда соблюдается четкость в определении соотношения понятий нобилитет-элиты общины.

Наиболее важными и требующими дальнейших изысканий представляются три вопроса или проблемы: роль аристократии в век т.н. демократических коммун (до режима городской сеньории), роль урбанизированного нобилитета в составе элиты коммуны, наконец, что весьма важно, характеристики элит в общинах провинциальных центров: замков и малых городов.

В эпоху средневековья Рим – прежде всего римская элита – продолжает играть важную политическую роль на территории, далеко превосходящей собственно город и его ближнюю округу. На протяжении всей средневековой истории коммуна Рима сохраняла аристократический характер, и на этой специфике стоит заострить внимание. Роль элиты, наследственной аристократии в эпохи, которые считаются временем демократических преобразований – весьма интересная и плодотворная тема.

Обратимся к истории римской коммуны в связи с особенностью характера ее элиты. Важно отметить, что цеховые корпорации не смогли закрепить за собой определенной политической роли в жизни Рима, их представители не имели обычного доступа к важнейшим коммунальным должностям.

de l'École française de Rome. *Moyen Age-Temps Modernes*", 94, 1982, pp. 45-83. Idem. *Barone e podestà. L'aristocrazia romana e gli uffici comunali nel Due-Trecento*, in *I podestà dell'Italia comunale. I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.)*, a cura di J.-C. Maire Vigueur, Roma 2000, pp. 847-875. Idem. *La nobiltà duecentesca. Aspetti della ricerca recente*, in *Roma medievale. Aggiornamenti*, a cura di P. Delogu, Firenze 1998, pp. 159-166.

Пожалуй, именно характер института сенаторского правления воплощает в себе особенности развития римской городской общины. Этот институт власти испытывал влияние аристократии. «Восстановление» сенаторского правления было провозглашено в момент, который считается, или, по крайней мере, ассоциируется с наиболее радикальным демократическим переворотом в социальной истории Рима. С 1143–44 гг. и впредь во главе римской коммуны стояли сенаторы⁴⁵³.

Но, отметим, что, большинство итальянских коммун в этот период принимало на высший коммунальный пост уроженцев других городов, не причастных к соперничеству между членами коммуны, а институт сенаторства достаточно прочно держала в своих руках именно римская аристократия⁴⁵⁴.

Сенатор выполнял специфические функции, которые, условно говоря, можно назвать посредническими в конфликтных ситуациях, связанных с нобилиями Города и его дистрикто (и, видимо, никто другой, кроме видного представителя городской аристократии, с такой миссией не мог бы справиться). Так, в римском законодательстве первая книга, традиционно посвящаемая в городских законах (статутах) гражданским и общественным делам, содержит упоминания о роли сенатора при разрешении дел

⁴⁵³ Partner P. The lands of St. Peter...P. 179-182.

⁴⁵⁴ См напр. в качестве источника: Codice diplomatico del Senato Romano. V.1. Roma, 1948. Богатый источниковый материал по истории средневекового подеста в Италии собран и обработан в недавно завершённом коллективном труде, изданном Французской Школой в Риме: I podesta della Italia comunale. V.1-2. Roma, 2000. В этом фундаментальном коллективном исследовании рассмотрена статистика исполнения высших коммунальных должностей иностранцами на Севере Италии, в Центральных ее землях, а также и в Папской области. Statuti della città di Roma / A cura di Re C. Roma, 1880. Cortonesi A. Terre e signori nel Lazio medioevale. Un economia rurale nei sec XIII-XIV. Napoli, 1988. Lazio meridionale tra papato e l'impero al tempo di Enrico VI. Roma, 1991. Tomassetti G. La campagna romana antica, medioevale e moderna. Vols.1-2. Roma, 1910. Vols.3-4. Roma, 1925. Toubert P. Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine du IX a la fin du XII siecle. Roma, 1973.

о залоге и поручительстве за магнатов, баронов, и нобилей Города и округа⁴⁵⁵. Другая глава той же книги указывает случаи вмешательства и невмешательства римского сенатора во взаимоотношения и конфликты римских сенаторов-нобилей и их вассалов (из окрестных замков)⁴⁵⁶.

С осуществлением данных полномочий приглашенным иностранцем, свободным от влияния римских аристократических семейств, связана весьма важная страница римской истории. В Риме последовать общей норме приглашения высшего должностного лица решились в середине XIII в., эта дата считается временем, когда сложилась пополанская коммуна. На высший пост был приглашен выходец из Болоньи, дружественной Риму коммуны.

Уроженцы Болоньи имели возможность получить правовую подготовку, необходимую гражданину, знаменитейший университет Италии славился именно как центр изучения права. Легальная процедура избрания происходила в августе 1252 г. в самой Болонье, кандидатуру утвердил Генеральный Совет болонской коммуны *Consiglio Generale*, к которому апеллировали римляне. Должность избранника была равнозначна посту подеста или капитана народа, но по традиции болонца титуловали римским сенатором, и именовали сенатором Рима. Бранкалеоне Андало был членом семейства, представители которого не раз исполняли высшие должностные полномочия в других городах. Известны политические симпатии Бранкалеоне, приверженца Империи. Но было бы поспешным решением счесть, что именно политической ориентации Бранкалеоне и был обязан своим выдвижением. Опытные историки и знатоки проблемы предостерегают от излишне прямолинейных выводов.

Бранкалеоне являлся прекрасным знатоком правовых и гражданских вопросов, а также обнаруживал способности военачальника, скорее всего именно благодаря совокупности этих личных качеств кандидатура болонца оказалась подходящей. Однако, не один лишь миф о властителе Капитолия – стороннике

⁴⁵⁵ Statuti della citta di Roma/ a cura di C.Re. Roma, 1880. p.47.2 «De fideiussoribus nobilium».

⁴⁵⁶ Ibid. P.71-72. CIX «De questionibus inter dominum et vassallum».

гиббелинов привлекает историков, не менее стойкой остается ассоциация Бранкалеоне с демократическим мифом. Действительно, призвание Бранкалеоне произошло в тот момент, когда средневековый Рим был буквально поделен на части враждовавшими между собой знатными родами, и именно правление Бранкалеоне, хотя и временно, но пресекла всевластие римских аристократов.

Но не следует забывать, что Бранкалеоне сам был аристократом и имел титул графа. Борьба его с римской знатью имела отнюдь не социальную подоплеку, а просто продолжала линию противодействия папскому влиянию в Риме, т.к., элита – бароны Рима были взлелеяны папским nepотизмом, и в свою очередь поддерживали тех или иных кандидатов в наместники Св.Петра, руководствуясь исключительно родственными и дружескими связями. Особенно усиливались позиции отдельных представителей нобилитета коммуны Рима в понтификат Николая III Орсини, краткий понтификат Гонория IV Савелли⁴⁵⁷ и его преемника Николая IV⁴⁵⁸. Папский диктат нередко способствовал и альянсам между нобильскими родами. Например, по воле папы Николая из рода Орсини произошла уния между представителями этого римского рода и могущественным семейством Альдобрандески. Один из представителей семейства стал супругом Маргариты Альдобрандески, а другой – ее зятем и мужем дочери от первого брака, законной наследницы фамильных богатств. Владения Орсини, благодаря этим матримониальным связям не просто округлились, но и вышли за пределы папской области⁴⁵⁹.

Политика папского покровительства давала импульс распространения римского влияния на округу, например, члены семейства Колонна получали при Гонории в свои руки подестат в городе Асколи Пичено, пост ректора Романьи и в Анконской Марке. Остается открытым вопрос, насколько такое положение вещей способствовало усилению авторитета Рима как коммуны. Но, бесспорно, в самом Риме влияние нобилитета не ослабевало

⁴⁵⁷ Paravicini Bagliani I testamenti. P. 380 a 1309.

⁴⁵⁸ Carocci S. Baroni di Roma. P. 53.

⁴⁵⁹ Ibid. p.53. nota 89.

от этого переключения части сил элиты на политические дела Римской Провинции.

Римляне-нобили, бароны Рима, (а не коммуна Города) обладали стратегически важными укреплениями как в центре Рима, так и на его границах. Города. Кроме того, римские аристократы, как правило, располагали и загородными резиденциями, которые они меняли по желанию в течение года. Они служили им оплотом в случае политических неурядиц в Риме. Сильнейшие из римских нобилей были в состоянии контролировать даже дороги и подступы к самому Риму.

Не случайно в момент наиболее жесткого ограничения всевластия римских аристократов, с приходом к власти Кола ди Риенцо, первым делом были предприняты усилия, чтобы вырвать из рук аристократов-баронов их твердыни и наложить запреты на охрану ими римских укреплений.

Как следует из рассказа анонимного автора XIV в., описавшего жизнь Кола ди Риенцо, этой теме были посвящены два пункта из десяти законов-деклараций, обнародованных на Капитолии ⁴⁶⁰.

Роль рыцарского нобилитета как социального лидера не могла не сказываться в такой важной сфере, как политика коммуны по отношению к округе. В результате отношения между коммуной Рима и общинами округи (в том числе, что особенно важно, общинами провинциальных замков) часто были опосредованы или даже определялись таким активным участником, как нобильские фамилии.

Нобили Рима составляли достаточно многочисленную прослойку, особую высшую группу которой составляли бароны. Именно бароны являлись одновременно и членами городской коммуны, и сеньорами окрестных замков. Сам термин «римское баронство» требует исторического комментария. Дело в том, что, несмотря на общепринятое значение термина, «баронство», статус баронов Рима не был связано с уступкой земель в феоде от верховной власти. Власть баронов распространялась не в землях

⁴⁶⁰ См: La vita di Cola di Rienzo. Firenze, 1854. P. 37: ...rocche romane... e le fortezze non debbiano essere guardate per alcuno barone»; «...che nullo nobile possa avere alcuna fortezza...».

и замках, уступленных как феодальное владение, а в тех, что на протяжении веков принадлежали могущественным фамилиям римлян на правах собственности или эмфитевзиса.

По моему мнению, следует скорректировать представления о положении аристократии в век коммун с учетом положения аристократии в коммунах Папской области. Деление на «nobiles» и «pedites» – «благородных» и «простолюдинов» – было основным социальным разграничением населения Римской Провинции, указываемым источниками, в т.ч. и правовыми.

Мы можем анализировать правовые идентификации групп, по материалам правовых документов, которые составлялись жителями самых разных центров и земель Папской области: как собственно в ближней округе Рима, так и в Сабине, в Римской Кампанье, в Тиволи и Карсоли, а также в Лации. Это дает интересный, и весьма разнородный блок данных. Для некоторых центров и общин можно констатировать лишь имущественное расслоение населения, наличие традиционного повышенного статуса одной-двух групп (или даже семейств) жителей. Однако население наиболее крупных замков могло быть и достаточно неоднородным и стратифицированным.

Нобили освобождались от обложения обычной податью: документ 1193 г., происходящий из Субьяко, свидетельствует, что при сборе ассизы исключения наравне с клириками делались также для рыцарей⁴⁶¹. Особым был статус нобилиа и в отношении суда. Статут замка Рипи предписывал, чтобы простолюдинов судил судья, а нобилиа – лишь равные ему (по статусу)⁴⁶².

Что же касается численности локальных элит, то, например, в договоре между сеньорами из рода Колонна и их вассалами-нобиями замка Дженаццано поименованы двадцать членов этого вассального нобильского объединения⁴⁶³ (правда, не уточняется, подписались ли здесь все совершеннолетние мужчины или

⁴⁶¹ Statuti II p.15.

⁴⁶² Statuti I p.115 III «Item quicumque commiserit homicidium, vel adulterium publice et violenter, pedes iudicetur per iudicem iuratum de leqe, nobiles vero per pares.»

⁴⁶³ Statuti I p.369.

только главы семейств). В документе же, составленном по распоряжению аббата монастыря Субьяко (от 1270 г.), среди населения близлежащих замков Рояте и Роккасека упомянут единственный привилегированный местный житель Роберто Капелло: он, вместе со всем своим потомством, освобождался от любых податей, которые несли или будут нести «люди» указанных замков⁴⁶⁴. Никаких специальных объяснений по поводу такой привилегии в документе не дается; видимо, она являлась само собой разумеющимся следствием нобильского статуса Роберто Капелло (публикаторы данного источника высказывают предположение, что привилегию получил прежний владелец замка). Прямые свидетельства о прослойке нобилей имеются лишь в документах из замков Рипи и Дженаццано. В документах из Субьяко, Каве, Ровиано члены замковых элит обозначена термином «*milites*».

Среди жителей замка можно выделить и такую привилегированную группу как клирики. Это естественно, если учесть, что в замке и округе находились одна или несколько церквей и крещален, как свидетельствует, например, юрисдикционный реестр церквей сабинского епископата (от 1343 г.)⁴⁶⁵. О том, что клирики освобождались от уплаты поборов наравне с нобилем, свидетельствует приведенный выше документ из Субьяко.

Особый статус клирика проявлялся и в том, что светские власти не могли распоряжаться его наследством: так, в статуте Каве говорится, что курия замка не может претендовать на добро клирика, даже если им не было составлено письменного завещания⁴⁶⁶. Но тот же статут Каве предусматривал любопытное правило, позволявшее клирикам, которые могли жить как светские лица (т.е., видимо, низших степеней), получить нобильский феодал через брак⁴⁶⁷.

Итак, клирики, даже клирики особого ранга (*Qui laicari possunt*) также составляли особую привилегированную группу.

⁴⁶⁴ Statuti II p.24.

⁴⁶⁵ Morghen R. Carta di Subiaco /Statuti II p.22.

⁴⁶⁶ Registrum iurisdictionis episcopatus Sabinensis/ Diocesi di Sabina /ed.Tomassetti G. – Biatiotti G. Roma 1909.

⁴⁶⁷ Statuti I p.26 XXXXII.

Все жители замка, не имевшие статуса «nobiles» или «clerici», «ecclesiasticae persona», составляли массу простолюдинов, по отношению к которым статуты применяют термины «homines», «pedites». В классической латыни слово «pedites» имело два близких значения: «пешие воины» и «простолюдины». Видимо, и в средневековье взаимосвязь этих понятий полностью сохранялась: простолюдины замка составляли его гарнизон, несли военную повинность как пехотинцы, такую же роль исполняли в ополчении простолюдины города. Но ведь и ношение оружия в любом обществе можно и должно рассматривать как привилегию.

Слой простолюдинов не был совершенно однородным, в нем можно выделить некоторые группы, обладавшие особым статусом и привилегиями или общественными функциями.

Во-первых, назовем такую категорию лиц как «boni homines» или «boni viri», часто упоминаемую в статутах замков⁴⁶⁸. С.П. Ляйхт, до сих пор остающийся крупнейшим авторитетом в области социально-правовой истории средневековой Италии, предполагал, что этим термином обозначались потомки министриалов, окружавших местных феодалов, т.е. нобили⁴⁶⁹. Однако используемый мной источниковый материал не позволяет сделать столь однозначный вывод.

Судя по замковым статутам Римской Провинции XIII–XIV вв., «boni homines» фигурировали здесь в качестве выборных лиц от общины (при решении какого-либо специального вопроса или в качестве членов особого совещательного органа). Чаще всего они выступали как эксперты при имущественной оценке. В качестве наиболее характерного можно привести пример из статута замка Роккантика, где предусматривалось возмещение за ущерб, нанесенный плодовым деревьям, согласно оценке двух «добрых мужей» (избранных советом замка)⁴⁷⁰.

⁴⁶⁸ Statuti I p.181.

⁴⁶⁹ Leicht P.S. Operai, artigiani, agricoltori in Italia medievale dal sec VI al XVI Milano 1946.

⁴⁷⁰ Statuti I p.79 LXIII «...extimatione duorum bonorum virorum electorum per consilium dicti castri»; Statuti I p.91 CVI, p.129 V.

Интересен такой случай упоминания деятельности института в общине: ректор замка Рипи во всех делах должен был опираться на суждение «четырех добрых мужей», избранных и одобренных как сеньором замка, так и его жителями⁴⁷¹.

Таким образом, «добрые мужи» осуществляли функции посредников между сеньориальной администрацией и общиной. Это свидетельствует об их особом положении, но не о нобильском статусе. Отмечу, что, судя по городским статутам Римской Провинции, «boni homines» (viri) образовывали постоянно действующий коммунальный орган (причем и в этих статутах не зафиксирован рыцарский статус «boni homines», хотя обычно, если должность была нобильской, это отмечалось в документе)⁴⁷². Итак, можно заключить, что «boni homines» составляли определенную группу, из которой обыкновенно избирались арбитры в различных тяжбах (на основании авторитета); в результате мог возникнуть постоянно действующий орган. Оснований идентифицировать «boni homines» замков с «nobiles» нет. Из числа массариев выдвигались общественные распорядители. Иногда они выполняли роль, сходную с полномочиями «boni homines». Так, например, статутом простолюдинов Каве предусматривалось, чтобы ущерб, умышленно нанесенный добру курии, возмещался по приговору четырех массариев и курия сеньора уже не могла претендовать на большее⁴⁷³. Двое из числа массариев замка Виковаро должны были выполнять такую общественную функцию, как сбор продовольствия для охранников замка⁴⁷⁴.

Есть свидетельства того, что при смене сеньора замка требовалось (по крайней мере, формально) согласие массариев. Например, в документе из архива церкви Св. Маргариты Корнетанской (от 28 декабря 1299 г.) зафиксирована передача коммуне Корнето прав на замки Монте Монастеро и Чивителла, причем указано,

⁴⁷¹ Statuti I p.119 XXXXVI: «...semper valeat consilio III or bonorum hominum elegendorum per dominos et homines dicti castri» .

⁴⁷² Statuti I p.119 XXXXVI: «...semper valeat consilio III or bonorum hominum elegendorum per dominos et homines dicti castri».

⁴⁷³ Statuti I p.46 LXXXII.

⁴⁷⁴ Ibid p.7 X.

что это осуществляется бывшими сеньорами нобилиями с согласия и одобрения их вассалов и массариев из указанных замков⁴⁷⁵.

Собранный материал позволяет принять мнение Томасетти, согласно которому массарии являлись коммунальными распорядителями аграрных комплексов и административных центров первой величины, называемых «massae»⁴⁷⁶. Но с тем уточнением, что таково вероятное происхождение социальной группы, в дальнейшем же реальный статус массария мог существенно варьироваться, в т.ч. в зависимости от региональной специфики развития.

Хотя массарии выделялись особыми привилегиями и свободами, они, однако, принадлежали к массе простолюдинов (например, все упоминания о массариях Каве обозначены в «*statuta reditum*» замка). Двойственность статуса «верных» – это весьма важный показатель, который объясняется тем, что сеньоры привлекали на службу и возвышали таким путем представителей самых низших категорий членов общин до особого ранга, недостижимого для иных простолюдинов.

Отмечу также, что группа массариев фиксируется и в городских статутах региона. Например, в статуте Рима о массариях упоминается в таком контексте: если после колокола к вечерне таверна не закрылась для посетителей – штраф 12 солидов, но если эта таверна массария – штраф 10 солидов⁴⁷⁷. В статуте же города Тиволи читаем о праве массариев и работников учреждать особых должностных лиц и устанавливать штрафы с целью охраны собранного урожая⁴⁷⁸.

Таким образом, одной из важнейших составляющих систем связей между общинами были связи между их элитами, само формирование элит на местах шло благодаря влиянию элиты доминирующего локального центра. При том, что успехи и само провозглашение и признание коммун Рима было связано с военно-аристократическим элементом, при сохранении традиционной роли римского нобилитета как самой активной социальной

⁴⁷⁵ Archivio della Margherita Cornetana... p. 250-251.

⁴⁷⁶ Tomassetti F. La Campagna Romana ... V. I p.115. Roma 1910.

⁴⁷⁷ Statuti della città di Roma /ed. C.Re. Roma 1880 p. 250 XCVI.

⁴⁷⁸ Statuti I Provincia p. 180 LXCIII.

силы, логично предположить, что эта роль осуществлялась не только внутри самого города, но и вовне его стен, в Римской провинции.

Характерный пример такого периода, который ассоциируется с демократическими преобразованиями, представляют собой века расцвета итальянских коммун. Значение и функции, которые приобретали отдельные представители аристократии и в целом наследственный нобилитет весьма отличались, в зависимости от общих особенностей социального развития исторического региона. Более того, может быть, данная динамика исторического развития весьма существенно определялась силой позиций аристократии и континуитетом элиты города-цивитас.

Провинциальные центры и Рим

В данном разделе мы постараемся понять роль Рима, его общины в целом не как виртуального мирового центра, но как актора локальной социально-политической ситуации, как центра притяжения дальней округи. Судьбы Рима и его округи были, естественно, тесно взаимосвязаны. Римские события волновали провинцию и наоборот, вопрос о политическом превосходстве противоборствующих сторон в «столице христианского мира» решался в зависимости от того, какими силами они располагали в округе, например, в Лации или Сабине.

И данная политическая ситуация вписывалась в определенное правовое поле и даже создавала условия для развития правовых договорных отношений (между городским нобилитетом и общинами округи, между городскими коммунами и т.п.)⁴⁷⁹.

Задачей, которую мы поставим в этом разделе работы, будет сопоставление Рима в качестве центра локальных связей с теми системами организации непосредственной округи, которые демонстрировали малые городские общины папских земель в достаточной близости от Рима, там, где интересы каждой из этих цивитас пересекались.

⁴⁷⁹ Другой вопрос, насколько подобные правовые отношения нуждались в наследии римского права. Несмотря на то, что отрицательный ответ как бы напрашивается сам собой, такая тема будет рассмотрена ниже весьма подробно, и представит сюрпризы для исследователя.

Таким, образом, мы продолжим разговор о Риме в сравнительной перспективе и оценим роль соперников римской *civitas* и общин – агентов ее влияния. Читателя, уже знакомого с раскладом сил внутри римской коммуны, не удивит, что наиболее характерным примером взаимодействия Рим-подвластная община были взаимосвязи между провинциальными общинами и родовитыми римскими нобилиями. Это верно и по отношению к городским коммунам к общинам замков округа. Пути осуществления влияния римских нобилей в том и другом случае бывали различными: получение должностей или непосредственное сеньориальное господство.

Примером таких «трехсторонних» соглашений может служить один из самых ранних провинциальных статутов замка Ровиано, где отражено участие коммуны Рима в качестве своего рода арбитра между общиной замка и его владельцем. По документу от 1287 г. можно судить, что существовала договоренность между общиной Ровиано и римлянином Ландульфо из аристократического рода Колонна о том, что за нарушение любой статьи правового соглашения (статута) провинившаяся сторона должна выплатить залог или штраф в 46 солидов римской монетой (т.н. провизинами). При этом половину штрафа забирала коммуна Рима, а другую – пострадавшая, т.е., не нарушившая договор сторона⁴⁸⁰.

Среди статей статута были такие, которые обязывали жителей замка вносить по 3 денария с очага в виде помощи сеньору замка, когда тот отправлялся на военную службу для коммуны Рима⁴⁸¹. Кроме того, община замка должна была исполнять некие «службы» коммуне города Рима и уплачивать побор в 9 лир, если только господин замка не возьмет это на себя⁴⁸².

Надо отметить, что пример этот достаточно редкий. Часто статуты вассальных общин, имевших сеньором римского нобиля, несомненно, члена коммуны Рима, вообще ни словом не упоминают об интересах самой римской коммуны. Можно предположить, что они даже не вносили прямой подати коммуне Рима, а

⁴⁸⁰ Statuti della Provincia Romana. V. 2... (далее – Statuti II) P. 296-298.

⁴⁸¹ Ibid. P.309 XXVIII.

⁴⁸² Ibid. P.301 X.

случай денежной помощи сеньору, исполнявшему военную службу для коммуны Рима, не оговаривался специально, так как просто не выделялся из других случаев помощи сеньору в его экстраординарных расходах.

Статуты замков римского дистрикто, принадлежавших виднейшим нобильским фамилиям – Аннибальди, Колонна и Орсини (Каве, Дженаццано, Виковаро)⁴⁸³ – не предусматривали статей об охране жизни и чести римлян на территории замка, статей о выдаче преступников-нарушителей законов Рима, укрывавшихся в замке и т.п.

Более того, в некоторых случаях, например, в статуте Виковаро говорится о праве сеньоров римских аристократов Орсини использовать военную силу «верных» вассалов из этого замка, когда Орсини случится вести войну, включая и войну в самом Риме⁴⁸⁴. Это использование помощи «верных» в междоусобных столкновениях нобилей, естественно, шло вразрез с интересами безопасности римской коммуны в целом, но попопанство Рима было не в состоянии пресечь его.

Этот вариант взаимосвязи город-деревня через замковый центр можно назвать аристократическим, он способствовал закреплению лидирующей роли городского нобилитета и распространению вассальных связей и клиентелы, как по округе, так и в городе.

Рим, как всякая средневековая коммуна стремился и к подчинению окрестных городов. В какой форме могло реализоваться такое подчинение в долгосрочной перспективе? Обратимся к примеру средневековой городской коммуны Тиволи, которая испытала на себе военно-политические амбиции коммуны Рима⁴⁸⁵.

⁴⁸³ Statuti della Provincia Romana. V. 1... (далее – Statuti I) P.7 X.

⁴⁸⁴ Ibid P.7 X.

⁴⁸⁵ Н.А. Бортник долгое время был единственным представителем отечественной историографии, которого интересовала политическая ситуация в Тиволи, а также и в других центрах Римской провинции, – самом Риме и Витербо. К сожалению, работы этого автора по истории Тиволи и Витербо в данный момент уже нельзя рекомендовать в качестве опорных, хотя бы потому, что в них превалируют глухие сноски, а не латинские фрагменты источников. Бортником не учитывалась специфика

Это был достаточно привлекательный объект влияния, с богатой исторической традицией и стратегическим значением. В средневековье население города Тиволи достигало трех тысяч⁴⁸⁶. Городская община имела статус *civitas*, причем этот статус засвидетельствован еще в пактах Тиволи и Рима от 1257 г., а затем подтверждался статутами Тиволи 1305 г.⁴⁸⁷. Ремесло было организовано по цеховому принципу, и главы цехов принимали активное участие в жизни коммуны (политико-институциональная роль глав цехов отражена в законодательстве коммуны)⁴⁸⁸.

Необходимо отметить, что история взаимоотношений Тиволи и Рима, играла важную роль в жизни региона. В результате соперничества двух старинных городских центров, городская община Тиволи стала в средневековье зависимой от коммуны Рима. Есть предположение, что главной причиной переворота в Риме 1143 г. (т.н. «коммунальной революции» против власти римского епископа), приведшего к возрождению сенатского правления,

правового источника. Однако, имя этого исследователя, по моему мнению, не должно быть забыто. Бортник Н.А. Экономика и политический строй Тиволи в нач. XIV в. // *Античная древность и средние века*, Свердловск, 1975, вып. 12, с. 126-146. Среди работ на итальянском языке остается в исследовательском арсенале классический труд: Viola S. *Storia di Tivoli dalla sua origine fino al secolo XVII*, v. 1-3, Roma 1819. Существует серия: *Atti e memorie della societa tiburtina in storia e d'arte*. К сожалению, ситуация в Тиволи не отражается новейшим фундаментальным исследованием «*Il podesta dell'Italia comunale. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri*. Roma 2000», хотя в данном труде анализируются не только деятельность должностных лиц с названием подеста, но и даются характеристики коммунального администрирования различных регионов Италии с особым вниманием к территориям Лация и Папской области в целом. Часто цитируемая мной англоязычная работа П. Партнера также может быть полезна и для обращения по вопросу о политической роли Тиволи в истории региона, см.: Partner P. *The lands...* p. 100, 110, 175-182, 206-209, 220-222, 258-259.

⁴⁸⁶ Beloch K.I. *Bevolkerungsgeschichte Italiens*. V. II. Berlin, 1937, s. 56.

⁴⁸⁷ *Satuti I* p. 263, p. 153.

⁴⁸⁸ Например, главы цехов участвовали в деятельности специального совета коммуны, в. т.ч, при изменении законодательства: *Ibid* p. 256 CCCXXXI.

был именно вопрос о войне с Тиволи, которую не санкционировал наместник Св.Петра⁴⁸⁹. Иннокентий II к этому моменту заручился покорностью города и утвердил право назначать своего ректора в Тиволи, т.е. папская курия была заинтересована скорее в том, чтобы противопоставить римской общине – весьма ненадежному союзнику, как противовес коммуну города Тиволи, старинного соперника Рима.

Военная экспедиция против Тиволи была предпринята Римом и около середины апреля 1254 г., в период демократического режима правления Бранкалеоне из Болоньи, в момент, когда позиции родовитых аристократических семейств в городе, а значит, и в войске, были ослаблены. Победа, достигнутая уже к лету того же года, принесла обильные плоды на пользу всей коммуне Рима.

По договору Тиволи с Римом от 1257 г. коммуна Тиволи обязывалась уплачивать ежегодно 1000 лир провизинами сената или одну десятую часть совокупного дохода коммуны⁴⁹⁰. К моменту заключения пакта у коммуны уже существовал свод собственных установлений, и по воле Рима эти статуты были пересмотрены, явно не в сторону увеличения муниципальных (коммунальных) свобод, во всяком случае, отныне все нововведения в Тиволи подвергались цензуре со стороны Рима⁴⁹¹.

В 1305 г. в Тиволи обнародуется новое законодательство, которое в полной мере отражает сложившуюся политическую ситуацию зависимости коммуны Римской Провинции от городской общины Рима. Эти установления дошли до нас и опубликованы⁴⁹². Высшей властью на территории коммуны Тиволи был облечен от имени коммуны Рима управитель – комес, назначаемый на каждый год⁴⁹³.

⁴⁸⁹ Partner P. The lands... p.179-180.

⁴⁹⁰ Statuti I p. 264.

⁴⁹¹ Statuti I p.267: «...ordinamenta et statuta Tiburis per comune Urbis hactenus conrecta...et si que de nuovo per comune Tiburis fierent, per comune Urbis corrigantur...»

⁴⁹² Ibid. p. 153-261.

⁴⁹³ Ibid. p. 153: «Statuimus et ordinamus quod in civitate Tyburtina sit unus comes singulis annis, qui idem dabitur et assignabitur a commune Urbis...»

Коммуной Тиволи мог быть избран распорядитель – седиалес, уроженец самого Тиволи, но подотчетный по должности ставленникам Рима. Право избрания военачальника, нотариев и консилиариев самой коммуной Тиволи было предусмотрено в ее договоре с Римом середины XIII в.⁴⁹⁴. По статуту 1305 г. это положение сохранялось и закреплялось, что отмечено в начальных пунктах первой книги «О числе официалов их присягах и должностях», которые посвящены перечислению должностных постов коммуны и времени и срокам избрания должностных лиц⁴⁹⁵.

Высшие административные лица (официалы) при вступлении в должность приносили клятву исполнять свои обязанности честно, в соответствии с предписаниями местного законодательства, но с тем, чтобы деятельность на благо Тиволи (*pro bono stato dicti civitatis*) не шла вразрез с интересами Рима «*non contra bonum statum Urbis*»⁴⁹⁶. Кроме того, назначенный Римом комес, т.е. высшее должностное лицо Тиволи обязывался не получать никакого жалования помимо установленного коммуной Рима⁴⁹⁷. Военачальник-капудмилиция прямо должен был следить, чтобы коммуна Тиволи пребывала в верности римскому народу⁴⁹⁸.

Низшие официалы клялись повиноваться высшим, но и здесь присяга подчеркивала приоритет интересов Рима; например, административные распорядители кварталов города (ректоры контрат) должны были «честно исполнять распоряжения (*mandatum*) высших официалов на благо Тиволи, но при условии, что это не будет вопреки интересам Рима». Если же «мандат» был направлен против интересов Города, то такое распоряжение не должно было иметь силы⁴⁹⁹.

⁴⁹⁴ Ibid. p.267 «...reservato comuni Tiburis quod possit eligere et habere capudmilitie, consiliarios, notarios et alios offitiales de Tibure»

⁴⁹⁵ Ibid. p. 157 II-III.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 161 XIII, p. 160 XXII, p. 165 V, p. 164 XXVIII.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 156 V.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 160 XXII.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 175 LVIII: «Ego rector contrate iuro officium micchi commissum legaliter et fideliter genere omni fraude remota, et mandatis comitis, sedialis et capudmilitie Tyburis... totis viribus obediam, nisi dictum mandatum comuni Urbis contrarium esset... «

Однако, нельзя преуменьшать роль рассмотренных установлений как свидетельства политико-правового развития коммуны Тиволи: т.е., в плане усложнения структуры коммунальных институтов и создания системы правовых норм по гражданским и уголовным делам. Так или иначе, большинство предписаний статута было направлено на консолидацию коммуны, выработку новой общественной этики граждан-горожан.

Если же вернуться к вопросу об отношении ситуации с Тиволи к внутренним проблемам развития коммуны Рима, то необходимо сделать еще одно замечание. Строкой источника (и в статутах Тиволи 1305 г., и в договоре от 1257 г.) говорится о приоритете интересов Вечного Города, т.е. всей коммуны, а не ее элиты. Но нельзя сказать, что в случае этого соглашения римский нобилитет отказывался от своих привилегий в пользу общих интересов членов городской коммуны.

Впоследствии должность представителя коммуны Рима в Тиволи всегда принадлежала отпрыскам аристократических родов, что позволяло им пользоваться многими выгодами.

Известно, что, пренебрегая интересами собственной коммуны, римские аристократы, традиционно получавшие в городах римской округи власть подеста, уполномоченных Римом, пытались устроить здесь свои родовые сеньории. Все, что оставалось в таких случаях провинциальным городам-коммунам, это лавировать между различными группировками могущественных римских феодалов, используя противоречия между ними.

Так, Витербо один из важнейших исторических центров Лация и всей Папской области с трудом защищал свои интересы от поползновений римской аристократии осуществлять свое влияние. Город Витербо, хотя и не прямой наследник античного центра «цивитас» выделился как сильная средневековая коммуна⁵⁰⁰.

⁵⁰⁰ Хроники и статутные материалы, т.о., были хорошо известны исследователям кон. XIX –нач. XX в. Chiampi G. *Cronache e Statuti della città di Viterbo* // *Documenti di Storia patria / a cura della R. Dep. di Stor. Patr. per le Marche, Toscana e l'Umbria*, V, Firenze, 1872. Важнейшим источником по истории Витербо служили опубликованные локальные хроники: D'Andrea Fr. *Cronache di Viterbo* / ed. da P. Egidi // *Archiv. della Soc. Rom.*

Можно сказать, что средневековый центр возрос подле Ференто – более древнего поселения (еще этрусского происхождения), хотя поселение *ex-novo* подавило развитие прежнего, и, таким образом, *locus* важнейшего центра округа переместился лишь в пределах 7–9 километров. Однако, если некоторые древние местные центры исчезали с карты, новое поселение Витербо быстро росло⁵⁰¹. Средневековый *castrum viterbii* упоминается с конца VIII в. К 1095 г. вокруг Витербо возводятся стены, его население организуется в коммуну.

di Storia patria, XXIV (1901). Не менее интересны издания статута Витербо, вошедшие в публикацию подборки статута римской Провинции, которыми мы будем широко пользоваться в данном исследовании: *Statuti della Provincia Romana*, v. II. Roma 1930.

В самое последнее время появилась публикация привилегий и документов, связанных с историей коммуны XIII в: *Liber memorie omnium privilegiorum et instrumentorum communis Viterbii (1283) / a cura di Carbonetti Venditelli C.*, Roma 1990., а также издание такого ценного источника по социально-экономической истории коммуны, как нотариальные записи-регистрации крупных дарений: II «*Liber quatuor clavium*» del comune di Viterbo/ a cura di C.Buzzi.Roma, 1998.

Город Витербо привлекал внимание историков, как в прошлом, так и в настоящий период: Pinzi V.C. *Storia della citta di Viterbo*, Roma, Camera dei Deputati, 1887, I, 213 1-2; Signorelli G. *Viterbo nella storia della Chiesa*, Viterbo, Cionfi, 1907. Kamp N. *Istituzioni comunali in Viterbo nel Medio evo*. Consoli, Podesta, Balivi e Capitani nei secoli XII e XIII. Viterbo, 1963. Интересны данные по институциональной истории Витербо, проанализированные в коллективном труде, в разделе, составленном С. Кароччи *I podesta dell'Italia comunale. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri*. Roma 2000 p.856-857.

Не смотря на такое обилие публикаций, мне кажется, что изданные более 70 лет назад статуты Витербо изучены недостаточно комплексно и ресурсы данного известного источника использованы далеко не до конца. Кроме того, подчас статуты дают столь интересную информацию, понятную лишь в данном контексте, поэтому, в некоторых случаях, я предпочитаю давать ссылки на источник, а не ссылки на литературу и при описании оффиций (административно-долностной структуры). В других случаях, при описании «общих типичных мест» напротив, рациональным будет использовать компактно изложенные авторитетными исследователями сведения.

⁵⁰¹ Parter P. *The lands...* p. 96.

Борьба с соседним центром Ференто заканчивается в 1172 г. победой Витербо и переселением части жителей побежденного города в Витербо. Витербо был городом с сильно развитыми аграрными функциями, (что достаточно типично для Патримония Св.Петра в Тусции): здесь находился центр хлебной и мясной торговли, производилась ремесленная продукция, тесно связанная с развитием животноводства, например, славились кожевники из Тиволи.

Витербо на протяжении всего средневековья являлся экономическим и политическим соперником Рима (противоборство средневекового Рима и Витербо часто сравнивали со столь же ожесточенным противостоянием древнего Рима и этрусского города Вейи).

Как любой хорошо укрепленный город Патримония, Витербо долгое время был объектом притязаний и пап, и императоров, наибольшая интенсивность политических событий и военных действий отмечалась в 20-40-х гг. XIII в.⁵⁰². И папы, и имперская сторона пытались в первую очередь купить «верность» Витербо различными привилегиями.

Во многом из-за старинной вражды с Римом Витербо принимал в своих стенах пап во времена конфронтации понтификов с римским народом. В 1146 г. город был отмечен особой милостью папского престола, т.к. принял папу Евгения III, который вынужден был из-за противоречий с римлянами покинуть апостольскую столицу. В 1257 г. здесь нашел надежное убежище и оплот в борьбе с Манфредом и мятежными римлянами папа Александр IV, который оставался в стенах Витербо вплоть до своей смерти (1261 г.)⁵⁰³. По той же причине вражды с римлянами витебрийцы сближались и с имперской стороной.

Борьба гвельфов и гиббелинов в городе происходила достаточно ожесточенно. Партии предводительствовались соответственно родами Гатти и Тиньози; в 1243 г. гвельфы, возглавляемые Гатти, подняли антиимперский мятеж, и гиббелинам лишь с большим трудом и ненадолго в 1247 г. удалось вернуть власть над городом императору. В дальнейшем же Витербо формально

⁵⁰² Pinzi V.C. Storia della città di Viterbo. Roma, 1887, I. P. 212-120

⁵⁰³ Signorelli G. Viterbo nella storia della Chiesa. Viterbo, 1907. P. 184-200

становится гвельфским городом, но гиббелинские настроения всегда сохранялись у определенной части горожан.

В десятилетия наиболее напряженной борьбы между Римом и папством, папством и Империей (20–40-е гг. XIII в.) Витербо смог использовать эту ситуацию для постепенного приобретения независимости.

Важно отметить, что уже в тот период, когда были приняты первые статуты Витербо, т.е., в 1237–1238 г., законодательство включало статью, противодействующую развитию отношений личной зависимости в форме вассалитета: в частности, воспрещалось превращать кого-либо из жителей Витербо или его дистретто в вассалы, а также давать кому-либо, за исключением папы, присягу на верность⁵⁰⁴.

Даже в периоды, когда город находился под имперским контролем, например, в 40-е гг., эти статуты продолжали функционировать в неизменной редакции, т.е., сохранялся пункт о вассалитете по отношению к церкви. Но противодействие распространению вассальных отношений, т.о., относилось к возможности усиления сеньориальных связей отдельных нобильских фамилий, возможно, в первую очередь, римских.

Что же было характерно для взаимоотношений коммуны с общинами, признававшими власть города как коллективного сеньора? Витербо по числу подвластных ему замков значительно опережал Рим, и, если верить свидетельству хрониста XIII в., таких зависимых замков у него было 140⁵⁰⁵. Поэтому в статутном законодательстве Витербо окрестным замкам уделялось пристальное внимание.

Во-первых, статуты подразделяют замки округа на подчиненные коммуне в целом как коллективному сеньору и замки, находящиеся во владении отдельных членов коммуны. Об этих

⁵⁰⁴ Ibid. P. 53 CCXXII («De non recipiendo in vassalum»).

⁵⁰⁵ Chronache e statute della citta di Viterbo // Documenti di storia italiana. V.5. Finenze 1872. P. 6. Причиной открытой войны между Витербо и Римом послужил в том числе один из замков Римской Провинции – Витуркланум, поднявший против власти коммуны Витербо, которому Рим оказал поддержку.

«частновладельческих» замках говорится в книге «Экстраординарное» статута Витербо 1251–1252 гг. в таком контексте: «в замках Витербо и людей из Витербо или его дистрикто поборы «педагиум» и «директура» не взимаются»⁵⁰⁶.

Такая льгота понятна, если считать, что и «владельческие» замки служили целям обороны Витербо. Одна из статей статута 1237 г. требовала от населения окрестных замков и их господ не принимать лиц, совершивших преступления в Витербо или хотя бы подозреваемых коммуной.

Если, например, вор, провинившийся перед Витербо, все же укрывался в замке, владелец замка обязывался в течение восьми дней исправить это положение, в чем и давал клятву или поручительство⁵⁰⁷. Что касается замков, находившихся под патронатом коммуны Витербо в целом, то такие замки упомянуты уже в статуте 1237–1238 гг. с указанием, какой податью обязан каждый из них перед Витербо⁵⁰⁸. В 1251–52 гг. был уточнен общий порядок выборов ректора или подеста для замков-коммун, подвластных Витербо⁵⁰⁹.

Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере взаимосвязей коммуны Витербо и замка Кастель Фьорентино, упомянутого в перечне плативших подать Витербо (4 лиры) еще в 1237 г.

Кастель Фьорентино или просто Фьорентино занимал стратегически важную позицию – близ дороги, ведущей через такие крупные центры Римской Провинции, как Витербо, Монтефьясконе и Орвьето вплоть до важнейшего города Тосканы – Флоренции (откуда, возможно, и происходит название замка). Есть основание полагать, что замок возник на месте античного цивитас Ференто, процветавшего в эпоху Тиберия (публикаторы источника приводят ссылки на эпиграфические свидетельства и другие источники античного времени)⁵¹⁰.

⁵⁰⁶ Ibid. P. 50 CCXIII: «In castris Viterbii et in castris hominum Viterbii... pedagium vel directura non auferatur».

⁵⁰⁷ Ibid. P. 10-81 CCCLXXXVI.

⁵⁰⁸ Ibid. P. 61 CCLVII.

⁵⁰⁹ Ibid. P. 107 XXIII.

⁵¹⁰ Statuti di Castel Fiorentino // Statuti I. P. 305.

Ференто в средневековье, как указывалось выше, – епископская резиденция, замок с церковью IX–X вв., впоследствии уступивший свое значение первенствующего центра округи самому Витербо. Власть Витербо над замком утвердилась далеко не сразу. По крайней мере, с XII в. господство над замком пытались присвоить себе соседние города, как гвельфской, так и гибеллинской ориентации.

В результате военных действий гибеллинского Витербо против опаривавших у него Кастель Фьорентино гвельфов Орвьето и Монтефьясконе замок чуть было не прекратил свое существование: он был почти до основания разрушен и обезлюдел более чем на три десятилетия⁵¹¹.

То, что со второй половины XIII в. замок уже находился под властью Витербо, засвидетельствовано в материалах другого судебного разбирательства между коммуной Витербо и неким Райнеро ди Буонконте от 1262 г.: Фьорентино упоминается в числе семи местных замков, плативших коммуне Витербо побор – «*sentam rescunie*» – и принимавших ставленника коммуны Витербо в качестве главы администрации замка (подеста)⁵¹².

Статутное законодательство Кастель Фьорентино получил в самом конце XIII в.⁵¹³. Первая редакция статута в 1298 г. была принята по соглашению коммуны Витербо со специальными выборными учредителями статута от лица коммуны (статутариями), избирали же статутариев члены совета коммуны Фьорентино (консильярии)⁵¹⁴.

Гарантом подчиненного положения замка являлась система административного контроля, причем в обязанности должностных лиц входил не только надзор за соблюдением статута, но и прямой донос на коллегу, допустившего послабления или нововведения в пользу коммуны замка⁵¹⁵.

⁵¹¹ Ibid. P. 310-311, note 3-4.

⁵¹² Ibid. P. 309.

⁵¹³ Ibid. P. 317-333.

⁵¹⁴ Ibid. P. 317. Ibid. P. 311.

⁵¹⁵ Ibid. P. 317 III.: «...*scindicus possit ire Vetrebii et accusare*». Ibid.: «*si non iret sindicus fiat per conciliarios*»; Ibid. P. 324 XXXXVIII; Ibid. P. 326-327 LXVIII; Ibid. P. 322 XXXII; Ibid. P. 343 XXXXVIII: «*et potestas et*

Итак, мы определяем коммунальное развитие Витербо как образец «демократического» в его специфических проявлениях, присущих римскому региону. Законодательство Витербо препятствовало именно возникновению персональных вассальных связей в дистрикте, т.е. в случае, когда индивидуальным сеньором мог стать представитель местного нобилитета, но выстраивало сложную систему коллективной сеньории (всей коммуны над вассальными общинами округа).

Средневековый Корнето получил импульс развития от крупного античного города Тарквиния, и именно отсюда происходили цари древнего Рима – династия Тарквиниев. Уже в силу славной и древней истории Корнето жители города не могли без возмущения признать притязания Рима на лидерство в регионе. Амбиции Рима находили отпор корнетанцев, поневоле пассивный ввиду неравенства военных сил. Протест общины Корнето не принимал формы военного противостояния, как в случае с Витербо, хотя угроза военного посягательства Рима на дистрикт Корнето существовала и временами обострялась.

Как уже отмечалось, богатым торговым коммуна Римской провинции, формально подчиненным римской коммуне, на деле удавалось откупиться от поставок зерна в Рим или ведения военных действий на его стороне, если они считали это для себя невыгодным. Если обратиться к примеру обязанностей коммуны Корнето перед коммуной Рима, то исполнению их в Корнето явно предпочитала выплату денежных штрафов. Так, если в документе от 1283 г. упоминается о подтверждении клятвы верности Корнето Риму⁵¹⁶, то уже в 1284 г. один из документов констатирует неисполнение поставок зерна в Рим⁵¹⁷.

Документ, датированный маем 1292 г., содержит целый перечень проступков и преступлений коммуны Корнето, ее должностных лиц и отдельных членов против коммуны Рима. Напри-

notarius teneantur compellere homines ad dictum datum et si fierent negligentes... solvant comuni Viterbi XL sol».

⁵¹⁶ La Margarita Cornetana. Regesto dei documenti / A cura di P. Supino. Roma, 1969. P. 51.

⁵¹⁷ Ibid. P. 70.

мер, Корнето отправил два корабля, груженных пшеницей, в Геную, что явно противоречило римским интересам (Рим вел тогда борьбу с Генуей и постоянно испытывал недостаток хлеба). При этом Корнето недопоставил Риму натуральный побор грасциа (*grascia*): «шесть сальм вина на шести ослах», как точно указано в документе⁵¹⁸. Штраф за первое из этих преступлений составил 500 лир, за второе 50; всего же по искам, выдвинутым Римом вплоть до 26 мая 1292 г., Корнето уплатил 284 флорина золотом⁵¹⁹, считая, видимо, для себя это более выгодным, чем неукоснительное соблюдение римских интересов. Римские сенаторы-нобилы шли на компромисс с Корнето, скорее всего, потому, что большая часть этих гигантских штрафов оставалась в их руках.

Что касается собственных должностных лиц Корнето, то в документах коммунального архива упоминаются Совет коммуны и такие официалы, как камерарий и нотариий⁵²⁰. В документе за март 1201 г. и февраль 1238 г. фигурируют консулы Корнето⁵²¹, а в документе от мая 1251 г. впервые упомянуты подеста и ректор коммуны⁵²². Документ за март 1256 г. упоминает синдика и подеста⁵²³. Следовательно, режим правления подеста утвердился в Корнето около середины XIII в. или чуть раньше.

Коммуна Корнето, в свою очередь, как и большие города пыталась организовать свою округу. Как сказано в документе от 13 марта 1201 г., граф Уголино – владелец замков Тольфа Веккиа и Монте Монастерио, с согласия своей супруги Софии и сыновей Районе и Райнуччио, признавал верховную власть Корнето над этими замками и сам (за своих наследников) вместе со всеми жителями (старше 14 лет) принес клятву верности-подчинения «консулам и народу Корнето»⁵²⁴.

⁵¹⁸ Ibid. P. 160-161.

⁵¹⁹ Ibid. P. 162.

⁵²⁰ Например, в случае возмещения члену коммуны за потерю боевого коня: «Matteo del fu Bonificio Vitelleschi rilascia a...camerario del comune di Corneto quietanza di 30 lire di dinari paparini che il comune gli doveva in forza di una riformazione del consiglio rogata del notario». (Ibid. P. 113)

⁵²¹ Ibid. P. 52, 54-55

⁵²² Ibid. P. 55

⁵²³ Ibid. P. 56.

⁵²⁴ Ibid. P. 52.

Клятва-присяга, обозначенная в источнике термином «се-квментум» (*sequimentum*) подразумевала, что новые подданные Корнето будут вести войну и заключать мир строго в интересах Корнето, а также ежегодно приносить ко дню Св.Секкондино 10 либр воска⁵²⁵. У этого «добровольного» акта была достаточно бурная и драматическая предыстория: граф Уголино из дома Николиди захватил у Корнето замки Тольфа и Монте Монастерио, коммуна повела с ним войну, в результате чего тот вынужден был вернуть не только оба замка, но и подчинить контролю и верховенству Корнето все свои замки⁵²⁶.

В том же году аббат церкви Сан Арканджело Палтоне, с согласия братии, в форме дарения передал консулам Корнето замки Сан Арканджело и Казанело⁵²⁷. Аббат приносил клятву верности коммуне (за себя и своих преемников), а также должен был привести к этой присяге всех жителей указанных замков старше 14 лет⁵²⁸.

В 1283 г. при подтверждении клятвы со стороны тогдашнего аббата Сан Арканджело Энрико и массариев замка Сан Арканджело консул Корнето учредил в замке новый режим правление – через подчиненного Корнето распорядителя-висконте⁵²⁹.

Л. Дасты в «Историко-археологических известиях о Тарквинии и Корнето» приводит вышеупомянутые замки Тольфа Веккиа, Монте Монастерио, Сан Арканджело, Чивителла в списке коммун, над которыми Корнето имел сеньорию или патронат⁵³⁰. В XIV в. к ним прибавились Рота (1300 г.) и Чивиаеккиа (1307 г.).

Велик перечень коммун и замков, находившихся в юрисдикции Корнето: прежде всего, надо выделить среди них Тарквинию.

⁵²⁵ Ibid. P. 52-53.

⁵²⁶ Dasti L. *Notizie storiche-archeologiche di Tarquinia e Corneto*. P. 202.

⁵²⁷ Как это засвидетельствовано документом из коммунального архива Корнето (в другой связи уже процитированном нами): *La Margarita Cornetana...* P. 54, см. также раздел Роль Церкви.

⁵²⁸ Ibid. P. 54: «... abate che guira sequimento e si obbliga a farlo giurare... gli homini del castello».

⁵²⁹ Ibid. P. 54-55: «...console Iacopo... receive il sequimentom da molti massari di S. Arcangelo e constituisca nel castello visconte...».

⁵³⁰ Dasti L. *Op. cit.* P. 451-452.

В средневековье Тарквиния пришла в упадок и включилась в сферу влияния успешно развивавшегося близлежащего Корнето в качестве подвластного укрепления, постепенно поглощенной территорией города.

Список «верных» общин продолжат более удаленные от нового сеньориального центра (Корнето) поселения – замки Аккарано, Монтебелло, Монтевалерио, Монтелеоне, Кастель Чецци, Кастель Маринелло, Кастельлана, Кастель Нуово, Рокка Джорджо. Коммуна Корнето подчиняла себе округу различными путями, охватывая вассальной и юрисдикционной зависимостью все более дальнюю округу.

Естественно, эти юрисдикционные и сеньориальные права коммуне удалось получить в первую очередь путем ослабления позиций местных нобилей и разного рода компромиссов с ними.

Как отмечалось выше, подчинение коммуне Корнето сеньоров Тольфа Веккиа и Монте Монастерио, зафиксированное в документе от 1201 г., явилось результатом военного столкновения между корнетанцами и графом Уголино. Одним из условий подчинения было то, что сеньоры Тольфа Веккиа обязывались приводить к присяге в пользу Корнето прибывающих в их владения переселенцев⁵³¹.

Почти век спустя (в 1293 г.) сеньоры Тольфа Веккиа также торжественно принесли клятву подеста и народу Корнето: защищать и охранять Корнето и их добро⁵³². Видимо, семейству сеньоров Тольфа Веккиа был передан во владение и замок Сан Арканджело. В 1300 г. глава семейства «сеньоров Тольфа Веккиа и Сан Арканджело» признал и подтвердил все акты и обязательства, связывавшие его предшественников – владельцев указанных замков и Корнето⁵³³.

В начале XIII в. замки Тольфа Веккиа и Монте Монастерио находились, хотя и недолго, в одних руках – у графа Уголино, единым актом подчинения передавшего их Корнето. К концу века Монте Монастерио составил одно владение с замком Чивителла,

⁵³¹ La Margarita Cornetana... P. 53.

⁵³² Ibid. P. 62 «...a salvaguardare, sostenere et adiutare gli homini di Corneto nelle persone e nelle cose...».

⁵³³ Ibid. P. 255-258.

а Тольфа Веккиа с Сан Арканджело. Замками владели две враждебные друг другу нобильские консортерии, причем и сеньоры Тольфа, и сеньоры Монте признавали себя гражданами и вассалами Корнето («*cives et fideles*»)⁵³⁴.

Как свидетельствуют документы из архива церкви коммуны Корнето, в 1299 г. сеньоры-консорты первого из замков, то есть, Тольфа вместе со своими союзниками напали на Монте Монастерио и захватили замок⁵³⁵. Тогда коммуна Корнето по жалобе сеньоров Монте Монастерио немедленно выступила в качестве арбитра между воюющими и властно восстановила порядок. Консорты и сеньоры Монте Монастерио с согласия их вассалов и массариев вновь признали доминиум Корнето над этими землями, а также приняли в замок некий гарнизон солдат корнетанцев «*una campania di sergenti cornetani*»⁵³⁶. Сеньоры Тольфа под угрозой большого штрафа обязывались не чинить обиды нобильям из Монте Монастерио⁵³⁷.

Сеньоры замка замка Тольфа Нуова также именовались горожанами и гражданами общины («*cittadini*») Корнето, что и было указано в документе от апреля 1293 г. из архива Корнето. Владетельные сеньоры замка проявили себя как добропорядочные горожане Корнето и присягнули, что некий замок Маринелло действительно находится на «территории» Корнето и под юрисдикцией коммуны, видимо отказавшись в пользу коммуны от притязаний на укрепление, возведенное на спорной территории⁵³⁸.

Упомянутые сеньоры Новой Тольфы владели и другим замком – Мариньяно – но уже совместно с Пьетро де Вильсо, кото-

⁵³⁴ Ibid. P. 251-253; 253-255.

⁵³⁵ Ibid. P. 247-248: «...signore di Monte Monastero e Civitella, fideles e cittadini del commune di Corneto narrano... che signore di Tolfia Vecchia e S. Arcangelo insieme con i consortes, complices et sequaces invasero a mano armata il castello di Monte Monastero...».

⁵³⁶ Ibid. P. 250-251: «...consorti e signori di Monte Monastero e Civitella... riconoscono il dominio del Commune...».

⁵³⁷ Ibid. P. 254: «...di non molestare in alcun modo i signori vassali di Monte Monastero e Civitella...».

⁵³⁸ Ibid. P. 62.

рый являлся весьма видным человеком, ни много, ни мало префектом Рима. Само по себе наличие подобных связей совладения весьма интересно и заслуживает отдельного исследования, но, в данном случае пример замка Мариньяно примечательны условия отчуждаемости владения и преимущественных прав при покупке. Признание юрисдикционной власти Корнето над этим замком зафиксировано в документе 1297 г. вместе с обещанием сеньоров, в случае, если они расстанутся с замком, продать свою часть владений не иначе как коммуне Корнето⁵³⁹.

Как более ранние, так и последующие события свидетельствуют, о том, что такая перекупка владений окрестных сеньоров-нобилей действительно осуществлялась коммуной. Можно привести в пример, документ от 18 апреля 1260г., повествующий о крупных приобретениях коммуны Корнето. Именно тогда Пандольфо да Тарквиния (потомок старейших сеньоров данной области) продал нескольким покупателям, выступавшим от лица коммуны: а именно, консулам, синдикку, капитану и судьям Корнето, части владений окрестных замков и бургов (2/3 Рокка Джорджо, 2/3 бурга, расположенного на прилегающей территории, 2/3 Каструм Нуовум и его округи)⁵⁴⁰. Таким компромиссным путем, благодаря четкой политике в отношении местных нобилей, происходило расширение власти Корнето над округой. Надо также особо отметить, что все документы, свидетельствующие о развитии коммунальных институтов самого Корнето, так или иначе связаны с признанием власти Корнето различными окрестными общинами или владельцами замков, то есть с экспансией городской общины, осуществляемой в ближней или даже дальней округе (контадо и дистретто).

Пример коммуны Корнето показывает, что коллективные вассальные обязанности коммуны могли быть многоступенчатыми: вассалитет по отношению к папской курии не только не исключали вассальных связей с коммуной Рима, но и не препятствовали созданию системы вассального подчинения, в которой господствующую роль играла уже сама коммуна Корнето. Таким

⁵³⁹ Ibid. P. 62-63.

⁵⁴⁰ Ibid. P. 221-222.

образом, вассальная клятва верности являлась неким универсальным механизмом осуществления власти.

В рассмотренных выше примерах, коммун малых городов (Витербо и Корнето) приобретали вассалов, подменяя своим диктатом власть прежних феодальных владельцев (светских и церковных). Отметим, что эти коммуны городов не препятствовали конституированию общин окрестных замков, а, напротив, поддерживали институт коллективной ответственности.

Вассальная «верность» общин служила, прежде всего, своеобразным регулятором постоянных вооруженных конфликтов в регионе, а вассальное подчинение – юрисдикционному контролю над данными землями. Контроль этот мог быть результатом военных действий, но не должен был поддерживаться лишь военной силой. Для поддержания установленного порядка требовались рациональные и сакральные обоснования, выстраивание и закрепление в праве системы отношений «верности», связи между городскими и провинциальными элитами.

Историография *civitas* и проблема *sumptus*. Роль борьбы против роскоши для коммуны и ее историков

Какая роскошь?

В рамках исследования общей проблемы – взаимосвязи *civitas*, церкви и *sumptus* – нас будут интересовать три специализированные темы, которые можно обозначить так: 1) понятия о благе общины и необходимости борьбы с роскошью в ней; 2) роскошь на благо: затраты на проведение христианского юбилея, искупление грехов материальным пожертвованием, траты на украшение и пышность в церковном обиходе; 3) благо нищенствующих: вопрос о материальных пожертвованиях миноритам, 4) пожертвования на упокой души, траты на место последнего упокоения – своеобразные инвестиции в загробный мир.

Хронологические рамки интересующих нас исторических процессов охватывают период от приобретения независимости городскими коммунами севера Италии в борьбе с имперской властью до момента поглощения отдельных *civitas* (средневековых коммун) региональными государствами Ренессанса. При этом не-

возможно игнорировать такой вопрос как традиции и история *цивитас* древности, их роль в формировании *цивитас* средневековья.

Широко употребляемое понятие «*цивитас*», несомненно, требует, как исторической, так и правовой конкретизации. Долговременные попытки историков работать в этом направлении совместились в столь обширную и сложную историографическую традицию, что теперь необходима дополнительная постоянная работа по инспектированию и инвентаризации достигнутых результатов, акцентированию и ре-актуализации некоторых тем и проблем исследований. В первую очередь, необходим синтез и обобщения среднего уровня, которые в данный момент практически отсутствуют, а в будущем могли бы стать мостом, перекрывающим пропасть между исследованием казусов и историографическими сочинениями высшего уровня генерализации. В частности, интересно вписать в одно общее поле исследования разнонаправленные историографические разработки, которые их авторы развивали изолированно, в силу дисциплинарной замкнутости и обособленности специализаций, хотя между этими исследованиями и обсуждаемыми проблемами заметны переклички смыслов.

Изучение общин древнего Рима и средневековой Италии представляют собой две разные проблемы и историографические картины. В то же время итальянисты-медиевисты постоянно озабочены т.н. проблемой континуитета романизованного (латинизированного) мира, возможностью и правомерностью (или неправомерностью) той точки зрения, которая позволяет в том или ином отношении рассматривать средневековые города и их общины (*цивитас*) как наследников античного Рима⁵⁴¹. Несомненно, одно: в средневековье, как и в период Ренессанса, древ-

⁵⁴¹ The Italian city-state and its territory, in *City states in classical antiquity and medieval Italy*/ a cura di A. Molho – K. Raaflaub – J. Emlen/, Stuttgart 1991, pp. 589-602. Il nome di "città". Le denominazioni dei centri urbani d'oltralpe in alcune scritture italiane del primo Cinquecento, *in Italia et Germania. Liber amicorum Arnold Esch*, /a cura di H. Keller – W. Paravicini – W. Schieder/, Tübingen 2001, pp. 489-501.

ность считалась ценностью, древность города и его традиции общинной жизни провозглашалась несомненной ценностью, поэтому их континуитет, хотя бы и ложный – это не изобретение историков, а ценностная установка изучаемого периода. Обращение средневековья и ренессанса к своему античному прошлому предполагало некоторую общую традицию цивилизности и её атрибутов. Современная историография должна и пытается конкретизировать те примеры *civitas*, и те образцы его правовых норм, которые стали главным историческим наследием.

Одним из наиболее ярких образцов *civitas* античности был римский муниципий, явление многоплановое, основанное на тех же принципах, что и всякая античная гражданская община – коллективно-индивидуальном праве на землю. Важнейшим источником при изучении античного *civitas*, в частности, римского муниципия являются уставы (*leges*) эпохи Республики и Империи, которые предоставлялись этим гражданским общинам во время их возведения в муниципальный статус.

Для эпохи Республики такими уставами являются *lex Tarentina*, *tabula Heraclensis* (более известный как *lex Iulia municipalis*), *lex coloniae Genetivae Iuliae* (или *lex Ursonensis*). Следует отметить такие примеры муниципальных установлений конца I в. н.э. как найденные в сенатской провинции Бетика *lex municipalis Salpensana*, *lex municipalis Malacitana*, *lex municipalis Irnitana*⁵⁴². Если сравнить этот объём источников с тем, который оставило средневековье, даже только итальянское (хотя есть множество примеров из других регионов), то сравнение, разумеется, будет не в пользу *civitas* древнего мира.

Тем не менее, история античной общины – гораздо более известный сюжет исследований, дающих более четкую историографическую картину. Если по поводу изучения истории общины в римское время существуют терминологические договоренности, признанные в историографии определения, то для средневековья ситуация с наименованиями общины более сложная, а общая договоренность о понятиях отсутствует. Кратко говоря, можно указать, что термин «*civitas*» в средневековье обозначал и сам город

⁵⁴² Galsterer H. La loi municipale des Romains: chimère ou réalité? // RHD. 65 (2) avr.-juin. 1987. P. 181-203.

(обычно центр епископии), и общину полноправных горожан⁵⁴³. Термин «*comune* (коммуна – от вульгаризированной формы *comuniō, comunia* – общий) чисто средневековый, появляющийся в источниках только после рубежа тысячелетий, но не вытесняющий термин «*civitas*» полностью.

Важным вопросом современной европейской, прежде всего, итальянской историографии стал характер первоначального объединения горожан в коммуну и ответ на вопрос, следует ли считать коммуной только то объединение, которое приобрело публичный характер. Тезис о частном характере первого этапа развития коммуны стал общепринятым с 1960-х гг., причем его утверждение можно объяснить авторитетом фундаментальных исследований Дж. Фазоли.

Центральной для Фазоли стала идея о том, что на первоначальной стадии развития коммуна являлась продуктом временного договора частных лиц – горожан или селян-соседей, заключенного с конкретными утилитарными целями⁵⁴⁴. В его трудах, посвященных трансформации городской общины в средневековую коммуну, период рубежа тысячелетий отмечен как качественно важный и переломный, причем подчеркивается, что для обозначения городского объединения постепенно начинает использоваться новый термин, новое имя существительное на вольгаре, которого не существовало в классической латыни. Само по себе название основной работы Фазоли: «От *civitas* к коммуне в Италии», взятое без анализа содержания, может натолкнуть на мысли о том, что исследовательница развивала идеи континуитета общины от античности к средневековью. Но отметим, что Дж. Фазоли под «*civitas*» подразумевала в основном городскую общину средневековья, предшествующую коммуне, при этом роль античной *civitas* не рассматривается как определяющая для её формирования. Интересно, что ученик и сподвижник Дж.

⁵⁴³ Понятие о *civitas* как о совокупности граждан, а не просто граде, четко прослеживается у такого первостепенного для средневекового латинского мира автора, как Августин.

⁵⁴⁴ Fasoli G. *Dal civitas al comune nell'Italia settentrionale*. Bologna, 1961.

Фазоли, А.И. Пинии отстаивал иную точку зрения, проводя параллели между системами отношений зависимости, создаваемыми в различные исторические эпохи⁵⁴⁵.

Анализ соотношения между использованием терминов *цивitas* и *коммуна* в правовых документах городского происхождения не позволяет считать, что один термин всегда относился к более раннему этапу развития общины, а другой к позднему – такой важный и обоснованный кропотливыми исследованиями казусов вывод принадлежит итальянскому исследователю О. Банти⁵⁴⁶.

Проблема исследования понятия *цивitas* в истории, разумеется, не исчерпывается терминологическими трудностями и юридическими тонкостями, хотя именно этот круг вопросов составляет ядро италянистики. *Цивitas* как правовой и социальный организм с особыми ценностями и иерархическим построением может и должен интерпретироваться в разных проекциях. Особую перспективу историографического развития составляет обозначенная Н. Элиасом проблема изучения «civilizing process» применительно к средневековью и времени перехода к раннему Новому времени, в частности, к средневековому итальянскому городскому сообществу, что уже нашло отражение в историографии⁵⁴⁷.

Кроме того, важной перспективой исследований *цивitas* должна стать разработка проблемы репрезентации *цивitas* Средневековья. «Поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами,

⁵⁴⁵ Pini A.I. *Citta, comuni e corporazione nei Medioevo italiano*. Bologna, 1986.

⁵⁴⁶ Banti O. *Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XI-e–XII // Critica Storica IX 1972*. Эта же работа с минимальной правкой воспроизведена в коллективном труде под редакцией Г. Россетти *Forme di potere e strutture sociali in Italia nel medioevo*. Bologna 1997. p. 217-31.

⁵⁴⁷ J.M. Najemy, *The medieval Italian city and the “civilizing process” / Europa e Italia. Studi in onore di Giorgio Chittolini / Europe and Italy. Studies in honour of Giorgio Chittolini*. – Firenze: Firenze university press, 2011. – XXXI, 453 p.; (Reti Medievali. E-Book; 15) http://www.rm.unina.it/rmebook/dwnld/chittolini_festschrift.pdf.

которые составили себе люди и которые управляют их действиями» – этой знаменитой формулой Ж. Дюби⁵⁴⁸ можно очертить главный круг проблем и вопросов, связанных с трактовкой роли права в жизни средневекового итальянского социума и связи социума-цивитас и права.

Требуется особое пояснение: образы и представления, которые изучает итальянист, очень часто суть образы должного и недолжного, закреплённые в письменном праве. Иначе говоря, среди доминирующих в сознании средневекового итальянца-горожанина представлений следует выделить образы правового порядка, связанные с восприятием привилегий и обязанностей, достоинства и статуса индивида или группы, а также с понятием о ценности общины-цивитас, к которой принадлежал житель средневекового города. Именно представления о правовых ценностях социума и о нём самом как носителе права отразились во многочисленных свидетельствах источников.

Изучение отличительных особенностей итальянской истории, именно эволюции городской общины (*civitas*), черт континуитета и новаций в истории этой городской общины, возможно сквозь призму бытовавших норм восприятия сверхдолжной и допустимой роскоши. В частности, весьма значимой темой является исследование сумптуариев, т.е. законов против роскоши, которые принимали и античные *цивитас*, и общины Средневековья и Ренессанса.

Несомненно, что такой сложный организм как (гражданская) община во всем многообразии её форм невозможно представить, не изучив вопрос о том, какие потребности имели члены общины, какие затраты им требовались для поддержания соответствующего их статусу уровня жизни. Не менее важен и вопрос об отношении к ценностям символического порядка. Разумеется, главной ценностью являлась сама община-цивитас, дух которой мог быть поврежден или подкреплён тем или иным поведением членов социума, например, поддержан службой на благо общины или же благочестивыми тратами на постройку церквей и пожертвований им, а нарушен тратами, шедшими во вред общине.

⁵⁴⁸ Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (Ed.) Faire de l'histoire. T.1: Nouveaux problèmes. P., 1974. P. 148.

Изучая правовые репрезентации городской коммуны (цивита́с), нормы, связанные с самим понятием цивита́с, возникавшие в городской среде от средневековья к ренессансу, а также анализируя образы подобающего и неподобающего для гражданина общины жизненного модуса, которые запечатлели средневековые установления (*statuta* лат, *statuti* – итал. статуты) мы можем приблизиться к понимаю ряда вопросов правового и институционального развития социума в Италии: начиная от т.н. континуитета цивита́с и заканчивая тем, почему в определенный период развития Италии была возрождена идея сумптуариев, законов против роскоши.

Феномен борьбы цивита́с с неразумными тратами его членов, правовое ограничение роскоши является одним из признаков континуитета ценностей цивита́с от Античности до Ренессанса.

Что касается литературы по этому вопросу, то исследования роскошного образа жизни, утонченного досуга и наслаждений, которыми отличались представители элит античности, и исследования конкретных правовых способов и проявлений борьбы против роскоши трудно четко разграничить. Некоторую роль здесь играют особенности историографических школ разных стран. Например, в англоязычном научном мире менее артикулированы собственно правовые детали и подчеркнуты общие тенденции или разнообразие проявления феноменов⁵⁴⁹. Исследования самих сумптуариев более детализированы в работах историков римского и средневекового права, пишущих на итальянском языке.

Среди медиевистов, разумеется, также прослеживается деление по национальным историографическим школам. Однако самым серьезным разграничением следует признать здесь различие между тщательными исследованиями, ОПИСЫВАЮЩИМИ великое множество ограничений, связанных с роскошью (материалом, покроем, фасоном, отделкой платьев средневековых дам), и между исследованиями, АНАЛИЗИРУЮЩИМИ причины и природу сумптуариев, в которых, помимо собственно

⁵⁴⁹ Образец исследований проблемы роскоши с позиции исследования языка и культуры, в т.ч. культуры питания – это, напр., работа канадского исследователя Эндрю Долби. Dalby A. *Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World*. London-New York, 2000.

описаний примеров роскоши, акцентируется форма реакции городской коммуны, церкви и ее проповедников на демонстрацию роскоши. Среди классических исследований, которые отличает высокий уровень рефлексии, следует отметить англоязычные и италияязычные⁵⁵⁰.

Античные законы против роскоши, известные нам хотя бы по содержанию, разрознены и немногочисленны, к тому же целый ряд их сохранился только в пересказе или упоминаниях. Тем не менее, они могут быть выстроены по хронологии в логическую цепочку.

Средневековые законы против роскоши исключительно обильны, велика и сохранность оригинальных документов. Очевидно, что эту массу законов итальянские общины и городские власти издавали, подражая друг другу, в качестве реакции на сходные исторические и социальные изменения.

Правовые документы остаются наиболее массовым источником, однако для периода от Средневековья до Нового времени, кроме правовых свидетельств, отраженных в светском законодательстве, имеются источники, связанные с историей церкви и религии, из которых историки получают сведения для изучения темы покаяний, исповеди и проповеди (в особенности, францисканского влияния на эти традиционные формы религиозной жизни). Авторитетные исследователи темы сумптуариев итальянского Средневековья и Ренессанса, например, Муццарелли

⁵⁵⁰ Считаю необходимым выделить два труда, посвященных сумптуариям в Средневековье и Ренессанс. Издание Kovesi Killerby C. *Sumptuary Law in Italy 1200–1500* Oxford. 2002 является первым серьезным англоязычным обобщающим исследованием на эту тему. Мы осознанно делаем акцент на слове «обобщающее», поскольку такого рода описания не характерны для изучения проблемы борьбы против роскоши в Италии. Тем не менее, итальянская историография особенно сильно многоплановостью, соединением источниковедческого анализа с анализом тематическим и историографическим. Классический труд Муццарелли Muzzarelli M.G *Gli inganni delle apparenze*. Torino 1996 – в лучшем смысле слово традиционное исследование. Здесь нет генерализации и пересказов, но есть попытка синтеза материала и совмещения нескольких планов исследований.

владеют полностью всем этим красочным материалом, от деталей истории костюма и дорогих украшений горожан и представительей нобилитета до вопросов финансирования без целей обогащения, предоставления льготных ссуд беднякам, которые делали горожане под влиянием францисканской проповеди⁵⁵¹, но при этом остаются в тени коллег-античников.

Простой интернет-поиск по ключевому слову сумптуарии приведет сначала к публикациям по античной тематике и лишь затем к истории борьбы против роскоши в Средневековье или Раннее Новое время. Дабы частично компенсировать эту несправедливость, я предлагаю читателям более подробно ознакомиться с историографией вопроса о сумптуариях Дученто, Треченто и Кватроченто⁵⁵², впрочем, не оставляя и темы сумптуариев античности.

⁵⁵¹ Considerazioni sugli Statuti del Monte di Pietà di Cesena, in «Atti della Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna. Classe di Scienze Morali. Rendiconti», LXIV (1976), pp. 103-135 (alle pp. 112-135 edizione degli Statuti del Monte di Cesena). Alcuni documenti sul Monte di Pietà fondato a Cesena nel 1487, in *Ricerche Cesenati*, Faenza 1977, pp. 21-32. Appunti per un'analisi della struttura dei "Sermones" di Bernardino da Feltre, in «Rivista di storia della Chiesa in Italia», XXXII/1 (1978), pp. 153-180. Un bilancio storiografico sui Monti di pietà: 1956-1976, in «Rivista di storia della Chiesa in Italia», XXXIII/1 (1979), pp. 165-183. Una componente della mentalità occidentale: i Penitenziali nell'alto medioevo, traduzioni, cura e introduzione di M. G. Muzzarelli, Bologna 1980. Il Gaetano ed il Bariani: per una revisione della tematica sui Monti di Pietà, in «Rivista di storia e letteratura religiosa», 1980, pp. 3-19. I Francescani ed il problema dei Monti di pietà, in *Atti del Convegno Storico Bernardiniano in occasione del sesto centenario della nascita di S. Bernardino da Siena* (L'Aquila 1980), S. Atto di Teramo 1982, pp. 83-95. Norme di comportamento alimentare nei libri penitenziali, in «Quaderni Medievali», XIII (1982), pp. 45-80.

⁵⁵² Укажем обобщающие классические работы, которые принадлежат все той же итальянской исследовательнице Муццарелли: *Muzzarelli G.M. Gli inganni delle apparenze. Disciplina di vesti ed ornamenti alla fine del medioevo*, Torino 1996. Она же: *La disciplina delle apparenze. Vesti e ornamenti nella legislazione suntuaria bolognese fra XIII e XV secolo*, in *Disciplina dell'anima, disciplina del corpo e disciplina della società tra Medioevo ed Età moderna* (Atti del convegno tenutosi a Bologna il 7-9 ottobre

Следует отметить, что именно в истории борьбы с роскошью у италийских общин от античности до ренессанса исключительно важное место принадлежит законам, т.е. не просто моральным установкам, но жёстким правовым нормам, которые утверждались в процессе развития *цивитас*.

Мы знаем, что не у всех народов роскошь воспринималась как нечто предосудительное, голос против неё нередко подавали только отдельные религиозные авторитеты или морализаторы. И лишь в особых случаях мы видим серьёзные усилия, направленные против роскоши, подрывающей основы стабильности общины, облеченные в форму закона, проводимого светскими властями. Особенно важны следующие примеры законодательства против роскоши (*Leges sumptuariae*).

Первый из таких законов – *lex Oppia* 215 г. до н.э. – запрещал римским женщинам иметь украшения больше, чем на пол-унции золота, а также носить одежды, окрашенные в разные цвета (*Liv.* 34.1-2). Закон был принят в разгар Второй Пунической войны, когда римские власти стремились ограничить нерациональные траты и направить расходы на главный приоритет гражданской

1993), a cura di P. Prodi, Bologna 1994 (*Annali dell'Istituto storico italo-germanico, Quaderno 40*), pp. 757-784.

Среди работ, анализирующих развитие *сумптуариев* вне итальянских земель, отметим: Jaritz G. *Leggi suntuarie nelle aree di lingua tedesca // Disciplinare il lusso: la legislazione suntuaria in Italia e in Europa tra Medioevo ed Età moderna*; Muzzarelli M.G., Campanini A., ed. Vol. 40. Roma: Carocci; 2003. p. 137-43. (*Studi storici Carocci; vol 40*); Baldwin F.E. *Sumptuary Legislation and personal Regulation in England*, Baltimore 1926 (*John Hopkins Univ. Studies*, s. 44,1); Eisenbart L.C. *Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des deutschen Bürgertums*, Göttingen-Berlin-Frankfurt 1962; Bulst N. *Zum Problem städtischer und territorialer Kleider-, Aufwands- und Luxusgesetzgebung in Deutschland (13.-Mitte 16. Jahrhundert) // Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'Etat*, a cura di A. Gouron, A. Rigaudière, Montpellier 1992, pp. 29-57; Palla M.J. *Le discours du costume chez Gil Vicente // «Nouvele Revue du Seizième Siècle»*, 13/2 (1995), pp. 165-177.

общины, а именно укрепление ее военно-экономического потенциала⁵⁵³. Несмотря на отмену в 195 г. до н.э. Оппиева закона, законодательные ограничения в области борьбы с роскошью были подкреплены высокими налогами на ношение драгоценностей и богатого платья, введенных цензором Катонем Старшим в 184 г. до н.э.⁵⁵⁴

Основная часть законов о роскоши республиканского времени после Второй Пунической войны была направлена на ограничение расходов на пиры и обеды. Так, в 161 г. до н. э. по инициативе консула Гая Фанния Страбона был принят Фанниев закон (*lex Fannia sumptuaria*), ограничивавший расходы на пиры 100 ассами в праздники и 10 ассами в обычные дни, а число гостей 3–5 человеками (*Macrob. Sat. III. 17; Gell. II, 24*)⁵⁵⁵. *Lex Aemilia sumptuaria*, дата которого, согласно привязке к двум различным консульствам, определяется 115 г. или 78 г. до н.э., был, как и предшествующие законы, направлен на ограничение расходов на еду (*Gell. II, 24; Plin. NH. 8. 82*)⁵⁵⁶.

Наиболее дальновидная часть римской элиты периода Республики не могла не понимать опасности расшатывания тех моральных устоев, на которых основывалась римская *civitas*, и предпринимала попытки с помощью сумптуариев дисциплинировать представителей наиболее видных и богатых семейств ради общего блага. Эти старания продолжились и после установления в Риме единоличной власти императоров.

Законодательные инициативы против роскоши в разных центрах средневековой Италии формируют ряд сходных направлений, групп созвучных запретов, которые появляются почти одновременно в законодательствах общин высшего юридического статуса – *цивитас*. Естественно, при такой ситуации исследователь должен обратить особое внимание на первые, еще не ставшие серийными законы.

⁵⁵³ Квашнин В.А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006. С. 85.

⁵⁵⁴ Kübler B. *Sumptus* // RE. Bd 7. Stuttgart, 1960. S. 904.

⁵⁵⁵ Квашнин В.А. Законы о роскоши в Древнем Риме... С. 110.

⁵⁵⁶ Kübler B. *Sumptus*. S. 90

Впервые в истории средневековой Италии законодательное ограничение роскоши было проведено в богатых морских республиках – в Генуе и Пизе⁵⁵⁷. Приток роскоши, связанный с расширяющейся восточной торговлей, очевидно, стимулировал правовые нормы ограничительного характера. Первый средневековый пример, который продолжает традицию сумптуариев древности, зафиксирован в 1258–1261 гг. Также известны *Breve Pisani comunis* 1286 г. и *Breve Consulum Mercatorum* 1305 г., видимо, также вызванные опасениями перед новыми возможностями трат и демонстрации роскоши, которые открылись в связи с успехами торговли.

Проблему статуса и *sumptus* задают постановления цивитас Тосканы, в которых отражена борьба с роскошью в рамках антимагнатского законодательства (Сиена 1250–1260 гг., Флоренция 1292 г.). Флоренция продолжила меры сумптуарного характера в 1330, 1356, 1388, 1433, 1462–1464, 1471 гг., что отразило бурный характер социальной жизни города в ренессансную эпоху, когда насилие пронизывало общество, а правовые механизмы пытались этому насилию противостоять⁵⁵⁸.

Формирование законодательства против роскоши в южных областях Италии происходило в особых условиях, вызванных тенденциями развития там сильной центральной власти⁵⁵⁹, поэтому проблему «сумптуарии юга» можно выделить в отдельную тему.

⁵⁵⁷ G. Gentile, "Le leggi suntuarie nel comune di Pisa nei secoli XIII e XIV," in Gentile, *La vita e il pensiero*. Florence, 1972; G. Petti Balbi *Governare la città*. Firenze. 2007. Reti medievali <http://www.rm.unina.it/rmebook/dwnld/PettiBalbi.pdf>.

⁵⁵⁸ The culture of violence in renaissance Italy // Proceedings of the International Conference Georgetown University at Villa Le Balze, 3-4 May, 2010 http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://lelettere.it/Data/Files/HtmlEditor_Files/Image/Estratti_pdf/1110renaissance.pdf. Выделю вклад историка Тосканы, очертившего круг проблем раннего периода Ренессанса, связанных с враждой могущественных семейств города. Andrea Zorzi, *Legitimation and Legal Sanction of Vendetta in Italian Cities from the Twelfth to the Fourteenth Centuries*.

⁵⁵⁹ Musella Guida S. *Il Regno del lusso. Leggi suntuarie e societa: un percorso di lungo periodo nella Napoli medievale e moderna (1290–1784)*.

Спецификация проблем при изучении сумптуариев также обусловлена хронологией: можно вычлени́ть начальную фазу их распространения⁵⁶⁰ и период Кватроченто, когда законы против роскоши становятся нормой городской жизни, усиливается в этом вопросе и роль Церкви⁵⁶¹. Что же касается действенности законодательства в принципе, то внушительный и все увеличивающийся перечень попыток обуздать роскошь сам по себе свидетельствует об их безрезультативности. Тем не менее, в каком-то смысле был важен именно процесс накопления законотворческих усилий, процесс, питавший собой традицию цивилиности.

Если судить об особенностях борьбы *цивитас* против роскоши начиная с периода средневековья, то основным её отличием от античности как будто бы являлось отсутствие постоянного вмешательства (как и поддержки) центральной власти. Однако в известном смысле эту нишу заполнила универсалистская власть христианской церкви, активно участвовавшей в дисциплинировании увлеченных демонстрацией роскоши горожан. Другие неизбежные отличия связаны с изменением костюма и моды (пуговицы, застежки) или особенностями социальной стратификации. Иное сочетание светского и сакрального в средневековье диктовало свои особенности. Тем же, кто не смог закрепить за собой право беспрепятственно демонстрировать с помощью дорогих и

<http://afhe.ehess.fr/docannexe.php?id=446>. Tramontana S. *Vestirsi e travestirsi in Sicilia*, Sellerio, Palermo, 1993; Del Giudice G. *Una legge suntuaria inedita del 1290*, Memoria letta all'Accademia Pontaniana nella tornata del 16 marzo e 20 aprile 1884, Napoli 1887; Pinchera V. *Vestire la vita, vestire la morte: abiti per matrimoni e funerali, XIV–XVII secolo* // *La moda / Storia d'Italia, Annali 19*, Einaudi, Torino, 2003.

⁵⁶⁰ Muzzarelli M. G. *Noscere ordinem et finem sui status": il valore delle vesti nella società del tardo medioevo (XIII–XIV secolo)* // *Problemi di identità tra Medioevo ed Età moderna*, cur., P. Prodi, V. Marchetti, Bologna 2001, pp. 1056–1115.

⁵⁶¹ De Vincentiis A. *Quattrocento Sumptuary Laws in the Papal State* // *NUOVA RIVISTA STORICA* 1997, Vol 81. Iss 3, pp 729–734. Muzzarelli M. G. *"Contra mundanas vanitates et pompas"*. *Aspetti della lotta contro i lussi nell'Italia del XV secolo* // *"Rivista di storia della Chiesa in Italia"*, XL, 2, 1986, pp. 371–390; Kovesi Killerby C. *Sumptuary Law in Italy 1200–1500* Oxford. 2002.

редких вещей высокий статус своего семейства, был открыт другой, но тоже вполне законный, хотя и не бесплатный способ поступать аналогичным образом.

Законы против роскоши, упрощенно говоря, являлись в некоторых случаях не столько нормой, которую нельзя нарушать, сколько узаконенным источником уплаты штрафов-податей. По крайней мере, в некоторые периоды существования общины, запрещавшей роскошь, такое почти узаконенное непослушание было возможным.

Роскошь – это подрыв общественных устоев: такое представление складывается в момент острого кризиса и его преодоления с напряжением всех сил социума. Роскошь как статус – это представление стабильной эпохи. Не роскошь, а нарушение статуса – это преступление, которое наказуемо. При этом наказание имеет денежный эквивалент, а штраф посилен для тех, кто претендует на более высокое положение в обществе, чем то, которое они занимают.

Возможно, этот лукавый компромисс появляется там и тогда, когда право на письмо еще не отражает перемен, произошедших в социуме, в иерархии его членов, но эти перемены уже начались. Возможна и другая логика: в обществе меняются представления о должном и недолжном, право еще не рискует признать недавно осуждаемое моралью поведение нормой, но уже готово его терпеть при условии уплаты компенсации для умиротворения членов социума и отдельных ригористов.

Именно правовые установления кажутся удачным фокусом исследования проблемы переходных моментов в развитии итальянской цивитас от Древнего Рима до Возрождения. Естественно, в общем виде можно сказать, что сумптуарии стали отражением многих сторон жизни общины, которая принимала правовые ограничения для дальнейшего своего развития. Если же учитывать более сложную систему взаимодействия социальных полей, развитие законов против роскоши, включенное в развитие цивитас, служит особым маркером динамики социальных процессов. Важные особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период, в различных социумах становятся понятными

при рассмотрении темы – роскошь и отношение закона к проявлениям роскоши со стороны отдельных представителей общины.

Социокультурный кризис и представления о должной и недолжной роскоши

Несомненно, проблема сумптуарного законодательства заслуживает внимания не столько историков права, сколько исследователей интеллектуальной истории, а также и современных исследователей социального устройства и общественных институтов.

Поскольку «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями»⁵⁶², то, в первую очередь, следует изучать именно эти

⁵⁶² Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (ed.) Faire de l'histoire. T. 1: Nouveaux problèmes. P., 1974. P.148.

представления и образы (в т.ч. относящиеся к ним общепринятые правовые нормы), связанные со стереотипным или нормативным восприятием привилегий и обязанностей, роскоши, достоинства и знатности, как и другие исторически изменчивые представления, принятые в социуме. Ломка стереотипов в переходные периоды также является важным индикатором.

Период Треченто с его катаклизмами и эпидемиями, начинающийся от 1300 г., полного эсхатологических ожиданий, в историографии города и общин Италии традиционно фигурирует как время кризисов и перемен, революционных изменений и религиозных исканий, переустройства городского самоуправления и перестройки сеньориальной системы, оставивших разнообразные следы в документах эпохи и долгой исторической памяти⁵⁶³. (Общепринято и более узкое определение: кризис Треченто, относящийся по большей части к периоду «Черной смерти» – эпидемий чумы, троекратно случившихся именно тогда и вызвавших глубокие перемены в развитии общества на фоне демографического коллапса⁵⁶⁴). Но что такое кризис и что есть свидетельство о нем?

Термин «кризис» не достаточно четкий и однозначный, он допускает несколько интерпретаций, что не удивительно, поскольку передаваемое понятие является весьма сложным; в некоторых его трактовках даже возникает образ, почти совпадающий

⁵⁶³ Не рискуя употреблять нередко фигурирующий в европейской историографии, но излишне политизированный в России термин «революции» применительно к кризисным периодам, ограничимся ссылкой на интереснейшую монографию, разбирающую практически все оттенки смысла, мобилизуемые историками и социологами Европы и Северной Америки в связи с использованием термина революция при анализе социальной истории в моменты резких перемен: Kotowski C. M., *Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis*, a cura di Giovanni Sartori, Beverly Hills 1984.

⁵⁶⁴ *Morire di peste: testimonianze antiche e interpretazioni moderne della "peste nera" del 1348*, a cura di O.Capitani, Bologna 1995. Simoneschi L. *Ordinamenti suntuari pisani per gli anni 1350-1368 (per nozze)*, Pisa 1889.

с историографическим представлением о социальной революции⁵⁶⁵.

Принципиально важно, позиционирует ли исследователь кризис как явление пиковое и моментальное, или же протяженное во времени, со своей предысторией и перспективой развития. В отношении социальной жизни на исходе XIII в. и даже для большей части Треченто можно говорить не о кризисах как моментах упадка, но именно о структурных перестройках общества (в том числе на пике процветания и обогащения) и определенных позитивных моментах, такие, как снятие социальной напряженности.

Мне представляется более интересным и удачным в плане дальнейшей исследовательской стратегии то представление о кризисе, которое не акцентирует внимание на моменте упадка и утраты импульсов развития, но позволяет не упускать из вида как распространяющееся в социуме предвосхищение негативных или просто новационных отрезков общественного развития, так и дальнейшие перспективы, раскрывающиеся через кризисы.

В такой широкой трактовке восприятие кризиса ближе к представлению о революции, но в не социальном, а в религиозном дискурсе (*re-volutio* как новом витке жизни, полного круговорота умирания и воскресения), и в этом смысле учреждение

⁵⁶⁵ Среди многочисленных симпозиумов и конференций, посвященных теме кризиса Треченто, отметим научный форум, проходивший в Италии, но показавший общеевропейский контекст кризисов и мятежей, потрясавших Европу на протяжении всего века: *Rivolte urbane e rivolte contadine nell'Europa del Trecento: un confronto* (Firenze, 30 marzo-1 aprile 2006). В резюме этой конференции было отмечено, что сам термин революция был как бы вновь введен в историографический дискурс после некоторой паузы: *Resoconto di Patrick Lantschner: «Inquadrando il Trecento come il presunto secolo di crisi, il convegno fiorentino ha ripreso un dibattito storiografico che dagli anni '70 dello scorso secolo si era attenuato e talvolta frammentato in diversi dibattiti nazionali, mentre si era spostato in ambiti d'analisi che spesso si sono incentrate maggiormente sullo studio di ritualità, giustizia o stratificazione sociale. Già il titolo del convegno, Rivolte urbane e rivolte contadine nell'Europa del Trecento: un confronto, ha riproposto la dimensione europea, mentre ha cercato anche di integrare le diverse nuove prospettive analitiche; e, cosa ancora più importante, ha reintrodotto la parola rivolta nel discorso storiografico».*

христианских юбилеев – нововведение, которым открывается период Треченто – можно отнести и к революционным изменениям, и к кризисным моментам истории.

Более того, смело можно предположить, что, поскольку современники не располагают статистикой, доступной историку, не оперируют рядом экономических и демографических показателей, то и опора на «данные» в любом известном нам до-индустриальном и даже до-информационном историческом сообществе уступает возможностям использования опорных стереотипов – традиционных или по каким-то причинам сиюминутно привлекательных или входящих в моду идей и форм поведения.

Такие модусы поведения, по моему мнению, не всегда являются прямолинейным отражением экономической ситуации и не обязательно рациональны по природе. И даже когда мы имеем дело с бесспорно заметными и резко драматическими моментами истории, такими как «черная смерть» Треченто, реакции отдельных больших и малых социумов явно не так буквально повторяют кризисные сценарии, предписанные им пост-фактум историками, а компенсаторные механизмы упреждают и даже снижают чисто пессимистические настроения, меняя их на более амбивалентное отношение, которое, возможно, было свойственно не только героям Декамерона. Очень интересны (в данный момент ставшие общепринятыми, если не классическими, в академическом сообществе) теории Бурдые относительно не прямых взаимоотношений социального поля с другими полями⁵⁶⁶. Да, логика средневекового рефлексирования не может совершенно адекватно восприниматься современным сознанием, но это не означает отказа от попыток интерпретаций и приближения к более точным реконструкциям с учетом поправок и ошибок.

Естественно предположить, что ответ на вопросы о социокультурных трансформациях, т.е. собственно кризисах в развитии общины и образующей её идеи *civitas* (цивитас) мы находим

⁵⁶⁶ Основные работы: Бурдые, опубликованные на русском языке: "Начала" ("Choses dites") (М.: Socio-Logos, 1994); "Практический смысл" (М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2001); "Рынок символической продукции" // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; "Социология политики" (М.: Socio-Logos, 1993).

и в меняющихся представлениях о должной и недожной роскоши, амплитуда и динамика которых служит чётким маркером переломных моментов в истории общины (на правовом уровне они наиболее документированы на итальянской земле). Достаточно явно и развернуто эта идея, однако, не прописана в современной историографии сумптуариев. Тем не менее, работа с массивом тематических исследований, даже с наиболее полнокровной итальянской академической литературой позволяют констатировать некоторые, казалось бы, известные, но не суммированные тезисы.

Итак, наибольшие изменения в том, что затем регламентировалось законами против роскоши, появлялись при смене элит, в обстановке борьбы, которой было отмечено переходное время создания территориальных региональных государств⁵⁶⁷. Нельзя однозначно полагать, что средневековые сумптуарии были направлены на полное подавление демонстраций роскоши или хотя бы изгнания конкретных её образцов, как это было в случае принятия античного закона времен войны с Карфагеном. Достаточно часто социум средневековья удовлетворялся штрафами в пользу коммуны за нарушение законов отдельными ее членами,

⁵⁶⁷ В исторический момент создания Ренессансного территориального государства *Lo stato territoriale fiorentino (secoli XIV–XV). Ricerche, linguaggi, confronti* (Atti del seminario internazionali di studi, San Miniato, 7-8 giugno 1996), a cura di A. Zorzi, W. J. Connell, Pisa 2001, Bizzocchi R. Chiesa e potere nella Toscana del Quattrocento, Bologna. 1987; De Vincentiis A. Papato, stato e curia nel XV secolo: il problema della discontinuità [A stampa in «Storica», 24 (2002), pp. 91-115 © dell'autore – Distribuito in formato digitale da RM http://fermi.univr.it/rm/biblioteca/scaffale/Download/Autori_D/RM-DeVincentiis-Papato.pdf. При переходе к Новому времени Clemente A. Note sulla legislazione suntuaria napoletana in età moderna <http://dev.dsmc.uniroma1.it/dprs/sites/default/files/Clemente.pdf>. De Benedictis A. Repubblica per contratto. Bologna: una città europea nello Stato della Chiesa, Bologna 1995. De Benedictis A., I. Mattozzi Giustizia. Potere e corpo sociale nella prima età moderna: Argumenti nella letteraura giuridico-politica. Bologna 1994.

и эти штрафы выступали символом восстановления справедливости и признания примата общественных ценностей⁵⁶⁸.

Не следует, на мой взгляд, включать в одну категорию меры, направленные на борьбу с роскошью членов социума и те, что подразумевали закрепление статусных характеристик и ограничений для групп жителей города, которые стояли вне коммуны (в том числе и в первую очередь это были еврейские общины итальянских городов). Сейчас мы определяем эти группы как национальные и религиозные меньшинства, итальянское Средневековье и Ренессанс не пользовалось подобными понятиями.

В современной историографии вопрос о нормативных ограничениях, касавшихся жизни евреев в средневековом обществе, занимает достаточно большое место⁵⁶⁹, однако я настаиваю, что для феномена сумптуариев в целом он маргинален. Прежде всего, сумптуарии – это регулятор взаимоотношений между членами самой общины, её внутреннее дело.

Другим и более сложным представляется мне вопрос, нужно ли выделять женщин как особую группу, подвергавшуюся законным дисциплинарным мерам против роскоши. Несомненно, что именно роскошь женских нарядов и украшений клеймили в первую очередь морализаторы и проповедники. Нет сомнений и в том, что именно женщин, увлеченных демонстрацией роскоши, дорогими и новомодными вещами, осуждали законы городских общин. Более того, стоило мужчинам-законодателям позаботиться о женской скромности, например, обязав дам-горожанок

⁵⁶⁸ Селунская Н.А. CIVITAS VS SUMPTUS: континуитет, кризисы, законы против роскоши в традиции гражданской общины Италии // Диалог со временем <http://roii.ru/dialogue/28.pdf>.

⁵⁶⁹ В классическом труде по истории обуздания роскоши законодательными мерами такое включение происходит: A. Toaff, *La prammatica degli ebrei e per gli ebrei / Disciplinare il lusso. La legislazione suntuaria in Italia e in Europa tra Medioevo ed. Età moderna*, a cura di Maria Giuseppina Muzzarelli e Antonella Campanini Roma, Carocci Editore ("Studi storici Carocci", n. 40), 2003.

скрывать локоны под покрывалом, как тотчас женская изобретательность превращала дисциплинарную меру в новый предмет роскошества⁵⁷⁰.

Разумеется, перед своими исповедниками благочестивые прихожанки за всё отвечали сами и принимали наказание вплоть до отлучения от причастия. Но в том, что касается запретов на роскошь со стороны светской власти, то картина рисовалась иначе: и вина и ответственность дам были иными. Разве же сами женщины вносили штрафы за помпезность своих выходов в свет в запрещенных нарядах? Разве могли они приобретать ювелирные украшения, платья и диковинки к столу на свои средства без ведома сородичей-мужчин? Видимо, за вычетом некоторых исключений, корректно будет говорить все же о демонстрации престижа семьи и рода с помощью предметов женской роскоши, а не о сумасбродстве и собственных излишествах дам Средневековья и Ренессанса. Объекты, символизирующие роскошь, встречаются в казусах, которые ученые приводят в связи с темой моды, благочестия и статуса женщин в обществе, но лишь в последнюю очередь в связи с историей коммуны и развитием.

Отметим, что сумптуарии вовсе не стоит однозначно принимать за реальную борьбу с богатством или приравнять к ней. Общее стремление к более справедливому распределению богатства членов элиты на пользу всей общины или к сглаживанию статусных различий, вероятно, можно констатировать как умонастроение, однако борьба эта всегда носила ситуативный характер

⁵⁷⁰ Например, в конце XIII в. особым распоряжением (*Costituto De habitu mulierum* 1279 г.) папского викария и нунция в Ломбардии кардинала Латино (*Latino Malebranca*) дамам предписывалось носить покров, который тут же стал предметом украшения и гордости модниц. «*Ma la civetteria femminile era riuscita a farne un ornamento raffinato abbellito da liste d'oro*»: Pisetzky L., *Il costume e la moda nella società italiana* cit., p. 149. См. также: Muzzarelli M.G., *Ma cosa avevano in testa? Copricapi femminili proibiti e consentiti fra Medioevo ed Età moderna*, in: *Un bazar di storie a Giuseppe Olmi per il sessantesimo genetliaco*, Trento, Editrice Università degli Studi di Trento, 2006, pp. 13–28; Muzzarelli Gli inganni delle apparenze. *Disciplina di vesti e ornamenti alla fine del medioevo*, Torino 1996 *La disciplina suntuaria dal XIII al XV secolo*, p.101.

и не была продиктована последовательной политикой. Да, наказание за злоупотребления происходило в форме выплаты своеобразного налога на роскошь, выплаты за нарушения выступали как компенсация общине. При этом степень перераспределения имущественных благ была весьма условной: общественными средствами распоряжалась всегда та же самая элита *цивитас* (коммуны), которая только и могла позволять себе нарушать запреты в отношении роскоши. Иногда же элита прямо устанавливала такое законодательство, под запреты которого не попадали излишества, позволяемые себе членами избранного круга. В таком университетском центре (прежде всего, центре изучения права) как Болонья исключения делались не только для жен рыцарей, но и докторов наук: это следует из городских статутов, которые составлялись нотариями, принадлежавшими к тому самому слою, который получал привилегии (1389 г.)⁵⁷¹.

Можно предположить, что обвинения в злоупотреблении роскошью могли быть использованы на фоне соперничества, борьбы за власть в городе и направлялись одной частью элиты против другой (чаще всего, одним из знатных и богатых городских кланов против другого). Сумптуарии также представляли собой элемент накопления символического капитала властями, принимающими законы против роскоши. Этот ценностный аспект следует подчеркнуть особо: как ценность со всей очевидностью воспринималась и сама запись права, так и отдельные правовые меры, в частности, ограничение роскоши.

Помимо чисто рациональных действий законодателей, исследователи должны признать и допустить определенную долю иррациональных мотивов. Совершенной – стройной и логичной – системы борьбы против роскоши не было никогда в истории, точнее говоря, у этой борьбы находилось множество интенций, тактик и стратегий.

В некоторых случаях сумптуарии отражали желание найти консенсус внутри самого городского сообщества по вопросу о демонстрации и тратах накопленного богатства или позволительно-

⁵⁷¹ Muzzarelli M.G. *Gli inganni delle apparenze*. Torino 1996. Глава Tre secoli della normative suntuaria bolognese.

сти роскоши в частной жизни члена общины, иногда те же сumpтуарии явно обнажали изнанку внутриобщинной борьбы: ущемление традиционных обладателей высокого статуса и повышение в правах новой элиты или особой категории членов коммуны. Такие выводы можно сделать, поскольку принятие законов против роскоши исследователи маркируют именно такими историческими переходными моментами⁵⁷².

Требуется пояснение: представления, которые изучает итальянист, очень часто суть образы должного и недолжного, закрепленные в письменном праве. Иначе говоря, среди доминирующих в сознании средневекового итальянца-горожанина представлений следует выделить образы правового порядка, связанные с восприятием привилегий и обязанностей, достоинства и статуса индивида или группы, а также с понятием о ценности общины (цивитас), к которой принадлежал житель средневекового города. Именно представления о правовых ценностях, принятые в социуме, и о самом социуме как о носителе права отразились в многочисленных свидетельствах источников.

⁵⁷² Наиболее важные коллективные монографии последних лет по теме кризисных моментов и социальных трансформаций, и конфликтов в Италии и Европе времен распространения практики сumpтуариев: Europa e Italia. Studi in onore di Giorgio Chittolini / Europe and Italy. Studies in honour of Giorgio Chittolini. Firenze: Firenze university press, 2011. – XXXI, 453 p. (Reti Medievali. E-Book ; 15) http://www.rm.unina.it/rmebook/dwnld/chittolini_festschrift.pdf. Особенно отмечу: Wim Blockmans W. Cities, networks and territories. North-central Italy and the Low Countries reconsidered Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale./a cura di Andrea Zorzi /Firenze, Reti Medievali – Firenze University Press, 2009. Отметим работу Law J.E. Games of submission in late medieval Italy. Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale./a cura di Andrea Zorzi /Firenze, Reti Medievali – Firenze University Press, 2009 http://www.rm.unina.it/rmebook/index.php?mod=none_Zorzi_Conflitti. Весьма информативна также заглавная статья самого Дзорци: Andrea Zorzi, I conflitti nell'Italia comunale. Riflessioni sullo stato degli studi e sulle prospettive di ricerca a также Emanuela Porta Casucci, La pacificazione dei conflitti a Firenze a metà Trecento nella pratica del notariato) ibidem.

Разумеется, прямолинейная зависимость типа «максимальное развитие права равно максимальному развитию города», казавшаяся бесспорной историографии еще первой половины прошлого века, давно требует корректировки. Не совсем реалистично также усматривать в любом логически последовательном законодательстве отблеск римского права. Есть, тем не менее, основания связывать развитие цивитас и цивилиности в средневековье с признанием ценности письменного права как нормы жизни достаточно широкими слоями горожан.

Мы уже говорили, что изменения в отношении к роскоши маркирует кризисные и переломные моменты в истории общины. Естественно предполагать, что «проблема роскоши» в эти периоды обострялась. Но не менее логичным выглядит и утверждение, что на самом пике кризиса некоторые противоречия и социальная напряженность снимаются и отступают в область дальней памяти, чтобы активизироваться или ре-актуализироваться в совершенно ином контексте. Речь, разумеется, идет не только о кризисах как временах упадка, но именно о структурном переустройстве общества (в том числе на стадии процветания и обогащения его). Возможность судить об этих переломных моментах предоставляет анализ сдвигов в общественном сознании, в том числе и трансформации представлений о роли роскоши, разумных и неразумных тратах, статусных показателях и атрибутах.

* * *

Итак, тема исследования законов против роскоши, является традиционной как для западной медиевистики, так и для антиковедения (в России ситуация иная: отечественная историография совершенно игнорирует вопрос о законах против роскоши в итальянистике средневекового периода и чрезвычайно скупа на работы по теме древнеримской истории).

В целом, говоря о проблемах историографии цивитас, по-прежнему остаются желательны обобщения «среднего уровня», практически отсутствующие на данном этапе, но необходимые для заполнения разрыва между исследованием казусов, с одной стороны, и высказываниями высшего уровня генерализации, с другой. Также в общее проблемное поле необходимо пытаться

вписать разнонаправленные историографические разработки, существующие изолированно, в силу дисциплинарной замкнутости и обособленности специализаций их авторов. Очевидны лакуны и недосказанность историографии там, где она касается аспектов восприятия борьбы против роскоши и ее ре-актуализации с точки зрения исследователя менталитета, а также вопросов исследования той креативной идентичности, которую постоянно создавали люди средневековья. Речь идет о мифологизации каждого юридического и социального аспекта: от статуса отдельных семейств внутри элиты до единого статуса города как сакрального центра, от пожертвований материальных ценностей на провозглашение и демонстрацию определённого статуса до столь же демонстративного обозначения полной его противоположности: самоумаления и почитания святой бедности.

В этот момент возникает осознание необходимости выведения отношения к роскоши и тратам на неё за рамки исследования, внимательного к причудливым формам демонстрации статуса путем следования роскошной моде, дистанцирования от непосредственного изучения истории костюма, украшений и женской суеверности. Затем встает проблема отношения роскоши к цивитас и элите итальянского средневековья, но эта важная сфера оказывается недостаточно полной для того, чтобы проследить и объяснить многие аспекты социальной трансляции роскоши и ее восприятия. Необходимо совершить выход в еще более широкую область, которая будет охватывать, если так можно выразиться, попытки создать антипод роскоши, благочестивую и достойную праведного христианина роскошь, жертвенную и искупительную. Эта светлая сторона роскоши столь же материальна, демонстративна и красочна, как и женская суеверность вокруг нарядов и украшений. Более того, между тем и другим, роскошью римского христианского юбилея, огромными погребальными тратами, роскошными надгробиями, бесчисленными жертвованиями церквям и женским (хотя и не только женским) пристрастием к роскоши можно проследить связующую нить. Вспомним простой пример из области дамской моды давних лет и строгих предписаний соблюдать благочестие, постоянно скрывая красоту волос и прически. Это предписания на практике обернулись своей противоположностью, позволив привнести демонстративную роскошь

в, казалось бы, благочестивое и законопослушное поведение замужних дам – вместо того, чтобы скрывать красоту волос, становившиеся всё более дорогими покрывала, роскошные вуали, их тончайшая ювелирная отделка демонстрировали не только социальный статус, но и вкус своих обладательниц. То же самое происходило и с призывом обратить богатство и саму роскошь на благо украшения церкви, христианских празднований, жертвовать не на земное, а на вечное: на помин души и ради загробной жизни. Эти благочестивые намерения обрастали грузом запутанных материальных обязательств, которые вызывали споры и ревность, роскошь и гордость роскошью находили выход в тех делах, которые должны были демонстрировать смирение.

Символические практики, память и коммуна: время дарений и инвестиции в загробный мир

Средневековые миряне, как и клирики, члены новых братств и орденов интересовались вопросами загробной участи и поисками путей спасения, достижимого через свершения социальных значимых актов, имеющих помимо символической твердую материальную, т.е. имущественную основу. Великодушный и изначально совершенно иррациональный жест молодого св. Франциска из Ассизи, буквально расточившего богатство рачительного

отца, казался рациональной стратегией и даже, благодаря распространению влияния миноритов (не только францисканцев, но и вообще всех нищенствующих религиозных объединений), эта исключительная практика стала почти что институтом, исключительное нормальное явилось и в такой форме на границе земного и небесного предназначения дара. Эта практика и стратегией дарения особенно часто осуществлялась в пользу собственно нищенствующих орденов, т.е. тех, кто отказался от обладания ценностями, ибо умеренные из стана миноритов не считали земные блага корпорации благами отдельного ее члена и нарушением заветов Франциска. Нищенствующие, «малые братья», эволюционировали от благочестивых, полуофициально признаваемых общин в ордена со сложной структурой и не менее сложными социальными и политическими функциями⁵⁷³.

Время, интересующее нас – около 1300 г. (этот рубеж воспринимался согласно предсказаниям и народным верованиям как вероятная дата мирового катаклизма и конца света) и следующие два столетия – явилось, судя по количеству оставшихся свиде-

⁵⁷³ Manzoni L. Op. cit. «Miscellanea francescana», III (1888); Garavani G. La questione storica op. cit // «Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II (1905); *I francescani e la politica: atti del convegno internazionale di studio*, Palermo, 3-7 dicembre, 2002. Officina di Studi Medievali, 2007; Burr D. *The Spiritual Franciscans. From Protest to Persecution in the Century After Saint Francis*. Pennsylvania, 2001; Lambert M.D. *Poverta` francescana. La dottrina dell'assoluta poverta` di Cristo e degli apostoli nell'ordine francescano (1210-1323)*. Milano, 1995. P. 164; Он же. *Franciscan Poverty. The Doctrine of the absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order 1210-1323*. L., 1961; Miccoli G. *Francesco d'Assisi e l'Ordine dei Minori*. Milano, 1999; Merlo G.G. *Nel nome di san Francesco. Storia dei frati Minori e del francescanesimo sino agli inizi del XVI secolo*. Padova, 2003; Potesta` G.L. *Angelo Clareno. Dai poveri eremiti ai fraticelli*. Roma, 1990. Показательна также серия исследований, посвященных истории формирования *frati Servi di S. Maria* от братства до ордена: Dal Pino F.A. *Un gruppo evangelico nella Firenze del Duecento (Firenze 1969)*; Он же *frati Servi di S. Maria delle origini all'approvazione (I-II, Louvain 1972)*; Он же *Bullarium Ordinis Servorum sanctae Mariae, I (Roma 1974)*; Он же *Spazi e figure lungo la storia dell'Ordine dei Servi di santa Maria (secc. XIII-XX)(Roma 1997)*.

тельств, по-настоящему революционным этапом в процессе превращение пожертвований в пользу церкви в своего рода индустрию продвижения и поддержки конкретного братства или церковного прихода, а также в демонстрацию статуса дарителей.

Но, конечно, более озабоченными небесными благами, приобретаемыми за материальные средства, были не юнцы, но люди почтенного возраста – те, кто заранее готовился к тому, чтобы облегчить свою душу ввиду скорого перехода в загробный мир, не просто дарители *inter vivos*, а завещатели на пороге смерти или родственники покойных, желавших отметить благами пожертвованиями. Процесс же перетекания благ мирских в чаяния загробного блаженства можно назвать, согласно меткому выражению одного из современных исследователей Микеле Баччи, «инвестициями в потустороннее» (*investimenti per l'aldila*)⁵⁷⁴.

Эти благочестивые инвестиции становятся почти столь же значимыми, что и знаменитое строительство пирамид, и интерес к загробной жизни в целом в древнеегипетской цивилизации, однако имеют иную побудительную причину и иную цель: перемену неотвратимой участи, а не посмертного комфорта и почета, предназначенных усопшему. То, что являлось в Древнем мире побудителем заблаговременной заботы живущего о своей иной жизни, по видимому, исключало идею посмертной помощи со стороны живущих тем, кто уже оставил сей мир. В средневековом же сознании первостепенной была идея передачи какому-то поручителю и наследнику заботы о душе завещателя и дарителя (это мог быть и формальный прокуратор, и любое светское лицо, вместе с наследством принявшее обязательство молиться за упокой души своего благодетеля, и конкретная приходская или орденская церковь).

Даже сами по себе причудливые надгробные памятники или изображения почившего в молитвенной позе перед святыми покровителями должны были способствовать этому континуитету памяти. Они могли задержать внимание проходящих мимо,

⁵⁷⁴ Bacci M. *Investimenti per l'aldila. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo*. Bari. Laterza. 2003.

ближних и дальних, дабы заставить их сотворить приличествующую случаю молитву или хотя бы в кратких словах помянуть покойного, оставившего по себе такую память.

Но, не ограничиваясь этой возможностью случайного благочестивого поминовения, средневековый итальянец стремился обеспечить себе гарантированную посмертную заботу о душе. Средневековый горожанин, а тем более лица высокого статуса не просто старались сделать так, «чтобы помнили», но желали добиться закрепления будто бы спонтанной эмоциональной реакции в качестве просчитанного и бесспорного результата сделки, который можно и нужно обеспечить соблюдением всех формальностей в лучших традициях писаного права.

Завещания и вопросы прижизненного распоряжения имуществом получают в этой связи особую роль, далеко выходящую за рамки собственно экономической или правовой истории, перетекая в сферу истории ментальности или истории религиозных институтов: например, под таким углом зрения в новом свете предстает развитие церковного прихода и новых братств и орденов, которым адресовались различные пожертвования. Связывая не с традиционной приходской религиозностью, но с новой формой её выражения и новым религиозным центром, например, францисканским, свои загробные чаяния, жертвователю передавал на попечение миноритам и душу, и тело. Именно это право и связанные с ним имущественные пожертвования, нередко весьма обильные, становились почвой для глобального религиозного конфликта.

Францисканцы, вначале предпочитавшие обосноваться у городских ворот, оказывая помощь отверженным или изгнанным за пределы города больным, постепенно стали одной из самых заметных явлений городской жизни, силой, переустроившей социальный ландшафт города.

В нашу задачу не входит ни изучение истории миноритов, ни специальный анализ историографии общих вопросов развития орденов, нас интересует только одна, крайне интересная тема осуждения мирской роскоши и создания ее антипода. При том не просто как идеала, а как действенной социальной модели поведения. Отметим лишь, что история францисканцев хорошо документирована, при том основные источники классифицированы,

комментированы, опубликованы по рубрикам⁵⁷⁵. Существует обширное поле исследований ранней истории миноритов⁵⁷⁶, не-

⁵⁷⁵ Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum editio taurinensis. Ed. F. Gaude. T. I-XXII. Augustae Taurinorum, 1857-1872; Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum, Constitutiones, Epistolas ac Diplomata continens Tribus Ordinibus S.P.N. Francisci spectantia. (BF) Vol. I-IV. Ed. H. Sbaralea. Romae, 1759-1768; Vol. V-VII. Ed. C. Eubel. Romae, 1898-1904; Conciliorum Oecumeniorum Decreta (COD). Bologna, 1962; Statuta Generalis Ordinis edita in Capitulis Generalibus celebratis Narbonae an. 1260, Assisii an. 1279 atque Parisiis an. 1292 (Editio critica et synoptica). Ed. M. Bihl. Archivum Franciscanum Historicum (AFH), XXXIV, 1941. P. 13-94; 284-358; San Bonaventura. Opuscoli francescani. Roma, 1993. 5

⁵⁷⁶ Важнейшие вехи исследования истории францисканцев и их отражение в историографии: Merlo G.G. La storiografia francescana dal dopoguerra ad oggi / *Studi Storici* Anno 32, No. 2 (Apr. – Jun., 1991), pp. 287-307. Published by: Fondazione Istituto Gramsci Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/20565448>. Gli studi francescani dal dopoguerra ad oggi. Atti del convegno di studio (Firenze, 5-7 novembre 1990), a cura di Francesco Santi, Spoleto 1993 (особенно разделы Dalla «fraternitas» all'ordine: impressioni di lettura di un «non francescanista» и Francescanesimo e movimenti religiosi del Duecento e Trecento. Osservazioni sulla continuità e il cambiamento di un problema storiografico); Manzoni L. Studi sui F. di s.F., in «Miscellanea francescana», III (1888); Garavani G. Il Floretum di Ugolino da Monte Giorgio e i F. di s.F., «Atti e Memorie della Deputaz. di Storia patria delle Marche», N.S., I (1904), e II (1905); ID., La questione storica dei F. di s.F. e il loro posto nella storia dell'Ordine, in «Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II (1905); Facchetti V. Intorno ai F., Quaracchi, 1918; Bughetti B. Alcune idee fondamentali sui f di s. F., in «Archiv. Franc. Histor.», XIX (1926), pp. 321-333; Marconi A. Attorno agli autori dei F., in «Studi francescani», XII (1926), pp. 355-366; Terracini B. A. Appunti su alcune fonti dei F., in «Bollettino critico di cose francescane», III (1930); Branca V. Note sulla letteratura religiosa del Trecento Firenze, 1939; Tosi G. La lingua dei F. di s.F., Messina-Milano, 1938; Pellegrini L. I F. del glorioso messere ecc., in «Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa», classe Lettere, XXI (1952), pp. 1-27.

⁵⁷⁶ Bacci M. Investimenti per l'aldila. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo. Bari. Laterza. 2003.

сколько меньше, но все же разработана такая тема, как взаимодействие новых братств, затем превратившихся в ордена, с городской средой, со светскими элитами города, а также и с традиционными институтами церкви, длительное время существующими в городском пространстве (впрочем, тема эта настолько многопланова, что, несомненно, требует новых углубленных исследований). Известны и многочисленны источники: папские буллы, различные апелляции, материалы судебных разбирательств, сопровождавших те или иные конфликты, постоянно вспыхивавшие в течение этого процесса интеграции и инновации.

Академическая литература по данному вопросу демонстрирует следующую особенность: после десятилетий моды на изучение казусов, или частных случаев, со всех сторон раздаются пожелания и даже требования вернуть «глобальный нарратив», восстановить общий контекст, дабы «вписать» в него индивидуальное исследование. Это требование поражает своей наивностью и обилием внутренних противоречий, как и само стремление разделить некие «реальные факты» и «базовые интерпретации».

И контекст, и казус являются, безусловно, исследовательскими конструктами, а не артефактами. Поэтому логично заключить, что никакого незыблемого центра у этого конструируемого мира нет и быть не может. Есть более или менее принятые на данный момент представления о маргинальном, магистральном и их взаимосвязи.

Сложившееся в итальянской историографии трепетное отношение к исследованию казуса по сути оправдано для полицентричной и многовекторной итальянской истории: глобальные процессы и проблемы, как в капле росы отражаются в казусе, в частном случае, достаточно документированном, чтобы представлять интерес даже взятым в своей единичности.

Поскольку такова ситуация в историографии вопроса, я считаю возможным изложить данную проблему также с опорой на казус. По-настоящему захватывающий исторический детектив произошёл в Центральной Италии (в Тоскане), на той земле, которая стала первой свидетельницей успеха францисканцев. Здесь

весьма важные последствия имел выбор горожан в пользу францисканской церкви Санта Мария-Маддалена, появившейся у стен города Лукки и обвинения этих горожан в нарушении верности своему приходскому союзу. Казус о котором пойдет речь – это не только исторический случай, но и собственно правовой казус, изложенный языком правовых формул эпохи.

Прежде, чем обратиться к изложению интересующих нас событий, следует сделать несколько уточнений и оговорок. Привычные слова, которыми мы будем пользоваться в этом экскурсе – «право», «привилегия», «вина», «обвинение» – являются неоднозначными и весьма вариативными историческими концептами. Именно поэтому одной из ярких характеристик социума является комплекс выработанных им представлений о норме права и статусе, в частности, способы формулирования общественных и личных обязанностей.

Для исследований правовой истории итальянских земель особенно характерны два ракурса или, точнее, два плана: общий, предполагающий поиски континуитета и рецепции римского права, и частный, более выигрышный аспект изучения истории судебного процесса. Однако оба они кажутся малоподходящими для рассмотрения нашего казуса в предложенном для обсуждения аспекте. Во-первых, как справедливо заметила авторитетная исследовательница проблем истории Средневековья С. Рейнольдс, любые проявления рациональной мысли в области права произвольно трактуются как тяга к традициям римского права и свойственна такая особенность, по мнению исследовательницы, именно городской жизни.

На мой взгляд, С. Рейнольдс не без оснований полагает, что роль традиции римского права чересчур преувеличивается во всех случаях, когда с ее помощью пытаются объяснить рационализм принципов построения городской жизни Средневековья.⁵⁷⁷

Что же касается вопросов связи «схоластического» права, его теоретических трактовок с практикой реальных судебных процессов средневековья, то достигнутые даже в самое послед-

⁵⁷⁷ Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe ... p. 216.

нее время результаты не так внушительны, как это рисуют историки права, например, такой авторитет, как К. Пеннингтон⁵⁷⁸. Именно на основе реконструкции казуса в полном смысле этого слова, казуса судебного разбирательства и особого процесса, связанного с завещанием в пользу францисканцев, могут быть показаны уникальные черты общего процесса установления личных связей между представителями городских семейств и общинами миноритов, в т.ч., путем дарений.

Учтем также, что культы святых покровителей имели особое значения для формирования городской общины, ее идентичности. Именно почитание этого культа как общегражданской повинности цементировало фундамент средневековой *цивитас*, приносило единство жителям города, обеспечивало связь города и округи.

Культ святого Фреддиано, прославившегося в VI в., был одним из наиболее старинных и уважаемых в городе. Церковь, возобновлённая и отстроенная в первой половине XII в. на месте базилики VIII в., в описываемый период, видимо, являлась вторым по значению после кафедрального собора Лукки храмом города, чем по праву могли гордиться её прихожане и клир. Но францисканцы, создавшие свою общину и воздвигнувшие церковь подле городских стен Лукки, судя по всему, стяжали многочисленных поклонников в среде горожан, столь много и охотно жертвовавших в пользу миноритской церкви Санта Мария-Маддалена в XIII в.

К неразрешимым противоречиям между миноритами и приходским клиром приводила нечеткая формулировка привилегии, дарованной нищенствующим братьям в сфере попечения о душах мирян и исполнения церковных служб и треб⁵⁷⁹.

⁵⁷⁸ Pennington K. Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // *Rivista internazionale di diritto comune* 5 (1994) 197-209 and in the *Syracuse Journal of International Law and Commerce* 20 (1994), 205-215. In some respects, this ritual has changed. Legal historians have shown again and again how the jurisprudence of the *Ius commune* pierced the lowest levels of the judicial system (p. 205).

⁵⁷⁹ doc. 14, p. 26-27: «ut in locis et oratoriis vestrīs cum viatico altari possitis missarum sollempnia et alia divina officia celebrare, omni parrochiali iure parrochialibus ecclesiis reservato».

Первой непосредственной причиной конфронтации в городском пространстве Лукки стало завещание некоего Якобо ди Ладзаро, уроженца Болоньи. Якобо, который прожил до самой смерти в Лукке и находился под юрисдикцией приходских властей Сан Фреддиано, в своей последней воле распорядился, чтобы местом упокоения его стало кладбище при монастыре миноритов⁵⁸⁰.

Чтобы отстоять свои, как они полагали, законные права, каноники Сан Фреддиано силой воспрепятствовали погребению покойного на «чужой» территории, похитив тело у миноритов (такой способ восстановления юрисдикционных прав не был в глазах средневекового человека столь экзотическим, как это кажется на наш взгляд). Для разбирательства всех обстоятельств дела от имени папы Григория X были назначены специальные арбитры из числа видных церковников Лукки. Одним из уполномоченных был каноник городского кафедрального собора, будущий епископ Лукки Паганелло да Поркари. К сожалению, не осталось никаких свидетельств о том, как был улажен этот скандал.

В мае 1285 г. при Мартине IV папским мандатом тот же Паганелло, уже в качестве епископа был назначен уладить дело с капелланом церкви Сан Анастасио, отлучившим от причастия некоего Пуччио ди Арнолфо, который распорядился похоронить себя на кладбище миноритов⁵⁸¹. В этом случае речь шла уже несомненно о горожанине Лукки, статус которого, однако, не был оговорен в документе. Возможно, Пуччио не принадлежал к числу значительных членов городского сообщества, и именно поэтому о его занятиях и положении не сочли нужным упомянуть, т.к. для коммунальной городской среды Италии этого периода было обычным указывать в нотариальных записях общественное положение участников сделки или конфликта, если это положение было достойным. Так или иначе, известно, что заносчивый капеллан, отлучивший Пуччио, через глашатая был вызван явиться перед епископом. Чем завершился инцидент, мы опять не знаем. Скорее всего, оба раза после увещаний епископа конфликт удавалось погасить. Кроме того, возможно, что первые поклонники

⁵⁸⁰ doc. 55, p.127-128

⁵⁸¹ Doc. 74, p. 179.

францисканской общины не были значительными персонами, поэтому и дела, связанные с их именами, не были, что называется, резонансными.

Житель города Лукка Бонаджунта Тиньозини (Bonagiunta Tignosini) был уважаемым в городе купцом и, видимо, весьма предусмотрительным человеком, т.к. позаботился составить и нотариально заверить свою последнюю волю, находясь в добром здравии и полноте сил; возможно, он изменял текст завещания один или несколько раз. Хотя, как мы знаем, на протяжении многих лет Бонаджунта вместе со своими домочадцами был прихожанином городской церкви Сан Фреддиано, в завещании глава семейства Тиньозини распорядился, чтобы его прах упокоился возле церкви миноритов. Это автоматически влекло за собой ряд пожертвований в пользу францисканцев после смерти завещателя. Оскорбительным для престижа церкви Сан Фреддиано было и обоснование такого предпочтения: бывший прихожанин счел благочестивым и достойным погребение при миноритском храме как «более святом месте»⁵⁸².

Итак, «преступлением» являлось то, что могло свершиться лишь после смерти Тиньозини, но «наказание» – отлучение от жизни вечной – последовало незамедлительно: Бонаджунта был лишен причастия. В церкви Сан Фреддиано было провозглашено его отлучение, причём не допускать к святому причастию предписывалось не только самого Бонаджунту, но и обоим сыновей купца⁵⁸³.

Данная история с отлучением Бонаджунты очень подробно проиллюстрирована документами, сохранившимися в архиве францисканской церкви. Участники конфликта не поскупились на составление различных нотариально заверенных свидетельств и копий, которые могли бы послужить удачным материалом для исследования «искусства нотари» и истории гражданского су-

⁵⁸² Le pergamene del convento di S.Francesco in Lucca secc. XII–XIX/ a cura di Vito Tirelli Roma, 1993. doc75, p. 181: «...cum dicta domus seu ecclesia fratrum Minorum sit magis religiosa quam ecclesia Sancti Frediani lucani».

⁵⁸³ Le pergamene del convento di S. Francesco in Lucca secc. XII–XIX/ a cura di Vito Tirelli. Roma, 1993. doc. 77, p. 184–186.

дебного процесса, трансформации обычая, рецепции норм римского права. Накопленный миноритами опыт «судебных тяж», видимо и был с успехом использован орденем в период осуществления функций инквизиции.

Семейный клан Тиньозини не смирился с приговором клириков Сан Фреддиано. Бонаджунта избрал себе ходатая – прокуратора, сведущего в правовых вопросах, который сразу же стал доказывать неправомочность отлучения. Наиболее важны для нас в данном случае документы, составленные от имени этого прокуратора Тиньозини, горожанина Лукки по имени Меццоломбарди (*Venetuccio Mezzolombardi*). Прокуратор, требовавший отмены «незаконного» отлучения и грозивший взыскать тысячу флоринов с капитула Сан Фреддиано, настаивал, что решение его клиента законно по общему праву (*de iure communi*). Кроме того, как указывал прокуратор в апелляции Святому Престолу, приходские власти отлучили Бонаджунту «*de facto*», т.е. без соблюдения законной процедуры. Интересно, что документы с протестом против действий приходских властей были составлены, можно сказать, на глазах у соперников: ходатай-прокуратор, нотариий и специально призванные свидетели располагались каждый раз возле портика у входа в церковь Сан Фреддиано или даже во внутреннем дворике, перед домом каноника⁵⁸⁴.

Разбирательство конфликта между приходом и францисканцами происходило перед лицом епископа. Отметим, что чаще всего епископат принимал сторону приходского клира. Видимо то, что прокуратором францисканцев Тусции являлся сам епископ Лукки Паганелло, повернуло ход событий по новому руслу и обеспечило вердикт в пользу церкви Санта Мария Мадалена.

Однако, несмотря на благосклонность епископа, согласно каноническим постановлениям, минориты должны были выделить взнос «*pro canonica iustitia*» – восемь больших свечей из воска (по фунту весом каждая) в пользу клира Сан Фреддиано за право погребения «чужого» прихожанина⁵⁸⁵. Приор и каноники Сан Фреддиано явились в назначенное время за этим приношением, но, как только символический дар перешел из рук в руки,

⁵⁸⁴ Там же, doc. 76, p. 182.

⁵⁸⁵ Doc. 80, p. 193-195.

отцы Сан Фреддиано публично проявили свое негодование: на глазах у призванных свидетелей – нотариев и горожан, побросали свечи под ноги и растоптали...⁵⁸⁶

Когда этот яркий эпизод проступает сквозь начертанный рукой нотариуса текст правового документа, то с начавшейся как бы у нас на глазах историей уже невозможно расстаться, хочется найти дополнение для нее и в прошлом, и в последующем.

Конфликт в Лукке должен был привести к судебному процессу, который назначенные папой эксперты готовили с начала марта до первых чисел мая 1286 г. За это время стороны (миноритов и приходского духовенства) избрали своих полномочных делегатов – синдиков для представительства на процессе и заручились поддержкой влиятельных прокураторов. Все эти действия зафиксированы в соответствующих девяти документах, включенных впоследствии в состав материалов процесса.

Судебное разбирательство было открыто 4 мая 1286 г. во Флоренции и продолжалось до 12 июня⁵⁸⁷. На процессе огромное внимание было уделено законности полномочий делегатов сторон. Чуть ли не половина времени разбирательства была потрачена на выяснение этого вопроса. 13-го мая представители Сан Фреддиано все еще отказывались признать полномочия прокуратора миноритов, поскольку его мандат не имел точной даты составления документа (не хватало указания дня). Только 20-го мая «прокуры» делегатов были апробированы. А 12-го июня священники Сан Фреддиано были разрешены от отлучения, наложенного епископом.⁵⁸⁸

Почти сразу же флорентийский архидиакон Лоттерио и судья Андреа да Черрето в качестве «независимых экспертов» осудили эту сентенцию, а о деятельности комиссии папских арбитров высказались следующим образом: «male et minus debite fuisse processum»⁵⁸⁹, причем прокуратор миноритов незамедлительно

⁵⁸⁶ Ibid. p. 194: «...dompnus ubaldus et alii canonici ... indingnacione conmoti, acceperunt cereos inreverenter et confringentes eos in terram proiecerunt...».

⁵⁸⁷ Doc. 93, p. 206.

⁵⁸⁸ Doc. 93, p. 210-212.

⁵⁸⁹ Doc. 94, p. 234.

ознакомил арбитров процесса с этим нотариально заверенным суждением по поводу их решения. Однако приговора это не изменило.

Итак, положение в Лукке оставалось неопределенным. Вопрос о «*jus sepelendi*» оставался открытым. Данное епископом разрешение от отлучения Тиньозини не было оспорено. Но, поскольку отлучение было снято и с каноников Сан Фреддиано, они, вероятно, восприняли это как победу над миноритами. Во всяком случае, клир Сан Фреддиано не побоялся силой отнять у миноритов тело своей умершей прихожанки, которая завещала заботу о ее погребении францисканцам. 11 января 1287 г. папа Гонорий IV вынужден был назначить новых посредников для разбирательства по этому делу.⁵⁹⁰

Окончательное подтверждение права («*jus sepelendi*») минориты получили от римской курии только после избрания папой их собрата францисканца, принявшего имя Николая IV. А 7 ноября 1290 г. был нотариально заверен документ «*consilium jurisperitorum*»⁵⁹¹, где со множеством ссылок на каноническое и общее право была обоснована свобода выбора в пользу церкви миноритов для каждого прихожанина церкви Сан Фреддиано.

В декабре 1290 г. Николай IV по прошению миноритов специально подтвердил постановление в их пользу и в тот же день возложил на епископа Лукки заботу об исполнении этого вердикта⁵⁹². Учитывая, что этим епископом по-прежнему был известный нам Паганелло, столь горячо державший сторону миноритов, нетрудно догадаться, что это ставило точку в «деле Бонаджунты».

Мы отметили проекции определенного казуса в различных плоскостях. Следуя специфике и логике источника, следовало бы указать такой порядок тем: правовой менталитет средневекового горожанина, история церкви – прихода и нищенствующих братств, специфика итальянской коммуны.

⁵⁹⁰ Дос. 96, р. 237-238.

⁵⁹¹ Дос. 104, р. 253-259.

⁵⁹² Дос. 107, р. 265-269.

Анализируемый казус конфликта и возможности его интерпретирования, иллюстрируют тезис об органической связи гражданской и религиозной общины, о многоплановости данного взаимодействия. Более того, можно утверждать, на мой взгляд, что принципы *civic religion* и основы конституирования гражданской городской общины, организованной по кварталам-приходам, и объединенной культурами общегородских святых, играли в религиозных конфликтах подобного рода определяющую роль.

Купеческий клан Тиньозини, видимо, был выразителем умонастроений определенной части горожан, державшихся миноритов. Но, скорее всего, члены приходского союза, к которому ранее принадлежали Бонаджунта, были на стороне каноников Сан Фредиано.

Соответственно, новая сила, минориты, копили доказательства своей правомочности в отношении *jus sepelandi* и права верующих на обращение к заступничеству братьев. Как мы отметили, история с отлучением прихожан очень подробно проиллюстрирована документами, сохранившимися в архиве францисканской церкви. При этом сохранились описания того, как осуществлялось составление документов, какие действия сопровождали составление письменного свидетельства. Участники конфликта, как мы видим, не поспешили на составление различных нотариально заверенных свидетельств и копий, которые могли бы послужить удачным материалом для исследования «искусства нотариии» и истории гражданского судебного процесса, трансформации обычая, рецепции норм римского права. Накопленный миноритами опыт «судебных тяжб», видимо и был с успехом использован орденом в период осуществления функций инквизиции. Приобретая авторитет среди мирян, францисканцы использовали этот бонус уже не для новационных и даже провокационных устремлений, но для вполне традиционного обуздания мирян в их стремлении к земным богатствам и их неумеренной и демонстративной трате. Именно францисканцы, как и доминиканцы стали достаточно скоро, после своего становления в качестве орденских объединений, проповедниками борьбы с суетой и показной роскошью.

Любой конфликт имеет предысторию и длинный шлейф последствий, которые возможно интерпретировать различным образом. В данном случае, возможно выделить несколько позиций: проблема взаимоотношений приходской церкви (как социального союза, возникавшего вокруг прихода) и городской общины в целом с религиозными братствами и объединениями представляется мне особенно важной. Есть возможность интерпретировать конфликт как составляющую темы организации социального пространства средневекового города, притом не только как собственно внутрицерковный, но и в качестве проблемы развития общины городского центра *civitas*, *commune*, поскольку этот союз имел и светские, и сакральные основы, неразрывно связанные между собой.

Для исследователя всегда интересно проследить, как новая сила вторгается в систему отношений, где роли уже распределены и разыграны. При этом неизбежно возникает конфликт, видоизменяющий структуру социальных связей. Новый участник оказался достаточно силен, чтобы завоевать себе место под солнцем, трансформировав и опосредовав при этом ряд социо-культурных связей городского пространства.

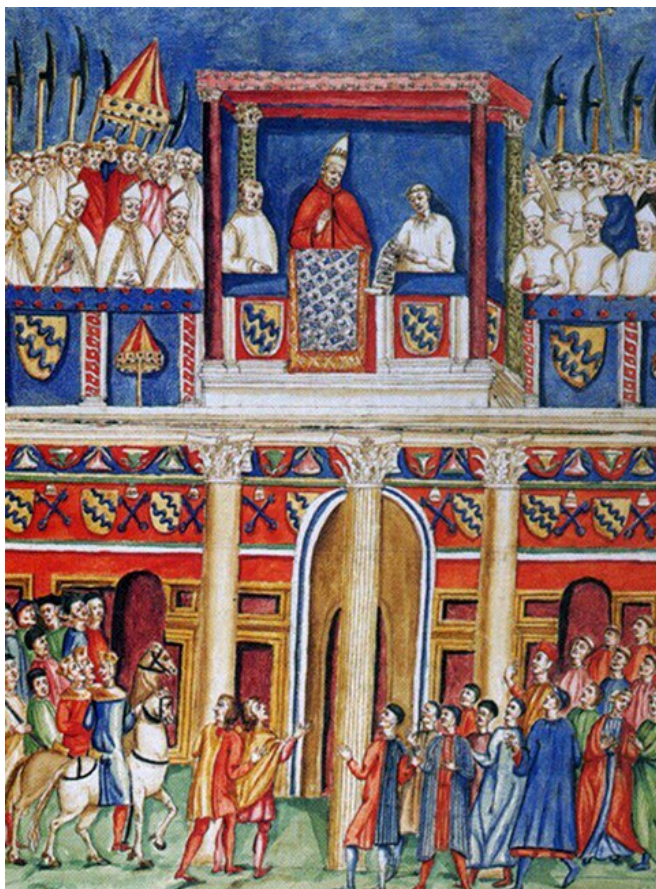
Таким образом, мы являемся свидетелями двух развивавшихся параллельно конфликтов – обострившегося противоречия между двумя видами религиозных корпораций, приходским клиром и нищенствующими братствами, а также конфликтом, вызревшим внутри коммуны (т.к. приход и был частью городской общины). Типичные и характерные черты проступают на локальном уровне в конкретном частном случае, с другой стороны, локальные особенности вписываются в общий контекст. В то же время надо отметить, что «историей», нарративом, цепь данных из правовых документов становится благодаря тщательной реконструкции историков.

Любопытная история, собственно, исторический анекдот в полном смысле слова важен однако, не своей красочностью, а тем, что выводит нас, следующих за строкой источника на новый уровень восприятия городской социальной среды и ее восприятия достойных и негодных способов траты богатств. Активность францисканцев и настойчивость их прихожан и последователей – вовсе не алчность, но новый социальный идеал, который будет

развиваться, материализовываться, приобретая все более четкие черты социального устройства.

Городское сакрализованное пространство и время деятельного искупления

Низовое, по сути своей народное чаяние и даже требование от Церкви особого юбилейного года – года отпущения и прощения грехов, естественно, при условии не только покаяния, но и пожертвования, отказа от части земных даров в пользу и на благо Церкви. В какой-то мере ожидание юбилейного искупления явилось началом далеко зашедшей практики систематических индульгенций с компенсациями в чисто денежной форме. С другой

стороны, можно и нужно рассматривать эту новацию как попытку создания противовеса мирской суетности, создания той, самой достойной и благой цели жертвования путем украшения Церкви. Создавалась антитеза роскоши, которая парадоксальным образом могла быть осуществима только с помощью больших материальных затрат. Эта «жертвенная роскошь» шла рука об руку с поклонением Святой Бедности, поэтому темы борьбы с роскошью в общине, празднования искупительного римского юбилея и история миноритов также сопутствуют друг другу.

Рассматривая ряд сюжетов, связанных с историей миноритов, с успехом их проповеди в городах и основными последствиями этого проникновения францисканства в жизнь членов приходских и городских общин, невольно принимаешь версию о том, что идея искупительного христианского юбилея родилась в этой мирской среде, насыщенной новыми религиозными чаяниями, а не была продиктована с высоты папского престола.

С другой стороны, развитие городской общины, в том числе борьба этой общины с эгоистической и демонстративной роскошью отдельных ее членов, способствовали конституированию образа идеального города. Городская культура и её идеалы стали своеобразным объектом преклонения, и этот новаторский поиск городской идентичности, идентичности цивитас, культ цивилизации встретились с традиционными образами и мифами почитания Вечного города.

В канун Рождества под наступавший 1300 г. толпа верующих как будто бы стихийно стала требовать от понтифика особого, юбилейного отпущения грехов. Папа Бонифаций VIII не нашел в церковных хрониках никакого исторического прецедента для установления подобных торжеств, с дарованием по их случаю полного прощения грехов. Тем не менее, понтифик пошел навстречу чаяниям своей паствы и создал традицию, которая не только успешно привилась, но и не прерывается по сию пору (напротив, неизменный рост популярности римских юбилеев привел к тому, что их стали проводить сначала раз в 50, затем в 33 и даже 25 лет).

Уже в феврале 1300 г. Бонифаций VIII учредил институт юбилейных святых лет, когда каждый пилигрим, посетивший

Рим и его древнейшие христианские святыни, прежде всего, базилики Свв. Апостолов Петра (в Ватикане) и Павла («вне городских стен»), получал полное отпущение грехов.

Примечательно, что речь шла не о причастии, получаемом на богослужениях с папским присутствием в главных храмах латинского Запада, но именно о посещении «святых мест». Для историка эта перестановка акцентов в общем юбилейном дискурсе не кажется труднообъяснимой, учитывая описанный нами выше обостренный интерес предшествующих десятилетий к выстраиванию иерархии «более священных» и «менее религиозно почитаемых мест» на земле.

Точно также и вопросы, связанные с античной символикой Города, не казались отвлеченными в средневековом Риме. Напротив, эти вопросы были насущными, злободневными, и способы интерпретации городской символики, в том числе, символики античного происхождения, обсуждались весьма остро на протяжении римского средневековья с самыми практическими целями, например, в связи с тем, какие районы города стоят в иерархии символических ценностей выше, а какие – ниже.

Отметим, что и для античного, и для средневекового сознания было характерным представление города Рима в виде льва с употреблением особого выражения «*forma leonis*» при описании городского облика. Этот образ стал краеугольным для развития и восприятия средневековой римской *дивитас*⁵⁹³. Он охотно использовался в картографии и многочисленных нарративах. Например, «*Liber hystoriarum Romanorum*» – иллюстрированный манускрипт конца тринадцатого столетия, предположительно выполненный в самом Риме, содержал страницу под названием «*Roma aedificata amuodo de lione*»⁵⁹⁴.

⁵⁹³ Guidoni E. *Roma e l'urbanistica del trecento* // *Storia del arte italiana*. Torino. 1979-83. v. V. p. 309-316.

⁵⁹⁴ Этот вопрос разбирается историками не часто, зато имеющиеся примеры анализа можно назвать блестящими. Образцовым исследованием, и по объему интерпретируемых источников, и разнообразию сюжетов, и по содержательности изложения, на мой взгляд, является: Jacks Ph. *Antiquarian and the myth of Antiquity*, Cambridge, 1993. p. 54.

Как можно интерпретировать символически местонахождение сеньориальных цитаделей или пунктов сосредоточения пилигримов на карте Города? Голова или брюхо зверя – самого средневекового Рима в львином образе – включает в себе родовое гнездо того или иного римского семейства? Эти вопросы не потеряли своей остроты, а лишь приобрели особую значимость к концу средневековья и началу эпохи юбилеев.

Символические репрезентации важны для любой городской общины, как и для городской культуры средневековья в целом. Рим – Вечный город – сам по себе был определенной моделью сакрального пространства, архетипом городской жизни и славы. Видимые свидетельства силы и мощи Города лишь отражали основные символические константы римской идеи: этими свидетельствами являлись прекрасные в своём величии общественные и частные здания, многолюдные улицы и площади, размах торжеств и празднеств на них, заказы масштабных фресковых росписей и грандиозных скульптур для храмов и дворцов.

Как и в случае с демонстрацией благочестия путем создания настенных фресок и восковых вотивных изображений рядом с гробницей заказчика в почитаемых центрах францисканского культа, точно так же, если не в большей степени, в римской истории, в том числе и истории римских юбилеев, немалую роль играли эстетические вкусы, патронирование и собственное активное участие заказчиков в создании художественных произведений, которые являются важным свидетельством эпохи.

Любопытно, что в течение многих веков римского средневековья не существовало конфронтации между клиром и мирянами Рима, не было эстетического диссонанса между вкусовыми предпочтениями римских церковных иерархов и горожан, или, по крайней мере, элиты римской общины, которая и выступала обычно в качестве заказчиков. В сущности, можно говорить о единой элитарной среде, которая выдвигала своих кандидатов как на высшие посты в церковной иерархии, так и высшие должности городского самоуправления.

Этому не приходится удивляться, если проследить историческую близость папства и римского нобилитета, которая, сложившись в период Поздней античности, стала яркой чертой

жизни средневекового Рима. Поэтому своеобразным «паганизмом», источником которого становились сохранявшиеся памятники античного искусства, могли быть отмечены не только произведения, выполненные по заказу донаторов-мирян, но и лиц духовного звания. Папские троны, стоявшие в S.Maria in Cosmedin, S.Lorenzo in Lucina, S.Clemente, поражают обилием подобных языческих элементов: декором, в котором преобладают играющие путти, гербы и венки античной формы.

В 1300 г. Бонифаций VIII, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния пилигримов и римлян с риторикой власти, слить в едином образе прошлое и будущее Вечного города. Несмотря на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея возвеличивания Рима была востребована вновь. Продление традиции юбилеев в эпоху Ренессанса, начиная с Кватроченто, шло наряду с усилением папства в Италии. Однако, думается, что эти тенденции не совпадали полностью, а стремление наместников св. Петра к земному величию и темпоральной власти не превышало собственной воли их папствы к юбилейной традиции.

Почувствовав веяние времени, к новшеству проявили интерес и сторонники, и противники светской власти понтификов, к юбилейному Риму обратили взоры гениальные художники Возрождения, такие как Чимабуэ, Джотто, Арнольфо ди Камбио. Творчество последнего особенно важно в контексте возобновления традиции монументальной скульптуры, украсившей гробницы светской и духовной знати. Эта «монументальная пропаганда» поражала и привлекала современников не менее, чем желание получить отпущение грехов. В Рим юбилейных «святых лет» устремлялись все выдающиеся творцы Ренессанса (из которых почти никто не являлся его уроженцами), чтобы навеки запечатлеть, переосмыслить или сотворить заново образ торжествующего Вечного города.

Рим огромных статуй, которые не только извлекали из античных руин, но и снова научились высекать италийцы, Рим возрожденного сената, снова, как во времена древней республики,

подчинивший себе Лаций, Рим новых церквей и монастырей, выстроенных в подражание раннехристианским постройкам (наивно принимаемым за древнеримские) – вот переключка образов Города эпохи юбилеев.

Папство в лице образованных представителей итальянской элиты, прежде всего, римского нобилитета, занимало весьма активную позицию в деле освоения античного наследия и использования римского мифа для собственного политического усиления и морального авторитета. Поэтому вполне закономерно, что на переломе столетий папа из рода Каэтани, рожденный в Римской округе, опираясь на кардиналов также римского происхождения, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния паломнических толп и запрос власти «на величие», прошлое и будущее Вечного города.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов, сыграла свою роль и историческая память о традиции, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием в «*Carmen Saeculare*». Так или иначе, понтифик и римские кардиналы решились на спорный шаг провозглашения юбилейного года. Появилась специальная папская булла *Antiquorum fida relati*, подводившая основание под нововведение (хотя в булле нет упоминания самого слова «юбилей»). В названии же сочинения кардинала Якопо Стефанески, современника и идеолога нововведения 1300 г. (что особенно важно – отпрыска исконно римских знатных семейств *Stefaneschi* и *Orsini*) содержатся оба ключевых слова – «юбилей» и «столетие»: *De Centesimo seu Jubileo anno liber*.

Созданные усилиями пап и римской элиты, а также широтой народного представления, прежде всего, благодаря рассказам пилигримов, образы Святого и Вечного города, осмысление городского пространства как сакрального играли большую роль в грандиозном праздновании юбилеев. Для историка интересны не столько канонические аспекты обоснования юбилея сами по себе, сколько детали и цели поощряемого в юбилейный год паломничества в связи с темой Вечного города. Примечательно, что речь шла именно о «посещении» древнейших центров христианского культа, своего рода римских святых достопримечательностей.

В предписании отложить в юбилейный год все дела ради длительного путешествия к ним можно увидеть намеренный или невольный парафраз библейского повеления «соединиться со своим племенем», т.е. оказаться в Риме, духовной отчизне всех западных христиан. При этом устанавливалась специальная «норма» для двух категорий христиан, которые были поделены не на клириков и мирян, и не на мужчин и женщин, но на римлян и не-римлян. Римлянин должен был посетить святые места на срок в два раза больший, чем пришелец. Для странников, проделавших дальний путь в Рим, требовалось пятнадцатикратное посещение древнейших в Европе мест культа апостолов Петра и Павла, Богородицы (базилик Санта Мария Маджоре и Санта Мариа ин Трастевере) и Св. Креста (Санта Кроче ин Джерусалеме).

Образы императорского раннехристианского Рима и Рима Возрождения с ренессансными папами во главе, чаще всего, преобладают в сознании и специалиста-историка, и поверхностно образованного читателя. В традиции празднования римских юбилеев им видится своеобразная встреча этих двух миров – первого, исполненного древнего имперского величия, и второго, купающегося в роскоши и патетике Ренессанса. Образ римского средневековья из такого поля зрения фактически выпадает, оказываясь лишним звеном в цепи. Но это представление нуждается в пересмотре.

С началом христианской эры Рим за три столетия прошел путь от оплота язычества и нечестия, противостоявшего новой вере, до её цитадели, великой столицы всего христианского мира. Рим христоробивых правителей, Рим могущественной папской курии, Рим – средоточие христианских святынь, место святых чудес должен был стереть, навеки заместить образ «вавилонской блудницы», столицы «империи зла», каким его видели когда-то раннехристианские ригористы. Благочестивые путешествия в этот Рим, на поклонение его святыням начались очень рано и составили особую страницу в истории западного христианства⁵⁹⁵.

⁵⁹⁵ Birch D.J. *Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: continuity and change*, Woodbridge, Suffolk; Rochester, NY: Boydell Press, 1998; Cahn W. "Margaret of York's Guide to the Pilgrimage Churches of Rome." Margaret of York, Simon Marmion and the Visions of Tondal: papers delivered at a

Они веками практиковались до эпохи Треченто, но никак не приурочивались к особым календарным датам⁵⁹⁶. Должна была найтись некая точка пересечения истории церкви и истории римского паломничества, в которой могли встретиться и наложиться друг на друга представления о святости юбилейного времени и душещепительного лицезрения святынь. Только при этом совпадении сакральности момента и места поклонения возникал образ юбилейного Рима⁵⁹⁷. Особенности пилигримажа в эпоху юбилеев, изменения, коснувшиеся тех дорог и мест, по которым странствовали пилигримы, а также самих форм гостеприимства, составляют особую сферу исследований, которые интенсивно развиваются в последние годы⁵⁹⁸.

Но для эпохи высокого средневековья и начала Ренессанса в Италии понятия сакрального пространства, святых мест и тема паломничества связаны с собственно христианской традицией не так отчетливо прямолинейно, как это представляется на первый взгляд. Формы паломничества в средневековый период (особенно позднее средневековье) также нельзя свести к одной единственной модели, а осуществление миссии пилигрима было воз-

symposium organized by the Department of Manuscripts of the J. Paul Getty in collaboration with the Huntington Library and Art Collections, June 21-24, 1990. Malibu: J. Paul Getty Museum, 1992, 89-98.

⁵⁹⁶ Birch D.J. *Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: continuity and change*, Woodbridge, Suffolk; Rochester, NY: Boydell Press, 1998.

⁵⁹⁷ Hulbert J.R. *Some Medieval Advertisements of Rome* // *Modern Philology*, 20, 1922-23, 403-424; Cahn W. *Margaret of York's Guide to the Pilgrimage Churches of Rome. Margaret of York, Simon Marmion, and the Visions of Tondal* // *Papers of a Symposium (June 21-24, 1990)* Malibu. J. Paul Getty Museum. 1992. P. 89-98.

⁵⁹⁸ Интересный пример – работа независимого венгерского исследователя Т. Сабо, который руководит на протяжении десятилетия работой лаборатории визуальных ресурсов Центрально-Европейского Университета в Будапеште: Szabo Th. "Le vie per Roma." *Storia dei Giubilei*, volume primo: 1300-1423. P. 70-89; см. тж. Peyser H.C. *Viaggiare nel medioevo*. Bari. 2005 4 ed. P. 62-146, особенно: p. 70-73.

⁵⁹⁸ *Le scritture del comune. Amministrazione e memoria nelle città dei secoli XII e XIII*, a cura di G. Albini,

можно наряду с другими способами удовлетворить «охоту к перемене мест», дух бродяжничества, которым жило средневековье.

С началом второго тысячелетия (с XI по XIII столетия в особенности) умножились формы небезвозмездного гостеприимства, по мере роста числа пилигримов в эпоху крестовых походов усложнились все виды и структуры социальной коммуникации, сопутствующие жизни паломника⁵⁹⁹. Несомненно, что и эти предпосылки сыграли свою роль в увеличении масштаба паломничеств, а все возраставший поток паломников затем запускал новые механизмы обеспечения взаимодействия пилигримажа и гостеприимства в итальянских землях. При этом, разумеется, речь идет не о феномене де-сакрализации, а о более сложной взаимосвязи тех компонентов культуры, которые мы теперь расчленим в виде понятий мирского и сакрального, но которые, однако, оставались не разделимыми в сознании средневекового человека. Таким же двуликим, как и феномен странничества и гостеприимства, был и средневековый город Рим, облеченный сакральным и мирским величием – неоднозначные образы которого неразделимо существовали в восприятии паломников.

Не менее важной стоит задача показать, что идея возможности отпущения грехов именно в этом святом месте, но в определенные назначенные моменты или на строго определенных условиях формировалась инициативами с двух сторон, шедшими «сверху» и «снизу». В этой связке, однако, определяющим все же было широкое низовое влияние, религиозные импульсы и ритм социальной жизни, проявившийся к началу Треченто. Примечательно, что народное требование римского отпущения грехов сформировалось и нашло свое воплощение в празднованиях юбилея задолго до того, как словно бич Божий на Европу и, прежде всего, Италию с ее перенаселенными городскими центрами обрушилась чума.

В требованиях продолжения традиции юбилейных отпущений грехов трагедия «Чёрной смерти» сыграла не последнюю роль, но далеко не сразу. Точно также и ощущение конца времен,

⁵⁹⁹ Peyrer H.C. *Viaggiare nel medioevo*. Op.cit / О специфике Италии, р. 70-73.

к которому необходимо было подготовиться через юбилейное прощение грехов, в обществе было сформировано предшествовавшими религиозными и мирскими чаяниями, нашедшими свое отражение и в борьбе городской общины с роскошью, и в переустройстве основ ее религиозной организации вокруг новых привлекательных принципов и практик отправления культа.

Поможет ли индивидуальная история понять историю коммуны? Предприниматели, благотворители и моралисты века коммун и Черной смерти

Новая городская идентичность и индивид

Италия позднего средневековья с ее богатством источников представляет собой редкий пример сохранности свидетельств относительно индивидуальной деятельности и частной жизни члена коммуны, позволяет открыть, снять завесу забвения с обычного и нормального. Ведь обычно источники упоминают о вещах экстраординарных и людях высокого и высочайшего

ранга, а не о простых смертных. Тем более, редкий случай, когда мы обладаем достаточным материалом для изучения индивидуального подведения, семейной жизни, религиозности индивида, члена коммуны. С одной стороны, этот индивидуальный казус может быть рассмотрен как необычайный в силу сохранности свидетельств о нем. С другой стороны – это можно трактовать как паттерн взаимоотношения свободы индивида внутри коммуны, как пример воплощения общих тенденций в области изменения городской религиозности и идентичности.

Францисканская религиозность играла в этот момент особую роль в жизни горожан: уже не только как идеал благочестия, а как объединяющая религиозная практика продолжала играть огромную роль в среде горожан Треченто – купцов, нотариев, судебных, т.е. людей, казалось бы, по роду своих занятий максимально дистанцированных от поисков святой бедности. Тем не менее, интенсивность религиозных переживаний у выходцев из этой среды – воплощение *vita attiva* – не поддается сомнению, а умение перевоплощать мирские блага в благочестивые деяния поражает своими масштабами. Неудивительно, заметим в скобках, что эти благочестивые жертвователи ожидали как вполне обоснованное и заслуженное скорейшее спиритуальное воздаяние – как бы методом двойной возгонки материального в духовные блага.

Мы можем приподнять завесу тайны над сферой чувств и мыслей людей, которые считались в свое время лучшими сынами города, читая произведения эпистолярного жанра и представляя себе внутренний мир авторов и адресатов этих посланий⁶⁰⁰. На мой взгляд, весьма интересный материал был собран под рубрикой «религиозные писатели эпохи Треченто»⁶⁰¹, который может

⁶⁰⁰ Такой материал не просто опубликован и доступен, но может быть свободно использован любым лицом вне зависимости от принадлежности его к академическому сообществу (например, через Интернет-порталы итальянских медиевистов, прежде всего, *Reti Medievali*, как рубрика *didattica*, так и *scafali*).

⁶⁰¹ Материал издан Джорджио Петрокки в 1974 г., кроме того, этот текст в электронной форме был недавно приобщен к коллекции портала *Reti Medievali Scrittori religiosi del Trecento/a cura di G.Petrocchi*. 1974

открыть целую палитру красок средневековой религиозности и тех её особенностей, которые призваны трактовать исследования медиевистов, источниковедов и историографов.

Отметим, что религиозный деятель в Италии Треченто, это вовсе не обязательно клирик, монах. Вполне светский человек, казалось бы, полный земных устремлений, живое воплощение идеала *vita attiva*, мог стать и становился заметной фигурой в религиозной жизни итальянского города-коммуны. Франческо Датини Francesco Datini 1135–1410, купец и благотворитель из г. Прато.

Франческо ди Марко Датини очевидец страшной эпидемии чумы – черной смерти, один из выживших в счастливых: в Госкане, где плотность населения была очень большой, потери были огромными. Эпидемия 1348 г. отняла у юного Франческо родителей и брата с сестрой. Вероятно, это трагедия оставила след на всю жизнь – выходец из семьи небогатых горожан, рано осиротевший, но самостоятельно приобретший богатство предпринимательством и торговлей, имел обостренное религиозное чувство, которое побуждало удачливого купца жертвовать на церкви и дела милосердия львиную долю прибыли

Датини в округе городка Прато имел земельные участки, сдаваемые в аренду, прекрасный городской дом, который до сих пор украшает одну из средневековых улиц Прато, но большую часть времени проводил в разъездах по делам собственной компании, занимаясь дальней торговлей шерстью и другими тканями. Компания разрасталась с каждым годом, её представительства основывались в разных городах, как Италии, так и за ее пределами (Пиза, Генуя, Валенсия, Ибица).

В июле 1376 г. сорока лет от роду Датини женится на юной Маргарите – дочери флорентийского торговца Доминико Бандини и присоединяет к своим капиталам удачное приданое, которое включало и участок земли. Несмотря на молодость, супруга проявляла крайнее благочестие, занималась делами милосердия. Многочисленные письма супругов друг другу – интереснейший

(Scrittori religiosi del Trecento // RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm.

исторический источник, из которого можно почерпнуть и свидетельства об особенностях менталитета людей кризисной эпохи Треченто, и детали экономической жизни социума⁶⁰². В частности, свое желание вернуть супруга к семейному очагу молодая жена в письмах обосновывает соображениями пользы и выгоды: так можно было бы уменьшить затраты на жизнь и домашний обиход.

Франческо Датини был благотворителем при жизни, особо покровительствуя францисканцам, а также финансируя строительство воспитательного дома, перед смертью же и вовсе пожертвовал в завещании имущество коммуне родного города Прато и созданной им благотворительной организации (Серпи), которая существует до сих пор, занимается благотворительностью.

На основании использования материала сохранившегося архива самого Датини и других свидетельств о его жизни и деятельности, медиевисты создали целое направление в историографии исследований городского благочестия, дарений и пожертвований со стороны членов итальянских коммун в пользу церквей и богоугодных заведений⁶⁰³.

⁶⁰² Datini, Francesco [ca. 1335–1410] – Datini, Margherita [1357–1420]. *Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita: 1385–1410* / a cura di Elena Cecchi ; presentazione di Franco Cardini. – Prato : Società pratese di storia patria, 1990. 317 p. ; 24 cm. (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 14)

Datini, Margherita [1357–1420]. *Le lettere di Margherita Datini a Francesco di Marco: 1384–1410* / a cura di Valeria Rosati. – Prato: Cassa di Risparmi e Depositi, 1977. 345 p.; 24 cm. (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 2) 1/32

⁶⁰³ Архивом Датини занимается целый научный институт, который проводит и публикации материалов, так или иначе связанных с жизнью и деятельностью купца-благотворителя, и линия этих исследований не прерывается целый век, по крайней мере, от 500летия до 600летия со дня кончины знаменитого жителя Прато, такие изыскания ведутся непрерывно. *L'Archivio di Francesco di Marco Datini, Fondo di Avignone: inventario* / a cura di Elena Cecchi Aste. – [Roma]: Ministero per i Beni e attività culturali, Direzione generale per gli archivi, 2004. – XXIX, 285 p.: ill. ; 24 cm. – (Pubblicazioni degli archivi di Stato. Strumenti; 163)

Classificazione: 380.109 449 22 [CDD] Biblioteca comunale Lazzerini: L 380.109.24 Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Cat. A V 26 Archivio storico diocesano: RF.4724

Bensa, Enrico. Francesco di Marco Datini : discorso detto nell'Aula maggiore del Comune di Prato il di 21 agosto 1910, ricorrendo il V centenario dalla morte di Francesco di Marco / da Enrico Bensa. – Genova : Caimo, 1923.

Bielanski, Stefan . Dwadziescia lat dzialalnosci Istituto "Francesco Datini" w Prato / Stefan Bielanski. – [S.l.], 1990. – P. 129-131 Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Misc.

Buccianti, Ettore . Il mercante di Prato: Messer Francesco di Marco Datini assicuratore sfortunato / Ettore Buccianti. – [6] c.: ill.; 30 cm *Classificazione:* 368.009 023 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Misc. 9424.

Il carteggio di Gaeta nell'archivio del mercante pratese Francesco di Marco Datini : 1387-1405 / a cura di Elena Cecchi Aste. – Gaeta : Comune di Gaeta, 1997. – LVI, 357 p. ; 24 cm. – (Collana storico documentaria del Comune di Gaeta ; 1)

L'Archivio di Francesco di Marco Datini, Fondaco di Avignone : inventario / a cura di Elena Cecchi Aste. – [Roma]: Ministero per i Beni e attività culturali, Direzione generale per gli archivi, 2004. – XXIX, 285 p.: ill. ; 24 cm. – (Pubblicazioni degli archivi di Stato. Strumenti ; 163) *Classificazione:* 380.109 449 22 [CDD] Biblioteca comunale Lazzerini: L 380.109.24 Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Cat. A V 26 Archivio storico diocesano: RF.4724 2/32

Bensa, Enrico. Francesco di Marco Datini: discorso detto nell'Aula maggiore del Comune di Prato il di 21 agosto 1910, ricorrendo il V centenario dalla morte di Francesco di Marco / da Enrico Bensa. – Genova: Caimo, 1923. – 31 p., [1] c. di tav.: ill.; 24 cm
Classificazione: 380.109 2 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Misc. 1829 3/32

Bielanski S. Dwadziescia lat dzialalnosci Istituto "Francesco Datini" w Prato / Stefan Bielanski. – [S.l.], 1990. – P. 129-131; 24 cm
Classificazione: 330.6 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Misc. 896 4/32;

Buccianti E. Il mercante di Prato: Messer Francesco di Marco Datini assicuratore sfortunato / Ettore Buccianti. – [6] c. : ill. ; 30 cm.
Classificazione: 368.009 023 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Misc. 9424 5/32.

К сожалению, это направление, использующее богатейший материал, остается узкоспециализированным, изучающим казусы и аспекты экономической жизни города Треченто, не стремится к интердисциплинарности и вписыванию результатов казуальных исследований в различные контексты.

Тем не менее, поднятый материал явно показывает возможности таких трактовок в различных исследовательских перспективах. В частности, обращает на себя внимание переписка нотариия и судьи Лаппо Матеи и купца Франческо Датини. Свежий взгляд на эпоху и её типичных представителей, деловых людей почувствует всякий, кто прочтет начало письма, составленного уже на исходе Треченто в Тоскане. С первых же слов: «уже три часа пополуночи, а я, свободный и одинокий в своем кабинете, перечитываю Ваше письмо, дорогой Франческо...»⁶⁰⁴, после которых следует длинная благочестивая преамбула, у читателя

Il carteggio di Gaeta nell'archivio del mercante pratese Francesco di Marco Datini : 1387-1405 / a cura di Elena Cecchi Aste. – Gaeta : Comune di Gaeta, 1997. – LVI, 357 p. ; 24 cm. – (Collana storico documentaria del Comune di Gaeta ; 1) *Classificazione*: 330.945 623 45 [CDD]

Datini, Francesco [ca. 1335-1410] – Datini, Margherita [1357-1420]. Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita : 1385-1410 / a cura di Elena Cecchi ; presentazione di Franco Cardini. – Prato : Società pratese di storia patria, 1990. – 317 p. ; 24 cm. – (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 14) *Classificazione*: 380.109 2 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: D II 3.

Datini, Margherita [1357-1420]. Le lettere di Margherita Datini a Francesco di Marco : 1384-1410 / a cura di Valeria Rosati. – Prato : Cassa di Risparmio e Depositi, 1977. – 345 p.; 24 cm. – (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 2)

⁶⁰⁴ Цитирую по электронной публикации \RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm/27.04.08/ *письмо, составленное во Флоренции 13.11. 1395*: “Francesco carissimo. In questa ora 3 di notte, libero e solo nel mio studiolo, ho riletta la vostra lettera. Benché piena di piacevolezze che spesso volte si richeggiono nelle amistadi, pure il fine del pensieri vostro era et è ottimo, cioè del luogo delle Sacca, presso al vostro abitare, ecc. E prima ch'io ne dica mio parere, vi farò questo preambulo nell'amore di Cristo... che troverete tosto darà gran sole e gran lume al mondo e alla fede ch'era come spenta, e forse molto maggiore che non fé la povertà e la ubbidienza e le stimate di san Francesco. Il qual proemio o preambulo è questo: ch'io tengo

ломаются стереотипы восприятия, представления о казенном языке и стиле жизни, которые ассоциируются, по крайней мере, в русской культуре, с миром законников и писарей. Скорее, читателю переписки нотариуса и купца итальянского средневековья представится некая богемная атмосфера, в которой живет человек, жгущий свечи бессонной глухой ночью, забывающий обо всем и даже о времени ради интеллектуального удовольствия и дружеских чувств. Но и это впечатление преходяще.

Когда вчитываешься в текст письма, где упоминаются стигматы св. Франциска и весьма эмоционально излагаются благочестивые размышления, создается кентаврический образ предпринимателя и одновременно удачливого вершителя какой-то потусторонней тяжбы, человека весьма преуспевающего в мирских делах, но ставящего превыше всего собственные религиозные переживания и созерцательную жизнь. Заметим, что и автор, и адресат письма относились к числу активных жертвователей и дарителей, чьими заботами процветали францисканские церкви и общины Тосканы. В особенности адресат – благочестивый купец, наживший огромное состояние благодаря средиземноморской торговле, который практически целиком обратил его в те самые инвестиции в иной мир, наглядное свидетельство чему – дошедшие до нас в целостности и сохранности стены францисканской церкви города Прато и благотворительные учреждения Тосканы.

К этой среде, на уже подготовленную почву для благого посева обращались теперь проповедники и ревнители благочестия, призывавшие прогнать прочь суетную и женственную роскошь, дабы облачить добрые намерения в столь же масштабную благую роскошь пожертвований на нужды церквей, их благоуукрашения. Слова проповедников, прежде всего миноритов, пользовавшихся наибольшим авторитетом в городской среде, с не меньшим, а может быть и большим морализаторским пылом, чем в начале движения нищенствующих, были направлены на критику светской

che catuno vivente abbia alcuno singular dono e speciale grazia da Dio in questo mondo...”

роскоши: моды на одежду, прически и украшения⁶⁰⁵. Именно из проповедей суровых ригористов историки моды и костюма извлекают детальные описания поносимой и осуждаемой суеты, рассказа о которой не сохранили ни хроники, ни письма светских свидетелей разгула моды⁶⁰⁶. Но, кроме обличительного пыла и жажды запрета, проповедь миноритов несла вполне конструктивное начало, связанное как с христианскими добродетелями, так и с новым гражданственным идеалом жизни *vita attiva*. Минориты начинают призывать своих последователей-мирян вместо трат на роскошь активно оказывать помощь нуждающимся и консолидировать усилия ради этого благого дела.

⁶⁰⁵ Среди этих моралистов, рассуждавших о моде можно выделить наследие, оставленное Бернардино да Сиена и Джованни да Капестрано: Bernardino da Siena, *Prediche volgari sul campo di Siena 1427*, a cura di Carlo Del Corno, Milano, Rusconi 1989, 2; Giovanni da Capestrano, *Degli ornamenti specie delle donne*, a cura di. Aniceto Chiappino, Siena, Edizioni Cantagalli 1956.

⁶⁰⁶ Этими подсказками благочестивых проповедников, в частности, активно пользовалась неоднократно упомянутая нами авторитетная исследовательница Мария Джузеппина Муццарелли: Muzzarelli M. G. *Gli inganni delle apparenze. Disciplina di vesti ed ornamenti alla fine del Medioevo*. Torino, Scriptorium Paravia 1996, pp. 165-175; Она же. *Ma cosa avevano in testa? Copricapi femminili proibiti e consentiti fra Medioevo ed Eta moderna in Un bazar di storie*. A Giuseppe Olmi per il sessantesimo genetliaco, a cura di C. Pancino – R. G. Mazzolini, Trento 2006, pp. 13-28.

В конце Треченто, уже после череды природных катаклизмов и эпидемии чумы, эта благочестивая среда начинает сбор не обычных обязательных налогов и поборов в пользу коммун, а добровольных пожертвований, аккумулирующих средства на её нужды, которые шли, прежде всего, на взаимопомощь и помощь беднейшим членам сообщества. Такую акцию совершила, например, коммуна Болоньи в 1394 г.⁶⁰⁷

На протяжении средневековья известны советы из числа мирян того или иного прихода, которые занимались реконструкцией либо постройкой новых церквей и богоугодных заведений – т.н. *opera seu fabrica*. Это дало светским лицам большой организационный опыт в делах, которые формально относятся к сфере церковного. Затем в период Кватроченто, под эгидой францисканцев было создано еще одно начинание – предприятие, коммерческое по форме, но без цели извлечение коммерческой выгоды и барыша, своего рода христианский заем на льготных условиях. Изобретателями и распространителями начинания были представители нищенствующих орденов⁶⁰⁸. Среди них в первую очередь назовём Микеле Каркано (Michele Carcano da Milano, умер в 1484

⁶⁰⁷ Frugoni Ch. *Medioevo sul naso. Occhiali bottoni e altre invenzioni medioevali*. Laterza 2001. p. 56-57.

⁶⁰⁸ Considerazioni sugli Statuti del Monte di Pietà di Cesena, in «Atti della Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna. Classe di Scienze Morali. Rendiconti», LXIV (1976), pp. 103-135 (alle pp. 112-135 edizione degli Statuti del Monte di Cesena). Muzzarelli . Alcuni documenti sul Monte di Pietà fondato a Cesena nel 1487 // *Ricerche Cesenati*, Faenza 1977, pp. 21-32. Un bilancio storiografico sui Monti di pietà: 1956-1976 // «Rivista di storia della Chiesa in Italia», XXXIII/1 (1979), pp. 165-183. Il Gaetano ed il Bariani: per una revisione della tematica sui Monti di Pietà, in «Rivista di storia e letteratura religiosa», 1980, pp. 3-19. I Francescani ed il problema dei Monti di pietà, in *Atti del Convegno Storico Bernardiniano in occasione del sesto centenario della nascita di S. Bernardino da Siena (L'Aquila 1980)*, S. Atto di Teramo 1982, pp. 83-95; Fornasari M. Il "Thesoro" della città. Il Monte di Pietà e l'economia bolognese nei secoli XV e XVI, Bologna, Il Mulino, 1993. *Collectio Actorum*. Guida alla Fondazione del Monte e agli archivi storici dei Monti di pietà di Bologna e Ravenna (sec. XIII-XX). a cura di M. Fornasari – M. Poli, Bologna, Fondazione del Monte di Bologna e Ravenna, 1994.

г.), который основал после серии проповедей, воодушевивших горожан, в 1462 г. Monte di Pietà в Асколи-Пичен Перуджи, а затем Бернардино да Фельтре (умер в 1494 г.), особенно примечательного деятеля, который создал целый ряд таких же предприятий в Мантуе (1484 г.), в Падуе (1491 г.), в Кремоне и Павии (1493 г.) и оставил богатое идейное наследие⁶⁰⁹. В 1463 г. было основано предприятие Монте ди Пьета в Орвието, Витербо в 1471 г., в 1472 г. в Сиене, в 1473 г. в Болонье, в 1479 г. в Савоне, в 1483 г. в Милане, в 1484 г. в Мантуе, Ассизи, Брешии и Ферраре, в 1486 г. на это путь вступила Виченца, а в начале следующего века присоединились Имола и Форли.

Финансовые предприятия без целей выгоды стали работать на пользу нуждающимся и бедным. Первоначальный капитал собирался в виде пожертвований, милостыни. Никаких целей обогащения и самого незначительного финансового интереса учредители и поставщики первоначального капитала из предприятия не извлекали. Ссудой можно было пользоваться около года, и такие ссуды предоставлялись нуждающимся и попавшим в сложную финансовую ситуацию, на условиях в несколько раз более льготных, чем условия, диктуемые рынком, а по возможности и вовсе без процентов. Инициатива и источник вдохновения принадлежали францисканству, но исполнение, воплощение провозглашенного идеала легло на плечи горожан, достаточно солидарных и имеющих отличные навыки самоуправления и самоорганизации. В Риме образование такой ссудной кассы и предоставление микро-кредита беднякам также возникло под влиянием францисканцев и их покровителей из числа кардиналов, но задержалось, отчасти из-за слабого экономического развития центра и медленного совершенствования институтов городской коммуны, частично из-за сложной политической ситуации и засилья интересов банкиров с международным размахом. Тем не менее, когда ссудная касса Монте ди Пьета возникла в Риме в 30-е гг. XVI в., она пользовалась большой популярностью и успехом.

⁶⁰⁹ Muzzarelli Appunti per un'analisi della struttura dei "Sermones" di Bernardino da Feltre // «Rivista di storia della Chiesa in Italia», XXXII/1 (1978), pp. 153-180.

Несомненно, что именно таким одухотворенным мирянам нужен был и юбилей и отпущение грехов, и даже сформированная затем практика индивидуальных индульгенций. Ведь им, предпринимателям, знающим цену каждой заработанной монете, отнюдь не прожженным дельцам, казалось возможным и даже вполне благочестивым и справедливым то, что трудом, потом и кровью заработанные средства служат небесному искуплению, при соответствующем умонастроении и покаянном чувстве: здесь совершался честный, на их взгляд, обмен материальных усилий на духовную силу разрешения от грехов, как и при всяком несении епитимии и покаяния.

Создание антипода роскоши, обоснование достойной и благочестивой траты – здесь ключевое. Христианское переосмысление роскоши наслаивается на идеалы гражданской общины, требующие её обуздания. Вопрос о ре-актуализации борьбы с роскошью в рамках закона является отличительным признаком развития именно цивитас Италии, несмотря на то, что Запад и Восток христианского мира в этот момент обладали равным наследием и возможностями в области осмысления опыта античности и конкретно рецепции римского права. Показательно, что и внешние обстоятельства – память о «черной смерти» во втором-третьем поколениях, которая, на мой взгляд, играла значительную роль в массовом воспроизводстве законов против роскоши, присутствует и в истории Византии, но имела своим следствием лишь усиление морализаторских усилий, а не правовые меры, направленные на обуздание роскоши.

Итак, мы проследили за сложной системой взаимодействия социальных полей и рассмотрели развитие законов против роскоши как особый маркер динамики социальных процессов, связанных с развитием цивитас. Важные особенности организации общины и её институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период, в различных социумах проявляются более рельефно (а иногда и выражаются с исчерпывающей полнотой) при обращении к теме «роскошь и отношение к избыточным тратам и роскошному образу жизни и демонстрации богатств».

Изучение ряда вопросов, связанных с отношением коммуны к роскоши, работает на создание подраздела историографии или,

если угодно микроисториографии коммуны, способствует наведению особой оптики на специфические черты *comune* и ее традиции, попытки осознать и новую идентичность горожан и городской жизни, новые моменты истории средневековой *civitas*.

* * *

Заключение

Общие подходы и понятия в современном ремесле историка сохраняются скорее, как дань традиции академического изложения и насущная потребность упрощенной педагогической практики. Особенно эта черта заметна в историографии проблемы коммуны и сеньориальных отношений, как и проблемы изучения «феодалного», соотношения феодализма и города. Примечательно развенчание классических представлений о феодальном мире, выдвигаемые тезисы о неправомерности видения феодализма как целостного исторического явления и провозглашение средневекового феодализма мифологемой.

Дискуссии о феодализме нельзя назвать безрезультатными, были введены новые рамки и границы, уточнена область определения результатов исследований, что ранее не оговаривалось так строго. При этом некоторые термины не стали употреблять с большей корректностью или осторожностью, но просто перестали из осторожности произносить совсем. Те же проблемы испытала и история изучения *comune*, *civitas*, *universitas*.

Будет несправедливым сказать, что настоящий момент в области исследования истории средневековой итальянской коммуны, нет не только попыток создавать кардинальные исторические парадигмы, но и стремления искать новые значения бывших в употреблении терминов. Такие важные попытки делались и в самое последнее время итальянистами-историками. Однако историографическая инерция, дабы не сказать традиция, демонстрирует умение полностью обходиться без этих интеллектуальных вызовов. Именно поэтому компромиссный вариант «новой локальной истории», способной, как к анализу, так и к синтезу, а также требующей исследования принципов построения историографических концептов представляется важным трендом.

При этом очевидно, что «бои за историю», как их понимали во времена Марка Блока, временно прекратились в академической среде и перетекли в сферу, связанную с массовыми коммуникациями...

Было бы опрометчивым игнорировать качественное своеобразие структур организации власти (как институтов власти коммуны, так и сеньориальных структур) даже на уровне различных локальных, однако необходимо учитывать также фактор влияния единой социально-правовой традиции Средиземноморья, основанной на рецепции римского права (или, по крайней мере, стремлении к формальному возрождению элементов римского права) и континуитете институтов общественного самоуправления.

Нельзя оспорить, тот факт, что отдельные элементы систем социальной организации общин и сеньорий XII–XIII вв. могли функционировать (и действительно существовали) гораздо ранее наиболее документированного и соответственно, наиболее изучаемого времени. Но указанные века можно выделить как время качественного формирования целостной парадигмы отношений господства и подчинения в рамках правового поля, отличного от предыдущего и последующего этапов правовой истории итальянских земель.

Представляется, что именно сеньориально-вассальные отношения составляли единственную общую основу социальной организации и структурирующих связей в региональном масштабе. Инструменты правового регламентирования социальной жизни, прежде всего статутное право, представляют собой важный и интересный объект не только исторического исследования, но и историко-правового исследования.

Сеньория – универсальная тема, но Папской области, отличается разнообразием социальных, правовых и экономических характеристик сеньориального режима, и позволяет вывести некоторые важные заключения относительно трансформации сеньории в изучаемый период Дученто и Треченто.

Традиция изучения общин и коммун Средиземноморского региона в средневековье достаточно богата и плодотворна, но, как это часто бывает, очевидно, что бурное развитие историогра-

фии мешает адекватному и своевременному усвоению ее достижений. Естественно, столь важная тема средневековой социальной истории как тема коммуны не могла избежать обычного пути академического изучения: все большего усложнения терминологии и проблем интерпретирования.

Смена исследовательских парадигм в области изучения коммуны, не только постоянно происходила на протяжении почти двух столетий, но и сейчас происходит на наших глазах. В частности, в изучении проблемы соотношения коммуны и элиты, которая была особо выделена автором данной работы, можно отметить определенные изменения.

При этом обилие литературы по предмету не всегда позволяет выделить новаторские инициативы, особенно, когда они не декларируются как таковые, но подаются в классической манере изложения материала, как это свойственно, например, итальянской школе историографии. Вот почему весьма важным представлялось выделить актуальные проблемы интерпретаций, которые имеются в современной и классической историографии по теме и четко определить собственные приоритеты исследования.

Несомненно, и то, что на этом пути предстоит не только решить накопившиеся вопросы и противоречия, но и осознать еще немало задач. В частности, требуют интерпретации и реинтерпретации многие концепты, порой принимаемые даже историками за некую данность. Я имею в виду, прежде всего, понятия «региона», «локальной истории», «казуса», самих ключевых терминов «коммуна» и «сеньория».

Кроме того, сам объем накопленной информации уже таков, что с трудом может быть освоен и использован в учебном процессе и индивидуальном исследовании по смежным темам, эта историографическая ситуация требует постоянных усилий переработки, рефлексии и классификации по тематической направленности и ключевым словам.

В работе были определены рамки применения различных исследовательских методик, принципов построения исследовательской перспективы изучения общины и коммуны. Одним из важнейших был представлен способ изучения общины не отдельной

общины как таковой, но в процессе ее встраивания в уже существующие структуры социальной иерархии и системы персональных связей.

Через изучение многообразия вариантов развития грандиозного феномена средневековой коммуны во взаимодействии с сеньориальным миром, как представляется, можно приблизиться к более глубокому определению специфики итальянской средневековой коммуны и общины.

Несмотря на то, что региональные и хронологические рамки в изучении общины и коммуны итальянского средневековья, характерные для большинства работ итальянистов-медиевистов не очень широки, никак нельзя счесть все накопленные опыты исследования примерами составления локальной истории. Речь идет о формировании нескольких вариантов микроисторических исследований и соответствующих им исследований микроисториографических. С любой позиции: историка социального, историка политического строя или историка права, не может не обнаружиться общий интерес к важнейшему моменту изучения характера взаимосвязи малых социумов и общностей, их иерархий, структур соподчинения или доминирования отдельных корпораций и назначение, происхождения и функции институтов коммуны.

Историки все еще не ответили на вопрос о том, как писать историю коммуны, отталкиваясь от какой почвы можно подниматься на высшие уровни обобщений и какие наработки микроисторического анализа дают почву для универсальных вопросов, при наличии частных ответов.

Мной были предприняты попытки формулировок некоторым общим вопросам из недр исследования локального, регионального и частного. Это также была попытка показать, как может работать микроисториография, создавая образ коммуны, общины, систем подчинения или соподчинения, синтезируя, а не только перечисляя.

Эти важные темы, на мой взгляд, пока не находят должного и развернутого изложения в историографической традиции, несмотря на всё ее богатство и насыщенность как исследованиями казусов, там и работами общего плана. Проблема видится в том, что здесь необходимо совмещение нескольких крупных планов

исследования, чего современная узкоспециализированная наука часто избегает. Попытки каждый раз сложить заново, подобно пазлу, из множества фрагментов, некий большой контекст хороши исключительно тем, что позволяют и даже заставляют перетасовывать сами эти представления, пересматривая обманчивые и в действительности подвижные «константы». Тот единый контекст, который выстраивается из интересующих автора работы исторических сюжетов, весьма обогащает восприятие каждого отдельно взятого вопроса исследования. При исследовании многосторонних «историй», пытаясь выстроить иерархию взаимосвязанных феноменов, с неизбежностью убеждаешься в том, что, условно говоря, пограничье «территории историка» вдруг становится центральной ее частью, темой, доминирующей во многих проявлениях.

Отдавая себе отчет в условности и рукотворности того, что историки называют контекстом, или же разочаровываясь и снова очаровываясь возможностью выстраивания большого нарратива, мы движемся вперед, к некоторому приращению знания, одновременно накапливая опыт поучительных ошибок и развенчанных заблуждений.

Можно и нужно полагать, что исследования казусов, совершенно как будто бы не связанных между собой, окажутся, в конечном итоге, объединенными в один ряд усилиями многих ученых. Есть все предпосылки к тому, что объединяя различные поля исследований, историки смогут адекватно и полно отразить взаимосвязанные исторические феномены, традиционно изучаемые по отдельности.

Есть ли в современной историографии труд или коллективное исследование, в котором раскрываются все обозначенные выше темы и проблемы? Думается, нет, именно в таком виде постановки вопросов не формулируются и ответы не постулируются, думается, что нет и необходимого, с точки зрения автора данной работы соотношения примеров локального и универсального характера. Все эти перспективы и планы исследований, однако, неявно, не артикулировано существуют в историографической традиции, находятся как бы в толще исследований: их нельзя просто подметить и скопировать, но можно вычленить дополнительным анализом, при всем этом, анализ должен касаться

не конкретного труда или даже узкой выборки работ, а большой совокупности трудов италянистов, если можно так сказать, взятых в большой длительности, в динамике историографического развития, а не одномоментно, скажем в срезе десятилетия. Оговоримся, и это при условии того, что исследовательский исторический синтез изначально был заложен в неписанные программы и кодексы историков начала прошлого века и в России, и в Италии, и благодаря тому, что соединение разных перспектив исследований становится в последнее время более принятой нормой для публикаций медиевистов.

Разумеется, всякое расширение территории историка, территории нашего исследования – не является конечным достижением, целью и абсолютной истиной, которую нельзя было бы пересмотреть в дальнейшем, хотя бы и в сторону неких апробированных в прошлом методик исследования, показавшихся на каком-то этапе архаическими. Однако, изобретать новые контексты для старых казусов истории, не только необходимо, но и достаточно для динамичного развития дисциплины.

Что касается взаимоотношений историков «практиков» и «теоретиков» и их попыток увидеть и показать общую или частную историю коммун, то им одинаковым образом придется пойти на уступки друг другу. Практики и сторонники изучения казусов, исключений, локальных частных, вынуждены признавать, если они честны, наличие тех же проблем исследования, с которыми имеют дело и которые артикулируют «теоретики». В свою очередь, «теоретики» не должны постоянно прерывать весьма условно свободное от доктринерства прочтение истории со стороны «практиков» требованиями вернуться к обсуждению четкости определений и маршрутов движения исторического исследования и описания. В противном случае и у историков методологов и исследователей историографии не будет возможности движения вперед.

Источники

Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum editio taurinensis. Ed. F. Gaude. T. I-XXII. Augustae Taurinorum, 1857-1872.

Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum, Constitutiones, Epistolas ac Diplomata continens Tribus Ordinis S.P.N. Francisci spectantia. (BF) Vol. I-IV. Ed. H. Sbaralea. Romae, 1759-1768; Vol. V-VII. Ed. C. Eubel. Romae, 1898-1904.

Statuta Generalis Ordinis edita in Capitulis Generalibus celebratis Narbonae an. 1260, Assisiian. 1279 at que Parisiis an. 1292 (Editio critica et synoptica). Ed. M. Bihl. Archivum Franciscanum Historicum (AFH), XXXIV, 1941.

Statuti della Provincia Romana. V- 1.1910/ V -II 1930

Le pergamene del convento di S.Francesco in Lucca secc. XII-XIX/ a cura di Vito Tirelli Roma, 1993.

Scrittori religiosi del Trecento/a cura di G.Petrocchi. 1974 (Scrittori religiosi del Trecento // RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm

RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm/27.04.08/

L'Archivio di Francesco di Marco Datini, Fondaco di Avignone: inventario / a cura di Elena Cecchi Aste. – [Roma]: Ministero per i Beni e attività culturali, Direzione generale per gli archivi, 2004. (Pubblicazioni degli archivi di Stato. Strumenti)

Biblioteca comunale Lazzarini: L 380.109.24 Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Cat. A V 26

Il carteggio di Gaeta nell'archivio del mercante pratese Francesco di Marco Datini: 1387-1405 / a cura di Elena Cecchi Aste. – Gaeta: Comune di Gaeta, 1997. (Collana storico documentaria del Comune di Gaeta; 1)

Datini, Francesco [ca. 1335-1410] – Datini, Margherita [1357-1420]. Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita: 1385-1410 / a cura di Elena Cecchi; presentazione di Franco Cardini. – Prato : Società pratese di storia patria, 1990. (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 14)

Datini, Margherita [1357-1420]. Le lettere di Margherita Datini a Francesco di Marco: 1384-1410 / a cura di Valeria Rosati. – Prato: Cassa di Risparmi e Depositi, 1977. (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 2) 1/32

L'Archivio di Francesco di Marco Datini, Fondaco di Avignone : inventario / a cura di Elena Cecchi Aste. – [Roma]: Ministero per i Beni e attività culturali, Direzione generale per gli archivi, 2004.

Il carteggio di Gaeta nell'archivio del mercante pratese Francesco di Marco Datini: 1387-1405 / a cura di Elena Cecchi Aste. – Gaeta : Comune di Gaeta, 1997. (Collana storico documentaria del Comune di Gaeta ; 1) Classificazione: 330.945 623 45 [CDD]

Datini, Francesco [ca. 1335-1410] – Datini, Margherita [1357-1420]. Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita : 1385-1410 / a cura di Elena Cecchi ; presentazione di Franco Cardini. – Prato : Società pratese di storia patria, 1990. (Biblioteca dell'Archivio storico pratese; 14) Classificazione: 380.109 2 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: D II 3.

Datini, Margherita [1357-1420]. Le lettere di Margherita Datini a Francesco di Marco: 1384-1410 / a cura di Valeria Rosati. – Prato: Cassa di Risparmi e Depositi, 1977. (Biblioteca dell'Archivio storico pratese).

Литература

Бурдые П. Начала ("Choses dites"). М.: Socio-Logos, 1994.

Бурдые П. Практический смысл. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2001

Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.

Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

Квашнин В.А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006.

Селунская Н.А. CIVITAS VS SUMPTUS: континуитет, кризисы, законы против роскоши в традиции гражданской общины Италии // Диалог со временем <http://roii.ru/dialogue/28.pdf>.

Artifoni E. Tensioni sociali e istituzioni nel mondo comunale in La Storia li: il Medioevo. Torino, 1986.

Artifoni E. Corporazioni e società di «popolo»: un problema della politica comunale nel secolo XIII // Quaderni storici, 74 (1990), pp. 387-404.

Idem La contessa Adelaide nella storia della medievistica/La contessa Adelaide e la società del secolo XI, Susa, Società di ricerche e studi valsusini, 1993 («Segusium», 32,1992), pp. 7-25

Idem La medievistica in Piemonte nel Novecento e il problema dell'identità regionale/

La cultura del Novecento in Piemonte: un bilancio di fine secolo, San Salvatore Monferrato, Edizioni della Biennale «Piemonte e Letteratura», 2001, pp. 45-56.

Idem. Una questione di libertà... (a proposito di “Medievistica del Novecento” di Giovanni Tabacco).«Reti Medievali Rivista», XI/2 (2010), pp. 7-16.

Idem. Pietro Torelli e la tradizione medievistica.

Bacci M. Investimenti per l'aldilà. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo. Bari. Laterza. 2003.

Baldwin F.E. Sumptuary Legislation and personal Regulation in England, Baltimore, 1926 (John Hopkins Univ. Studies, s. 44,1).

Banti O. Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XI e XII // Critica Storica, IX, 1972.

Banti O. Forme di governo personale nei comuni dell'Italia centro-settentrionale nel periodo consolare (secc. XI–XII) (1974), in Id., Studi di storia e di diplomazia comunale. Roma, 1983.

Bensa E. Francesco di Marco Datini : discorso detto nell'Aula maggiore del Comune di Prato il dì 21 agosto 1910, ricorrendo il V centenario dalla morte di Francesco di Marco / da Enrico Bensa. – Genova: Caimo, 1923.

Bernardino da Siena, Prediche volgari sul campo di Siena 1427, a cura di Carlo Del Corno. Milano, Rusconi, 1989.

Birch D.J. Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: continuity and change, Woodbridge, Suffolk; Rochester, NY: Boydell Press, 1998.

Bizzocchi R. Chiesa e potere nella Toscana del Quattrocento. Bologna, 1987

Blockmans W. Cities, networks and territories. North-central Italy and the Low Countries reconsidered Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale./a cura di Andrea Zorzi / Firenze, Reti Medievali – Firenze University Press, 2009.

Bordone R. Nascita e sviluppo delle autonomie cittadine, ibidem.

Branca V. Note sulla letteratura religiosa del Trecento Firenze, 1939; Tosi G. La lingua dei F. di s.F., Messina-Milano, 1938.

Bughetti B. Alcune idee fondamentali sui f di s. F., in «Archiv. Franc. Histor.», XIX (1926).

Bulst N. Zum Problem städtischer und territorialer Kleider-, Aufwands- und Luxusgesetzgebung in Deutschland (13.-Mitte 16. Jahrhundert) // Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'Etat, a cura di A. Gouron, A. Rigaudière. Montpellier, 1992.

Burr D. *The Spiritual Franciscans. From Protest to Persecution in the Century After Saint Francis*. Pennsylvania, 2001.

Cahn W. "Margaret of York's Guide to the Pilgrimage Churches of Rome." Margaret of York, Simon Marmion and the Visions of Tondal: papers delivered at a symposium organized by the Department of Manuscripts of the J. Paul Getty in collaboration with the Huntington Library and Art Collections, June 21-24, 1990. Malibu: J. Paul Getty Museum, 1992.

Capestrano Giovanni da. *Degli ornamenti specie delle donne*, a cura di Aniceto Chiappino. Siena, Edizioni Cantagalli, 1956.

Clemente A. *Note sulla legislazione suntuaria napoletana in età moderna*

<http://dev.dsmc.uniroma1.it/dprs/sites/default/files/Clemente.pdf>.

Dalby A. *Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World*. London-New York, 2000.

Dal Pino F.A. *Un gruppo evangelico nella Firenze del Duecento*. Firenze, 1969.

Dal Pino F.A. *Frati Servi di S. Maria delle origini all'approvazione (I-II)*. Louvain, 1972.

Dal Pino F.A. *Bullarium Ordinis Servorum sanctae Mariae, I*. Roma, 1974.

Dal Pino F.A. *Spazi e figure lungo la storia dell'Ordine dei Servi di santa Maria (secc. XIII-XX)*. Roma, 1997.

De Benedictis A. *Repubblica per contratto. Bologna: una città europea nello Stato della Chiesa*. Bologna, 1995.

De Benedictis A., Mattozzi I. *Giustizia. Potere e corpo sociale nella prima età moderna: Argomenti nella letteratura giuridico-politica*. Bologna, 1994.

Del Giudice G. *Una legge suntuaria inedita del 1290, Memoria letta all'Accademia Pontaniana nella tornata del 16 marzo e 20 aprile 1884*, Napoli, 1887.

De Vincentiis A. *Papato, stato e curia nel XV secolo: il problema della discontinuità* [A stampa in «Storica», 24 (2002)

http://fermi.univr.it/rm/biblioteca/scaffale/Download/Autori_D/RM-DeVincentiis-Papato.pdf.

De Vincentiis A. *Quattrocento Sumpuary Laws in the Papal State // NUOVA RIVISTA STORICA 1997, Vol 81, Iss 3*.

Duby G. *Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (ed.) Faire de l'histoire. T.1: Nouveaux problèmes*. P., 1974.

Eisenbart L.C. *Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des deutschen Bürgertums.* Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1962.

Facchetti V. *Intorno ai F., Quaracchi*, 1918.

Fasoli G. *Dal civitas al comune nell'Italia settentrionale.* Bologna, 1961.

Fornasari M. *Il "Thesoro" della città. Il Monte di Pietà e l'economia bolognese nei secoli XV e XVI,* Bologna, Il Mulino, 1993.

Frugoni Ch. *Medioevo sul naso. Occhiali bottoni e altre invenzioni medioevali.* Laterza, 2001.

Galsterer H. *La loi municipale des Romains: chimère ou réalité? // RHD. 65 (2) avr.-juin 1987.*

Garavani G. *Il Floretum di Ugolino da Monte Giorgio e i F. di s. F., «Atti e Memorie della Deputaz. di Storia patria delle Marche». N.S., I (1904), e II (1905).*

Garavani G. *La questione storica dei F. di s.F. e il loro posto nella storia dell'Ordine, in «Rivista storico-critica delle scienze teologiche», II (1905).*

Gentile G. *"Le leggi suntuarie nel comune di Pisa nei secoli XIII e XIV," in Gentile, La vita e il pensiero. Florence, 1972; G. Petti Balbi Governare la città. Firenze. 2007 Reti medievali <http://www.rm.unina.it/rmebook/dwnld/PettiBalbi.pdf>*

Guida alla Fondazione del Monte e agli archivi storici dei Monti di pietà di Bologna e Ravenna (sec. XIII-XX) a cura di M. Fornasari – M. Poli, Bologna, Fondazione del Monte di Bologna e Ravenna, 1994.

Guidoni E. *Roma e l'urbanistica del trecento // Storia del arte italiana. Torino. 1979-83.*

Jacks Ph. *Antiquarian and the myth of Antiquity, Cambridge, 1993.*

Jaritz G. *Leggi suntuarie nelle aree di lingua tedesca // Disciplinare il lusso: la legislazione suntuaria in Italia e in Europa tra Medioevo ed Età moderna.*

Haverkamp A. *La Lega lombarda sotto la guida di Milano (1175–1183), in La*

Hulbert J.R. *Some Medieval Advertisements of Rome // Modern Philology, 20, 1922-23.*

Kotowski C. M. *Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis, a cura di Giovanni Sartori, Beverly Hills 1984.*

Kovesi Killerby C. *Sumptuary Law in Italy 1200–1500. Oxford, 2002*

Kübler B. *Sumptus* // RE. Bd 7. Stuttgart, 1960.

Lambert M.D. *Franciscan Poverty. The Doctrine of the absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order 1210-1323*. L., 1961.

Lambert M.D. *Poverta` francescana. La dottrina dell'assoluta poverta` di Cristo e degli apostoli nell'ordine francescano (1210-1323)*. Milano, 1995.

Law J.E. *Games of submission in late medieval Italy. Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale / a cura di A.Zorzi*. Firenze, Reti Medievali – Firenze University Press, 2009.
http://www.rm.unina.it/rmebook/index.php?mod=none_Zorzi_Conflitti

Ludwig C. *Untersuchungen über die frühesten 'Podestaten' italienischer Städte*. Wien, 1973.

Manselli R. *Egemonia imperiate, autonomia comunate, potenza politica della Chiesa*, in *Storia d'Italia*. Torino, 1981.

Marconi A. *Attorno agli autori dei F.*, in «*Studi francescani*», XII (1926).

Manzoni L. *Studi sui F. di s.F.*, in «*Miscellanea francescana*», III (1888).

Merlo G.G. *La storiografia francescana dal dopoguerra ad oggi / Studi Storici Anno 32, No. 2 (Apr.–Jun., 1991)*. Fondazione Istituto Gramsci Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/20565448>.

Merlo G.G. *Nel nome di san Francesco. Storia dei frati Minori e del francescanesimo sino agli inizi del XVI secolo*. Padova, 2003.

Miccoli G. *Francesco d'Assisi e l'Ordine dei Minori*. Milano, 1999.

Musella Guida S. *Il Regno del lusso. Leggi suntuarie e societa: un percorso di lungo periodo nella Napoli medievale e moderna (1290–1784)*. <http://afhe.ehess.fr/docannexe.php?id=446>.

Muzzarelli M. G. *Alcuni documenti sul Monte di Pietà fondato a Cesena nel 1487 // Ricerche Cesenati, Faenza, 1977*.

Muzzarelli M. G. *Appunti per un'analisi della struttura dei "Sermones" di Bernardino da Feltre // «Rivista di storia della Chiesa in Italia», XXXII/1 (1978)*.

Muzzarelli M. G. *"Contra mundanas vanitates et pompas". Aspetti della lotta contro i lussi nell'Italia del XV secolo // "Rivista di storia della Chiesa in Italia", XL, 2, 1986*.

Muzzarelli G.M. *Gli inganni delle apparenze. Disciplina di vesti ed ornamenti alla fine del medioevo*, Torino, 1996.

Muzzarelli M.G. La disciplina delle apparenze. Vesti e ornamenti nella legislazione suntuaria bolognese fra XIII e XV secolo, in *Disciplina dell'anima, disciplina del corpo e disciplina della società tra Medioevo ed Età moderna* (Atti del convegno tenutosi a Bologna il 7-9 ottobre 1993), a cura di P. Prodi, Bologna 1994 (Annali dell'Istituto storico italo-germanico, Quaderno 40).

Muzzarelli M. G. Ma cosa avevano in testa? Copricapi femminili proibiti e consentiti fra Medioevo ed Età moderna in *Un bazar di storie. A Giuseppe Olmi per il sessantesimo genetliaco*, a cura di C. Pancino – R. G. Mazzolini. Trento, 2006.

Muzzarelli M. G. *Noscere ordinem et finem sui status*": il valore delle vesti nella società del tardo medioevo (XIII-XIV secolo) // *Problemi di identità tra Medioevo ed Età moderna*, cur., P. Prodi, V. Marchetti. Bologna, 2001.

Muzzarelli M.G. Campanini A., ed. Vol. 40. Roma: Carocci; 2003. (Studi storici Carocci; vol 40).

Muzzarelli M.G. Alcuni documenti sul Monte di Pietà fondato a Cesena nel 1487, in *Ricerche Cesenati*. Faenza, 1977.

Muzzarelli M.G. Appunti per un'analisi della struttura dei "Sermones" di Bernardino da Feltre, in «*Rivista di storia della Chiesa in Italia*», XXXII/1 (1978).

Muzzarelli M.G. Considerazioni sugli Statuti del Monte di Pietà di Cesena, in «*Atti della Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna. Classe di Scienze Morali. Rendiconti*», LXIV (1976).

Najemy J.M. The medieval Italian city and the "civilizing process" /Europa e Italia. Studi in onore di Giorgio Chittolini / Europe and Italy. Studies in honour of Giorgio Chittolini. – Firenze: Firenze university press, 2011. (Reti Medievali. E-Book; 15) http://www.rm.unina.it/rmebook/dwnld/chittolini_festschrift.pdf.

Ottokar N. I comuni cittadini del Medio Evo (1931), in Id., *Studi comunali e fiorentini*. Firenze, 1948.

Palla M.J. Le discours du costume chez Gil Vicente // «*Nouvele Revue du Seizième Siècle*», 13/2 (1995).

Pellegrini L. I F. del glorioso messere ecc., in «*Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*», classe Lettere, XXI (1952).

Pennington K. Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // *Rivista internazionale di diritto comune* 5 (1994).

Peyer H.C. *Viaggiare nel medioevo*. Bari. 2005 4 ed.

Pinchera V. Vestire la vita, vestire la morte: abiti per matrimoni e funerali, XIV-XVII secolo // La moda /Storia d'Italia, Annali 19, Einaudi, Torino, 2003.

Pini A. I. Città comuni e corporazioni nel Medioevo italiano, Bologna, 1986.

Pisetzky L. Il costume e la moda nella società italiana

Porta Casucci E. La pacificazione dei conflitti a Firenze a metà Trecento nella pratica del notariato

Potesta G.L. Angelo Clareno. Dai poveri eremiti ai fraticelli. Roma, 1990.

Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe. 2nd ed., Oxford: Clarendon Press, 1997.

Rossetti G. Tra storia e storiografia comunale: cambiamo rotta e Civiltà urbana e sistema dei rapporti nell'Europa del Medioevo e della prima età moderna: una proposta di ricerca, in Spazio, società, potere nell'Italia dei comuni, a cura di G. Rossetti. Napoli, 1986.

Rossetti G. il comune cittadino: un tema inattuale? in L'evoluzione delle città italiane / a cura di R. Bordone e I. Jarnut. Bologna, 1981.

Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dai 1280 a 1295. Firenze, 1899.

Sorbelli A. I teorici del reggimento comunale, "Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano", 59, 1944.

Simoneschi L. Ordinamenti suntuari pisani per gli anni 1350-1368 (per nozze), Pisa, 1889.

Szabo Th. "Le vie per Roma." Storia dei Giubilei, volume primo: 1300-1423.

Tabacco G. Egemonie sociali e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979 (1974).

Tabacco G. Ghibellini sino e loite di parlili' ncita vita comunale italiana, in f-ederico li e le città italiane. Palermo, 1994.

Terracini B. A. Appunti su alcune fonti dei F., in «Bollettino critico di cose francescane», III (1930).

Toaff A. La prammatica degli ebrei e per gli ebrei / Disciplinare il lusso. La legislazione suntuaria in Italia e in Europa tra Medioevo ed. Età moderna, a cura di Maria Giuseppina Muzzarelli e Antonella Campanini Roma, Carocci Editore ("Studi storici Carocci", n. 40), 2003.

Tramontana S. Vestirsi e travestirsi in Sicilia, Sellerio, Palermo, 1993.

Violante C. La società milanese nell'età precomunale, Bari, 1953.

Volpe G. Una nuova feona sitile origini dei comimi, m Archivio Storico frullana (1904J, ora in 1D., Medioevo italiano. Firenze, 1922.

Waley D. La Città-repubblica detl'itatia medievale, Torino, 1980.

Weber M. La politica come professione (1918).

Weber M Il lavoro intellettuale come professione. Due saggi. Torino, 1983.

Zorzi A. I conflitti nell'Italia comunale. Riflessioni sullo stato degli studi e sulle prospettive di ricerca // Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale a cura di Andrea Zorzi. Firenze Reti Medievali – Firenze University Press. 2009 <http://rm.univr.it/e-book/titoli/zorzi.htm>

Buccianti E. Il mercante di Prato: Messer Francesco di Marco Datini assicuratore sfortunato / Ettore Buccianti. Classificazione: 368.009 023 [CDD] Fondazione Istituto internazionale di storia economica F. Datini: Misc. 9424 5/32.

Sestane E. La fina comunale italiana dei secoli Xi-XHì nelle .flit note caratteristiche rispetto cif movimento comunale europeo, Stoccolma, 1960.

Un bilancio storiografico sui Monti di pietà: 1956-1976, in «Rivista di storia della Chiesa in Italia», XXXIII/1 (1979).

Una componente della mentalità occidentale: i Penitenziali nell'alto medioevo, traduzioni, cura e introduzione di M. G. Muzzarelli, Bologna 1980.

The Culture of violence in Renaissance Italy // Proceedings of the International Conference Georgetown University at Villa Le Balze, 3-4 May, 2010
http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://lelettere.it/Data/Files/HtmlEditor_Files/Image/Estratti_pdf/1110renaissance.pdf.

Europa e Italia. Studi in onore di Giorgio Chittolini / Europe and Italy. Studies in honour of Giorgio Chittolini. Firenze: Firenze university press, 2011.
http://www.rm.unina.it/rmebook/dwnld/chittolini_festschrift.pdf.

Forme di potere e strutture sociali in Italia nel medioevo/ a cura di G. Rossetti. Bologna, 1997.

I francescani e la politica: atti del convegno internazionale di studio, Palermo, 3-7 dicembre, 2002. Officina di Studi Medievali, 2007.

I Francescani ed il problema dei Monti di pietà, in Atti del Convegno Storico Bernardiniano in occasione del sesto centenario della

nascita di S. Bernardino da Siena (L'Aquila 1980), S. Atto di Teramo 1982

Il Gaetano ed il Bariani: per una revisione della tematica sui Monti di Pietà, in «Rivista di storia e letteratura religiosa», 1980.

Gli studi francescani dal dopoguerra ad oggi. Atti del convegno di studio (Firenze, 5-7 novembre 1990), a cura di Francesco Santi, Spoleto 1993.

The Italian city-state and its territory, in *City states in classical antiquity and medieval Italy/* a cura di A. Molho – K. Raaflaub – J. Emlen/, Stuttgart, 1991.

(Albini G.)Le scritture del comune. Amministrazione e memoria nelle città dei secoli XII e XIII, a cura di G. Albini. Torino, 1998.

La Storia. I grandi problemi dal medioevo all'età contemporanea, dir. N. Tranfaglia e M. Firpo, II/2, Il medioevo. Popoli e strutture politiche, Torino 1986, pp. 461-491.;

BALESTRACCI D., La Valdelsa e i suoi statuti. Alcune riflessioni, in *Gli statuti bassomedievali della Valdelsa, Atti della Giornata di Studio (Gambassi Terme, 13 giugno 1998)*, «Miscellanea Storica della Valdelsa», CV, n. 2, 1999, pp. 7-18

CHITTOLINI G., "Quasi-città". Borghi e terre in area lombarda nel tardo Medioevo , «Società e Storia», XIII, n. 47, 1990, pp. 3-26 (IDEM, Città, comunità e feudi negli stati dell'Italia centro-settentrionale (secoli XIV-XVI), Milano 1996, pp. 85-104).;

GINATEMPO M., SANDRI L., L'Italia delle città. Il popolamento urbano tra Medioevo e Rinascimento (secoli XIII-XVI), Firenze 1990

GINATEMPO M., Dietro un'eclissi: considerazioni su alcune città minori dell'Italia centrale, in *Italia 1350-1450: tra crisi, trasformazione, sviluppo, Atti del Convegno (Pistoia, 10-13 maggio 1991)*, Pistoia 1993, pp. 35-76: 37-38

Il nome di "città". Le denominazioni dei centri urbani d'oltralpe in alcune scritture italiane del primo Cinquecento, in *Italia et Germania. Liber amicorum Arnold Esch /* a cura di H. Keller – W. Paravicini – W. Schieder/. Tübingen, 2001.

CHERUBINI G., Una "terra di città": la Toscana nel basso Medioevo, in *IDEM, Scritti toscani. L'urbanesimo medievale a la mezzadria*, Firenze 1991 (1 ed. 1977), pp. 21-33.

Faini E. I podestà professionali e la fondazione retorica della politica comunale//«Quaderni storici», 63 (1986), pp. 687-719.

Ai margini del mondo comunale: sedi del potere collettivo e palazzi pubblici dalle Alpi al Mediterraneo – Aux marges du monde

communal. Lieux du pouvoir collectif et palais publics des Alpes à la Méditerranée. Bergamo. 2020.

Morire di peste: testimonianze antiche e interpretazioni moderne della “peste nera” del 1348, a cura di O.Capitani. Bologna, 1995.

Rivolte urbane e rivolte contadine nell’Europa del Trecento: un confronto (Firenze, 30 marzo-1 aprile 2006).

Prodi P. Il sovrano pontefice. Un corpo e due anime: la monarchia papale nella prima eta moderna, Bologna 1982;

Paravicini-Bagliani A. Il corpo di Papa. Torino, 1994. (Paravicini-Bagliani A. The pope’s body. Chicago 2000). Рус перевод

Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe 900-1300. Oxford, 1997, 2-nd ed.

Signori, regimi signorili e statuti nel tardo medioevo" a cura di R. Dondarini, G. M. Varanini, M. Venticelli, Bologna, Pàtron 2003, pp. 217-242

Lo stato territoriale fiorentino (secoli XIV-XV). Ricerche, linguaggi, confronti (Atti del seminario internazionali di studi, San Miniato, 7-8 giugno 1996), a cura di A. Zorzi, W. J. Connell. Pisa, 2001.

ZORZI A., L'organizzazione del territorio in area fiorentina tra XIII e XIV secolo, in L'organizzazione del territorio in Italia e Germania: secoli XIII-XIV, a cura di Chittolini G. e Willoweit D., Bologna 1994, pp. 279-349

VOLPE G., Il Medio Evo, Roma/Bari 19903 (1 ed. 1926)

Arnaldi G. URL<https://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-arnaldi/> Chittolini G.URL

<https://www.sismed.eu/it/2022/04/03/scomparsa-di-giorgio-chittolini/>

Cherubini G. URL <https://www.unifimagazine.it/giovanni-cherubini-la-medievistica-fiorentina/>

Notariato e medievistica. Per i cento anni di “Studi e ricerche di diplomatica comunale” di Pietro Torelli, a cura di I. Lazzarini, G. Gardoni, Roma, Istituto storico italiano per il Medio Evo, 2013 (Nuovi studi storici, 93), pp. 43-57.

Idem. Nuovi documenti di medievistica psichiatrica: san Francesco e Dante tra Lombroso, Paul Sabatier e Max Durand-Fardel

Lombroso et la France. Criminologie, politique, littérature, a cura di S. Montaldo, M. Porret, X. Tabet, Genève, Georg, 2021 (= «Beccaria. Revue d’histoire de droit de punir», 6, 2020-2021), pp. 411-437.

Ascheri M. Siena e la città-Stato del Medioevo italiano, Siena, Betti 2003; II ed. riv., Siena 2004, 110 pp.(Siena).

Idem. Appunti di storia del diritto nel Medioevo, Giappichelli, Torino 2006, pp. 152.

Idem. Le città-Stato. Radici del municipalismo e del repubblicanesimo italiani, Il Mulino, Bologna 2006,

Banti O. Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XI e XII // Forme di potere e strutture sociali, p. 217-31.

Bognetti G. P. Studi sulle origine del comune rurale. Milano, 1978.

Santini G. I «comuni di pieve» nel Medio evo italiano. Milano, 1964.

Fasoli G. Dal civitas al comune nell'Italia settentrionale. Bologna, 1961.

Civitatum Communitas. Studien zum Europaischen Stadtwesen./ eds Jager H., Petri Fr., Quirin H., Cologne-Mienna, 1984, 2 vols. D'une ville a l'autre: structures materielles et organization de l'espace dans les villes europeennes 13-14 siecle / ed. Maire Vigueur J.-C. // Actes du colloque organize par l'Ecole Francaise de Rome. Roma 1989.

Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medioevo italiano. Firenze, 1907-1909. vol. 1-2.

Caggese R. Classi e comuni rurali nel medioevo italiano. Firenze, 1907-1908.

Coleman E. The Italian communes. Recent work and current trends // The journal of Medieval History. Vol. 24. N 4. dec. 1999. P. 373-397.

Faini E. Italica gens. Memoria e immaginario politico dei cavalieri-cittadini (secoli XII-XIII), Roma, Viella 2018.

Faraglia N.F. Il comune nell'Italia meridionale 1180-1806. Napoli, 1883.

Heers J. Family clan in the Middle ages; A study of political and social structures in urban areas, Amsterdam 1977 (english edition) french 1974; Le clan familial au Moyen Age, Paris 1974);

Hyde J.K. Contemporary views on faction and civil strife in the thirteenth and fourteenth- century Italy /Violence and civil disorder in Italian cities 1200-1500. Berkley, 1972.

Liber hominum et personarum comitatus Pistorii (1293-94), Edizione e introduzione a cura di Giampaolo Francesconi, Firenze, Olschki, 2010

Le Provvisioni del Comune di Pistoia (secolo XIV). Regesti e indici, a cura di G. Francesconi, S. Gelli, F. Iacomelli, Pistoia 2015.

La battaglia e il racconto dei cronisti, in 1315 La Battaglia di Montecatini. Una vittoria ghibellina, a cura di G. Francesconi, Pisa, Pacini, 2021

La città che scrive. Percorsi ed esperienze a Pistoia dall'età di Cino a oggi, a cura di G. Capecchi e G. Frosini, Firenze, Edifir, 2017

Larner Jh. Italy in the age of Dante and Petrarch 1216-1380, 4 ed. London, 1991, p. 8).

Nelson L. ed/ Law, laity, and solidarities: essays in honour of Susan Reynolds / edited by Pauline Stafford, Janet L. Nelson, and Jane Martindale / Manchester: Manchester University Press, 2001.

Nicholas D. The growth of the medieval city from Late Antiquity to early 14th century. L.- N.Y., 1997.

Ottokar N. Il commune // Enciclopedia italiana, v.11, Torino.1931.\ repr. in Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948.

Pini A.I. Citta, comuni e corporazione nei Medioevo italiano. Bologna, 1986.

Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe 900-1300 (2ed. Oxford 1997).

Società e poteri nell'Italia medievale. Studi degli allievi per Jean-Claude Maire Vigueur, a cura di S. Diacciati, E.Faini, L. Tanzini, Roma, Viella, 2014.

Tabacco G. The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule. Cambridge.1989

Volpe G. Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani / Medio evo Italiano. 2nd ed. Firenze, 1961. P. 85-118. (3 ed. Roma, 1992).

Wickham C. Community and clientele in twelfth century Tuscany. The origins of rural commune in the plain of Lucca. Oxford. 1998.

Wickham C. Sleepwalking into a New World: The Emergence Italian City Communes in the Twelfth Century (2015) Sonnambuli verso un nuovo mondo: L'affermazione dei comuni italiani nel XII secolo (Italian Edition) Viella 2017

Н.А. СЕЛУНСКАЯ
КОММУНА ИТАЛЬЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ

●
УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, УНИКАЛЬНОСТЬ
ЛОКАЛЬНОСТЬ

Рецензенты

доктор исторических наук Михаил Вадимович Бибиков
(главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН)
кандидат исторических наук Олег Валентинович Ауров
(доцент Российского государственного гуманитарного университета)

Подписано в печать 19. 12. 2023
Формат 60х90 / 16
Диапозитивы предоставлены автором

Электронное издание

Издательство «Аквилон» (Москва)
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.ru

ISBN 978-5-6050283-4-5

